

Ника Смирнов

САМОПРЕВОСХОЖДЕНИЕ

16+

Ника Смирнов
Николай Север-Романов
Самопревосхождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51679494

SelfPub; 2020

Аннотация

Самопревосхождение – это открытие в себе безграничных возможностей и способностей к развитию и саморазвитию сознания, качественно иных способов постижения смыслов бытия, отличающих наступление новой спирали эволюции. И не только... Читателю, хотя бы на время, предлагается оставить постылую деградацию вечно не разрешаемых противоречий «плохого с худшим» и войти в миры, где властвуют законы чистой и светлой души, устремлённой к любви, где живёт «прекрасный люд» в единстве и гармонии с миром и «кровь всеобщая течёт по жилам всей вселенной».

Содержание

От автора
У. Шекспир

4
7

От автора

Л ю д я м , н е п е р е с т а ю щ и м м е ч т а т ь , н а
д е я т ь с я

и л ю б и т ь – П О С В Я Щ А Е Т С Я

Предоставляемое читателям произведение состоит из двух книг: «Перемена участи» и «Поощрение к любви», повествующих в форме философско-художественной притчи, с неослабевающей и светлеющей надеждой, в меру сил, разумеется, и вопреки расхожим мнениям, о почти безграничных возможностях и способностях человека к развитию и саморазвитию сознания.

Раскрытие темы «жизненного избытка», дарованного человеку от рождения, позволяет каждому желающему увидеть оптимистически окрашенные выходы за пределы изначально заданного круга самоотождествления. Ненавязчиво, но неуклонно пути эти ведут – через самопреображение и самопревосхождение, как бы в ходе соревнования с самим собой, – к неизбежно вызревающей потребности собирания себя из хаоса Бытия, обретению истинной целостности существования, а, следовательно, и исполнению счастливого со-

кращения расстояния между человеком и человеком совершенным. Иначе говоря, это пути от homo sapiens, «человека разумного», – к homo conscious, «человеку сознающему», обладающему интуицией и Высшим Разумом, умеющему найти своё место в Космической эволюции и познать сущность её «энергии как универсальной силы».

Хочется особо отметить, что герои обеих книг – прекрасные люди «облагороженного образа», beautiful people – действительно живут рядом с нами, здесь и сейчас, по тем самым непреложным законам Вселенной, о которых постоянно, на разные лады говорится в тексте. Они органично и естественно ощущают себя неотъемлемой частью Мира и Макрокосмоса, совершающего свой вечный круговорот творения и сотворения жизни. Эти и подобные им представители рода человеческого обычно не нарушают никаких, даже чуждых им порядков, но лишь фактом своего существования изменяют пропорции, вносят равновесие в коллективное сознание новой картины мира, разделяя с единомышленниками известную и такую, казалось бы, «простую» истину:

«Если ты будешь стремиться изменить мир, то вскоре обязательно поймёшь или заметишь, что это мир побеждает тебя. А если будешь изменять себя, возможно, изменится и мир вокруг тебя». Другими словами: попробуй спасти себя сам и тогда, может быть, случится так, что вокруг спасутся

тысячи, а тебе повезёт, и ты всё это даже сможешь увидеть или почувствовать.

И ещё: эти люди умеют создавать миры, в которых властвуют Великие Законы Чистой и Светлой Души, устремлённой к Любви, куда хочется войти и там остаться. Ведь именно там хранится истинное Знание, об одном из законов которого хочется напомнить уже здесь, в предисловии. На вечном поле брани между Добром и Злом победа Добра достигается не только в прямом столкновении и борьбе со Злом, на его территории, куда обычно легко заманивается неразумный человек, но и на пути осознанного, добровольного созидания Добра и Красоты в потоке бесконечно текущей и такой прекрасной, несмотря ни на что, Жизни.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПЕРЕМЕНА УЧАСТИ.

Пролог

Есть многое на свете, друг Горацио, что объяснить способны лишь немногие...

У. Шекспир

Не без удивления перед самим собой, перед тем, что я когда-нибудь что-либо захочу написать, и не только не без удивления, но и не без волнения, – справлюсь ли с поставленной задачей, – приступаю я к рассказу о событиях, которые, как бы это ни звучало, кардинально изменили мою жизнь. Я сознательно намереваюсь, по возможности ясно и правдиво, воспроизвести свои мысли и ощущения, а если получится, то и общие идеи, которые, собственно, и привели к появлению этих записок.

Следует сразу отметить, что пишу я их тогда, когда все главные события, так поразившие моё воображение, уже произошли, и если они имеют какое-либо значение, то с уверенностью об этом я могу сказать лишь в отношении самого себя. Других читателей может и не быть. О том же, что составление подобного рода дневниковых записей является давно известным фактом и одновременно методом самоанализа, а следовательно имеет ценность само по себе, мне стало известно гораздо позже.

Разумеется, я отдаю себе отчёт в том, что представлять гипотетического читателя или собеседника во время любого

высказывания, устного или письменного, совершенно естественно, удобно и даже не предосудительно, и я собираюсь воспользоваться такой возможностью в дальнейшем.

И ещё одно замечание. Обычно в начале часто пишут, как мне припоминается, что все события и люди, выведенные в предлагаемом произведении, плод фантазии автора, их никогда и нигде не было и быть не может, а все совпадения случайны. В моём случае всё «ровно наоборот»: все события, люди, звери, картины, дома не только были, но, надеюсь, большинство из них всё ещё есть на белом свете. Более того, весьма возможно, их было значительно больше, они были намного более значительны и глубоки, нежели мне удалось заметить и описать.

И, наконец, P. S. Я не писатель. У меня нет писательского опыта и, очевидно, не будет, так как я собираюсь изложить только один раз и только одну человеческую историю – свою собственную, связанную, как мне теперь представляется, с самым главным и самым интересным явлением в мире – развитием и изменением сознания. Уже здесь, я думаю, те, кто полагает иначе или просто не желает размышлять на эту тему, могут отложить чтение записок (если они каким-то образом попались им на глаза) навсегда и никогда к ним больше не возвращаться (хотя и говорят сейчас часто: «Никогда не говори “никогда”»).

В обыденном языке слово «сознание» в большинстве случаев используется как синоним понятий «интеллект», «умственная деятельность». Вспоминая «хорошие книги», которые я всё-таки читал, и не только в детстве, я связываю сознание с особого рода способностью человека отвечать на главные вопросы жизни: Кто я? Для чего человек явлен в мир? В чём смысл его существования? и т. п. Вспоминаю и различные толкования авторов – остроумные и не очень, иногда научные, чаще – с позиций догмы – о безграничных, в большинстве случаев, неиспользованных возможностях человека, о его ответственности за создание собственного образа и образа собственной жизни, которую, «ведая и не ведая», творим мы сами. Например: «Никто не может сделать тебя несчастным, никто не может сделать тебя счастливым, только ты сам».

Хорошо сказано... Но как этого достигнуть на практике? Здесь мои воспоминания становятся гораздо более туманны, а опыт подсказывает, что дело это настолько неординарное и неоднозначное, что результатом, убедительным позитивным результатом, подтверждённым реальной жизнью и биографией реального человека, могут гордиться немногие. А возможности передать это умение другим? Здесь я просто теряюсь, не знаю, что и сказать... Если даже такие очевидные, казалось бы, заповеди, как: не убивай, не кради, не кле-

вещи и не завидуешь, что отца и мать, тем более возлюби ближнего своего, как самого себя, — до сих пор не являются массово-воплощёнными, оставаясь для большинства недостижимым образцом поведения, следовать которому по-прежнему столь нелегко, то кто ещё и как может справиться с подобной задачей?

Мне, как и многим из известных мне людей, хотя и по неизвестным причинам, гораздо легче понять и принять на веру отрицательные суждения о себе и себе подобных. Приведу пример. Наше невежество относительно самих себя, наше ложное убеждение, будто мы сами себя (а значит, и других) знаем и можем быть уверены в себе, тогда как в действительности мы себя вовсе не знаем, не знаем своих пределов и возможностей, не знаем даже всей глубины своего незнания, находясь в плену величайших иллюзий в этом отношении, — эти заблуждения безграничны. Кто из современников, не подражая, не повторяя бездумно усвоенных, просто заученных афоризмов, мог бы искренне, с верой сказать: «Я знаю, что ничего не знаю»? Я могу вспомнить лишь немногих избранных, одного гениального физика, одного мудреца, в то время как большинство людей вообще не задаётся этими вопросами, которые как бы в насмешку называются «вечными», будь они трижды сверхглавными по мнению кого бы то ни было, в т. ч. и Альберта Эйнштейна, и Сократа. Если же человек не хочет или хочет недостаточно сильно чего-ли-

бо, то он и не будет предпринимать необходимых усилий в данном направлении, не так ли? И здесь нет никакой несправедливости. Зачем человеку то, чего он не хочет? Было бы несправедливым как раз обратное действие: принуждать его делать то, чего он не желает, стремиться быть неведомо кем, отказываться от своих убеждений, которые по мнению некоторого количества людей почему-то считаются заблуждениями, обретать какие-то непонятные качества и способности, т. е. становиться более сознательным в нашем понимании этого слова, тогда как он вполне доволен собой, таким, какой он есть «здесь и сейчас», или не считает это дело для себя достаточно важным, или вообще предпочитает другие пути обретения себя в этом мире.

Очевидно, в этом месте следует успокоить и страждущее меньшинство. Таких людей, которые отвечают на запрос Природы, понимаемой в самом широком значении этого слова как Космическая Вселенная, – запрос, состоящий в том, что она нуждается в человеке, который знает, хочет и может стремиться к самосовершенствованию, целостности и гармонии мира и себя в этом мире, который задумывается об Истине, Добре и Красоте, познании нового и неведомого, кто имеет намерение выйти за пределы достигнутого и умеет, к тому же, «попасть в собственное намерение», научиться жить «в процессе перемен», – таких людей всегда было мало, и, тем не менее, именно они определяли разви-

тие человека и человечества, именно их называли «солью Земли» и её достоянием. «Уберите из истории 10-12 человек, – повторяли те, кого мы называем мудрыми на протяжении столетий, – и мир будет другим». Так что идти, вероятно, следует всё же за ними, а не за теми, кто носит в себе массу ложных идей, приписывает себе несуществующие черты, качества, способности, внушённые чьим-либо авторитетом или манипулятивными технологиями, приобретённые путём имитации, подражания, автоматического копирования, стереотипов, рекламы, моды и т. д.

Здесь, мне кажется, уместно вспомнить несколько слов Фёдора Михайловича Достоевского об особой силе и влиянии немногих носителей «высшей культурной мысли в России», связанной с Золотым веком человечества, «самой невероятной его мечтой» и «высоким заблуждением», за которые, тем не менее, люди отдавали свою жизнь и свои силы и без которой они «не хотят жить и не могут даже умереть»: «Нас таких в России, может быть, около тысячи человек; действительно, может быть, не больше, но ведь этого очень довольно, чтобы не умирать идее». Так что, если прав наш великий соотечественник, а он обычно бывает прав, то всё не так уж и печально.

Однако ещё раз о главной теме. На протяжении всего периода, который я описываю и который сейчас называю «пе-

ременой участи», я постепенно и с каждым днём всё сильнее убеждался на собственном опыте в справедливости той самой истины, что вела меня к поиску: человек такой, какой он нам известен, не является завершённым существом. Будучи рождённым, он лишь предназначен для дальнейшего развития своего сознания и самосознания, определённых внутренних качеств и черт, большинство из которых не в состоянии развиться сами по себе. Но главное, он предназначен открыть в себе Великую Сущность, которую с давних пор люди связывают с развитием Духа, Души и Тела в их единстве и целостности и которую чаще всего называют Божественной.

В настоящее время я не в состоянии предвидеть, насколько глубоко и вообще смогу ли проникнуться этой идеей, как «моё слово отзовется» хотя бы во мне самом, но я хочу попытаться, ибо это и есть главная причина, почему я взялся за свои записки. Если же ничего толкового не получится, то, по крайней мере, я последовательно, шаг за шагом опишу отрицательные результаты эксперимента. Согласитесь, мой гипотетический читатель, отрицательный результат – тоже результат.

Сейчас же мне хотелось бы, в завершение Пролога, обозначить несколько тезисов, на которые я буду опираться в дальнейших размышлениях, даже если они и покажутся ко-

му-то просто постулатами.

ИТАК:

*До тех пор, пока человек сохраняет и лелеет в себе всевозможные обманчивые иллюзии и самообольщения, и в первую очередь те, что связаны с сознанием и самосознанием, его, к сожалению, ждут в основном разочарования и поражения в жизни...

*Можно изменить положение, изучая самого себя искренне, честно, без лжи и ложно понятого самолюбия, гордыни, — причём делается это только с помощью самого же себя...

*Познаваемое таким образом собственное сознание имеет разные степени, уровни, ступени, уходящие в такую даль, что это вполне можно назвать бесконечностью...

*Приятно отметить: награда идущему по пути самоосознания всегда больше, значительнее усилий, которые он затрачивает. Однако узнать это может лишь тот, кто не прекращает двигаться ни в коем случае, ждёт ли его успех или неудача, кто не останавливается по дороге и, тем более, не идёт назад...

Может быть, ещё рано и поэтому неубедительно прозвучит

чит сейчас мысль о широко распространённых ныне системах взглядов, имеющих внешне привлекательную и доступную упаковку, рассчитанную как раз на быстрый, лёгкий, массовый успех, предоставляющий возможность любому – уже через пару сеансов или после прочтения нескольких страниц текста – почувствовать себя приобщённым к «высшим материям» и смотреть свысока на остальных, «непосвящённых». Всё гораздо интереснее: и проще, и сложнее одновременно. Однако здесь я забегаю слишком далеко вперёд – всему своё время. А сейчас важно лишь, на мой взгляд, обозначить ещё один, последний, тезис.

*Самое интересное начинается именно за пределами так называемого обыденного сознания, приемлющего лишь официально признанный патент «здорового смысла», состоящий, как правило, из 1-2 точек зрения, причём избирается обычно лишь одна из них и яростно отрицается другая. О какой толерантности или демократизме, многополярности, мультикультурности и пр. может идти речь, если существует лишь одна точка зрения – из одной, или одна же из двух (3-х и т. д.), а все другие и их носители должны быть отринуты или даже уничтожены, хотя бы морально-психологически, невзирая на постоянно провозглашаемую свободу слова и мнений? И дело вовсе не в том, что существуют некие запреты или репрессии, эти «занавеси» давно рухнули. Дело во внутреннем состоянии и развитии Души, Духа и Разу-

ма Человека, его особенных свойств и качеств личности. Так что, получается, хотим мы или нет, понимаем или не очень, необходимость развития сознания не есть абстрактная категория, она имеет прямое отношение к неотвратимо надвигающемуся, в чём-то уже происходящему, неминуемому преобразованию данного типа цивилизации или возникновению иной в недрах уже существующей. Но! Именно это как раз и следует ещё доказать.

Часть первая. От Ники Смирнова

Так век за веком – скоро ли, Господь?

Под скальпелем Природы и Искусства Кричит наш Дух, изнемогает плоть, Рождая орган для шестого чувства. Н. Гумилёв

Итак, в декабре 20... г. мне должно было исполниться 32 года, и в это время как-то всё сразу обрушилось в моей жизни: фирма, в которой я служил и занимался программным обеспечением некоего производства, обанкротилась, с женой мы решили развестись, нашего пятилетнего сына отправили на неизвестный срок к родственникам жены на Урал, я не знал, где буду теперь жить, в довершение ко всему сломалась машина, – и я оказался на старой родительской даче под Петербургом один, не считая собаки-колли по имени Диана.

Наш дом я, конечно, не узнал, так как не был в нём, наверное, с дошкольного возраста, но, как ни странно, он мне понравился.

Добротный деревянный сруб со всеми необходимыми удобствами, с большой печкой, очевидно, легко обогревающей оба этажа, круговой летней верандой и великолепным участком, обрамлённым живой изгородью из густорастущего шиповника. На участке свободно росли сосны, ели, берёзы, несколько рябин и то ли яблонь, то ли вишен. Посреди поляны, сейчас покрытой снегом, стояла открытая беседка, вокруг неё угадывались очертания нескольких цветников.

Внутри просторного дома – удобная мебель, красиво подобранные тяжёлые гардины с кистями и лёгкие занавески; на стенах – многочисленные светильники и, конечно, повсюду любимые мамой букеты, в это время года, естественно, в виде осенне-зимних композиций. В доме было чисто прибрано, даже не очень холодно, и я понял, что мама специально приезжала сюда накануне. Собственно, она и подвигла меня на это загородное уединение, когда я пришёл к ней со своими проблемами.

– Поезжай. Это так необычно – дача зимой, когда там никого нет и быть не может.

Мама говорила, как всегда, спокойно, ненавязчиво, чуть иронично.

– Займись спортом, самообразованием или..., – она пристально посмотрела на меня и улыбнулась, – повышением своей общей культуры. Согласись, у тебя с этой дамой вовсе не безоблачные отношения. Кстати, в доме полно современной техники, кроме, конечно, хорошей библиотеки и хорошей музыки.

И действительно, войдя в дом, я сразу заметил внушительных размеров электрокамин, очевидно, для ленивых и нежелающих топить печь, вполне приличный ноутбук и Smart-TV. На кухне было ещё больше разных приспособлений для комфортной жизни, но я решил рассмотреть их позднее. «Так можно и всю зиму здесь прожить», – почему-то подумал я и, как оказалось, не ошибся.

То, что я помню о первых днях в декабре, – это ощущение одиночества, покинутости и непростительной жалости к себе. Я ощущал попеременно то тянущую тоску, то безразличие ко всему на свете. Когда же постоянно возникающая в голове фраза – «Никто меня не понимает» – переросла в голос женского сопрано, поющий почему-то с иностранным акцентом «до боли знакомую» арию Татьяны из «Евге-

ния Онегина», я, наконец, мрачно рассмеялся и решил, что так дело не пойдёт, однако ближе подойти к любимым нашим народом вопросам: «Кто виноват?» и «Что делать?» – пока ещё не получалось. Поэтому я просто вышел во двор, позвал Диану, как всегда, грациозно поспешившую ко мне, открыл хозяйственный домик, достал лопату и стал разгребать снег. Это помогло, и вечер с Дианой прошёл весьма пристойно. «Завтра же начинаю ходить на лыжах и совершенствовать свой несовершенный английский», – засыпая, твёрдо решил я. Несколько дней потом мой прекрасный план, хотя и не полностью, но осуществлялся, однако хандра и чувство тяжёлой подавленности не исчезали.

Накануне Рождества, когда я уже почти привык жить скупающим затворником, нехотя справляющимся в одиночку с нехитрым загородным хозяйством, мне позвонила мама и напомнила, что было бы неплохо, если бы я всё-таки навестил одну пожилую даму, которая живёт сейчас в посёлке недалеко от меня, тем более, что я её знаю с детства, т. к. она нередко забирала меня из садика вместе со своей внучкой, которую звали Анна-Мария и которую я постоянно дёргал за косички и бантики, но никак не мог довести до слёз, что очень меня раздражало...

Я попытался остановить этот раздражающий меня и сейчас поток бессмысленных слов и нежелательных поручений:

– Ты шутишь!

– Нет. Мы с тобой договаривались, и ты дал слово.

– А разве внучку сейчас зовут иначе? – Я ещё надеялся увести разговор в другое русло, но мать была непреклонна:

– А сейчас неуместно шутишь ты.

– Да я особенно и не шутил, – начал было я, но неожиданно холодный её тон насторожил меня, и вдруг я вспомнил, что дочь этой самой пожилой дамы была подругой моей матери, она погибла лет десять назад в авиакатастрофе, и, значит, та самая Анна-Мария нередко останавливалась у нас в нашей городской квартире во время перерывов между своими бесконечными командировками куда-то на край света... Правда, тогда мы почему-то звали её просто Асей.

Я обречённо вздохнул, и мама быстро закончила разговор:

– Адрес у тебя в записной книжке.

Так я оказался на Рождество в доме на соседней улице с двумя коробками конфет, чтобы не выглядеть уж очень консервативным, даже не предчувствуя, какого рода собы-

тия ждут меня впереди.

Меня встретила высокая, стройная, хорошо одетая женщина с ясными синими глазами, густыми, с заметной проседью волосами, уложенными в красивую причёску.

– Могу я видеть Софью Алексеевну?

Она слегка наклонила голову и улыбнулась:

– Здравствуйте, Ни-ка... Проходите, пожалуйста.

И, может быть, оттого, что мне так понравился этот низкий, негромкий голос, и вся её стать, и то, как она внимательно, с лёгкой улыбкой смотрела на меня, и как медленно произнесла это домашнее имя «Ника», или оттого, что на меня пахнуло уютным теплом хорошо протопленного дома, не знаю; а может быть, я просто увидел и вспомнил с детства знакомую обстановку из старинной мебели, ковров, картин, фотографий, книг и сразу почувствовал себя легко и свободно, так, как если бы меня здесь давно и хорошо знали и очень ждали. А меня, действительно, и знали, и ждали. Большой овальный дубовый стол был празднично накрыт, свечи в канделябрах горели, за спиной у С. А. стояли по-новогоднему украшенные ёлочные ветви с шишками и где-то в дальних комнатах тихо и нежно прозвучал мне навстречу перезвон

старинных часов.

Я, конечно, плохо помню, о чём мы тогда говорили, помню лишь, как глупо обрадовался, что темы Вифлеемского чуда, похоже, не будет, ибо, очевидно, хозяйка догадалась, что я не сумею её достойно поддержать. Зато отчётливо помню, как быстро мы перешли к моим проблемам, и я, вопреки сознательно выбранному затворничеству и твёрдо усвоенным стереотипам мужского сдержанно-немногословного поведения, стал почему-то охотно и подробно рассказывать о себе, о своих разочарованиях, тягостном разводе и неизвестном мрачном будущем, о дурных и равнодушных людях вообще и несправедливости мира в частности. Потом мне, конечно, было стыдно, но тогда я чуть ли не с восторгом ощущал, что меня наконец-то понимают как никогда прежде, что я впервые могу быть полностью открыт, и как прекрасно, что это возможно, а я уж и не надеялся, и т. д. и т. п.

Софья Алексеевна, напротив, вовсе не выглядела удивлённой или смущённой таким потоком откровений. Она спокойно и внимательно слушала, иногда вставляла вполне уместные, как мне казалось, реплики и уж тем более не перебивала меня, пока, наконец, я сам не замолчал. Словом, чистый «эффekt гейши», как я его тогда сформулировал, был налицо. Однако дальше всё пошло по совершенно другому сценарию. «Гейша» исчезла, а может быть, её и не было во-

все. С. А. немного помолчала, а потом заговорила так, как будто мы уже содержательно и долго беседуем, и я прекрасно понимаю и принимаю тот уровень размышлений, который мне предлагается, без всяких скидок и «поддавков», без этих модных техник «присоединения» к собеседнику, заканчивающихся, как правило, скрытым или явным навязыванием своего мнения. Не ручаюсь, что я точно расслышал, но, кажется, она вначале тихо произнесла, как бы про себя: «То, о чём человек думает, у того он и в плену».

Тогда, почти год назад, я не только не стремился запомнить чтолибо из наших бесед, но даже не предполагал, что мы будем и дальше встречаться, что кроме этого «визита вежливости» будут ещё какие-то встречи, поэтому восстановить сейчас в должной последовательности строй мыслей, ассоциаций, образов, щедро развёртываемых С. А. передо мной, её единственным и, в общем-то, случайным слушателем, я, к сожалению, не смогу. В моей памяти запечатлелись только отдельные фразы, реплики, обрывки разговоров и, повторяю, к большому моему сожалению, лишь некоторые мысли.

– Знаете, Ника, – уже отчётливо произнесла С. А., – я думаю, вам нужно радоваться чувству неудовлетворённости, разочарования, если угодно, которые появились у вас сейчас вследствие определённых событий или даже их случайного

нагромождения. Хотя, конечно, ничего случайного не бывает, – как бы мимоходом заметила она и продолжала:

– Если ваше глубинное «Я» ныне недовольно собой или другими, то ведь оно, т. е. «вы сами», можете и начать внутреннюю работу, скажем, по изменению в себе каких-то качеств, например. Не так ли?

– Но это внутреннее «Я» может так ничего и не начать, – буркнул я.

– Разумеется, – кивнула С. А., как бы закрывая слишком очевидную тему и развивая дальше свою мысль:

– Судьба всегда даёт шанс и силы, – заметьте, необходимые силы! – проявиться новой возможности. Но есть и ваша правда – её великодушие не безгранично. – Она с чуть ироничной улыбкой взглянула на меня.

– Вот ответьте мне, пожалуйста, только честно, какие вопросы чаще всего возникают у вас последнее время в голове?

Я молча пожал плечами.

– Правильно, – как ни в чём не бывало продолжала она. – «Почему всё это случилось со мной?» «За что мне такое ис-

пытание?» «Как они (она) могли так поступить?» Я усмехнулся:

– Угадали...

– А если взглянуть иначе и спросить себя: вдруг я сам притянул к себе эти события? Что я сделал такого, что позволило всему этому случиться? – тогда ведь и размышление пойдёт по другому руслу, и выходы из ситуаций будут открываться совсем иные, не правда ли?

– Нет! Неправда!

Я вскочил с кресла и стал быстро ходить по комнате. Мне очень хотелось спорить, протестовать, опровергать:

– Что значит «сам притянул»? Неужели вы всерьёз думаете, что я сам развалил фирму, заставил жену глупо, бессмысленно меня обманывать несколько лет подряд... Да я бы тут же дал ей развод, как только... Ах! – я безнадёжно махнул рукой. – Вы не понимаете... А Ваня? Кто его довёл до того, что он в свои неполные пять лет сказал бабушке, его обожающей: «А я не знаю, захочу ли дальше жить»?

С. А. несколько не смутилась от такой тирады и просто сказала:

– Да. Есть такой закон: «Всё справедливо. Мы имеем то, что заслуживаем, и то, чего на самом деле хотим», если, разумеется, у нас есть мужество признать правду и не лгать хотя бы самим себе.

– Вы смеётесь надо мной?!

– Ничуть. Просто закон в таком виде мало кто может принять. Гораздо легче и привычнее пожалеть, оправдать «себя, любимого», а других обвинить во всех смертных грехах. Мы просто гениальны в искусстве самооправдания, – заметил ещё Фрейд, и это то небольшое, что постоянно подтверждается, а не оспаривается.

– Бред какой-то! Какой закон? Разве есть кто-то, кто его открыл, доказал, провёл эксперименты, наконец? Да этого вообще не может быть хотя бы уже потому, что нет единого мнения о самом понятии справедливости. Для одних народов и языков – это одно, для других – совсем другое. Разные слова, разные переводы. Так было и будет всегда.

Я перестал бегать по комнате и встал прямо перед С. А.

– Если вам не трудно, сядьте, пожалуйста, так неудобно разговаривать.

Я сел. Она внимательно на меня смотрела и мне показалось, решала, стоит ли продолжать разговор или нет.

– Попробую вам ответить, – осторожно начала она. – Если не получится, это тоже будет ответ. Да, есть абсолютно неопровержимые доказательства и результаты совершенно немыслимого эксперимента, длящегося всю историю нашей цивилизации.

Я фыркнул:

– А есть ещё и другие, кроме нашей?

– Такие гипотезы существуют. Так вот, – невозмутимо продолжала она, – люди, жившие на Земле, в течение тысячелетий наблюдали (те, кто умел, разумеется, это делать), внимательно, заинтересованно наблюдали и заметили постоянно повторяющуюся закономерность... – Так всё-таки «закон» или «закономерность»?

С. А. рассмеялась:

– Не имеет значения в данном случае.

– Почему «не имеет»?

– ...они заметили, – продолжала С. А., – если угодно, угадали этот закон Вселенной и описали его, даже кое-где высекли в камне: «Всё, что приходит в нашу жизнь, мы притягиваем к себе сами, силой своей мысли, силой своих образов».

– Но как? Каким образом? Нет, этого не может быть...

– Потому что не может быть никогда? Самое любопытное заключается в том, что закон этот всегда был, есть и, думаю, будет. Он абсолютно открыт, можно сказать, просто лежит на поверхности. И хотя многие его замечают, они называют его «тайной», и это – правда, потому что никто не знает, почему он вообще существует, так же как неизвестно, почему и каким образом стали существовать мы сами и всё это богатство вокруг...

Она сделала широкий жест, потом посмотрела в окно и неожиданно для меня замолчала.

– Софья Алексеевна?

– Ах, да, извините. На чём мы остановились? – Она кивнула: – «Тайна» была известна всегда и всем, кто только желал к ней прикоснуться, – и опять замолчала. Я решил сам

поддержать разговор:

– «А в действительности всё было совсем не так, как на самом деле»?

Я был доволен собой. Вспомнив «к месту», как мне казалось, шутовское замечание Экзюпери, я решил, что веду беседу «на равных» и выгляжу вполне как здравомыслящий мужчина, снисходительно выслушивающий милые заблуждения пожилой дамы. На самом деле во мне всё бурлило, всё вызывало отторжение, я ничему не хотел верить, ни в коей мере не был убеждён, напротив, хотел убеждать сам, однако чувствовал, меня, что называется, «несёт», и, значит, надо остановиться, но не мог.

– Как же так? – воскликнул я. – Значит, если я больше всего думаю о том, что меня огорчает, этот так называемый «Закон притяжения» принесёт мне ещё больше жутких мыслей, я буду чувствовать себя ещё хуже, события моей жизни станут ещё ужаснее, а я сам – ещё несчастнее? Так?

– Так. Только не в таких страшных выражениях. Лучше отнестись ко всему со здоровой долей юмора, как это делают некоторые современные авторы, называя закон «слепого-глухо-немым», т. е. совершенно беспристрастным, ибо он даже не считает нужным различать в наших желаниях – что хоро-

шо, а что плохо, где добро, а где зло. Он просто принимает наши мислеобразы и возвращает их нам в виде определённых событий и переживаний.

– Кто «он»? Это, что же, живое существо?

– Кто знает, – задумчиво, с усмешкой заметила С. А.

– А если никто не знает, так к чему этот сыр-бор? – начал было я, потом остановился и замолчал. Молчала и С. А., затем своим приятным тихим голосом спросила:

– Хотите чаю?

– Да... Извините, я, кажется, сорвался, накричал на вас зачем-то... С. А. встала, достала несколько книг и подала их мне.

– Вот, – она раскрыла одну из них, – прочтите. Это не Экзюпери Антуан де Сент, просто анекдот. Я не люблю его рассказывать, но вам должен понравиться.

С. А. ушла заваривать чай, а я прочёл следующее:

Американский небоскрёб. Два психоаналитика, работающие на одном, скажем, 36-м этаже, обычно одновременно

заканчивают работу и идут к лифту. Лифтёр, выпуская их на первом этаже, замечает, что каждый раз, когда они прощаются, один плюёт на другого и уходит. Тот, другой, стирает грязь с пиджака, выбрасывает бумажный платок и, спокойно улыбаясь, уходит тоже. Приблизительно через месяц лифтёр не выдерживает и спрашивает пострадавшего:

– Сэр! Извините меня! Вот уже месяц я вижу, что между вами и вашим коллегой происходит что-то мне совершенно не понятное. Почему вы никогда не выходите из себя? Почему улыбаетесь? Почему так спокойно уходите? Объясните мне, пожалуйста!

– Всё очень просто. Это ЕГО проблемы, не мои. Понимаете?

Мне стало весело, я с интересом прочёл ещё несколько забавных историй, потом подошёл к стеллажам и начал рыться в книгах. Вернулась С. А. с подносом, на котором стояли заварочный серебряный чайник, несколько вазочек с вареньем, кажется, лепёшки, печенье и ещё что-то. Я предложил ей помочь накрыть стол.

– Вам не нравятся анекдоты? – спросил я, расставляя чайные приборы.

– Отнюдь. Просто мне не нравится некоторые из них пересказывать.

– А мне понравилось. Грубовато, конечно, но для мужчин сойдёт. Знаете, я не ожидал, что эта избитая фраза про «ваши проблемы» вдруг зазвучит так свежо. Мало ли, отчего твой партнёр раздражён или агрессивен? Может быть, у него живот болит?

– Целый месяц? – улыбнулась С. А.

– Ну, пусть неудачный клиент попался, куда-то пожаловался, начались неприятности, а у коллеги пока всё ОК. Пока проблема не становится твоей, ты защищён. Я прав?

– Отчасти. Есть ведь ещё сочувствие, сопереживание... – Но не в этом же случае!

– Не в этом. Вы какое варенье предпочитаете? – Любое, – постарался вежливо ответить я.

Когда мы закончили вполне светское чаепитие, говоря о погоде и пустяках, я показал С. А. на предисловие одной из книг.

– Вы хотели, чтобы я прочитал вот это? «Закон притя-

жения – самый могущественный закон Вселенной. Поэты – У. Шекспир, В. И. Гёте, У. Блейк говорили об этом в стихах. Музыканты, такие как Людвиг ван Бетховен, передавали это в своей музыке. Художники, например, Леонардо да Винчи, запечатлевали на картинах. Великие мыслители, в т. ч. Сократ, Платон, Пифагор, сэр Фрэнсис Бэкон, сэр Исаак Ньютон, отражали это в своих произведениях, учениях. Древние цивилизации и великие религии сохранили это знание в легендах, преданиях и священных писаниях» и т. д. Но это же несерьёзно, Софья Алексеевна? Это самая настоящая масскультура плюс неплохая реклама «продукта», возможно, даже манипуляция сознанием. Не спорю, очень доходчиво и ясно изложенные. С. А. легко вздохнула.

– Да нет же, это серьёзно. Искусство, наука, религия – разве это пустяки? Да ещё в сочетании и в поддержку друг другу. Тот же Блейк сказал: «Наука циркулей не может познать божественную тайну».

– А Блейк, это когда?

– Он уже умер, в 1825 году.

– Понятно, – отозвался я, – продолжим?

С. А. вопросительно взглянула на меня, но ничего не ска-

зала. Лишь много позже я узнал, что реплика «Понятно» является неким тестом как раз на непонимание, тем более, брошенная так небрежно, мимоходом, как это сделал я.

– Другое дело, – спокойно размышляла далее С. А., – и здесь вы совершенно правы, – почти любая, даже самая великая идея когда-либо может проникнуть в массовое сознание, и тогда она, естественно, приобретает черты той самой масскультуры, о которой вы говорите и не без помощи которой, собственно, и может произойти усвоение идеи – через её неминуемое опрощение и адаптацию к обыденному сознанию.

С. А. заговорила опять как бы про себя, очень тихо:

– Вековые вопросы непрактичны. Но ведь и практическая мало что стоит без вечности, и только обносившиеся идеи очень понятны...

– Да, с позиции вечности повседневность выглядит ужасно. Зато идеи... попроще принимаются очень быстро

– Но так же быстро и исчезают. Кстати, – снова живо заговорила С. А., – вы обратили внимание, в этой маленькой книжке, разошедшейся по миру гигантскими тиражами, – а таких книг, вы уже сами видите хотя бы по приводимым

«сведениям об авторах», немало, – обсуждаемую нами идею поддерживают весьма уважаемые люди, и, что немаловажно для массового сознания, очень успешные люди, добившиеся своего успеха в карьере, благосостоянии, личной жизни, как они заверяют, с помощью претворения в жизнь именно этой идеи.

– Конечно, это чрезвычайно соблазнительно! – воскликнул я. – Стоит очень захотеть, придумать соответствующую картинку, хорошо и много раз её представить – получай! Появятся деньги, новая должность, жена-красавица с приданным и что там ещё?

– А вы попробуйте сами, может быть, и получится? – С. А. весело, с интересом смотрела на меня.

– И не подумаю! – запальчиво ответил я.

– Ну, ну! Не зарекайтесь. Как говорят, «от сумы и от тюрьмы»... – А что, есть ещё и тюрьма?

– По-разному. Коротко говоря: если не впадать в зависимость, фатализм и легковерие, то вполне можно в чём-то и осчастливить себя. К сожалению, многие полагают, что свои желания лучше всего перекладывать на плечи других людей, охотно предоставляя им, за определённую мзду, распо-

ряжаться своей жизнью, и тогда, через какое-то время (бывает, и очень скоро), попадают в руки мошенников, авторов «пирамид», создателей разных сект и прочее. Они-то прекрасно знают человеческую натуру, желающую всегда поживиться...

– «... на халяву», – подхватил я.

– И не только... Жизнь, к сожалению, неустанно показывает: если «нечто» завоёвывает место под солнцем и все могут, долго не раздумывая, этим воспользоваться, то, как правило, истинный смысл этого «нечто» постепенно искажается, а то и погибает совсем.

Я заметил, что наш разговор начал задевать меня «за живое», и стал медленнее подбирать слова:

– Но если это – объективный закон, то почему же он, или его смысл, – пропадает, испаряется?

– Потому что космический закон, если он существует, – и объективен, и субъективен одновременно. Такое противоречие существенно для науки, но и труднопреодолимо именно для неё же. А для человека, как и для высшего знания, это совершенно естественно: закон есть, он существует независимо от нашего сознания, и вместе с тем, его надо каждый

раз открывать заново и каждый раз самому, причём, желательнее, не нарушая «высшего смысла». Помните, я вам приводила замечательные слова замечательного мыслителя моего времени, Мераба Мамардашвили? Нет? Тогда послушайте: «Мысль – это состояние, в которое надо впасть, и всякий раз делать это заново». Не правда ли, хорошо? А ведь и появление мысли уже само по себе чудо...

Меня потянуло назад, к мыслям, которые мне были более понятны. Я снова заглянул в предисловие, стал читать и комментировать одновременно: Достигшие всех мыслимых и немыслимых благ – это учёные, доктора наук в области философии, физики, медицины, преподаватели и просветители, писатели и проповедники, бизнесмены и специалисты по маркетингу, но больше всего, разумеется, консультантов по личностному развитию и – внимание! – достижению выдающихся успехов в любой сфере жизни! Потрясающе! Рынок материальных продуктов просто отдыхает. Неужели это правда? И эти авторы на самом деле стали миллионерами, достигли вершин на карьерной лестнице, удачно женились и вышли замуж, похудели на 30 кг – и всё по этой причине? Ха-ха!

– Во-первых, вы повторяетесь, а во-вторых, вы смеётесь, значит, вы уже не сердитесь. – С. А. кивнула на мой удивлённый взгляд.

– Да, да, человек не может одновременно гневаться и смеяться. Это тоже закон, маленький, но закон, и он тоже работает.

Прощаясь в этот вечер, С. А. сказала, глядя на книги, которые мы вместе отобрали:

– Я вам завидую: несколько дней вы будете в обществе очень интересных людей, – и посоветовала не пользоваться электрокамином, а зажечь настоящий огонь.

– И что будет? – спросил я.

– Увидите сами.

В следующий раз, возвращая часть книг, я уже не был настроен столь агрессивно-скептически, но мне ещё больше хотелось продолжить неоконченный разговор. Я старался как можно более точно сформулировать свою мысль:

– Если человек не признаёт этот «закон притяжения» или просто его не знает, он всегда будет искать причины неурядиц вовне и всегда будет терпеть поражение?

– Как правило, да. Судите сами. Если кто-то чувствует себя несчастным и считает, что в этом виноваты все другие –

семья, страна, «времена и нравы», то ведь он обречён, т. к. ни своё происхождение, ни эпоху он «переиграть», изменить, т. е. выбрать другие, по крайней мере, в наших условиях жизни, – не может.

– Он может уехать из страны.

– Да хоть к монахам в Тибет! Если со своими теми же самыми нерешёнными проблемами, то и результат будет тот же самый.

– Т. е. от себя не убежишь?

– Конечно. А почему бы не попробовать, хотя бы один раз в жизни, сделать иначе?

– То есть?

– Не менять страну, не отречься от родителей, принять время, в которое ты живёшь, как данность, и просто заглянуть внутрь себя. Ведь ты сам – это как раз то, что можно исследовать, корректировать, изменять, причём по собственному желанию, независимо от кого-либо.

– Получается, людям нравится своя накатанная колея, и неважно, догадываются они об этом или нет, она всегда ведёт

к одним и тем же, чаще – отрицательным результатам. Люди не только не учатся на чужих ошибках, но постоянно наступают на одни и те же грабли и твердят: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

– Я вижу, вы эти дни не напрасно топили печь.

– Почему вы так решили? – удивился я, отреагировав не на то, что «топил» (хотя это была правда), а на то, что «не напрасно».

– Живой огонь сжигает отрицательные эмоции и, значит, освобождает место для свободы мысли, да ещё в союзе с такими собеседниками, как книги.

Однако я не был свободным в своих размышлениях, хотя уже прочёл немало да ещё побродил по Интернету. Я чувствовал какуюто незавершённость, неясность в мыслях, потому что моста между «словом и делом», между мыслью и поступком ещё не существовало и вопросы: «Как же сделать так, чтобы добиться хотя бы промежуточного, но желаемого результата?», «Как это новое знание применить на практике?» – оставались для меня открытыми. И хотя я снял на время вопрос «Кто виноват?» и полностью перешёл к другому главному вопросу «Что делать?», – я чувствовал неудовлетворённость, растерянность и однажды прямо спросил об

этом С. А.:

– Почему я не могу приложить к жизни идущие сейчас ко мне сплошным потоком знания? Может быть, мне нужна какая-то практика? Или реальные живые примеры?

– Что же может быть лучше и живее примеров из практики вашей собственной жизни? И я уже вам предлагала, задумайте, пожелайте себе что-нибудь хорошее, вдруг получится?

– А если плохое?

– Ну зачем же себе желать плохого?

– А если другим?

– Так ведь оно вернётся к вам по принципу «Подобное притягивает подобное». Так что будьте осторожны, с судьбой такие шутки плохи.

– Как аукнется, так и откликнется? Да?

– Ну да.

– И всё-таки давайте попробуем не на моём примере, я

ещё не готов.

– Ладно, попробуем. Будем учиться на чужом опыте. Сначала кратко повторим урок. Что вы морщитесь? Мы же делаем иначе.

– Хорошо. Согласен.

– Спасибо. Итак, всё, что происходит в нашем сознании, постепенно, но неотвратимо становится нашей жизнью. Мы сами притягиваем к себе, как магнитом, силой своих же мыслей и образов всё, о чём мы думаем, что мы истинно, не на словах, желаем, и в результате мы становимся тем, о чём больше всего думаем. Это нечто вроде частотного коридора, в который мы попадаем по собственному желанию или, как ещё говорят, вибрации, с которой мы начинаем совпадать, и наши установки в виде мыслеобразов становятся реальной жизнью, превращаются в события, живых конкретных людей, даже в вещи. Я взмолился:

– Пожалуйста, давайте на живых примерах.

– Пожалуйста. У наших примеров есть даже имена. Пример 1. У матери-одиночки вырастает дочь и тоже становится матерью-одиночкой. Пример 2. Избалованный, лишённый воли сын «горячо любящей» матери либо не женится вооб-

ще, либо постоянно разводится, т. к. ни одна невестка не удовлетворяет требованиям свекрови. Пример 3. Мать, отдающая детям «всю свою жизнь», видит, как они от неё отдаляются, не желают быть благодарными, а она не может ничего предложить, кроме упреков. Пример 4. Женщина-трезвенница постоянно выходит замуж и разводится, ибо её мужья оказываются пьяницами.

Вы сможете проанализировать эти весьма распространённые ситуации с позиций интересующих нас идей?

– Нет, конечно. Пожалуйста, вы сами...

– Хорошо. Я начну с последнего примера. Некая женщина выходит замуж и первый муж, вполне возможно, действительно злоупотребляет крепкими напитками. Она постоянно об этом думает, возмущается, устраивает сцены, исправить ничего не может и, наконец, разводится. Выходит замуж второй раз. Он – не пьяница, но женщина по-прежнему постоянно и напряжённо думает о том, что это возможно, ибо «все мужчины таковы». Она становится подозрительной, недоверчивой, устраивает «допросы с пристрастием» и прочее в том же духе. Мужчине, в конце концов, такое поведение надоедает и он начинает чаще встречаться с друзьями и, значит, реже бывать дома, а друзья-мужчины, как известно, предпочитают обсуждать любые темы за кружкой или рюм-

кой. Таким образом, её подозрения оправдываются, опять – скандалы, слёзы, затем – новый развод. Женщина в третий раз выходит замуж...

– И за что же ей такое везенье?

– Не обольщайтесь, она оказывается на приёме у специалиста, ибо боится потерять и третьего мужа. Они подробно разбирают события её жизни и приходят к выводу, что все её думы о мужчине-муже были связаны с этим достаточно распространённым образом, который, если не предаваться излишества, имеет и свои положительные, как оказалось, черты, только она долго себе в этом не признавалась. Мужчины после своего «падения», как она говорила, искренне и пылко раскаивались, осыпали её комплиментами и подарками, примирения были романтическими, весьма приятными для её самолюбия, она чувствовала себя добродетельной и невинно пострадавшей (и это очень её устраивало), он – виноватым и грешным, чувства обострялись. Поэтому, если второй муж вначале ещё и не стремился к застольям без неё, то ведь она сама этого бессознательно хотела и всячески подталкивала его к таким поступкам, подозревая и красочно описывая или воображая ещё не существующие, может быть, события, после которых (а её сознание бережно хранило такие воспоминания) обычно бывает чудесное примирение, где она – почти богиня, а он – восхищающийся её

совершенством коленапреклонённый поклонник.

Я уже откровенно смеялся, С. А. тоже.

– Как вы их... раскатали, однако, – восхитился я. – Я даже не ожидал от вас такого... сарказма.

– С мелодрамой всегда так: кто-то плачет, а кто-то смеётся.

С. А. встала, подошла к окну, задёрнула шторы, потом, легко и неслышно двигаясь по комнате, зажгла светильники на стенах и на столах. В доме стало светло и уютно.

– Наверное, теперь вы сами расскажете мне, как дружно станут осуждать герои других ситуаций: в случае с матери-одиночками – мужчин, в случае матери с сыном – женщин, а у матери с детьми – всю молодёжь, которая «не та пошла».

– Да, и снова, и снова притягивать в свою жизнь этих неверных мужчин, грешных женщин и неблагодарных детей. Пора мне сходить с накатанной колеи шаблонов обывателя. Но вот где взять этот новый, нестандартный взгляд удачливых людей, у которых получается то, что они осознанно замыслили, имеют то, что хотели получить, и не имеют того,

чего не хотели?

Я задавал эти вопросы скорее риторически, не очень надеясь получить ответ. Но С. А. ответила:

– Вот видите, всё оказалось не так страшно, и вы уже сами довольно точно формулируете свой вопрос. Значит, пришло время. Поверьте, если вы чего-то очень сильно захотите и сможете создать внутри себя точное представление о своём желании, то всё придёт само собой – и новые мысли, и желанные люди, и нужные события. Только не думайте, что их приход будет громогласным и торжественным, подобно фанфарам. «Голос истины появляется в тишине, и звучит он тихо и нежно...» Она посмотрела на меня вопросительно, сделала паузу и добавила:

«...как необъяснимый привычными словами интуитивный шёпот».

Помню, она часто смотрела так на меня, как бы спрашивая, понимаю ли я то, о чём мы говорим. А я опять впал в состояние уныния и протеста одновременно:

– Нет! Нет! Я никогда не сумею это сделать!

– Не надо ничего «уметь», – терпеливо объясняла С. А. –

У истины есть прекрасное свойство: её не надо учить или запоминать, если она открывается, не заметить её, тем более забыть, просто невозможно.

– Вашими бы устами...

В этот вечер было и ещё что-то неочевидное и невероятное. К сожалению, не могу вспомнить. Помню только, что в конце встречи С. А. заметила:

– Спешить не надо. Суета в таких делах не помощник. И хотя результат может сказаться далеко не сразу, можете считать, что «процесс уже пошёл».

С. А. улыбнулась своей милой лёгкой улыбкой и добавила:

– Мне очень нравится, что сказала однажды Елена Ивановна Рерих, правда, по совсем другому поводу: «Добро обязательно вернётся, пусть через 100 лет, пусть даже не к вам». Прелестно, не правда ли?

И хотя я тогда вовсе не разделял её восхищения и уверенности, фраза почему-то осталась в памяти, и только много месяцев спустя, мне кажется, я уловил тот внутренний смысл, который хотела мне передать С. А.

А в то время почти ежедневного общения с нею я стал замечать, что всё больше начинаю откликаться не только на слова, которые она произносила, но и на исходившее от этих слов очарование, вызываемое то ли особым тембром голоса, то ли непривычно звучащей для меня тогда неторопливой, подробной литературной речью, то ли какими-то оговорками, отголосками из жизни уже ушедшего мира. Все эти: «Голубчик», иногда даже «Государь мой»; «милости прошу» – вместо «проходите»; «иметь случай» – вместо «иметь возможность»; «третьего дня», «в булошной у Елисеева»; обращение по имени-отчеству, без фамилии, как к ныне живущим, так и к ушедшим людям, которых она помнила и почитала, – эти слова, а также она сама, своим присутствием, каким-то непостижимым образом создавали совсем иную реальность, а содержание бесед, вместе с интонацией, взглядом, паузой, жестом, – раскрывалось постепенно, меняло смыслы, подобно растущему живому существу. Сначала, например, появлялось одно предложение: «Мир всегда откликается на то, что ты знаешь, и даже на то, что ты только готов ещё познать». К нему добавлялось другое: «Я становлюсь тем, что в себе прозреваю», и рядом выстраивалось третье: «Нужно быть не знающим, но познающим то знание, которое присуще твоей душе», иначе говоря, «Смыслы создаём мы сами, именно те, что мы способны в данный момент пережить». Иногда возникало что-либо достаточно извест-

ное, типа: «Познай себя, и ты познаешь Вселенную», и я был рад узнаванию. А потом вдруг все высказывания этой цепи приобретали дополнительное или даже новое значение, причём, что удивительно, прежние смыслы никуда не исчезали, напротив, чаще всего они обогащались какими-то деталями или оттенками мысли.

Должен был пройти довольно значительный период времени и моего доморощенного самообразования, чтобы я начал понимать, как много замечательных заимствований наполняли речи С. А., причём большая их часть носила характер так называемых «скрытых цитат», и лишь изредка упоминалось имя того или иного автора. До сих пор не знаю, на чём основывала она свой выбор – раскрывать или не раскрывать первоисточник. Как-то я набрался смелости и спросил, в каких случаях всё-таки дозволительны, необходимы или желательны ссылки на цитируемых авторов. Она легко разгадала мой язвительный подтекст и ответила, не задумываясь:

– Естественно, я использую информационные поля как пространство для поиска разного рода знаний. Если мысли, идеи – это то, что меня волнует, и они «витают в воздухе», то вполне возможно и, кстати, сейчас достаточно распространено, – многократное, многоуровневое цитирование и такое же комментирование смыслов. Получаются иногда весьма лю-

бопытные коллажи. Что же касается собственно знания, любого, то оно, по моему глубокому убеждению, лишь до какого-то предела – наука, со всеми её авторскими правами, престижем, статусом и прочее, потом – это вера, откровение, озарение. Даже высокое научное знание когда-то становится отвергнутым, и лишь божественное – навсегда.

Предупреждаю ваш вопрос: последнее недоказуемо.

Я уже привык в наших беседах не обращать внимание на отдельные непонятные слова и высказывания, стараясь вникнуть в «общий контекст». Я запомнил замечание С. А., брошенное ею однажды, что иногда полезнее идти не традиционным путём – от простого к сложному, а наоборот, от сложного – к простому, перескакивая ямы непознанного. Она обычно чувствовала, когда я начинал «буксовать», и старалась дать пояснения.

– Ныне есть великое намерение соединиться с древними, в т. ч. мистическими учениями: науке – с религией и мифологией, искусству – с философией, документом, фольклором; увидеть мир, как прежде, опять целостным, где всё взаимосвязано, где была и есть тайна, неразгаданность, даже, если хотите, нелогичность, в нашем современном понимании. Они-то все вместе и оказываются порой гораздо ближе к истине, которая не отменяет старое знание, но вбирает

его в себя и, тем самым, привносит в истину полноту.

Вроде бы ответ, а может быть, новая мысль или её оттенок, или так, предмет для размышления, но мне почему-то нравились всё больше такие беседы, и я приходил к С. А. снова и снова.

Отчётливо помню один вечер, возможно, оттого, что его героями стали звери. На дворе было морозно, снежно, чисто, и в таких случаях С. А. обычно разрешала Диане войти в дом. Однако в этот раз Диана сама остановилась у порога и вопросительно посмотрела сначала на хозяйку, потом на меня. Я не сразу догадался, в чём дело. С. А., тихо посмеиваясь, наблюдала за происходящим, а потом и я увидел в нише, где стоял на подставке в виде колонны античный бюст Платона, на пуфике рядом уютно возлежащую пушистую кошку.

– Знакомьтесь, это Ева, – плавным медленным жестом указала на неё С. А. Разумеется, я попытался польстить хозяйке:

– Как вы, наверное, заметили, я собачник, а не кошатник, но эта красавица-персиянка, если не ошибаюсь...

– Ошибаетесь, – С. А. явно забавлялась. – Это помесь норвежской лесной и, действительно, перса-отца.

– А почему Ева?

– Так получилось... Диана, можно, проходи, – сказала С. А., легко встала, подошла к Еве и нежно стала гладить ей спинку и уши. Ева в ответ изящно прогнулась и переменяла позу. В то же мгновение мне пришли в голову отчётливые картинки-воспоминания: а ведь я ни разу не видел ни одного зверя, который бы выглядел неестественно, фальшиво, чьи движения были бы нехороши или некрасивы. Даже когда мы с Ванечкой ходили в зоопарк и к нам навстречу на задних лапах заковылял якобы неуклюжий медвежонок, сын, заливаясь смехом, кричал от радости:

– Смотри! Смотри, папа! Какой он хороший, какой красивый!..

Я с грустью вспоминал этот летний недавний эпизод, когда в моей семье было так мирно и безоблачно, по крайней мере, мне тогда так казалось, – и одновременно, бездумно и машинально, следил за С. А., пока не поймал себя на мысли, что, несмотря на всю свою грусть, я люблю её неторопливыми плавными движениями, тем, как она неслышно и мягко переходит от одного предмета к другому, как её жесты становятся особенно выверенными и осторожными, когда она приближается к Еве, а их безмолвный, но явно ощу-

щаемый мною в тот момент диалог доставляет несказанное удовольствие им обеим.

– Почему бы вам не полюбить и других зверей, – как всегда мягко, негромко обратилась ко мне С. А., играя с Евой. – Вспомните, как красив бег свободного табуна лошадей с развевающимися гривами; а немыслимый прыжок леопарда, и вообще вся лепка его тела, окрас, повадка. Да возьмите любого: кружащие, как ангелы, в небе птицы; рассекающие воду, взлетающие над водой дельфины... А трава, цветы, деревья?..

С. А. рассказывала о зелёном разуме, о том, что растения – это живые существа с развитой мыслительной системой и чувствами, что об этом уже есть масса исследований. К примеру, когда человек собирается полить дерево, оно чувствует себя счастливым, – и у него один график эмоций; когда же к нему направляется человек с топором, и дерево знает, что его будут рубить, оно начинает дрожать от страха, а соседние деревья тоже чувствуют боль в ту же секунду, когда гибнет их собрат, и в их графиках пропадают ритм и гармония, но появляются рваные зигзаги. Если же идёт тот же самый садовник, лесник или ещё кто-то, и топор у него тот же самый, но намерения причинить боль растениям у него сегодня нет, – дерево спокойно, и вокруг него всё спокойно, а графики опять полны гармонии.

Я сидел в старинном удобном кресле и чувствовал себя непривычно спокойным, почти счастливым, что было для меня весьма странно в ту пору, попеременно впадающего то в состояние раздражения, «шума и ярости», то враждебно-холодного безразличия. Здесь же, в этом тёплом доме, С. А. зажигала свечи и ладан и своим тихим, умиротворяющим голосом рассказывала чудесные истории о счастливых и любящих растениях, об умных, героически-благородных животных и о людях, живущих вместе с ними какой-то особенно прекрасной жизнью. Я слушал её в состоянии приятного полусна-полубодствования, и до меня доносились отдельные слова и предложения:

– Какое красивое название: «Родословная альтруизма», не правда ли? Эту книгу написал великий исследователь и великий человек... Анализ громадного количества фактов, теорий, гипотез в сочетании с собственным научным опытом привели его к неопровержимому выводу, что уже древнее племя без нравственных начал было обречено на вымирание, и, значит, человечество без альтруизма, т. е. соперничества другому [альтер – эго = «другой “я”»], не выжило бы... Сама идея справедливости, добра, самопожертвования подобна фениксу, – говорил он, – она способна к регенерации, постоянному возрождению из пепла... И она постоянно прослеживается в живом опыте... Вот небольшой пример.

Есть стая маленьких обезьян. Она знает, на водопое её может встретить леопард, её враг. Естественно, стая старается его избегать. Но иногда бывают случаи, когда избежать столкновения оказывается невозможно... И тогда в центр стаи становятся самки с детёнышами, их окружают самцы, и в таком виде они идут к воде. Но! Вперёд выдвигаются два молодых самца: обезьянки маленькие, а леопард по сравнению с ними большой, – они первыми встречают хищника. Один бросается на шею, другой – на хвост, и, как правило, оба погибают в неравной схватке. Но и леопард ослабевает, если не гибнет тоже, а стадо получает воделенную воду...

...И как, скажите на милость, кроме как «подвиг» и «героизм», можно назвать этих маленьких смелых обезьянок? Предположить, что они не понимают, на что идут каждый раз, тоже невозможно... Откуда в природе появилось и постоянно воспроизводится благородное начало? А ведь оно есть везде, и обезьянки – только один пример... А защита своего стада и своей территории вожаком? А самопожертвование самок ради детёнышей? А преданная, порой смертельная дружба человека с самыми разными представителями животного мира? Может быть, в том числе, и отсюда появились слова в священной книге: «Нет большей любви, чем положить жизнь за други своя...»

...Я слушал ровно и мягко текущую речь С. А. и сквозь её

слова, внутри меня, сначала еле слышно, потом сильнее, начинала явственно звучать боль вины и неисполненных обещаний, сотканная из сплетения стыда за ошибки и бессилия их исправить... И в это время я услышал:

– Я бы назвала это совестью или пробуждающимся нравственным чувством... А потом:

– Хотите, я вам поиграю?

«Она угадала», – подумал я, закрывая глаза и расслабляясь. С первыми же звуками рояля, зазвучавшего хрупко и нежно, я стал ощущать неуклонно расширяющийся во мне простор внутренней свободы, надоедливая «пляска мыслей» куда-то исчезла, а на её месте отчётливо стала проявляться наполненная музыкой особая пустота. Приятно успокаивающее тепло медленно разливалось по всему телу, в то время как вокруг лба ощущалось лёгкое, прохладное дуновение ветерка, и всё это вместе – музыка, простор, прохлада и тепло – создавали впечатление такой удивительной свежести и чистоты, как будто кто-то невидимый, похожим на серебряные нити потоком, омывал меня целиком, наполняя сияющей энергией...

...Когда я открыл глаза, то первое, что увидел, была Ева, уютно устроившаяся у меня на коленях и тихо поющая свою

песню.

– И как долго продолжалось... всё это?

– Минут пятнадцать, наверное.

С. А. и Ева посмотрели друг на друга, Ева перевела взгляд на меня, как бы ожидая похвалы за хорошо выполненную работу. Я понял и погладил её с благодарностью. Она удовлетворённо мяукнула, спрыгнула с колен и вернулась на своё место.

– Умница, молодец! – сказала ей С. А. и обратилась ко мне:

– Вы, конечно, знаете, что лучшим доктором считается кошка: когда вы её гладите, это стимулирует определённые точки на ладонях, а её песни не просто успокаивают, но и снимают стресс, и даже кое-что похуже.

– Это кто-то исследовал?

– Вы опять за своё? Конечно. И здесь все единодушны – и учёные, и народная мудрость, и общественное мнение. В Интернете вывесили список (со всеми необходимыми ссылками!) из шести главных животных-целителей. Угадывать бу-

дете?

– Это собаки?

– ...собаки, лошади, пчёлы и змеи, но на первом месте – кошки!

Ещё чувствуя приятное расслабление, я медленно встал. Диана, всегда быстро считывающая моё настроение, поняла, что мы уходим, и подошла ко мне. Я ещё раз поклонился С. А. и Еве и спросил:

– А что это было?

– Всего лишь старый добрый АТ = аутотренинг.

– А музыка?

– Музыка обязательна.

– А Ева?

– А вот Ева – это уже роскошь.

– Я ваш должник.

– Ну да, – усмехнулась С. А. – Только не приносите ей «Вискас».

– Почему?

– Она любит всё натуральное.

Эти отрывочные записи наших встреч показывают, должен с горечью это признать, как бездумно я плыл по течению, растрачивая время, игнорируя чувства и забывая мысли, не предполагая даже, что когда-нибудь воспоминания будут раскачивать мою память во все стороны, пытаюсь восстановить прошлое. Когда пришло какое-то понимание, было уже поздно. Правда, я и сейчас думаю, записывать наши беседы С. А. всё равно бы не позволила. Она была известным театральным художником по костюмам и, как всякий истинный рукотворящий, мастер стремилась быть как можно дальше от каких-либо видов техники.

В то время, как мы встречались, я не сразу, но с каждым днём всё отчётливее стал замечать, что куда-то уходит, растворяется моя нервозность и раздражительность, первоначальная эмоциональная острота обид и потерь становится просто предметом для анализа, да и я сам постепенно превращаюсь в довольно уравновешенного, несамололюбивовни-мательного наблюдателя. Как и почему так получалось, я не

смог бы объяснить и сейчас, но то, что это было связано с влиянием С. А., у меня не вызывало сомнений. Она каким-то таинственным образом передавала мне способность «спокойного созерцания хода событий», доверяя к миру, уверенности в том, что мир расположен к каждому из нас, что всё есть и, тем более, будет хорошо, если я сам сумею настроиться на определённый лад, не стану отворачиваться от правды событий, но принимать на себя всю ответственность за происходящее и стараться сознательно выстраивать свои мысли и чувства в нужном направлении.

– Направлений этих множество, – говорила она, – об этом позаботилась современная наука – и не только! А мы вольны выбирать то, что больше всего соответствует нашей индивидуальности. Правда, есть и общие правила, например, наши эмоции. Они для нас как индикатор истинности или ложности. Очень быстро, почти мгновенно сообщают, о чём мы думаем и хорошо это для нас или плохо. Плохие новости – неприятные ощущения, негативные эмоции, например, подавленность, гнев, обида, раздражительность, чувство вины, зависти, страха... Особенно опасно чувство страха. Но и плохое самочувствие, дурное настроение, разочарование, тоска, депрессия могут привести к различным заболеваниям (сейчас врачи уже всерьёз говорят о том, что страх, депрессия, стресс провоцируют развитие раковых клеток). Если мы со своими дурными мыслями попадаем на частоту, выраба-

тывающую, хранящую негативную информацию, мы закономерно получаем ещё больший «негатив», в результате чувствуем себя ещё хуже, и так по кругу. Мир как бы говорит нам: ты это чувствуешь, значит, тебе это нравится; раз ты в этом поле постоянно находишься, значит, ты этого хочешь, – так возьми! Получи ещё! И всё вроде бы справедливо... В словах это выглядит несколько упрощённо, неточно, но вы, надеюсь, поняли, о чём речь. Я часто и на разные лады спрашивал сначала себя, а потом и С. А.:

– Значит, если ко мне придут другие чувства, например, восхищение, радость, благодарность, любовь, в конце концов, то получается, и они способны притянуть, может быть, даже с большей силой, позитивные эмоции, которые будут отражаться и на моём самочувствии?

– Ответ положительный, – уверенно сказала С. А. – Как видите, всё просто и ясно. Наши чувства – любви, радости, милосердия, осознания истинности причин и следствий... – это своеобразные сообщения от нас во Вселенную и обратно. И главная, конечно, среди них ЛЮБОВЬ – к жизни, природе, отечеству, мужчины и женщины друг к другу, к детям... Заметьте, всё искусство «про любовь», и герой, нашедший любовь, всегда прав, а если потерял, предал её, – то осуждён.

Она задумалась на некоторое время, что-то припоминая,

потом стала говорить:

– Есть и выше познание, где «пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но Любовь из них больше». И «если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая...», «если имею дар пророчества и знаю все тайны..., а не имею любви, – то я ничто». Это – апостол Павел, первое послание к коринфянам...(*

Первое послание к коринфянам св. апостола Павла. – XIII: 13; 1, 2, 3.)

– Но ведь, насколько я помню, – осторожно заметил я, – именно

Павел был жестоким гонителем христиан, он их преследовал, убивал... С. А. улыбнулась своей доброй, лёгкой улыбкой:

– Более того, Павел не был среди 12 избранных апостолов, он никогда не видел живого Христа и написал свои 12 посланий до того, как появились на свет четыре главных Евангелия. Но! Он был преображён на пути в Дамаск, потом смог сам сделать те самые единственные шаги навстречу Богу, раскаяться и совершить со всею искренностью и пылом, ему присущими, то, что никому не удавалось в то время: он сам

познал учение Христа, и здесь он подобен нам, точнее, мы – ему, когда мы стремимся к высшему. А его образованность, пламенность, способность к проповедничеству, заражению вот уже больше двух тысячелетий вдохновляют и обновляют нас свежестью и силой слова:

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится; Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла; Не радуется неправде, а сорадуется истине... Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»*. (Там же. XIII: 4, 5, 6, 8.)

Я обречённо вздохнул:

– Для меня это недостижимо. Мне бы что-нибудь попроще: «Хочешь быть счастливым, будь им».

– Видите, для вас уже то, над чем с переменным успехом бьются современные психологи, – просто.

– Можно и продолжить: «Засмейся, и с тобой засмеётся весь мир. Заплачь – и ты останешься в одиночестве».

– Да. «Возрадуйтесь!» В Библии это пожелание звучит 365 раз,

т. е. столько, сколько дней в году.

– «Не судите, да не судимы будете»...

– У нас настоящий дуэт получился, в унисон, – обрадовалась С. А.

– Не скажите. Я как раз вспомнил о так называемом «скандинавском» или «норвежском синдроме», не помню точно. Это исследования о садистах, маньяках, похитителях и т. д. Результаты показали, что через какое-то время жертва старается понравиться палачу и вызвать тем самым ответные чувства. Что вы об этом думаете? С. А. Вздохнула:

– Ох, не знаю, голубчик, боюсь, не смогу вам помочь. Там, где нет «высшего смысла», по Достоевскому, может возникнуть что угодно, ибо «всё позволено».

С. А. никогда не стремилась меня во что-то «обратить», в чём-то убедить или переубедить, – ей это было совершенно не нужно, просто она говорила то, что думала и чувствовала, но само её присутствие вдохновляло меня следовать какими-то своими, хотя ещё смутно ощущаемыми тропами, желательно соизмеримыми с теми мыслями и состояниями, которые она раскрывала и которые находили отклик в моих

собственных поисках. Так, я сам «открыл» «Золотое правило» из «Золотого фонда человечества»: поступайте с другими так, как вы хотели бы, чтобы с вами поступили другие. Я, конечно, соглашался: «Всё понятно», – и тут же возражал сам себе: «Но ведь далеко не всегда и выполнимо, да и не все это знают». Словом, сомневался я гораздо чаще.

– Вы математик? – как-то спросила меня С. А.

– В том числе...

Я ещё не понимал, куда она клонит.

– Вы легко заметили некоторые нестыковки в текстах, которые мы разбирали. Например, авторы говорят: «если вы поступите так-то и так-то, то получите то-то и то-то». В определённых пределах это – правда, Закон именно так и работает. Я называю это «теорией среднего уровня» или, если снизить притязания ещё на один порядок, – «инструментальным уровнем». Вы хотите новую машину, – они часто приводят такого рода примеры, – выбирайте желаемую модель и постоянно прокручивайте этот «слайд» в голове, отчётливо, ясно, со всеми деталями, и довольно скоро всё как-то так и сложится, вам даже не надо думать, кто и как это будет делать, – говорят они, – и машина именно данной модели станет вашей. Разве не чудесно? – грустно сказала С. А.

– Люди любят такие чудеса... – попробовал заступиться я.

– Что же касается высшего уровня желаний и смыслов, глубинных причин возникновения связей между замыслом и исполнением, – здесь никто ничего по-прежнему точно не знает. Так, иногда, кое-кто догадывается. Кстати, лучшие среди пишущих на подобные темы честно признаются: «Это – Тайна, мы не знаем, почему так происходит, мы просто заметили, и не один раз, что при определённых условиях с одной и другой стороны это случается... Дальнейшее – молчание».

Я внимательно слушал С. А., а в голове вертелся один вопрос, и, наконец, я решился его задать:

– А вы сами используете эти законы в своей жизни?

Спросил и понял, что напрасно спросил. С. А. отвернулась, мне даже показалось, слегка поморщилась и неохотно проговорила:

– В некотором смысле, да.

– В каком смысле? – не унимался я.

– Видите ли, молодой человек, – тихо произнесла она, – привлекать к себе деньги, машины, наряды, тем более, успех и славу, это... не очень принято в нашем круге.

– Позвольте! – воскликнул я. – Что значит «принято» или «не принято»? Неужели ещё или уже снова, не знаю, как точнее сказать, существуют «свои» и «не свои» круги?

– Точнее, они существуют «уже снова», но я, конечно, не об этом.

Она посмотрела прямо мне в глаза и произнесла строго и твёрдо:

– У нас – принято – следовать – Заповедям – Заветам – и Нагорной проповеди.

Я растерялся:

– То есть, вы...

Я смотрел на С. А. и то ли вспомнил, то ли, наконец, догадался, что не следует так бесцеремонно вторгаться в частную жизнь другого человека. В голове стали мелькать какие-то слова о свободе вероисповедания, дурных манерах и даже зачем-то о том, что церковь давно отделена от государства...

По-моему, я покраснел, и С. А. смилдовалась: – Вы, разумеется, не можете знать, Ника...

«Хорошо, – облегчённо вздохнул я, – уже не “молодой человек”, а Ника».

...что меня воспитывала моя бабушка, а она родилась в 19-м веке.

– Не может быть! – искренне удивился я, радуясь такому развороту нашей беседы.

– Может! В начале Отечественной войны ей ещё не было и 50 лет. Это для вас Вторая Мировая – далёкая история, а для нас – самая настоящая жизнь. Мама с папой воевали. Отец и его 14 солдат погибли, когда им не было ещё и 30 лет, защищая небольшую деревушку в Молдавии с красивым названием «Дубки». Все как один. Очень похоже на фильм «А зори здесь тихие», только это про молодых мужчин, юношей, а там были девушки. Потом им поставили памятник, высекли имена на мраморе, отец там – первый, он был командир. Сейчас не знаю, остался ли памятник или нет... Мама снова вышла замуж, у неё был военно-полевой роман, тоже почти как в кино. Потом – новая семья, дети, а я так и осталась с бабушкой, до конца, до её конца... Хотите взглянуть на её портрет?

– Конечно!

На фотографии была изображена юная красавица лет 18, стоящая вполоборота и смотрящая в сторону от объектива. На ней было нарядное кисейное белое платье, обтягивающее тонкую талию и плечи. Волосы и грудь украшали жемчуга. Одной рукой она придерживала лёгкую ткань платья, в другой держала веер. Мне захотелось перевернуть фотографию и я вопросительно взглянул на С. А. Она слегка кивнула головой, разрешая. На обороте было написано:

Продолговатый и твёрдый овал,

Белого платья раструбы... Юная бабушка, кто целовал Ваши надменные губы?

(Из Марины Цветаевой, 1913 год)

Я смотрел на прекрасное, молодое, такое нездешнее лицо, и у меня в голове протяжно и грустно зазвучала скрипка, и чей-то знакомый голос тихо проговорил: «серебряный век»... Я повернул голову в одну, потом в другую сторону, и как будто заново увидел всё вокруг: старинные картины и фотографии на стенах, большой киот с иконами в глубине дальней комнаты, перед ним – зажжённая лампада, в шка-

фах – большие тяжёлые книги с золотым тиснением на переплётах. Я увидел стройный силуэт С. А. в длинном платье, её тонкие руки, зажигающие вечерние свечи, и почувствовал всем существом своим, как давно живут эти вещи в доме вместе с нею, как далёк и неведом мне этот строгий, чужой мир и как жаль, что он вряд ли примет меня к себе, да и почему, собственно, он должен меня принимать, если я сам живу в совершенно другом, временном, суетном, не совпадающим с ним, таким вечным миром?

Мимо прошла Ева, мягко задела меня своим пушистым хвостом, но я не стал её гладить и касаться, я был полон горького прозрения: «С. А. всё это время разговаривала со мной не то что вполсилы, а просто как с неразумным щенком, который ещё только учится понимать первые, самые простые слова человека».

– Зачем вы предлагали мне эти упрощённые, облегчённые варианты? Разве нельзя было иначе?

Я запнулся, не зная, что сказать дальше, но С. А., кажется, поняла.

– Не обижайтесь, – она добро и грустно смотрела на меня. – Не так уж всё и упрощённо. Не гневите Бога и не пестуйте свою гордыню. Вы как раз многое сейчас способны

понять и сделать, а многое уже сделали.

– Почему «сейчас»?

– Потому что кризис – это и новые возможности, а не только потери. А духовный поиск может начинаться с чего угодно, ...ибо «все пути ведут к храму».

– А почему «из Марины Цветаевой», а не просто – «Марина Цветаева»?

С. А. была само терпение:

– Видимо, потому, что у Марины Ивановны написано: «чёрного платья раструбы», а здесь – «белого».

– А почему «видимо»? Разве не вы это писали?

Нет, не я. Право, какой вы сегодня...

Мы замолчали. Ева ходила по комнатам, появляясь, казалось, сразу в разных местах. Я, наконец, смутился: – Извините, действительно, я, пожалуй, пойду... – Приходите. Ева явно вам симпатизирует.

– Не знаю...

Через несколько дней я, конечно, пришёл снова, но продолжения закрытой для меня до сих пор темы не последовало. Каким-то шестым чувством я смог уловить, что сейчас нельзя ни о чём подобном спрашивать С. А., что это я не готов к разговору и что поэтому никаких объяснений с её стороны не последует.

Теперь меня уже не удивляли ранее поражавшие своей неразрешимостью контрасты: где-то люди ссорились, обманывали и предавали друг друга; в новостях ежедневно вещали о том, как человек не прекращает калечить и убивать себе подобных, тем паче «братьев наших меньших» (не стесняясь, с гордостью заявляя о таком, например, решении европейского суда: «крокодилов будут мучить, т. е. сдирать живьём кожу для дорогих дамских сумочек, – но меньше»). Где-то совсем рядом, сегодня, сейчас всё это происходило и происходит, а здесь, в усадьбе, было тихо, спокойно, и казалось до странности уместным, что по утрам пахнет свежемолотым кофе, вечером звучит «живая» музыка и в любое время дня тебе внимают с портретов благородные, умные лица, как бы поощряя к неторопливым беседам о несуетном. В этом мире не было места раздражению или гневливому осуждению, но было сопереживание, стремление к пониманию каких-то очень важных вещей.

Я задумывался об этом не раз и однажды вдруг осознал,

что вот, наверное, это и есть одно из практических проявлений тезиса «подобное притягивает подобное». Правда, когда я сказал об этом С. А., она не согласилась, но и не объяснила, почему, – просто развела слегка руками и заметила: «Как-нибудь в другой раз поговорим».

Однажды, после просмотра одной из популярных вечерних передач, заканчивающихся ответами на вопросы анкеты приглашённого гостя, я спросил С. А., что бы она сказала, если бы и ей пришлось предстать перед апостолом Петром. Она, ни секунды не раздумывая, ответила:

– Благодарю.

– За что?

– За жизнь, конечно.

Я запоздало удивился, уже к тому времени немного представляя её отношение к массовому вещанию:

– Вы смотрели... эти передачи?

– Нет, я читала Пруста.

Думая, что разгадал причину уединённой «книжной»

жизни С. А., я как-то полуутвердительно спросил:

– Вам, наверное, скучно бывает с людьми? – и, конечно, ошибся.

– Ответа «да» или «нет», опять же, не получится. Всё гораздо интереснее. Книжки, конечно, надёжные собеседники, но я разделяю и то мнение, что каждого человека, встретившего тебе на пути, следует воспринимать как своего учителя.

– Говорят многие, но мало кто следует...

– Голубчик! Если бы всё было так просто! Позвольте, я вам кое-что прочту.

Она подошла к бюро, где у неё хранились какие-то карточки, и вынула одну из них: «Нынешняя молодёжь привыкла к роскоши. Она отличается дурными манерами, презирает авторитеты, не уважает старших. Дети спорят с родителями, жадно глотают пищу и изводят учителей». Кто это мог сказать, по вашему мнению?

Я молча пожал плечами.

– Ну, хотя бы, когда? – добавила С. А.

– Думаю, недавно...

– Вот! Так же сказали и студенты вашей мамы, правда, она провела этот опыт лет 20 тому назад, поэтому-то я и думала, что вы знаете правильный ответ.

– Я тогда, в основном, мыл чужие машины за деньги и мало интересовался мамиными студентами.

Она пропустила мимо моё остро-политическое замечание и сказала:

– Сократ. Пятый век до нашей эры. Думаю, что были и раньше подобные высказывания, а «воз и ныне там». А ведь все согласны, никто не против, не так ли?

Она выпрямила и без того прямую спину и мечтательно произнесла:

– Если бы можно было один раз сказать или написать – на черепке, на стене, на бумаге или на пергаменте, – и всё бы получилось, тогда, наверное, мы жили бы в другом мире. Но человек несовершенен, неразумен и иррационален.

С. А. помолчала и задумчиво добавила:

– Хотя... последнее его качество совсем неплохо. И вообще, пусть всё и все будут: парикмахеры и продавцы, наставники и лицедеи, священники и военные, и те, кто определяет цифровое будущее, и те, кто защищает традиции.

– Ну, да, – подхватил я, – дальнобойщики и оперные певцы, ветеринары и охотники, палачи и жертвы, и так по списку!

– Мир многообразен, и это... замечательно и ужасно. Но я говорю лишь о том, что пусть будут востребованы, или хотя бы замечены и приняты также и те, кто живёт «высшими смыслами», духовнонравственной жизнью, люди «облагороженного образа», beautiful people, вестники ноосферы...

– Но ведь вы не можете не понимать, что означает это так называемое многообразие?

Сначала я говорил более-менее нормальным голосом, так мне казалось, но потом уже просто кричал:

– Значит, пусть будут войны и предательства, а не только мир и благолепие, пусть плодятся болезни, страх перед будущим, перед «цифровой наготой», пусть человек впадает в бездну триады: депрессия – зависимости всех видов, начи-

ная с наркотиков, – безумие, а нам будет удобно и комфортно от игрушек индустрии развлечений в зомбированном обществе! Это вы хотите сказать?

С. А. подошла к книжному шкафу, достала какую-то книгу и стала её листать.

– Человечество продолжает жить, а, значит, продолжает бояться и мечтать, и поэтому оно нуждается в позитивных проектах. А вы правы, вам ещё надо бунтовать и бунтовать: «блажен, кто смолоду был молод», и «тот, кем бой за жизнь изведен, – жизнь и свободу заслужил».

С. А. закрыла книгу, поставила её на место и повернулась ко мне. Она улыбалась, а я по-прежнему кипел:

– Но как же так?! С одной стороны, всего несколько человек – мудрецы, пророки, святые, наконец, и с ними – истина; а с другой – миллиарды (!) – и ничто – нигде – не исполняется, никто – ничему – не желает – учиться – и продолжается без конца непрерывный, безумный шабаш жизни... Почему? Где справедливость? Где милосердие? Получается, всё напрасно и не надо уповать ни на какие откровения и заповеди, а жить, как живётся, «после нас хоть потоп», главное – «здесь и сейчас» – ухватить, присвоить, овладеть любой ценой, государственным переворотом или даже насильствен-

ным изменением сознания людей! Есть ведь и оправдание: идёт «пир во время чумы», значит, «всё позволено»! Так?!

С. А. несколько секунд прямо смотрела мне в глаза, а может быть, чуть выше, не помню, но я вскоре почувствовал, что успокаиваюсь. Потом сказала ясно и твёрдо:

– Нет! Не так. Да, их мало, «держателей истины», их и должно быть мало: станет больше, истина в этом качестве завладеет бльшим количеством людей, – снова выдвинется вперёд следующая плеяда святых мудрецов и провидцев, откроет следующий уровень знания, и т. д.

– «Мало» – это сколько? – не очень кстати встрял я. С. А. даже слегка поморщилась, но всё же ответила:

– Сколько надо. Когда в деревне прежде умирал знахарь или юродивый, через некоторое время появлялся другой, и никак не раньше. Потом продолжила:

– Но уберите их из жизни вообще, эти откровения и высокие идеи, и что останется? Вы сами сказали – «выживание», а не жизнь; войны, конкурентная борьба за власть, капитал и сферы влияния; «Золотой миллиард» и порабощение других; рынок, шопинг, деньги? И ради этого стоит жить?

Лицо у С. А. побледнело, синева глаз разгорелась ещё больше и она заговорила тихо и страстно:

– Пропадут герои и их подвиги, исчезнет чудо святости, влюблённые перестанут совершать свои безумства во имя Любви, а художники и мыслители писать свои великие возвышенные творения. Исчезнет таинственная связь Творца земного и небесного, и не будет уже в мире таких сокровенных слов:

...И вот вошла. Откинув покрывало, Внимательно взглянула на меня.

Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала

Страницы Ада?» Отвечает: «Я»...

Пропадёт аромат жизни, исчезнет смысл человеческого существования... И неужели мы увидим его, испачкавшего в пыли колени? «Отрекись, Галилей, отрекись, что изменится во Вселенной?» Я встал прямо, во весь рост перед С. А.:

– Всё изменится, – сказал и неожиданно для себя поцеловал ей руку.

– Ладно, – смутилась и она. – Пойдёмте пить наш тради-

ционный вечерний чай.

– Извините меня, я опять, кажется, погорячился...

– Нет, нет! Не кляните себя. Эмоциональное сострадание – вполне человеческое чувство. А может быть, сегодня кофе?

– Можно и кофе, – бодро ответил я.

– Помните, одно лишь верно: Жизнь останется вовеки, она-то уж точно никуда не денется.

С. А. вдруг весело рассмеялась. Я удивлённо на неё взглянул.

– Я вспомнила один забавный эпизод. В Комарово, где жила Анна Андреевна Ахматова, приезжает её внучка по мужу и с порога сразу говорит: «А нам в школе сказали, что Бога нет». И Анна Андреевна, точнее, актриса, которая её играла, отвечает густым таким, низким голосом: «А куда же он делся?» Чудесно, не правда ли?

Ах, какой это был тёплый, милый вечер! С. А. была, что называется, «в ударе». Она много шутила, вспоминая свои встречи с разными, в основном очень талантливыми, судя даже по рассказам, людьми, хотя большей частью, по своей

привычке, старалась не называть имён. Я смеялся, радовался, проникался атмосферой легко рождающегося, искреннего, доверительного взаимопонимания и общения, тогда ещё не отдавая себе отчёта, почему, как и, главное, с помощью кого всё это происходит. И никаких особых предчувствий у меня не было тоже, как бы мне ни хотелось задним числом их всё-таки иметь.

Вернувшись домой, полный впечатлений, я даже не потрудился хоть что-либо записать. Позже, когда я захотел вспомнить эту встречу, у меня в памяти всплывала чаще всего одна история про Фолкнера, подрядившегося после войны в Голливуд из-за нужды писать сценарии по чужим произведениям. Когда ему заказали сценарий по роману Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и попросили сделать счастливый конец («Happy end», как там было принято), он (т. е. Фолкнер) тотчас ответил: «Хорошо. Я напишу, что победила Германия», – и ушёл. Навсегда. И это при том, что Фолкнер испытывал творческую ревность к Ремарку.

– Желающих переписать историю и сейчас хоть отбавляй, – заметил я.

– «Что было, то и будет», и «нет ничего нового под солнцем», лишь «суета сует и томление духа»...

Здесь я должен сделать одно небольшое отступление относительно одиночества и книжного общения Софьи Алексеевны. Довольно скоро я узнал, какую динамичную, наполненную жизнь, даже в нашем понимании, вела она все эти годы: она летала по всей нашей громадной стране и за рубеж, выполняя заказы на оформление костюмов в театрах, как скромных, провинциальных, так и прославленных, лучших, мировых; вела мастер-классы, читала лекции по очень широкой проблематике на трёх или даже пяти языках, т. к. получила ещё пару дипломов и множество сертификатов, кроме Академии Художеств; писала статьи и книги по истории театральных костюмов и ещё о чём-то (я не запомнил); устраивала (с помощниками, наверное) балы и маскарады в театрах и творческих клубах, многолюдные праздничные застолья у себя дома; участвовала в работе благотворительных организаций, получала многочисленные награды и призы в разных странах... Список, который мне показали, был ещё длиннее.

Множество замечательных людей нашего города, Санкт-Петербурга, и не только, считали за честь быть знакомыми с нею. Впоследствии те её родственники и друзья, с которыми мне пришлось общаться, единодушно утверждали, что она почти ничего не говорила о себе, тем более такого, что могло бы выглядеть нескромно с её точки зрения, никогда не жаловалась, не оповещала окружающих о своих бедах и печалях. Кое-кто даже цитировал её любимое выражение: «Есть

вещи, которые не только говорить, слушать даже неприлично». Она всегда была мила, доброжелательна, внимательна ко всем людям, и, что особенно трогательно, вообще ко всему живому, а живым она воспринимала весь мир. Тут уж и я свидетель.

Во время недолгого периода, когда мы с ней общались, никто больше в округе не приходил к ней в дом. Поэтому, наверное, я и сделал ложное предположение о её добровольном уединении. А оно было лишь одним из этапов, небольшим эпизодом её насыщенной, богатой событиями жизни, а может быть, и одной из новых жизней, достигнутых в процессе «САМОПРЕВОСХОЖДЕНИЯ».

Она любила это слово и то, что в него может быть вложено. Не случайно оно оказалось вынесено и в заголовок моих записок.

Уже тогда, во время встреч с С. А., я начал догадываться: понятие самопревосхождения настолько глубоко и сложно-организованно, что каждый, кто решается войти в процесс, названный этим словом, должен, по крайней мере, осознавать, какой долгий путь ему предстоит. Однако уже сейчас я могу с уверенностью повторить за теми, кто думал и действовал в этом направлении, что само явление самопревосхождения имеет глубокие корни, оно вырастает из сложив-

шейся за многие тысячелетия (начиная со времён священных писаний и доктрин древнего мира – вплоть до наших дней) научной системы взглядов и интуитивных прозрений о громадном потенциале человеческих сил и способностей к развитию и саморазвитию, о почти безграничных возможностях человеческого духа, даже если люди не всегда в состоянии чётко сформулировать эти идеи. Тема «жизненного избытка», дарованного человеку, а значит, и возможность выхода его за пределы изначально заданного круга самоотождествления, как бы в ходе соревнования с самим собой, ведущего к обретению истинной целостности, т. е. пониманию необходимости и возможности собирания самого себя из хаоса бытия, – эта тема выдающихся творений философии, религии, искусства настойчиво прослеживается на протяжении всей истории человечества. При этом всегда подчёркиваются главные смыслы открытия способности человека к самопреобразованию и самопревосхождению, которые связаны с осознанием своей собственной неповторимости, уникальности, собственных необозримых возможностей, порой непробуждённых, но реально существующих и «открытых» уже в первые годы жизни ребёнка. Человек наделён свободой так наполнять, одухотворять, изменять мир и себя в этом мире, таким образом нести за это ответственность, чтобы достойно исполнить «общее дело» и сократить расстояние между Человеком и Богочеловеком.

Но здесь я уже вступаю на территорию, которую мне ещё только предстояло освоить в дальнейшем.

Как-то в начале марта мне позвонил приятель, по совместительству – коллега, и стал настаивать на том, чтобы я приехал на работу, где происходят, как он выразился, «грандиозные события по перезагрузке». Поняв, что я почему-то «не врубаюсь» в ситуацию, он стал приводить «весьма соблазнительные», на его взгляд, аргументы, в частности, то, что меня могут назначить веб-дизайнером, о чём я «давно мечтал», – подчеркнул он. Так как я по-прежнему не выразил энтузиазма, он сказал, что не поленится и приедет за мной сам, и тогда уж точно сможет убедить меня в необходимости «личного присутствия при смене руководства и ведущих линий развития нашей фирмы». И он, действительно, приехал.

Сначала я активно, потом всё более вяло сопротивлялся, а в конце встречи и «вовсе дал слабинку», – заметил, ухмыляясь, приятель и позволил себя увезти, благо машина стояла перед домом с невыключенным мотором. Я попытался ещё настоять на том, чтобы попрощаться с С. А. («Соседкой? – спросил он. – Зачем? Ты же скоро вернёшься»). О, как же я потом сожалел, что уехал, даже не зайдя к С. А., что городские деловые хлопоты оторвали меня от деревни (так я называл наш посёлок) почти на месяц, и какой месяц!

Дорога нам предстояла долгая, и я попытался кое-что объяснить своему приятелю из того, что так занимало меня последнее время. Не знаю, насколько связно, но несомненно горячо, я говорил о том, что человек, какой он есть сейчас, ни в коей мере не является завершённым существом, что до сих пор нет убедительных доказательств его неоспоримой физической или умственной эволюции, что «естественный отбор» по Дарвину – это вялотекущий процесс с неизвестным, а возможно, и отрицательным результатом, одновременно происходящий с «неестественным отбором», который как раз идёт быстро и страшно в нашем безумном апокалиптическом мире, что «раскачивание» информационной асимметрии человеческого разума резко увеличивает отставание «общественного интеллекта от требований, предъявляемых к его качеству со стороны бытия», и что поэтому возникают «чёрные дыры» познания, в которых исчезают, казалось бы, незыблемые человеческие ценности...

– Следовательно, – продолжал я, – остаётся лишь два сценария дальнейшего хода: либо – гибель, распад, хаос, либо – выход из беспорядка на иной уровень порядка и сотворение нового мира из хаоса.

Приятель посматривал на меня с любопытством и даже, казалось, сочувствием:

– Ты где этому научился?

– В деревне.

– Да, – он задумчиво покивал головой. – Сложный диагноз.

– Не дури! – отмахнулся я.

– Легко сказать...

– И всё-таки сказать надо! Заблокированная мысль может остановить...

– Стоп! Хватит! Сейчас ты договоришься до того, что мы, с этими «смысловыми воронками», обречены вымирать как гедонистическая, эгоистическая цивилизация! Напугай ещё «концом света» и...

– Да ничего подобного! – возмутился я. – Позитивный сценарий имеет ничуть не меньше шансов, нежели негативный. Нужно лишь грамотно использовать свою потрясающе адаптивную, вероятностную систему организма и его способность к гибкому изменению жёстких схем реагирования, – если тебе так понятнее, и всё будет ОК.

– Понятно. Всё ОК, – как будто успокаивая меня, с готовностью согласился приятель и перешёл сразу, без перерыва, «к обзору местных новостей», как он выразился.

– Что? – Тебе? – Понятно? – взвился я. – Ты вообще этого не мог нигде слышать.

– Почему же? – невозмутимо откликнулся приятель и опять сочувственно посмотрел на меня.

– Да потому, что мы с тобой говорим только о железках, женщинах и курсах валют. А-а-а! – я отмахнулся двумя руками и замолчал. Приятель, напротив, очень оживился:

– Ну, зачем же так? Можно кликнуть мышкой, и Википедия выложит тебе всё, что пожелаешь. А?

Я молчал.

– Да понял, понял я! – воскликнул он вдруг. – «Подумаешь, бином Ньютона»! «Просветлённые», «Закат цивилизации», «Я знаю, что ничего не знаю», «Открытие “Я”»... Ты опоздал, старик, эта мода уже прошла.

Я не удержался и опять попытался возразить:

– При чём здесь мода? – но он меня уже не слушал, а говорил сам.

– Сейчас на первом месте снова «западники» и «славянофилы», «православие, католичество и ислам», «террористы и мигранты», кто мы? – скифы-азиаты «с раскосыми и жадными очами» или носители «всепримиряющей идеи» и «мировой соборности», а над всем этим – чёрный флаг с надписью «money-money»!

Я обратил внимание, как привычно и ловко приятель уводит меня в сторону к готовности поверхностно отзываться на всякую мысль, не вникая в её суть, к расхожему, лёгкому перебрасыванию мячей-реплик, ничего не значащих фраз, не потому даже, что они все неверны, а потому, что они чаще всего тут же искажаются, а, главное, не проживаются лично, оставаясь просто игрой слов, привычным способом «поддержания разговора». Однако сквозь его равнодушную насмешливость просвечивали не просто напор или агрессивность, но, как ни странно, и обида. Он произносил слова вроде бы скучающим тоном, не настаивая и даже как будто не желая, чтобы им верили, но не переставая при этом наступать на меня.

– А для просветлённого ты что-то слишком агрессивен, – перебрал он мне по привычке свой же «мячик-состоя-

ние». – Вроде бы знание даётся одновременно с духовным прозрением? «Ась?» Я прав?

Конечно, он, как всегда, передёргивал, но сейчас мне не хотелось в этом участвовать и даже впервые стало неловко, что я так некстати откровенен и горяч. Я отвернулся и сказал:

– Прости. Сорвалось. Я сейчас не в лучшей форме, ты знаешь, хотя, конечно, это не причина...

– Зачем ты так много думаешь? «Кто умножает познания, умножает и скорбь». За разговорами о смысле жизни можно и жизнь про... потерять, – с самодовольной ухмылкой вещал приятель.

«Опять подмена», – с тоской подумал я, но вслух уже ничего не сказал.

– Ладно, расслабься, – он почти добродушно кивнул и включил музыку, кстати, неплохую.

Мы надолго замолчали, и я был благодарен ему за это. Однако на душе было по-прежнему тревожно, беспокойно. Тогда я не мог связать концы с концами. «Не из-за этой же глупой перепалки? Не изза этой... А из-за чего же?» – спросил

я себя, но ответа не было...

Когда мы уже подъезжали к городу, приятель, не глядя на меня, неожиданно сказал:

– А в общем-то, ты прав, старина. Информация ещё не есть знание.

Я с интересом посмотрел на него:

– Ты что, тоже интересовался всем этим?

– Было дело. И тоже на сломе, как и ты. Потом как-то всё обычное наладилось, а необычное куда-то ушло.

– Изменил себе?

– Ну да, – хохотнул приятель. – Это привычней. Поэтому, наверное, нас всех и обозвал популярный писатель «биомас-сой». Всё!

Приехали. Просыпайся, Диана. А тебя я завтра жду в кон-торе.

Приятель уехал, а я стоял с Дианой и думал о том, что большинство главных вопросов не имеет ответов, но решать

их всё равно надо.

Когда через несколько недель я появился в родительском доме, благополучно решив свои производственные проблемы и в приподнятом настроении, я был поражён, как сдержанно, почти равнодушно встретила меня мама. Раньше я, может быть, и не обратил бы на это внимания, но сейчас ясно ощущал, что она грустна, рассеянна, погружена в свои думы, и думы эти вовсе не светлые.

После того, что со мной произошло в деревне, я был полон самых радужных впечатлений, и мне не терпелось её о многом расспросить, но я не знал, с чего лучше начать. Обычно мама улавливала моё настроение и сама помогала сделать первые шаги. Сейчас она молчала, отвернувшись к окну, как будто забыв о моём присутствии. Молчал и я. В результате у нас получился довольно странный разговор.

– Мама, – спросил я наконец, глядя ей в спину. – Почему ты мне никогда ничего не рассказывала о Софье Алексеевне?

– А должна? – равнодушно, не оборачиваясь, откликнулась мама.

– Ну, её дочь была, как я теперь понимаю, твоя лучшая

подруга?

– Да, она была моя (мама выделила это слово) лучшая подруга.

При чём здесь ты?

Я решил не обижаться: чему-то ведь меня Софья Алексеевна научила! – и поменять вопрос на утверждение:

– Ты часто виделась с Софьей Алексеевной.

– И что?

Я всё-таки слегка обиделся и сказал первое, что пришло в голову:

– А то, что мне, например, интересно, откуда она так хорошо знает, как обучали дворянских девушек в Смольном институте!

– Софья Алексеевна была урождённая княгиня Берестова и, соответственно,...

Мама даже не стала дальше продолжать, а я был потрясён.

– Как княгиня? Но почему, почему я об этом ничего не знаю?

Значит, и Аська, т. е. Анна-Мария, – княжна?

Мама резко повернулась ко мне. На её лице была усмешка. Глаза смотрели холодно.

– «Не совсем», как обозначают у вас в ответах ЕГЭ, «местами», ведь был ещё дед, отец...

И вдруг она неожиданно накинулась на меня, от равнодушного тона не осталось и следа:

– Ты что? Действительно ничего не помнишь? Или делаешь вид? А как она вас с Асей водила на концерты в филармонию и театральные кружки, как шила вам с ней роскошные костюмы к детским утренникам, как возила к морю? Вы же столько лет дразнили с мальчишками:

У княжны у Аськи

Губы как у Васьки...

А девочка только выше поднимала голову и никогда, никогда не плакала, не жаловалась и не отвечала. «Don't

explain, don't excuse». Я опустил голову и, закрыв её руками, пробормотал:

...Губы их не дуры —

Любят сливки с курой...

– Ну вот, вспомнил. – Мама уже спокойно, но по-прежнему строго смотрела на меня. Потом потрепала по голове и сказала:

– Ну-ну, не тушуйся так, дурашка, никто из этого уже давно не делает драмы. Да, «из бывших», и что? Скажи ещё: «Ваше сиятельство!» – засмеют.

Я помотал головой, со стыдом вспоминая, как нелепо вёл себя с Софьей Алексеевной; как часто небрежно, почти свысока разговаривал с Асей в те редкие минуты, когда мы пересекались в нашем доме, и не заметил, как стал раскачиваться и, кажется, мычать.

– Это ещё что такое? – осадила меня мама, но я её не слушал.

– Всё! Надо ехать немедленно! Извиниться, просить прощения...

– Извинять себя не стоит, – машинально поправила меня мама. – Давай, кланяйся: «Пожалуйста ручку!» Щёлкни каблук и громко крикни: «Честь имею!» Откуда ты набрался опереточных манер? «Графиня изменившимся лицом бежит пруду»... – Мама! Что ты несёшь?

– Это – классика.

– Ты не понимаешь, я должен...

– Должен. – Мама вдруг стала очень серьёзной и твёрдо отчеканила:

– Но. Никуда. Ты. Не поедешь!

– Почему?!

Она опять быстро отошла к окну, отвернулась от меня, достала платок и стала прикладывать его к глазам. – Сонечка умерла...

...Не знаю, через какое время я очнулся. Мама всё так же стояла у окна и плакала. Я подошёл к ней, обнял за плечи и прижался к ним щекой.

– Ты её очень любила?

Мама повернула ко мне своё такое родное, такое милое, заплаканное лицо с припухшими губами:

– Почему «любила»? Я и сейчас её люблю, и буду любить всегда. Она нас всех вырастила – и меня, и Верочку, и вас с Асей.

Мы немного постояли рядом, молча. Потом мама осторожно освободила плечи из моих рук, выпрямилась, как струнка, подошла к зеркалу и стала приводить себя в порядок. Я, не отрываясь, смотрел на неё, мало что понимая, а потом вдруг заметил, что думаю о том, как ей идёт это чёрное платье и как хороша её головка с гладко зачёсанными и собранными назад в большой узел тёмными волосами.

– Мама! Ты красавица.

Она не могла не улыбнуться, но улыбка получилась грустной и быстро пропала.

– Ты останешься здесь. Постарайся примирить Еву с Дианой.

– Значит, Ева здесь?

– А где же ей быть? Ася приехала и снова скоро уедет. Бедная девочка, теперь она «круглая сирота».

И в ту же секунду в проёме между комнатами появилась Ева и села на пороге, аккуратно поставив перед собой передние лапы, изящно обвив их своим пушистым хвостом, и стала смотреть на меня, не мигая. С другой стороны неслышно вошла Диана и не менее изящно села рядом со мной.

– Ну вот, – сказала мама, – они всё понимают лучше нас, – и ушла в прихожую одеваться. Я было пошёл за ней, но она махнула рукой, заставляя меня остаться. Я вернулся, лёг на диван, и Ева сразу устроилась у меня на груди, но сегодня она молчала и не пела своих загадочных песен. Диана расположилась на коврикe рядом с диваном, уткнув свою голову мне в плечо. Я чувствовал, мы вместе были как одно целое.

...Мама пришла поздно, протянула мне запечатанный пакет.

– Здесь ключи от загородного дома Софьи Алексеевны, если ты захочешь туда зайти.

– Я-то, конечно, захочу.

Внутри пакета был конверт, а в нём листок гербовой бумаги, на котором чётким почерком от руки было написано:

Дорогой Ника!

Вы чрезвычайно меня обяжете, если заглянете в мой дом в любое удобное для вас время и выберете что-либо, что вам понравится, – на память. Пожалуйста, не стесняйтесь себя и поверьте, мне это будет очень приятно.

Приношу свои извинения за то, что не успела сделать этого раньше.

Искренне ваша С. А.

Это было первое настоящее письмо, которое я получил в своей жизни. Даты не было.

Уже на следующий день я стоял перед домом Софьи Алексеевны с ключами, ещё не смея сразу войти. Потом решился. Дверь легко отворилась. Внутри было пустынно, тихо, холодно и очень красиво. Все вещи застыли на своих местах, как будто зная и ожидая, что их разбудят. Я принёс дрова, растопил печь и, не раздеваясь, долго сидел, глядя на огонь, ни о чём не думая. Потом понял, что всё-таки думаю: о вещах вокруг как о живых существах, о том, что если научиться

смотреть на них долго и попытаться понять, то можно услышать их тихое дыхание и то, как они тебя слушают, прежде чем с тобой заговорят, и ты сольёшься, например, с этой безмолвной бронзовой вазой или портретом, вас ничто не станет разделять, и, может быть, ты даже почувствуешь что-то ещё, должно быть, душу самого творения...

Дом быстро и охотно наполнялся теплом, постепенно оживая. Я снял куртку, поднялся на второй этаж в мастерскую, откинул тяжёлую портьеру и вошёл. На подрамнике в центре стоял портрет девушки, очень похожей на Софью Алексеевну, как я её представлял себе в юности: те же синие глаза, те же густые волосы, только без седины, отливающие насыщенным каштановым цветом, были заплетены в длинную косу. Портрет был удивительно хорош, особенно по контрасту с окружающим пейзажем: за окном – ранняя, слякотная, пасмурная петербургская весна, а на картине – буйное цветение красок лета. Девушка сидела на низенькой скамеечке в саду под деревом, естественно освещённая ярким полуденным солнцем. Лучи пробирались к земле и человеку сквозь вязь листьев и веток, по пути обогащая замысловатым рисунком теней. Девушка смотрела прямо на меня.

Глаза её сияли, губы вот-вот готовы были раскрыться в радостной улыбке, и вся её тонкая, гибкая фигурка, и даже эта цветастая летняя юбка, широко раскинутая по траве, были полны ощущения такой непреходящей, никогда не заканчи-

вающейся жизни, что, мне показалось, я даже тихо застонал от бессилия и невозможности что-либо изменить или вернуть назад. И в это мгновение я почувствовал лёгкое движение у себя за спиной, обернулся и увидел Диану, которую оставил во дворе, а рядом с нею Асю. Я сразу её узнал, более того, сразу понял, что на портрете изображена именно она, а не Софья Алексеевна, хотя её современный молодёжный «прикид» был совсем не похож на тот, что изображён на картине, а волосы, перетянутые на лбу узким ремешком из тонкой кожи с орнаментом, не были заплетены в косу, но свободно распушены по плечам.

– Привет, – сказала она спокойным, негромким голосом, почти как у Софьи Алексеевны. – Тоже разгадываешь «Тайну»? Тогда это надолго.

– Ася... – Я встал, не зная ещё, как себя с ней вести. – Вижу, вы подружились, – кивнул я в сторону Дианы.

– Легко, – согласилась Ася.

Я чувствовал себя неловко, как чужой человек в чужом доме, неизвестно, на каких основаниях оказавшийся здесь. Наверное, поэтому я машинально вынул письмо Софьи Алексеевны и протянул его Асе.

Она лишь мельком взглянула на конверт и строго спросила:

– Ты хочешь, чтобы я прочла... чужое письмо?

– Да.

Она как-то очень быстро пробежала глазами по листку, вложила снова в конверт, очаровательно улыбнулась и вернула его мне:

– Так ты уже выбрал здесь что-нибудь?

– Нет...

– Ну, время есть.

Ася легко двигалась по мастерской, перебирая, рассматривая, поглаживая, как бы лаская, предметы.

– А можно я буду просто приходить сюда и... – я запнулся.

– И что? – Ася чуть насмешливо поглядывала на меня, продолжая неслышно ходить, что-то переставлять, направлять, раздвигать, так что вскоре помещение, не знаю, каким образом, сделалось обжитым и уютным.

– Читать, например...

– As you please. А если ещё будешь и протапливать дом, то совсем прекрасно.

Она развернулась и близко подошла ко мне. Ася была очень тонкая и почти такая же высокая, как я. Она пристально, не мигая («как Ева», – подумал я) посмотрела мне в глаза, как будто что-то проверяя перед тем, как сделать решительный шаг, и вдруг сказала:

– Пойдём, выпьем...

Я даже вздрогнул от неожиданности.

– ...помянем Сонечку.

Мы все трое, вместе с Дианой, спустились в гостиную. Ася похозяйски (хотя, что я говорю, она была и есть здесь самая настоящая хозяйка) открыла бар, достала бокалы и предложила мне самому выбрать, что я буду пить. Выбор, надо сказать, был большой. Ася уверенно, почти не глядя, взяла какую-то бутылочку и плеснула себе в бокал, а я немного застрял, разглядывая этикетки. Потом мы молча, не чокаясь, как и положено у нас, выпили: я – «за Софью Алексеевну»,

она – «за Сонечку», – и сели.

Я по-прежнему чувствовал себя неловко, решая, сразу уйти или лучше всё же подождать и попытаться наладить хоть какой-то контакт. Ася задумчиво смотрела прямо перед собой, похоже, совсем забыв о моём присутствии.

– Знаешь, – неуверенно начал говорить я, – последний раз, когда мы встречались с Софьей Алексеевной, она была так весела и оживлённа, ничто, казалось, не предвещало... – я опять запнулся и замолчал.

Ася, вежливо улыбаясь, но думая явно о чём-то другом, всётаки поддержала разговор.

– Да, она умела быть по-светски неотразимой и обворожительной, если хотела, разумеется. Не зря ведь её воспитывала самая настоящая «Смолянка». Но! – она подняла выразительно ладонь вверх. – Заметить, что у неё на душе на самом деле, не смог бы никто, так что не комплексуй понапрасну, – бодро закончила Ася и снова прямо и твёрдо посмотрела мне в глаза. Я отвернулся.

– Я хочу, – ясно произнесла она, – сделать тебе важное предложение. – Она помолчала. – Начни писать книгу.

– О чём? – машинально откликнулся я, погружённый в

свои воспоминания.

– О самопревосхождении, конечно.

Сначала я даже не понял, правильно ли её расслышал, потом не поверил тому, что услышал, потом – вскочил, замахал руками и, кажется, забыл о своей неловкости:

– Это невозможно! Ты соображаешь, что говоришь? Да я ничего в жизни не писал, кроме SMS и пояснений к компьютерным программам!

– Это неважно. Послушай меня. Послушай! – повторяла она, потому что я бегал по комнате, отчаянно жестикулируя и произнося какие-то междометия.

– Ты так разволновался, будто сам думал об этом, но не решался признаться.

Ася уже откровенно насмешливо смотрела на меня, сложив руки у груди.

У тебя разыгралось воображение, – буркнул я.

– Воображение здесь не при чём. – Ася спокойно наблюда-

ла за моими передвижениями, пока я не остановился и произнёс:

– Закроем тему.

– Не вопрос. Только это не моё предложение, вернее, не только моё, а ещё и Сонечкино.

– Софья Алексеевна... так пожелала? Но зачем?

Ася стала отчётливо произносить фразы, делая ударения в определённых местах:

– Она сказала, у тебя сейчас довольно редкое сочетание состояний: взволнованной готовности и искренней восприимчивости. К тому же, нервы напряжены из-за кризиса, ты не равнодушен, в том числе, и к новому знанию, поэтому быстро движешься, поглощаешь, перерабатываешь информацию...

– У тебя получается, я её съедаю...

– Очень остроумно. Продолжим? Так что, описывая то, что думаешь и чувствуешь, step by step, уже в процессе написания ты сможешь, ко всеобщему удовлетворению всех участников, решить все ваши проблемы, а потом, если всё

будет идти правильно и хорошо, уже и сам начнёшь получать удовольствие от этого процесса... раздумий. Может быть, даже раньше. Сонечка часто повторяла: обретение истины возможно, когда есть искреннее чувство к самому знанию и открытость ему же. Я бы ещё от себя добавила, что и её саму забывать негоже, не только потому, что она такая прекрасная... – Она-то прекрасна, – вздохнул я.

– Без комментариев, рыцарь, – откликнулась Ася и продолжила, – а потому, что в ней сосредоточились нити, пучки мыслей, текстов, чувств, энергий, если ты понимаешь, что я хочу сказать. В общем, они тоже не должны пропасть. Да и долги надо отдавать, – прибавила она со значением.

Ася облегчённо выдохнула, как бы исполнив самую трудную часть необходимой работы, и откинулась в кресле, изучающе глядя на меня. Я молча отошёл к окну. На улице уже не было так серо и пасмурно, день разгорался, и чувствовалось, что скоро появится нежное мартовское солнце.

– Да кому это нужно? – наконец хмуро проговорил я.

– Согласна. Мало кому. Так ведь это не рыночный заказ, где важен спрос, сбыт, прибыль и прочее. А если всё-таки выразаться на этом языке, то получается – «штучный товар для малого круга знатоков». На самом деле речь вообще не

идёт ни о какой выгоде или материальной цели, тем более не о так называемой «элите» в современно-гламурном издании. Их просто не существует в данном случае.

– Это никому не нужно, – тупо повторил я.

– Это нужно тебе – для осознания себя. Мне – для того же самого и для радости, что кто-то стал... немного лучше и добрее, скажем пока так.

– Почему же «добрее»? – не понял я и повернулся к Асе.

– Потому что это будет дар Сонечке в память о том, что не напрасно она... бисер рассыпала.

– Говори уж прямо, «метала»!

– Не буду. Это неправда, а Сонечка с детства приучила меня не лгать, и теперь я просто физически не могу это делать, у меня слова буквально застревают в горле.

Ася тихо посмеивалась, но при этом так трогательно смотрела и прикладывала палец к губам, что, действительно, стала похожа на маленькую девочку.

– А почему ты сама не хочешь написать? – с опозданием

сообразил я и с интересом взглянул на Асю.

– Пробовала. Не получилось.

– И что же у нас выходит? – уже уверенно сопротивлялся я. —

У тебя, человека с гуманитарным образованием, как я понимаю...

– ...несколькими дипломами высшего гуманитарного образования, – смеясь, вставила Ася.

– Ещё лучше! ...человека, всю жизнь прожившего с Со-
нечкой, – не получилось, а у меня, технаря, который и зна-
ком-то был с ней без году неделю, – получится? Да?

Да. У тебя и для тебя сейчас открыты двери, так иногда бывает, – мило улыбнулась Ася.

– Скажи ещё «врата»...

– Можно и «врата». Кстати, они так же легко закрываются, как и открываются, если ты, например, поленишься и не купишь лотерейный билет.

– А это ещё что такое?

– Господи! Ты и этого не знаешь?

– Не знаю. Поэтому не могу и не хочу.

– Действительно не хочешь? – Ася уже без всякой на-
смешки серьёзно смотрела на меня. Я посоображал немно-
го и ответил: «Ну, не знаю...», а сам поймал себя на мысли,
что мне уже стало приятно сознавать, что она так искренне,
энергично старается меня убедить.

– Так что там с лотерейным билетом?

Ася взяла свой бокал, где по-прежнему было немного ви-
на, и взглядом предложила мне присоединиться.

– Слушай, неофит. Один мужик всё жаловался Богу, что
Он его не любит, не отвечает на его мольбы, хотя он так ста-
рается ему угодить. «Хоть бы раз в лотерее помог мне выиг-
рать», – просил он обиженно. Прошёл год, разыграли лоте-
рею, и опять наш мужик без выигрыша. «Что же ты, Господи,
я ведь так просил, и такую малость». «А ты бы купил хоть
один лотерейный билет, горемыка», – ответил Бог.

– Понятно. Но Сонечка тебя бы не похвалила за эту...

примитивную историю.

– А я не для неё, а для тебя старалась.

– Ну да, я – «невежда», «свинья», кто ещё?

– Перестань. Я вижу, женщины тебя избаловали.

Я удивлённо смотрел на Асю, но она только отмахнулась:

– Потом поймёшь. А сейчас лучше открывай ноутбук и начинай писать. Это и есть твой «лотерейный билет».

– Если бы всё было так просто...

– Ну, разве это не её слова? И они уже твои, заметь!

Солнце вышло из-за туч и мягко осветило всё вокруг. Старинные зеркала наполнились отблесками его косых лучей и в доме стало ещё красивее. Я подошёл к книжным полкам и стал, как недавно Ася в мастерской, поглаживать их кожаные, тиснённые золотом переплёты.

– Знаешь, я недавно рылся в старых журналах на нашей даче и прочитал любопытную статью. Один исследователь, этнограф, кажется, изучая какое-то племя, оказал, похоже,

серьёзную услугу некоему аборигену, и тот, в благодарность за спасение или что-то там ещё, пожелал поехать с ним в Канаду и жить у него в доме в качестве слуги.

– Ну да, кем же ещё, – тихо промолвила Ася.

– Учёный, естественно, наблюдал за ним, «дикарём в городе», за его реакциями на современные блага цивилизации, описывал всё это в своих научных журналах, получал, соответственно, гонорары, – словом, всё как обычно. «Дитя природы» (мне как-то неудобно называть его «дикарём»), у него, например, оказалось развито такое чувство благодарности, какое не часто встретишь в наших собственных «джунглях»), – так вот, этот человек всё, что совершенно не умещалось в его сознание, например, видеопроектор, кухонный комбайн, телевизор (получается, другой техники тогда ещё в употреблении у обывателей не было) – он не замечал вовсе, т. е. в упор не видел. Представляешь, картинка на экране движется, а он её – реально! – не видит. То же, что было на грани его понимания, например, водопровод, он мог часами, сутками, годами наблюдать, пытаюсь разгадать: включал, выключал краны, смотрел, как течёт вода, как перестает течь, капает и т. д.

– Скажи, к чему ты мне это рассказываешь? – насторожённо спросила Ася.

– К тому, что и я, как этот дикарь, нахожусь лишь на грани понимания, не более того.

– Это не бесспорное утверждение, – возразила Ася и продолжила: – Я знаю эту историю, и журнал, и имя учёного.

– И ты молчала! Почему?

Потому что мне хотелось, понимаешь, хотелось услышать твою версию, и я её услышала. Ты рассказал эту историю совершенно иначе, чем там написано, по-своему, а то, что добавил с добродушной иронией, мимоходом некое наблюдение о благодарности и назвал аборигена «дитя природы», и вовсе замечательно. Ты ещё не осознаёшь, но, можно сказать, уже начал писать, пока ещё в уме, будущую книгу, а скоро и сам заметишь, как начнёт «возрастать интенсивность мыслеобразов», насколько мощнее станет «собственный поток сознания».

– Это не мои слова.

– И не мои, Сонечкины, но они станут твоими. Помнишь, как она говорила: «Только собственный опыт, собственное переживание могут продвинуть вперёд». Судьба и случай тоже иногда помогают, но они непредсказуемы, слишком часто

бывают капризны. Это последнее замечание тебе уже от меня, – лукаво глядя на меня, засмеялась Ася, став очень похожей на Софью Алексеевну и свой портрет одновременно.

Я немного расслабился и успокоился от её своеобразных похвал, но, главное, от её необычного, всё более окутывающего меня обаяния, но Ася вдруг резко изменила свою поведку, голос, легко, гибко, как красивый натренированный зверёк, одним движением встала со своего глубокого кресла и совсем другим тоном, почти равнодушно проговорила:

– А впрочем, поступай, как знаешь. Твой выбор.

Я замолчал. В голове бродили какие-то образы, никуда не исчезающие, неоконченные мысли. Как же о многом я не спросил Софью Алексеевну, а хотел... Она иногда намекала на что-то, я пропускал... Или говорила: «потом, в другой раз», а я забывал... И теперь другого раза не будет, и все главные, «вечные» вопросы останутся без ответа... Я не смогу их разрешить, но не смогу и перестать задавать их себе... «Что это за сила, которая всем управляет?..» И где я слышал уже эти слова?.. «Что такое жизнь и что есть смерть?..»

– Так далеко я бы на твоём месте сейчас не заглядывала, – ответила Ася, хотя я был совершенно уверен, что ни о чём не спрашивал её вслух. Но это почему-то совершенно меня

не удивило.

Понимаешь, – продолжала она, – люди постоянно делают одну и ту же ошибку. Они ставят глобальные, общечеловеческие вопросы, относящиеся к целому миру, возмущаются его несовершенством и изобилием непобедимого, на их взгляд, Зла, искренне желают изменить этот мир, а им надо понять всего лишь простую вещь: сначала нужно решить проблемы внутри себя, чтобы двигаться вперёд, в том числе и во внешнем мире; стать способными хотя бы осмыслить часть истинного Знания, которое зашифровано и которое открывается человеку только по мере его прозрения, осознания самого себя, и уже на этой основе – осознания мира. Никак иначе.

– Кажется, я уже сомневаюсь, что что-то знаю...

– Так это же прекрасно! В добрый путь, искатель.

– А ты не хотела бы привести хоть один пример?

– As you please. Все знают, по крайней мере, думают, что знают – в основе всего лежит ЛЮБОВЬ. Все пьесы, романы, песни, кризисы и разочарования, львиная доля работы психологов и социальных педагогов, врачей и социальных ра-

ботников – связаны с любовной сферой. Пока убедительно?

– Да.

– Тогда постарайся ответить на такой вопрос: почему, если Любовь пронизывает всё и всех, если она сверхценна и «сильна, как смерть», если от неё зависит счастье человека, то откуда так много несчастных людей?

Я, кажется, начал что-то понимать, но сам не мог сформулировать, а вспомнил слова Софьи Алексеевны из послания апостола Павла:

– «Любовь не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не мыслит зла...»

– И такая любовь, – подхватила Ася, – без собственничества и ревности, без эго и гордыни, – неизменно приводит к счастью, или даже благодати, что ещё выше. Только вот зародиться, «случиться» она может лишь внутри человека и с помощью его собственных усилий.

– Где же её такую найти? – печально отозвался я.

Об этом и речь...

– Ася! Скажи на милость, почему Софья Алексеевна была со мной на «вы»?

– Ты не помнишь, – утвердительно произнесла Ася, – когда мы с тобой встречались ещё в детском саду, она неизменно говорила: «Молодой человек, не могли бы ВЫ...», ну, и дальше чтонибудь, вроде – «подать мне перчатки» или «стакан воды».

Потом без перерыва добавила:

– Мне пора уезжать.

Однако, несмотря на этот новый, строгий тон, я теперь явно ощущал, что отношения между нами изменились, и вовсе не в худшую сторону. Я уже не чувствовал себя неловким чужаком, случайно оказавшимся в её доме, скорее, возможным партнёром по «общему делу», поэтому почти уверенно произнёс:

– Может быть, мы вместе будем работать?

– Да я и не отказываюсь. Вот, возьми для начала.

Она порылась в письменном столе, достала планшет и протянула мне.

– Это мои «непричёсанные мысли». Можешь их использовать или не использовать, как захочешь. А вдруг что-то пригодится?

– Ты сомневаешься? – усмехнулся я.

Потом она нашла где-то ещё красиво оформленный подарочный буклет с отпечатанным текстом и тоже отдала мне. Я прочитал сначала про себя, потом вслух:

Посвящается моей любимой бабушке

Пора! Я вышла на дорогу,

Туда, где путь поэта серебром блестит,

Хочу продлить свою молитву Богу,

Услышать, как звезда с звездой говорит.

И ты услышь меня, небесное творенье, Настало время камни собирать.

Открой свой тайный мир, хотя бы на мгновенье, Чтоб я

смогла его здесь воссоздать.

Наверное, в Искусстве Сотворенья

Есть сокровенный замысел Творца.

Его, быть может, Муза вдохновенья

Познать способна, и тогда гонца

Послать – тебе иль мне, или кому иному,

Идущему навстречу ей святому,

Философу, бродяге, да любому

С необщим выражением Лица,

Как сыну блудному, нашедшему Отца.

А.-М.

Я спокойно произнёс, пристально глядя на Асю:

– Я так не смогу.

– И не надо. Пиши прозу. Отступить тебе некуда.

Я промолчал и подумал: «Похоже, она права насчёт отступления». И мы заговорили о будущей книге, как о чём-то решённом именно для нас и ни для кого больше. Потом я спросил:

– И всё-таки, почему Сонечка сама не написала о самопревосхождении?

– Не знаю. Я говорила ей об этом и уговаривала тысячу раз: «Ну, Сонечка, ну хоть несколько страниц! Хочешь, я тебя запру, как Лао-Цзы на границе, и не выпущу, пока не напишешь свои нетленные строчки»... – И что?

– Как видишь. Без результата. Её уже нет, и книги тоже. О причинах могу только догадываться. Она-то сама их называла, и каждый раз разные, вовсе не связанные друг с другом!

Например?

– Пожалуйста. Она не считала слово своей стихией.

Ася увидела, что я готов возражать.

– Подожди! Я тоже не согласна, но у неё своя логика или антилогика – на выбор. Можешь себе представить, она мне говорила, например: «Я не уверена, что надо хранить какие-то слова. Они возникают и растворяются. Так и должно быть в природе». Или ещё краше: она была убеждена, что автором подобного текста обязательно должен быть мужчина, «мастер». Постой, я сейчас закончу. Конечно, она лукавила и знала об этом прекрасно, хотя бы потому, что мой Учитель, а её Большой Друг (друг с большой буквы), тоже ничего, кроме точно доказанных, как $2 \times 2 = 4$, научных фактов, не печатает, да и не говорит, если честно, разве что таким исключениям, как она сама. А они оба знают, вернее, «прозревают», ох, как много! И ведь есть другие, такие же, как они.

– Послушай, разве их надо учить правдолюбию и великодушию, убеждать, что скрывать открытия, согласитесь, господа, не совсем...

– По-моему, здесь что-то другое, – задумчиво сказала Ася. – Эти «шестидесятники» и «диссиденты», отчаянные, в общем-то, ребята, и они добыли-таки для нас свободу слова, печати и пр. А что получилось? Они же не слепые... Может быть, они считают, что ещё рано открывать... нам новое знание.

– Но ведь предсказать результат всё равно никто не мог, а не драться за идеалы, в которые они так поверили, они тоже не могли. Знали ведь, на что шли: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...» Зачем же так казнить себя?

– А они не себя, а нас казнят.

Ася тряхнула головой так, что её великолепные волосы взметнулись вокруг плеч, и «свернула» тему, как бы подводя итог:

– Сонечка под конец была уверена, и никто не смог бы её переубедить в том, что если она или кто другой так живёт, ощущает, тотально переживает нечто, тем более важное для других, – это уже существует в мире, никуда не исчезает, напишем мы об этом или нет, прочтёт кто-либо или пройдёт мимо. И это всё абсолютно справедливо. Она создавала свой особый мир и соприкасалась его, сопереживая, с Большим Миром вокруг. И она, как идеалист, верила, что так может каждый. Разве этого мало?! «Спаси себя, и вокруг тебя спасутся тысячи», ибо «Царство Божие внутри тебя».

В ответ я хотел вернуться к своим любимым вопросам: «Тогда зачем писать?» и «Кому это надо?», но Ася остановила меня раньше, чем я их произнёс.

– Это относится к таким, как она, но не к тебе и не ко мне.

Ася быстро двигалась по дому, стремительно всё вокруг прибирая, одновременно собирая себя в дорогу и разговаривая со мной. Я слушал, как она произносила, нанизывала слова – одно на другое, и мне казалось, что это говорю я сам, что это мои мысли и предложения.

– Всё! – воскликнула она, падая в кресло.

Рюкзак и дорожная сумка, упакованные, стояли рядом с нею.

– Присядем на дорожку, – сказала Ася и так лучезарно улыбнулась, что я снова вспомнил портрет, увидел наполненное счастливым ощущением жизни лицо в солнечном свете и почувствовал такой мощный прилив сил, что тотчас встал, расправил плечи и, кажется, впервые осознал свою ответственность за всё происходящее, в первую очередь за эту хрупкую девушку с портрета, как бы завещанную мне Софьей Алексеевной, – сестру, о которой я должен заботиться и которую должен защищать. Ася тоже встала, продолжая очаровательно улыбаться:

– Так-то лучше.

Я взял её вещи и мы вышли на крыльцо. Здесь она меня остановила, надела рюкзак на спину, сумку на плечо и пошла одна по дорожке к калитке.

– Как тебя найти? – крикнул я.

Она, не оборачиваясь, подняла в прощальном жесте руку вверх: – Я что-нибудь придумаю.

Мы с Дианой долго смотрели ей вслед, пока на фоне заходящего солнца не появилось у неё над головой облако синего цвета, быстро окутало и скрыло целиком. «Цвет индиго», – успел подумать я и в то же мгновение почувствовал у себя в руке какой-то предмет. Я разжал ладонь и увидел маленькую изящную пирамидку из оникса.

– Это ты мне принесла? – спросил я Диану. Она преданно смотрела своими умными глазами, такого же цвета, как пирамида, но ничего не отвечала.

– Хорошо, – согласился я. – Пусть будет ещё одна тайна.

Мы вернулись в дом. Он был тёплый, сказочно красивый и почти родной. Со всех сторон на нас смотрели с потемневших от времени картин и икон ещё ясно различимые в наступающих сумерках торжественно-благородные лица и ли-

ки, безмолвно, только своей сохранностью и запечатлённой выразительностью словно доказывая, что можно надеяться и жить иначе, нежели в мире за пределами их времени и пространства, как будто приглашая и меня присоединиться к пониманию жизни, которое они своей таинственной силой из века в век передавали и передают нам.

Я медленно зажигал свечи, стоящие повсюду, и во мне бродили мысли и образы о тайне самопревосхождения, и я понимал, что это самое главное, что мне предстоит сделать в расступающемся передо мной времени, – создать текст – из отдельных слов, фраз, картинок-воспоминаний и размышлений, – текст, который я ещё не мог представить, но чувствовал, как он зарождается во мне, и ощущал его как ДАР, завещанный мне Софьей Алексеевной.

Послесловие читателя.

Я нашел эту рукопись 19 декабря 20...г. в день Святи-

теля Николая Чудотворца или Николы Зимнего, как сказал мне чудаковато -интеллигентного вида пенсионер, которого я подвёз по дороге к себе домой, на Каменноостровский проспект. Не успел я закрыть за ним дверь, как увидел под сидением ЕЁ и протянул своему случайному пассажиру:

– Вы забыли...

– Нет, нет, я не курю!

– Но это не зажигалка, а флэшка, – сказал я.

– Тем более, – ответил он и опять стал рассыпаться в благодарностях за то, что я не взял с него денег.

«Ну, ботаник,» - усмехнулся я, отъезжая и перебирая в памяти наш разговор с забавным старичком. Дело в том, что меня тоже зовут Николай, но я впервые и только от него узнал, почему меня так называли. Оказывается, по православной традиции, ребёнку при крещении даётся имя того Святого, чей день Ангела приходится на время, наиболее близкое ко дню его рождения, а так как я родился именно 19 декабря и, думаю, что был всё-таки крещён, то: «Сам Бог велел, – сказал мой собеседник, – носить вам это чудное имя».

Дома меня ждал праздничный ужин, и я забыл о флэш-

ке, машинально бросив её в карман. На следующий день был выходной, воскресенье. Я встал поздно. В доме было уже прибрано после нашего «мальчишника» (соседка, которую я нанимаю для таких случаев, знала своё дело), тихо, светло. «Мороз и солнце, день чудесный...» – пританцовывал я, обтираясь после контрастного душа, включая кофемолку, со вкусом просматривая, что мне было приготовлено на завтрак, и вдруг вспомнил о своей вчерашней находке. Я решил посмотреть, нет ли на ней каких-либо «опознавательных знаков» владельца, и включил компьютер. Когда на экране появились первые надписи: «Ника Смирнов. Самопревосхождение», – я даже вздрогнул, – ведь именно это слово несколько раз прозвучало в разговоре с моим случайным попутчиком, и именно так, как меня, или почти так зовут автора текста, который уже начал высвечиваться на экране. Я, конечно, его прочёл. Я был как раз тот самый читатель, который не только не бросил его, дойдя до слов «сознание» и «самоосознание», но был совершенно им увлечён.

Когда я закончил чтение, в голове бродили разные «приятные во всех отношениях» мысли, а какая была улыбка на лице, дурацкая или блаженная, не знаю, я себя со стороны не видел. Вот такой тебе, Никола, подарок нарисовался ко дню рождения и дню Ангела. Одновременно. Теперь-то я знаю, что они у меня совпадают, – думал я. – А мама Ники очень напоминает нашего препода по английскому в Униве-

ре. Когда перед аудиторией раздавался стук её каблучков, наши мужички все подтягивались, а девицы ревниво начинали смотреть на себя в зеркальца. Она была хороша, действительно, с этой гладкой, на прямой пробор причёской, переходящей в тяжёлый узел на затылке, всегда элегантная, строгая, в меру насмешливая... На чистом английском языке, полученном явно от его носителей, она умела не просто говорить, но и шутить. Класс! Как он там сказал? «Beautiful people». Точно. С княгиней не пересекался, врать не буду даже себе. Да и не мог! Шансов никаких. Возраст не тот, а главное, статус другой. Хотя, говорят, чем выше происхождение, тем проще человек, в смысле так называемой «высокой простоты»... Судя по описанию, у С. А. она есть, т. е. была. К сожалению...

Зато в княжну Мери я влюбился сразу, разумеется, безнадежно, как Грушницкий, но без всех этих интриг, выстрелов и пр. Я бы просто хотел носить ей цветы и, может быть, когда-нибудь написать..., например, оду, подражая всем подряд – от Петрарки до Бродского. А что? Надо попробовать... Размечтался! Завис! – резко оборвал я себя, встал и подошёл к компу – посмотреть, не пришла ли почта. Я уже успел поместить краткое объявление в Сети: «Найдена рукопись

Н. Смирнова “Самопревосхождение”. Обращаться по адресу:...» Никакого ответа.

Я очень хотел познакомиться с Никой. Сам процесс его поиска вызывал во мне отклик. Я чувствовал, был уверен, уже те смыслы, что были заложены в текст, тем более в подтекст, – требуют дополнительного обдумывания, обсуждения, желательно, обмена мыслями, т. е. живого общения. А ведь ещё должна быть, как минимум, вторая часть!

Теперь надо было думать о том, как найти его, судя по всему, парня ненамного старше меня, с моей вышки – единомышленника. Как это будет смотреться с его стороны, не знаю. В любом случае, я хотя бы должен вернуть ему то, что принадлежит по праву. Поэтому: «предлагаю автору текста откликнуться в любой форме и в любое время.

Мои координаты те же: kamerton12@mail.ru».

*

Часть вторая

От Николая Север-Романова

Незадолго до Рождества, почти сразу после Нового года, пришло долгожданное и всё равно неожиданное сообщение

от автора. Ника Смирнов назначал мне свидание на Невском проспекте в кафе напротив Думы в два часа дня. В половине второго я уже был на месте, чувствуя себя растерянным и собранным одновременно. Дело в том, что пару недель назад, не получив ответа на объявление о найденной рукописи, я, по совету своих подружек, выложил полный текст «Самопревосхождения» на сайт «Проза.ру». Естественно, там потребовались личные данные от заявителя, и я, недолго думая, обозначил свои, сочинил оригинальный, по моим понятиям, пароль и стал с любопытством ждать реакции. И она последовала! – Но только не от автора и не от его героев, которые, как он написал, а я поверил, действительно «существовали на белом свете», – а от читателей. Особенно мне понравились первые рецензии (я заглянул на странички их составителей), и вот почему... Но нет, об этом я стал размышлять гораздо позже, и, если получится, как-нибудь опишу подробнее в другом месте. Это интересно!

А пока мы просто забавлялись новой игрой, вроде безобидной авантюры. Так нам представлялась эта история, по крайней мере, тогда, тем более, что текст прочли несколько человек из моих близких знакомых, он им реально понравился («не всё же слушать плохие новости!»), и они закричали в голос: «Пусть реорле-ы тоже возрадуются!», «Надо же, типа, делиться» и т. п. Кто-то, правда, заметил, что неплохо бы, по делу, спросить у автора, но его хором перебили: «Не

тупи! Автору, всяко, не повредит!»; «Мы же ему бесплатную рекламу погнали, непонятки, что ли?» – и всё в таком духе.

Тогда меня ещё не очень коробил наш молодёжный жаргон, хотя собранные в одном месте подобные выражения, согласен, выглядят довольно удручающе, а тогда я, наверное, просто к ним привык, даже как будто забыв, что воспитывался в так называемой «хорошей семье», учился в школе «с углублённым изучением иностранных языков», в институте – на архитектурном факультете, – и везде были образованные, интеллигентные люди, среди которых знание классической литературы считалось достоинством (а не «пургой»), а умение и желание читать стихи – дополнительным «бонусом» («ну вот, опять скатился!»). Да ведь совсем недавно я и сам гордился, что знаю наизусть всего «Евгения Онегина» и кое-что ещё. Неважно, что у меня природа такая – запоминать: знал и до сих пор знаю! – Это факт.

Так когда же всё это пропало? И «куда вы удалились, ... золотые дни»? Память услужливо предоставляла всё новые картины и строчки, и вот уже: «...воспоминание безмолвно предо мной свой длинный развивает свиток; и с отвращением читая жизнь мою...» Нет, я не стал их смывать, но и дочитывать тоже.

Сейчас, когда я пишу эти заметки, возможно, к будущим «мемуарам молодого человека» (допускаю, непривыч-

ное для слуха словосочетание, но пусть останется пока так), – я стараюсь не забывать, что меня в своё время неплохо обучили владеть нашим «великим и могучим», ещё до встречи с Никой, а уж после прочтения рукописи, которая меня заразила своей ясной и доступной простотой, я даже не удивился, когда понял, что знаю и этот текст почти наизусть. Сейчас мне представляется, что я уже в то время начал догадываться, что сложность всё-таки существует, но она находится где-то за пределами простоты и ясности текста и передаётся как... особое состояние души, что ли. Не знаю, сумел я выразить свою мысль или нет.

Итак, после самовольной публикации мы все дружно уверовали, что делаем благое дело, однако, сидя в кафе и ожидая Нику, я вовсе не был в этом убеждён. Скорее, наоборот, что-то подсказывало мне, что такое вольное обращение с «чужой интеллектуальной собственностью» ежели и не тянет на «преступное пиратство», то, по крайней мере, выглядит чистой воды самоуправством и даже какое-то... неприличие... во всём этом есть. Я терялся в догадках: что скажет «он»? Как мне, по уму, ответить? Как объяснить, что мы хотели как лучше. Ну, да, вспомнил я фразу из записок, – «а получилось как всегда»...

Не зная, что ему заказать и надо ли вообще это делать, не в силах себя успокоить, я просто тупо сидел и пил кофе. Ко-

гда ровно с боем часов на Думской башне вошёл в зал предположительно тот, кого я ожидал, я ещё больше растерялся. Он был слишком красив, слишком круто упакован для, как бы это поточнее выразить, – думающего мэна. «Вот сейчас он улыбнётся, – подумал я с раздражением, – и вообще станет похож на голливудского актёришку, вышагивающего по красной дорожке мимо восторженных фанаток и фотографов. Господи! Что за чушь лезет мне в голову!» – недовольно одёрнул я себя, ещё раз взглянул на него и, как ни странно, успокоился. Помню, в тот день я был особенно внимателен к деталям, что обычно мне не свойственно, поэтому без труда отметил, что он совершенно естественно, даже чуть небрежно, несёт на себе следы нашей «дорогостоящей цивилизации», а когда улыбнулся, то стал и вовсе похож только на самого себя и ни на кого больше: загорелый где-то в горах, молодой, сильный, абсолютно самодостаточный мужик, подтянутый, закрытый, при этом доброжелательный без напряжения, но и ни на что и ни на кого не претендующий. Словом, *libertas and beautiful!* И я как-то сразу забыл, что ожидал увидеть совсем другого человека: разочарованного, не очень уверенного в себе, сомневающегося, не всегда удачно рефлексирующего. «Когда же он успел так измениться? – подумал я, – Ведь прошёл всего один год... Или я такой болван, что напредставлял себе этот нелепый автопортрет, якобы нарисованный самим автором, а на самом деле...» – Господин Романов?

Ника уже стоял передо мной. Я, наверное, кивнул. Он добродушно усмехнулся, жестом спросил разрешения сесть, я опять кивнул, а он одним движением снял головной убор, развязал длинный шарф и, расстегнув пальто, беззвучно оставил стул, легко устроив на нём своё довольно-таки «весомое тело». «О-ох! Что за стиль!» – молча снова одёрнул я себя и поморщился.

Около него мгновенно нарисовалась официанточка и что-то затараторила, но он по-прежнему смотрел на меня, и я опять, с поражающей меня самого наблюдательностью, отметил, какой пронизательный и цепкий у него взгляд.

– Что будем заказывать? – настаивала официантка, близко наклоняясь к нему. Они о чём-то говорили, я напряжённо молчал и ничего не слышал. Звук включился, когда девушка радостно засмеялась и убежала, обещая «очень скоро вернуться». «Ну да, как же иначе? И кто бы сомневался?» – рассеянно и недовольно отметил я, запоздало обнаружив, что молчание моё, кажется, затягивается.

– Карты на стол? – спокойно сказал Ника, снимая пальто, и я, несмотря на всю свою напряжённую озабоченность, не смог не признать, что его прекрасно сшитый классический тёмно-синий костюм и рубашка с высоким воротником

в тонкую полоску красно-серо-фиолетового цвета, расстёгнутая на верхнюю пуговицу, без галстука, – выглядят ничуть не менее стильно и современно, чем мои модные – кожанка, узкие джинсы с двухцветной футболкой и плетёные «фенечки» на обеих руках.

– Давай...

Я хотел ещё что-то добавить, но вдруг неожиданно для себя ляпнул:

– Я могу компенсировать.

– Что именно? – строго спросил Ника.

– Причинённый ущерб, – не очень уверенно ответил я.

– Ну и ну!

Он слегка откинулся на спинку стула, в упор глядя на меня, даже, кажется, прищурился, чтобы лучше рассмотреть:

– Ты же читал текст!

– Читал...

– Но там ясно сказано: «Это некоммерческий проект!»

– Я помню...

Он как-то незаметно изменил интонацию, и она стала более ироничной:

– Есть другие варианты?

– Ну не драться же! – резко вскинулся я.

Он скептически осмотрел мою, прямо скажем, не борцовскую фигуру, покачал головой и уверенно произнёс:

– Проиграешь.

– Почему же? – кажется, как-то криво ухмыльнулся я.

– Разные весовые категории.

Я стал ещё больше задираться:

– Зато, если «не потерплю успех», то хотя бы «одержу поражение»!

Он тоже не отставал, подался вперёд, и в его тёмных гла-

зах заиграли чёртики:

– О-о! Мы читали Довлатова. Тогда, может быть, дуэль, в соответствии с законами «Заповедника»? – Не понял... – Объясняю.

Он опять откинулся назад и совсем другим голосом, монотонно нанизывая слова, стал как будто читать написанный где-то текст: «Только со второй половины восемнадцатого века, когда дворяне у нас получили особые права и были избавлены от телесных наказаний (он чуть выделил два последних слова), – появилось чувство собственного достоинства, чести и, соответственно, дуэль как требование удовлетворения за поруганную честь, а поведение человека перед лицом смерти стало свидетельствовать об уровне его самооценки...» Этого я совершенно уже не мог вынести:

– Не понимаю, ты мне лекцию, что ли, читаешь?!

Я говорил внешне спокойно, как мне казалось, а на самом деле с холодной яростью, твёрдо решив, что раз контакт не получается, надо поскорее решить все дела и сваливать отсюда.

Однако Ника меня неожиданно остановил:

– Не спеши. Сеанс психотерапии уже закончен.

– Ты, вроде как, по другой части? – удивился я, на этот раз не успев даже заметить, что злость действительно стала пропадать.

– Теперь уже и по этой.

– А как?

Он понял, о чём я хотел спросить, и весело ответил:

– А так! Небольшое переключение внимания и...

В это время на столике появились приборы, лёгкие закуски в виде красиво оформленных бутербродов, питьевая вода, свежеприготовленный кофе и, судя по сложной упаковке, бутылочка фирменного бальзама.

– Позволь мне угостить тебя, – Ника говорил и продолжал пристально рассматривать меня, как бы проверяя моё состояние.

– Если ты думаешь... – опять было вскинулся я, но уже довольно вяло, и он мягко остановил:

– Я обязательно скажу тебе, что я думаю... несколько позже. А сейчас, – он показал на стол, – не пора ли нам отведать?

Он открыл бутылочку с бальзамом, немного налил из неё в свою чашку с кофе и протянул мне. Я стал вертеть бутылочку в руках, якобы внимательно читая надпись на этикетке, а сам думал совсем о другом.

– Спрашивай, – сказал, улыбаясь, Ника. Меня, похоже, уже не удивляло, что он «читает мысли» (вспомнилось, – «как Ася»), и я спросил совершенно серьёзно, стараясь глядеть прямо ему в глаза:

– Как ты это делаешь?

Он опять сразу понял, о чём я хотел узнать, немного подумал и стал говорить, делая небольшие паузы между словами:

– Так сразу и не ответишь... Скажу одно – никакого гипноза, внушения, нейро-лингвистического программирования здесь нет, просто... передача энергии доверия, расположения... от одного человека к другому. Как будто зажигаешь одну свечу от другой, и этот огонь передаётся... Вот как-то так. – Он слегка развёл руками.

– Да уж, действительно, проще некуда, – усмехнулся я. –

Но ведь надо ещё иметь такую энергию, плюс к тому, её выработать!

– Да. Ты прав. Но не менее важно и быть готовым её принять.

– А я был готов?

– В какой-то степени да, иначе бы ничего не произошло, наверное.

– Понимаю, – с горечью откликнулся я.

Ника улыбался:

– «Можно лошадь подвести к воде, но заставить её пить, если она не хочет, нельзя».

– ОК! Всё справедливо, – продолжал ворчать я. – А то многие своими глазами смотрят, и не видят, своими ушами слышат, и не понимают, а ежели, «имея очи, не видишь, а имея уши, не слышишь», то ведь и сам дурак.

– Вообще-то, Сонечка так не могла бы сказать. – Ника по-прежнему, чуть улыбаясь, внимательно смотрел на меня, не позволяя эмоциям «вскипать» на пустом месте. – Кстати, раз

уж ты стал цитировать разные тексты, я бы хотел спросить, не заметил ли ты и в моём кое-какие погрешности?

– Да нет. А где именно?

– Когда Софья Алексеевна говорит герою, что Ева ему «симпатизирует», это, скорее, мой неточный перевод. Она бы сказала иначе:

«благоволит», «охотно любезничает» или что-нибудь в этом роде.

– Не вопрос. Можно исправить.

– Или... – задумчиво добавил он, – не «ёлочные ветви», а «еловые», конечно, – и вдруг неожиданно оборвал себя:

– А впрочем, не надо, пусть останется как есть. Я думаю, ошибки, всякие «неправильности» иногда даже усиливают правдивость повествования, не правда ли? – почти как Софья Алексеевна, заключил он и переменял тему:

– Ты ведь ещё о чём-то хотел спросить?

– Да. Я правильно понимаю, ты сознательно пропустил или зашифровал, как угодно, множество идей, которые вы

наверняка обсуждали с Софьей Алексеевной? Срок был отпущен короткий, это факт, но ведь по активности день шёл за три или даже больше?

Ника сделал глоток кофе и, явно довольный, откинулся на спинку стула:

– Как ты догадался?

– Я заметил, ты мало похож на того раздражённого молодого человека, которого описал в начале. Значит, либо ты писал не о себе, что сам же и опроверг, либо многое и очень быстро должно было измениться. А это могло произойти лишь при очень активном общении и обучении, при особой «открытости к самому знанию», «искренней восприимчивости» и «взволнованной готовности к усвоению и переработке информации», – гордо, наизусть продекламировал я. – Да, память у вас, молодой человек... – Не жалуюсь.

– Я бы так не смог воссоздать собственный текст.

– Так как же насчёт дешифровки? – настаивал я.

Ника осторожно подбирал слова:

– По сути, да, конечно, не всё сказано, а из того, что ска-

зано, многое дано намёками. Но правда и то, что ничто не утаивается и ничто не скрывается так, чтобы – любой желающий! – он поднял руку, усиливая сказанное, – не смог познать и сам открыть смыслы! Ибо истина открыта – всегда! Каждый миг! Это мы закрыты, это мы прячемся за свои обманы, ложь, заблуждения, скрытые желания переложить ответственность, а часто и вину, – на кого-то другого. А так как я довольно скоро стал отдавать себе отчёт в том, что разозлён и подавлен и что причины этого состояния – во мне самом, то, вероятно, и получился такой образ.

– Зато я, как тот дикарь перед водопроводным краном, вот-вот, кажется, сейчас пойму, и снова всё ускользает.

Я замолчал, а потом неуверенно проговорил:

– Наверное, нелепо тебя просить ...как-то вразумить, что ли, или хотя бы привести пример, чтобы легче было понять, как двигаться дальше?

Ника молчал, и я удручённо добавил: – Но если нельзя... Он махнул рукой:

– Да нет! Я выбираю!

Мы оба немного помолчали, потом Ника продолжил:

– Может быть, для начала возьмём что-нибудь очень известное? Например:

- правило первое: «забудь старого себя»;
- правило второе: «настройся на нового себя».

Я удивлённо смотрел на смеющегося Нику:

– Но мне и это неизвестно! И ты это прекрасно знаешь.

Ника сделал успокаивающий жест:

– Да я и сам в них не очень! Это правило из монастырей. – Потом задумался немного и сказал:

– А может быть, если ты не против, в такой день, как сегодня, 7 января, выберем пример из бесед о религии?

– Вот! – воскликнул я, – значит, они всё-таки были, эти беседы, а «неспособность поддержать разговор о Вифлеемском чуде» – просто литературный приём?

– Нет, – твёрдо сказал Ника. – Тогда я, действительно, не мог и не хотел, это правда, а Софья Алексеевна это велико-

лепно чувствовала. Но потом, когда я стал думать, читать, сопоставлять события и суждения о них, – кстати, она очень тонко и незаметно направляла мой поиск, – когда я сумел более-менее внятно сформулировать свои вопросы, у нас и стали возникать те разговоры, о которых ты хотел бы услышать, а я, хотя бы частично, уж как смогу, передать, в пересчёте на твои сегодняшние запросы, разумеется.

Я был по-прежнему нетерпелив:

– Так о христианстве или о Христе?

– А как же без него? – спокойно улыбнулся Ника. – Ведь именно Христу принадлежит право основания истинной религии – настолько, что само слово «христианство» стало синонимом понятия «религия». Да ты и сам сейчас своим вопросом это подтвердил! Тем, кто были до него, он – законный наследник, тем, кто после, всем другим, как бы велики они ни были, остаётся лишь преумножать посеянное и пожинать плоды.

– Но почему именно Христос?

– Наверное, потому, что он первый возвестил Царство Духа и всей своей немислимой жизнью, «смертью смертью поправ», доказал, что Царство его «не от мира сего» и, вместе

с тем, внутри каждого из нас. Наверное, потому, что он сам есть Высшее Откровение, Истина и Любовь.

Ника задумался и замолчал. Молчал и я тоже. Потом он, пытаясь найти нужные слова, медленно заговорил:

– Понимаешь, все, кто так или иначе соприкасаются с Христом, говорят о том, что он не просто неисчерпаем, но «невероятен».

Я не понимал и снова настаивал:

– Например!

– Пожалуйста. Для тебя, мне кажется, более убедительны будут примеры «от противного». Жан Жак Руссо. Упрекнуть его в ортодоксальном христианстве невозможно, но и он в своей знаменитой книге «Эмиль, или О воспитании», где славит Природу (заметь, с большой буквы!), записывает такие неожиданные слова: «Если жизнь и смерть Сократа достойны мудреца, то жизнь и смерть Иисуса суть жизнь и смерть Бога». И многие, многие сомневающиеся даже в самом существовании Христа потом с удивлением обнаруживали, что его Евангелие заключает в себе столь поразительные, столь неподражаемые черты истины, так просто и убедительно раскрывает перед людьми их истинное предназна-

чение, что если бы это «изобрёл» кто-то другой, то он должен был бы быть ещё более удивительным гением, чем сам Автор. И даже те, кто захотели убрать из Евангелия всё, что не поддавалось научному анализу, и относили всю сферу Непознаваемого (на тот период, когда они писали) лишь к народной фантазии, легендам или мифам, – даже у них, всего лишь из оставшегося материала, возникал образ такой великой исторической личности, идеал такой совершенной веры и высочайшей нравственности, что он оказывался просто несовместим ни с одним из живущих на Земле, поголовно грешных людей. Даже они приходили к выводу: здесь что-то не так,

не так всё просто с отрицанием его Богочеловечности...

Ника опять замолчал, пока я не тронул его за руку.

– Да, религия Иисуса Христа вообще не принадлежит исключительно тем, кто называет себя его учениками. Во всех вероисповеданиях без труда можно увидеть, уловить его идею, хотя и в различном убранстве, оттого и существуют, и будут всегда существовать бесконечные толкования и интерпретации его притчей и проповедей, а каждая эпоха и даже каждый человек будут находить в Нём нечто новое и близкое для себя. В известном смысле, мы все являемся соучастниками, со-творцами раскрытия его Идеи в её бесконечном са-

мовоспроизводстве. Он создал Божественный идеал, в Нём соединилось всё то, что есть прекрасного и возвышенного в нашей природе, и тем самым воззвал к человеку, показав, куда он может и должен стремиться. Он создал всеобщую, абсолютную религию, которая не имеет границ, его Вера и вызываемые ею чувства ничего и никого не исключают не только в прошлом, но и в будущем, и вне которых история человечества и жизнь человеческая бессмысленны и непостижимы! Так что, вот тебе, Никола, и смысл, и направление движения.

Я был смущён. Ника говорил очень тихо, но так страстно, что у меня невольно вырвалось:

– Ты выглядишь не как верующий, а как влюблённый человек.

Он несколько не смутился и тотчас ответил:

– Иначе и быть не может! «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, ...закидывающих сети в море; ...и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков! И они, тотчас, оставивши сети, последовали за Ним»*(Евангелие от Матфея. IV: 18, 19.) И так было со всеми: все – сразу! – влюблялись в него – навсегда! Мне это очень нравится.

– Так в чём же всё-таки главная идея?

– Неужели не понятно? Это Любовь. «Да любите друг друга и Господа своего», и «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

Теперь я был уже окончательно смущён своим невежеством и неготовностью к такому повороту событий:

– Но ведь я ничего не знаю и вообще не церковный человек. Так, что-то слышал, что-то видел... Да, не кощунствую, но разве этого достаточно?

– Отвечаю сразу на все вопросы: «не достаточно»; «я тоже не воцерковлён». Ну и что? Прекратить движение ему навстречу? Хулы, действительно, позволять не надо, а начинать можно с любого уровня, – об этом говорят «те, кто знают», лишь бы было искреннее желание и чистота помысла. Извини, придётся повторить: «Просите, и дано будет вам; ищите и найдёте; стучите, и отворят вам»**.

Тут Ника выразительно посмотрел на меня и добавил:

– Сейчас я намеренно приводил тебе высказывания уж если и не оголтелых атеистов, то, по крайней мере, скепти-

Очевидно, у меня в глазах был дурацкий немой вопрос, и Ника, уже привычно усмехнувшись, как если бы я успел вслух спросить: «А кто такой Пушкин?», – ответил сдержанно и спокойно:

– ...то есть тех, кто считает, что подлинное, по их выражению, «позитивное» знание может быть получено лишь в результате специальных научных исследований, которые только и могут установить причинно-следственные связи, – и никак иначе! – а всё остальное не имеет права на существование. Но даже они, как ты видел сам, не смогли пройти мимо Тайны, которой увенчалась его жизнь, Тайны, которая выходит за пределы доступного человеку знания.

– И много их, таких?

– Тьма! И это не считая богословов, историков, филологов, искусствоведов.

– О-ох! – застонал я, – тогда я безнадёжен!

Ника был явно раздосадован:

– Ну вот, мы опять вернулись к началу!

И здесь моя расчудесная память стала меня выручать: я решил самокритично использовать высказывание, не помню, из какого опуса, одного очень известного французского писателя, который сам, в свою очередь, цитировал кого-то из очень известных философов: «Между двумя личностями со слишком разным уровнем интеллектуального развития обмен мыслями невозможен».

– Хорошая память, неплохая самоирония – это обнадеживает, – заметил Ника, и я понял, что он, в отличие от меня, точно знает, кого я только что процитировал, но ни о чём его не стал спрашивать, а Ника тем временем продолжал:

– Однако, если помнить только унылых и разочарованных, хотя и удостоенных премии Гонкуров, то можно и самому впасть. Так что, не забывайте, месье, и о тех, кто верит: «Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит и стучащему отворят»*.

Ника быстро оценил мой собственный унылый и разочарованный вид и, очевидно, решив ободрить, напомнил:

– «Не падайте духом, поручик Голицын, корнет Оболенский...» – он поднял бутылку с бальзамом.

И тут во мне что-то поднялось и откликнулось, я уверенно встал и подошёл к нашей официантке. Она стояла у стойки, весело болтая со своими товарками и постоянно поглядывая в нашу сторону. Дополнительный заказ в виде десерта, коньяка и свежего кофе очень быстро появился у нас на столе. Ника был сама любезность: он ни о чём не спрашивал и ему ничего не надо было объяснять. По-моему, в такой комфортной обстановке я не был никогда, и даже фраза-оправдание, ясно прозвучавшая у меня в голове: «Я крови спесь угомонил!», – не требовала озвучивания.

– Классно! – сказал я Нике, улыбаясь, и, клянусь, он меня понял. Между тем, наша беседа, явно как и встреча, близилась к концу. Ника «подводил итоги»:

– Фактически, мы с тобой говорили лишь о том, что только признание Высшей Силы и Высших Смыслов, что бы они для тебя сейчас ни значили и ни означали, – именно оно способно задать истинный масштаб поиска, и, следовательно, без включения вектора Божественного познания в свой мир, – да, если угодно, в сочетании с наукой и, тем более, искусством, – самопревосхождение невозможно. Несомненно, собственные усилия значат очень много, но и без добровольного принятия помощи того, кто выше тебя и кто готов всегда эту помощь оказать, если ты сам готов открыть ему себя, – тоже ничего не получится. Таков опыт.

– Понятно, – привычно сказал я, мы посмотрели друг на друга, вспомнили любимый тест Софьи Алексеевны и одновременно рассмеялись. Я уже не удивлялся своей никуда не исчезающей наблюдательности, с удовольствием отмечая стремительно нарастающую открытость будущему знанию, которая непременно, – я был в этом совершенно уверен, – должна будет существовать и в будущей моей жизни.

– Вот и отлично, – сказал Ника. – и не забывай: атеизм, как и суперэго (иначе говоря, гордыня), – чудовищно снижают эталоны духовного самодвижения.

Мы проговорили в кафе, наверное, часа два или больше и вместе вышли на улицу. Мне нужно было идти направо, к Неве, а ему – налево, как он сказал, к маме на Фонтанку. Я резко обернулся:

– Как зовут твою маму?

– Екатерина Дмитриевна.

«Это она», – уверенно, без всяких сомнений отчеканилась в голове мысль.

– Подожди меня здесь! Я быстро, – крикнул я Нике и по-

бежал, перескакивая через ступеньки, в подземный переход. Уже через минуту я вернулся с большим букетом белых роз и... остановился: было на что посмотреть!

Ника стоял, оперевшись спиной на парапет, и к нему с тротуара постоянно подходили люди, очевидно, спрашивая, как пройти или проехать в музей, театр, не знаю, – да мало ли мест в Петербурге, куда хотят попасть недавние горожане или гости города! – это обычное для нас дело. Интересно было другое: спрашивать, судя по всему, хотели именно у него, некоторые для этого меняли свой маршрут, даже возвращались, сначала проскочив мимо. Это было то ещё зрелище! И опять пришла ясная мысль: дело здесь вовсе не во внешней привлекательности, а в некоем «донорском» свойстве личности, в том внутреннем импульсе, который мгновенно считывают люди, когда отдаются на волю своего бессознательного «Я» (как сейчас принято говорить) в ситуации, когда не надо раздумывать, а просто слышать свой внутренний голос.

«Как хорошо, – подумал я, почти завидуя сам себе, что вижу всё это. – Оказывается, человек не растерял свои природные инстинкты даже в таком мегаполисе, как наш. Значит, не всё потеряно». И мне опять удалось заметить, что сегодня я могу наблюдать одновременно и за другими, и за собой, и даже видеть, как появляются, – неизвестно откуда, – совсем иные мысли, нежели те, что так часто крутились у

меня в голове прежде.

Наконец, я всё-таки подошёл к Нике и вручил букет:

– Поздравь, пожалуйста, свою маму с праздником.

Он был явно тронут:

– Всенепременно.

Мы хлопнули друг друга ладонями в прощальном жесте и я пошёл в сторону Русского музея, к площади Искусств, мимо «Бродячей собаки», к Мойке и Зимней канавке, и дальше, ко Дворцу великого князя на Неве, словом, по местам, где я так любил ходить пешком, особенно если мне хотелось подумать о чём-то личном и побыть наедине с собой. Сегодня был как раз такой день, точнее, вечер. В Питере в это время года быстро темнеет. Медленно падающий мягкий снег был очень к лицу моему городу. Почти прозрачный покров отливал на асфальте и брусчатке матовым голубоватым блеском от света фонарей. Высоко надо мной стояло небо, закрытое густыми серыми облаками, постепенно наполняющимися пока ещё не различимым таинственным светом Луны и Звёзд. В голове явственно зазвучали строки «Рождественского романса» Иосифа Бродского:

Плывёт в тоске необъяснимой среди кирпичного надсада ночной кораблик негасимый из Александровского сада, ночной фонарик нелюдимый, на розу жёлтую похожий, над головой своих любимых, у ног прохожих...

...Плывёт в тоске необъяснимой, как будто жизнь начнётся снова, как будто будет свет и слава, удачный день и вдоволь хлеба, как будто жизнь качнётся вправо, качнувшись влево.

Я шёл вдоль набережной, рассматривая – в который раз! – невообразимой красоты ансамбль Стрелки Васильевского острова с его зданием Биржи и Ростральными колоннами, снова и снова поражаясь открытию мастера, впервые в истории архитектуры развернувшего полукругом каменные строения к Неве, к воде, как к площади.

Я шёл, и моя память выдавала мыслиобразы, спонтанно возникавшие после нашей встречи с Никой. Они выстраивались, как будто независимо от моего желания, в некую стройную картину. Словами я ещё не мог тогда, да и сейчас, пожалуй, не смогу её описать достаточно убедительно, однако общее впечатление от картины в целом, так же как и от отдельных эпизодов, было вполне отчётливым.

...Стремительно, собранно идёт по Невскому проспекту

Ника, быстро удаляясь от меня, и его длинный шарф живописно развевается на ветру. А большие мягкие снежинки ложатся на плечи белыми погонами, медленно исчезая и появляясь вновь...

...Екатерина Дмитриевна, освещённая светом вечерних люстр, каждым движением и жестом возрождающая прелесть старопетербургского быта и дома, наполненного рисунками, книгами с автографами художников и поэтов Серебряного века, а потом и эмигрантов «Третьей волны», составляет рождественские букеты, отдавая особое внимание белым розам как почётным гостям...

...Подобно лёгкому видению, возникает призрачная, нежная, бестелесная и абсолютно узнаваемая фигура Софьи Алексеевны. Тотчас просыпается Ева, резко поднимает голову и неотрывно-долго смотрит в то самое место, где появился и быстро исчез, очевидно,

никому, кроме неё, не видимый изящный силуэт...

«А где же Анна-Мария? Она тоже должна быть здесь, поблизости. Но её нет...» Я уже не мог обращаться к ней фамильярно, как в начале, что-то изменилось во мне, тем более, что я несколько раз успел отметить, с каким тактом подбирал слова в своих высказываниях о ней Ника.

Я ждал и думал о том, как же мне нравятся эти картинки и как хочется смотреть на них дольше и дальше, предчувствуя выход на сцену следующих персонажей. А они должны были прийти, я в этом не сомневался и был настроен на режим радостного ожидания. Но в это время зазвонил телефон, и всё мгновенно исчезло. Я смотрел на экран, видел смеющиеся лица своих подружек, читал их незатейливые сообщения и понимал, что уже никогда к ним не вернусь, даже если мы и будем встречаться.

«Сколько же пропало дней и ночей, – с горечью думал я, – сколько пустых, бессмысленных тусовок и случайных свиданий, не обременённых ни глубоким чувством, ни хотя бы интересом, который продолжился бы более однодневной моды или минутного желания, причём, с обеих сторон... А ведь, оказывается, можно жить совсем иначе, и они есть, эти другие люди, и не где-нибудь “за тридевять земель”, а прямо здесь, рядом с нами! Правда и то, что они лишь иногда, только когда их очень попросят, начинают говорить, тщательно выбирая слова и делая паузы между ними – “как надо жить”, – потому что они не проповедуют, а просто так живут на самом деле! С ними даже можно общаться, как я начал делать, выходя на странички тех, кто откликнулся на текст “Самопревосхождения”, не говоря о тех, кто существует и в тексте, и в жизни, и мне не надо даже

“быть пристрастным”, чтобы увидеть, как “они прекрасны”»...

...Я смотрел на полузамёрзшую, но по-прежнему величаво перекаत्याющую свои волны реку. Сегодня я хотел быть один, и людей вокруг, действительно, не было, только где-то вдалеке по Дворцовому мосту двигались неясно различные сквозь густо падающий снег фигуры прохожих, похожие на несуществующие полотна импрессионистов, как если бы они писали наши северные пейзажи и оживляли наших литературных героев. Казалось, кто-то всемогущий и неведомый, Художник и Творец, играя, создаёт эти образы, невольно исполняя сегодня мои желания, и вознаграждение от Него, практически ни за что, только лишь за твоё искреннее (правда, ничем не замутнённое) желание, – как мимоходом заметил Ника, – оказывается всегда больше, чем ты ожидал и, тем более, заслуживаешь.

...Давно стихами говорит Нева,

Страницей Гоголя ложится Невский,

Весь Летний сад – Онегина глава,

О Блоке вспоминают острова,

А по Разъезжей бродит Достоевский...

«Получается, я всё ещё помню и люблю настоящее искусство, несмотря на разлитое вокруг море “клипового сознания”», – думал я. За спиной у меня проезжали машины, но их шум не нарушал возникшей и уже устойчиво существующей внутри торжественной тишины. Затем, на этом фоне, вначале едва слышно, потом всё более явственно зазвучала музыка, «как когда-то у Ники, в доме С. А.», – успел подумать я. Тягучая, печальная, такая созвучная сегодня моему сердцу мелодия соединилась с простыми гениальными стихами:

...Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь блестит;

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит...

«И звезда с звездою говорит», – тихо повторил я про себя, глядя на силуэт Петропавловского собора и чувствуя, как оживает, снова становится свежей фраза о «застывшей музыке архитекторы». Потом я услышал уже знакомые мне стро-

ки Анны-Марии, переговаривающиеся, «перестукивающиеся» сквозь года с теми, что были написаны в последний год жизни Поэта:

Пора! Я вышла на Дорогу,

Туда, где путь Поэта серебром блестит.

Хочу продлить свою молитву Богу,

Услышать, как «звезда с звездой говорит»...

И опять возникла, но уже другая, грустная и трогательная мелодия ныне забытого барда, оставившего заметный след в жизни наших родителей, так быстро и нелепо погибшего на чужбине в конце прошлого века, после того, как он написал и спел: «...Я уехал из страны, где прожил жизнь, не разберу, чью...»

И вдруг частица того таинства и величия, что вечно наполняет души поэтов, – пусть только малая их часть, но и этого так много, – нашла отклик, зазвучала и продолжилась во мне, как, наверное, ранее это было и у Сонечки, и у Анны-Марии. Смутное знание того, что все мы, и я тоже – часть чего-то большего, где есть место всем нам, и моей прошлой, пусть примитивной, радости, и нынешней моей светлой пе-

чали, – появилось и не исчезало, но ближе подойти к этому едва проявленному переживанию у меня ещё не получалось... А затем, не помню, через какое время, произошло Нечто. Теперь я твёрдо знаю: впервые в моей жизни я обратился со своей не придуманной, не выученной, – иначе не могу назвать, – молитвой к Тому, чей День Рождения совершался сегодня, как уже более 2000 раз на Земле. Я не помню точно всех слов, но ощущение было такое:

«Господи! Ты есть Любовь! И та Великая Вселенская Сила, что присуща Божественной Любви и вечно стремится к своему воплощению на Земле, везде и во всём, – она ведь не может быть иной, кроме как свободной и независимой от всех существ, через кого она себя проявляет, иной, кроме как животворящей по отношению ко всем, кто даёт хоть какую-то возможность её воплощения! И разве Всеохватность и Сила Любви не способны раскрыть себя даже сквозь искажения нашего земного бытия, сквозь темноту и невежество ограниченного сознания, если только есть чистый порыв доверчивой души и неодолимое желание единения с Вечно Созидающей сущностью... И, может быть, хотя бы на мгновение, это прикосновение способно пробудить и в нас то прекрасное и истинное, что замуровано нашей гордыней, себялюбием, обманами и многим чем ещё... Неужели это не так, Господи?»

Я поднял голову и увидел над собой уже освобождённое от облаков тёмно-синее небо и яркий серп убывающей Луны, окружённый постепенно открывающими себя звёздами. Меня переполняли попеременно чувства светлой грусти, неясной вины и благодарности. До новолуния, когда наступит время подумать о планах на год, как советуют звездочёты, оставалось два дня, но я решил уже сейчас загадать свои желания. «В рождество все немного волхвы», – снова вспомнил я петербургского поэта, и в то же мгновение услышал внутри себя, где-то в глубине складывающиеся сами собой, независимо от моей воли, безыскусные строки: «Когда я молча обращаю молитву первую к Тебе, могу ли знать, да и не знаю, что ты, Господь, ответишь мне. Но Ты ответил, Свет остался: он был, он есть, он не казался...»

Через несколько месяцев Ника прислал продолжение рукописи и приглашение встретиться с героями книги у него на даче.

От Ники Смирнова

О, сколько нам открытий чудных

Готовит просвещенья дух,

И опыт, сын ошибок трудных,

И гений, парадоксов друг,

И случай, бог изобретатель.

А. С. Пушкин

У нас едино всё: и в малом, и в большом, кровь общая течёт по жилам всей Вселенной. А. И. Чижевский

Я открыл своим ключом дверь нашей квартиры и ,удивляясь царящей там тишине, прошёл сначала на кухню, где мирно открыл своим ключом дверь нашей квартиры и, удивляясь

обедали Диана с Евой. Приветствуя, они взглянули на меня, поняли, прекрасно зная распорядок нашей совместной жизни, что изменений сегодня не предвидится, и спокойно продолжили трапезу.

Я выпил воды, погладил обеих и вышел в гостиную, где, как всегда, привычно и легко, даже в сумеречном свете обнаружил маму. Она стояла у высокого окна, освещённая из-

за спины причудливыми огнями празднично украшенного города. На ней было длинное, легко струящееся платье из тёмно-красной или даже бордовой ткани, которое я очень любил. И сейчас я с удовольствием отметил, что она в нём на своих высоких каблуках напоминает удлинённые силуэты женских фигур в витражах готических соборов, которые я недавно осматривал.

Мама услышала, как я вошёл, и сначала зажгла несколько светильников на стене, а потом включила верхний свет. Тут только я заметил, что она стоит не одна, а рядом с высоким, спортивного вида мужчиной, подчёркнуто строго и элегантно одетым.

– Арсений! – обратилась мама, и он обернулся. – Узнаёшь своего преданного оруженосца?

– Он изменился...

– Конечно. Теперь он носит на себе только модные усики и бородку.

Я радостно заулыбался и пошёл ему навстречу. Арсений – старинный, ещё со школьной скамьи, друг моего отца, а потом и всей нашей семьи, – занимал какой-то высокий пост и чин в министерстве обороны (а может быть, в каком-нибудь

другом, тайном для нас ведомстве, и в силу этого донельзя засекреченный), – постоянно исчезал и появлялся без всякой видимой периодичности, то через несколько месяцев, то через несколько лет, но всегда как праздник, с фантастическими рассказами и подарками, причём главным подарком непременно был он сам: просто есть такие люди, само присутствие которых ни для кого не остаётся незамеченным и изменяет всё вокруг. Правда, мама не согласилась со мной, когда я как-то ей об этом сказал. Она утверждала, что если он захочет, то может стать невидимкой, но я здесь не усмотрел противоречия в силу той новой логики, что приобрёл в общении с Софьей Алексеевной.

– Просто «нечаянная радость»? – воскликнул я. – Не прошло...

– ...и пяти лет, – подхватил Арсений, и мы обнялись. Потом он осторожно повертел меня своими сильными руками и удовлетворённо заключил:

– Нет, Катя, я вижу лишь короткую щетинку в нужных местах в нужное время, а в остальном, – он обратился ко мне, – ты всегда подавал надежды стать «милым другом» всех вокруг особей женского пола.

Его светло-серые глаза могли, по желанию, стать хруста-

ликами, в которых загорались манящие огни, но могли отражать и твёрдый взгляд со стальным отливом, а мужественная военная выправка, движения, как у дикого барса, – любимое выражение С. А., – выдавали в нём абсолютно молодого человека, независимо от возраста, и всё это вместе вызывало во всех без исключения людях, которых я знал, взрослых и детях, мужчинах и женщинах, – не просто восхищённое почтение, но даже, пожалуй, готовность и желание подчиняться.

– До тебя мне далеко, – честно ответил я, как в детстве, сразу чувствуя и принимая его превосходство, а мама не замедлила вскинуться:

– Перестань портить ребёнка!

На «ребёнка» мы оба фыркнули, но дальше Арсений повёл себя как-то странно:

– Может быть, пора уже начать посвящать его в наши «взрослые игры» и «недетские дела»?

Мама пожала плечами и отвернулась, тихо промолвив:

– Это ты сказал.

Арсений ответил ей тоже тихо:

– Не отрицаю.

Мне оставалось переводить взгляд с одного на другого:

– Я чего-то не знаю?

Готическая головка мамы чуть склонилась:

– Ты многого ещё не знаешь, но уже знаешь или догадываешься, что не знаешь.

Так как они по-прежнему многозначительно переглядывались и ничего не объясняли, я сказал:

– Если вы хотите уклониться от разговора, то, используя много раз один и тот же глагол, мы мало что достигнем. Можно переменить тему, – например, мы могли бы обсудить... положение на Ближнем Востоке.

Они даже не улыбнулись. Я постарался безболезненно для всех выйти из игры, пошёл в прихожую и вернулся с оставленным там букетом белых роз:

– Мама! Это – поздравление тебе от давнего поклонника

– студента. Ничего, что я говорю так прямо?

Мама тотчас охотно отвлеклась и стала заниматься составлением композиций из цветов. Арсений усмехнулся, заметив, ни к кому не обращаясь и отходя в глубину комнаты.

– Хорошо иметь в доме человека, знающего англичан настолько, чтобы перенять у них склонность к самоиронии.

– Ты это к чему или кому сейчас сказал? – машинально откликнулась мама, и он ответил:

– Да так, «мысли вслух» или «реплика в сторону».

Букеты были созданы и расставлены по своим местам. Мама выпрямила спину и строго посмотрела на Арсения. Он спокойно улыбался, не отводя от неё взгляда. Я первый не выдержал и стал приставать:

– Всё-таки хотелось бы, чтобы вы мне хоть что-то разъяснили, если не возражаете, конечно.

– Возражаю! – повысив голос, сказала мама и добавила уже совсем тихо: – Это опасно.

Я отреагировал мгновенно, тем более в присутствии Ар-

сения. Мои физические силы и энергии интереса объединились, умножая друг друга, и я с радостью ощутил неотвратимость событий, о которых догадывался и в которых, уверен теперь, непременно буду участвовать. Арсений всё сразу заметил и отследил, – ведь это он обучал меня техникам самообороны и боевых искусств разных школ, когда я был ещё подростком и преданно носил за ним спортивные принадлежности. Он незаметно мне подмигнул, а затем опять же спокойно и одновременно с той самой иронией, о которой упоминал ранее, – стал говорить, обращаясь больше к маме, но и ко мне тоже:

– Если я хотя бы вполовину так умён и проницателен, как некоторые утверждают и как я сам, большей частью, о себе думаю, то смею заверить, уважаемая Екатерина Дмитриевна, время инициации наступило. Могу доказать.

– Не стоит. Верим на слово, – отозвалась мама, и тут Арсений внезапно резко повысил голос:

– Я же читал, чёрт возьми! И ты читала его текст! Разумеется, Сонечка гений: за такой короткий срок вложить так много и так... правильно, причём по закону – «от сложного к простому», а не наоборот, и при этом создать условия необходимой готовности ученика – воспринимать, а не умения учителя – передавать знания, как это обычно бывает. Здесь

уже, правда, начинаются его заслуги. – Арсений опять повысил сниженный было тон. – Он ведь даже течение её мыслей сумел не нарушить, сохранить, не прервать внутренние нити! И это несмотря на все естественные ограничения и помехи!

Потом повернулся ко мне:

– Извини. Разумеется, «ты», а не «он», «твои заслуги», а не «его», – нельзя говорить в третьем лице о присутствующих.

Мне было наплевать на вежливость. Я был настолько польщён оценкой своего труда (хотя комплимент, в основном, и относился к С. А.), что, кажется, даже покраснел и, слегка отвернувшись, начал болтать первое, что приходило в голову:

– Сэр! Так приятно для разнообразия услышать о хороших манерах от человека, который большую часть жизни проводит в благовоспитанной Европе, ощущая постоянно «невыносимую лёгкость бытия», возможно, даже бывает в закрытых клубах и библиотеках с деревянными панелями и тёмными диванами, охотничьими сценами на стенах...

Мама ухитрилась произнести всего лишь «Ах – ах!» – но

это прозвучало так насмешливо, что Арсений, уловив моё смущение, решил прийти мне на помощь:

– Вообще-то отработанные формулы, вроде: «когда я смогу отдать вам визит?» – действительно помогают обрести достоинство, позволяя сохранить искренность даже в сложной ситуации. А ты, наверное, хотел сказать: «From the horse's mouth»? – Ну, да, в том числе и на ипподромах... Мама захохотала:

– Ну при чём здесь ипподром?! Это – идиома: «Я слышал это от самой лошади», т. е. «из первых уст». И вообще, «друг Аркадий, не говори красиво». – Потом она добавила уже спокойно:

– Ладно, но сначала один вопрос к тебе, Ник: как ты думаешь, почему Ася почти не бывает здесь, в городе, а всё время в какихто дальних экспедициях и, как правило, в местах труднодоступных для связи?

Пока я молчал, перебирая и отвергая один вариант за другим, мама ответила сама:

– Потому что её с детства хотели похитить или даже... неважно! – а мы её прятали.

– Но зачем? И кто? Хотя...

Арсений, очевидно, опять решил заступиться за меня:

– Давай не будем никого пугать, Катя! Всё это в прошлом. Сейчас Ася выросла и научилась сама за себя постоять, да так, что и вокруг многим перепадает.

– Тогда отвечай сам, – просто сказала мама, удобно устроиваясь с ногами в любимом кресле и скрестив руки. Мы тоже сели, и Арсений начал своё удивительное повествование, как выяснилось, абсолютно необходимое для понимания не только прошлых, но и предстоящих событий.

– Несколько десятилетий назад учёные разных стран обратили внимание на то, что в мире стало рождаться всё больше детей с необычными способностями. Феномен их талантов не был обусловлен ни наследственностью, ни воспитанием, ибо они появлялись на свет в самых разных местах – у бедных и богатых, во дворцах и в трущобах...

Дальше я попробую пересказать кратко основные положения из рассказа Арсения сам.

Единого, официально признанного термина для обозначения таких детей долгое время не существовало: в Японии

их называли «дети Солнца»; во Франции – «тефлоновые дети» (видимо, оттого, что к ним не пристают стереотипы поведения); в США – «поколение света»; пока в 1982 г. американская «ясновидящая» Нэнси Тэпп не выпустила книгу «Как цвет помогает лучше понять твою жизнь», где и рассказывала, что цвет ауры у подобных детей не обычного золотисто-жёлтого цвета, а тёмно-синий или «индиго»! Потом появились другие книги уже профессиональных учёных на эту тему, но термин «дети индиго» остался. Любопытный факт: впоследствии обозначение «тефлоновые» перешло к политикам, оно им, действительно, больше подходит.

Конечно, одарённые дети появлялись и раньше, в любые времена, но масштабный характер это явление приобрело именно в последние десятилетия. По статистике, каждый десятый ребёнок, рождающийся ныне, в XXI веке, – обладатель уникальных способностей, а с 2012 года эта тенденция даже стала нарастать. Такие «дети индиго» уже в юном возрасте рисуют прекрасные картины; пишут удивительные стихи и романы, за которые получают престижные премии; подают проекты и побеждают на конкурсах изобретателей в разных сферах науки и техники; говорят сразу на многих, даже «умерших» языках...

Учёные насчитывают до 20 видов особых способностей, которыми обладают эти дети: они видят с закрытыми глаза-

ми; читают чужие мысли; знают, что происходит за много тысяч километров; путешествуют во времени; находят пропавших людей; многие из них обнаруживают способность видеть внутренние органы, ставить диагноз, лечить руками и силой мысли, при этом сами практически не болеют...

Тут мы с мамой дружно заверили рассказчика, что всё поняли и хотим, чтобы он побыстрее перешёл к более близким нам темам.

– Хорошо. Тогда про Асю, – сказал Арсений, но мама его перебила:

– Подожди! – И обратилась ко мне. – Ты ведь понимаешь, что это только тезисы. Я тебе потом попробую объяснить поподробнее, что знаю и что всё это может означать для нас всех, а дальше уж сам думай! Пока могу сказать лишь одно: сейчас даже в очень серьёзных головах «смешались в кучу кони, люди...».

Есть некие узнаваемые и тем или иным способом исследуемые способности, а есть появляющиеся неизвестно откуда и когда особи, как любит их называть Арсений, обладающие таким невероятным и неведомым для нас духовно-психологическим устройством, что к ним абсолютно неприложимы никакие старые («старые» – это условно говоря, они могут

быть новейшими, по времени, но не по качеству! – если вы понимаете, что я имею в виду), – так вот, к ним абсолютно неприменимы никакие прежние методы познания и взаимного понимания.

Тут я необдуманно вступил в разговор:

– Я недавно слышал такую интересную версию: люди ожидали неких пришельцев из «Звёздных войн», «тарелочек» и инопланетян, а родились у наших собственных мамочек наши собственные чада! Они-то и оказались «новой расой»! И как же их не любить, даже если они такие непонятные и необычные, они же наши собственные дети.

– Да, жизнь всегда богаче любых прогнозов, – сказал Арсений задумчиво, а мама насторожённо спросила меня:

– Откуда ты это знаешь?

– От Аси, конечно.

Арсений быстро продолжил:

– Их не так много, думаю, таких людей-особей, которые обладают не просто какими-то уникальными способностями, но особыми духовно-нравственными качествами, позво-

ляющими их отнести к «новой расе». Иначе зачем всё это? И тогда они, конечно, справедливо могут претендовать на сохранность своего особого бытия, что, разумеется, входит в противоречие с ныне существующими порядками.

– Это ещё мягко сказано, – заметила мама. – Да у нас просто вакханалия бездуховности и беспорядков!

– Если бы сейчас появился Христос, – я ещё находился под впечатлением нашей с Николой беседы, – и стал делать то, что он делал там, в Иудее, в те времена, – его бы законопослушным в нашем так называемом цивилизованном обществе тоже бы не назвали.

– Bravo, юноша! – воскликнул, потирая руки, Арсений. – Точно. Его бы непременно арестовали.

– Ну что вы такое говорите, – недовольно возразила мама и неуверенно добавила: – За что?

– Хотя бы за незаконное, без всяких дипломов и сертификатов целительство. Кстати, в конце концов, они и так нашлись, к чему придраться, и сделали то, что сделали, со всеми подтасовками, нарушениями прав и прочее. Ну, прямо как сейчас.

Мама тихо и печально добавила:

– Его драма продолжается постоянно, все эти тысячелетия, и не видно конца...

Мы вежливо помолчали, потом Арсений осторожно спросил: – Может быть, продолжим... про Асю?

Мы с мамой молча кивнули, и Арсений продолжил рассказ:

– Она родилась, как вы знаете, в середине 80-х годов, и сразу стало ясно, что это необыкновенный ребёнок. С первых же дней её взгляд был осмысленным, – врачи сказали: хрусталик глаза был сразу настроен так, чтобы изображение не было перевёрнутым, как обычно у малышек в начале жизни. Даже когда она ещё не умела говорить, – словами! – с ней можно было полноценно и осознанно общаться. Она понимала тебя и как-то так умела ответить, – мимикой, взглядом или движением, что каждый чувствовал – «есть контакт».

Арсений спокойно рассказывал, расхаживая по комнате, и время от времени поглядывал на меня, проверяя, насколько хорошо я всё это воспринимаю.

Естественно, были и сложности. Эти дети вообще очень

чувствительны и ранимы, они абсолютно не переносят крика, грубости, неуважения к себе и, что особенно интересно, – к другим! И Ася не была исключением. У неё почти сразу не сложились отношения с Верочкой, её матерью. Вера – очень нервная, эмоциональная от природы, при этом – актриса с присущими этой профессии перепадами настроений, – то ли не понимала, то ли не хотела понимать, или забывала, что Ася – особый ребёнок, который «видит её насквозь», и поэтому играть перед ней, тем более обманывать, фальшивить, – нельзя. Когда это происходило, Вера кричала, не в силах выдержать откровенно ироничный взгляд малышки нескольких месяцев от роду, – и убегала в слезах.

– Словом, воспитывать Асю стала Сонечка, что разумеется, для всех было просто замечательно, – задумчиво добавила мама, похоже, погрузившись в свои воспоминания.

– Тогда и выяснилось, что у Анны-Марии, как минимум, работают сразу оба полушария головного мозга, отвечающие, напоминая: одно – за аналитику и логику, другое – за интуицию и творческое начало. То есть она способна использовать не 7% ресурсов мозга (а это максимум для обычного человека, чаще бывает 2-3%), а целых 15%! Но и это не всё. У Сонечки были в друзьях прекрасные специалисты-генетики, так вот они обнаружили следующее. Если каждая клетка ДНК человека содержит 64 кодона (единиц генетическо-

го кода), из которых активно работают примерно 20 (!), то у Аси рабочими (это был период уже детского сада) оказались от 24 до 30 (!!!). Такой человек обладает настолько уникальной энергетикой, настолько сильным иммунитетом, его адаптационные возможности столь разнообразны и велики, что организм вообще не боится никаких вирусов, в том числе и ВИЧ-инфекций! Зато он сам, только лишь силой мысли и мыслеобразов, может...

– Стоп! – воскликнула мама, – об этом не сейчас!

– Или никогда? Well, – насмешливо сверкнув глазами, однако внешне вполне учтиво ответил Арсений.

Самое печальное, – сказала мама, – что они все, в общем-то, славные ребята, хотя и начисто лишены сообразительности или способности, не знаю, – говорить на ином языке, нежели привыкли, и поэтому не понимают ни единого слова, тем паче, сигнала или символа из того, что пытаются сообщить им эти дети.

– Мама! Ты сейчас о ком говоришь?

– Об исследователях одарённых детей, конечно. Впрочем, неважно...

И я, и Арсений прекрасно знали эту особенность мамы, мысленно начиная разговор, придумывать за всех вопросы и ответы, а вслух излагать лишь часть этих нескончаемых реплик, а поскольку она обладала живым и богатым воображением, то нередко достигала в своих монологах весьма красочных образов, хотя и странноватых порой по смыслу.

– Так вот, – продолжил, как ни в чём не бывало, Арсений, – в самом факте появления таких людей (вы следите за мыслью – дети уже выросли) многие исследователи, – он выразительно посмотрел на маму, – охотно находили знаки прогрессивного витка эволюции, связанного с возникновением, как мы уже отмечали, качественно нового типа внутри человеческой расы, неких проводников в будущий мир, где нет места ненависти, насилию, унижению и где, напротив, царствует бережное отношение ко всему живому – известный «эффект бабочки», по выражению Рэя Брэдбери, – в сочетании с чувством собственного достоинства; а также энергия творческого созидания и высшие ценности – Любви, Добра и Красоты, вестимо.

– Неужели это когда-нибудь случится? – вздохнула мама.

Арсений подошёл, нежно приподнял её опущенную голову и сказал:

– Душенька Екатерина Дмитриевна! Будущее уже существует, оно лишь размыто и не всем видно.

– Но были ведь наверняка и противники этой романтической теории? – спросил я.

– Гипотезы, – поправила мама.

Арсений повернулся ко мне:

– Да, разумеется. Доказать возможность длительного существования подобной... Утопии ещё никто не смог, хотя и опровергнуть её окончательно невозможно...

– Это всё равно, что отобрать мечту у всего человечества, а значит, получить отчаявшихся людей. – Мама даже встала от волнения. – К счастью, мечта, как птица Феникс, способна возрождаться снова и снова, даже ни на что не надеясь...

– ...Зато желающих осмеять, выразить сомнение или полное неверие – сколько угодно! – продолжал Арсений. – Дело в том, что сверхъестественные способности вовсе не делают сами по себе человека счастливым. Сие есть правда, к сожалению. И тому множество свидетельств как в человеческой истории, так и в судьбах немалого числа наших героев, детей, подростков и выросших из них взрослых. Им скучно, труд-

но, подчас тяжело общаться с другими людьми. Они слишком остро ощущают чужие пороки, на них чрезвычайно отрицательно влияет чужая негативная энергетика – особенно ненависть, зависть, злоба, алчность... Тут мама добавила с грустью:

– ...то есть любое человеческое несовершенство и несовершенство мира, а они – безграничны. Видимо, в том числе поэтому наши необычные дети и подростки часто оказывались склонны к депрессии, разочарованию, потере смысла жизни, – мама развернулась ко мне. – Твой Ванечка говорил именно об этом: «Я не могу жить, где лгут и обманывают. Мне физически больно!»

– К сожалению, процент самоубийств среди них в несколько раз выше среднестатистических показателей, – сказал Арсений, а мама подвела печальный итог:

– Герои вообще имеют обыкновение погибать...

– Но не все же! – убеждённо произнёс Арсений. – Противостояние было и есть, не скрою. С одной стороны, такими потрясающими особями заинтересовались соответствующие службы... – Чему «соответствующие»? – усмехнулась мама.

– Никто не знает, радость моя. – Арсений хитро на нас

посмотрел и продолжил:

– А с другой – и наши герои не дремали. Они приложили немалые, кстати, небезуспешные, усилия, чтобы сделать себя для всех, праздно или корыстно интересующихся, – недостижимыми! Возник потрясающей красоты позитивный проект, и теперь им не надо создавать никаких, похожих на уже когда-то существовавшие, организаций – они могут различать друг друга, вступать с кем угодно из себе подобных в контакт, где бы кто ни находился, благо возможности техники, которыми они располагают, это позволяют. Зато для тех, кто этого, скажем так, недостоин, они рассеяны и невидимы. И это, согласитесь, совсем иной вид союза, любой степени могущества, мгновенно возникающий и, если надо, также мгновенно исчезающий.

– С этого места хотелось бы поподробнее! – заинтересованно воскликнул я.

– Это всё к Асе, она – руководитель проекта, и он уже действует... – Арсений посмотрел на маму.

– Больше десяти лет, – уверенно ответила она и с гордостью добавила:

– Наш «маленький принц», сводный брат Аси Илия, ему

сейчас уже около 12 лет, тоже принимал в нём участие.

– А пока, напоминаю, мы говорили о «лихих 90-х», когда сама Ася была подростком и когда, собственно, и зародился этот потрясающий проект. Отгадай, кто ещё мог проявить любопытство к таким «чудесам природы»? – обратился он ко мне.

– Наверное, криминал...

Арсений кивнул, мама встала с кресла и со вздохом закончила, как обычно, свой внутренний диалог:

– Вот мы и подошли к кульминации драмы. Антракт. Что вам приготовить, мужчины?

Мы сказали, что «не голодны», так что «на её усмотрение», и мама ушла на кухню, а я повернулся к Арсению.

– Итак, начался, как я понимаю, настоящий детектив – с похищениями, погонями и прочее?

– Они бы так хотели, да вышло иначе.

– Ты можешь рассказать?

– Попробую, пока твоей мамы нет, эти события её до сих пор расстраивают. Много всего было... – Он помолчал. – Выбрать надо.

Скажи, как ты представляешь сейчас Анну-Марию?

Я на секунду закрыл глаза, и сразу возник образ:

– Как воительницу. Амазонку. Или – Афину Палладу.

– Ну да, – пробормотал чуть слышно Арсений. – Парфенон.

Афина Парфенос, дева* (Парфенон, мраморный Храм богини Афины Парфенос (Афины Девы) на Акрополе в Афинах. Сооружён архитекторами Иктином и Калликратом под руководством скульптора Фидия (448-438 до н. э.), – и повернулся ко мне:

– А почему? Можешь сказать?

Я стал медленно подыскивать слова:

– Сейчас мне кажется, что я помню, какой она была в детстве: гордой, недоступной. А недавно я видел её и разговаривал. С тех пор часто мысленно беседую, читаю дневниковые

записи, которые она сама называет «непричёсанные мысли». Но это совсем не так! Это скорее «путешествие сознания», «смысловые ключи», афоризмы, что-то в этом роде... Плюс замечания вскользь и оговорки окружающих людей, и это уже совсем другое впечатление – особой энергии и мягкой силы... Да! Ещё этот тонкий кожаный ремешок на лбу в сочетании с гривой волос и живой стремительностью движений. Это образ!

– Хорошо. Принято, – удовлетворённо кивнул Арсений. – Тогда я расскажу тебе, как мы избежали однажды жестокой погони двух криминальных группировок сразу, которые проявляли, скажем так, нездоровый интерес к необычным феноменам природы, – а всю операцию провела Анна-Мария. Фактически сама. Ей было тогда что-то около 10 лет.

Я «весь обратился в слух», как принято говорить, но это не было любопытством, скорее готовностью к соучастию. Каким-то новым чувством я стал ощущать, что Ася тоже находится здесь, рядом. Арсений продолжал:

– Сначала был звонок от одной группы рэкетиров с требованием платы за невмешательство в нашу семейную жизнь – с угрозами, нагнетанием страха, – словом, всё, как положено. Потом от другой – с требованием привезти девочку, якобы для научного эксперимента, – и тоже угрозы, шантаж

и так далее по списку. Помню, мы проводили с Сонечкой «закрытое совещание» и не заметили, как вошла Ася и села неслышно где-то поодаль. Мы уже что-то там напридумывали, но она вдруг подошла к нам и стала говорить, как на самом деле лучше всё это сделать. И я отчётливо помню, мы совершенно забыли, что перед нами просто маленькая девочка, и разговаривали с ней на равных, причём главной была она. Потом то же самое вспомнил шофёр, с которым она сидела рядом и тихо подавала команды. Он сказала даже больше: не было никакой возможности послушаться, нужно было ехать только туда и с той скоростью, с какой она указывала.

– А дальше? Что было дальше?

– Дальше, говоришь? – По его губам скользнула горькая усмешка. – Она сделала так, что где-то в районе Лермонтовского проспекта, – там много проходных дворов, ты знаешь, обе машины преследователей, намереваясь протаранить нас с разных сторон, врезались друг в друга, а мы, невидимые ни для кого, благополучно скрылись «с места дорожного происшествия», как было указано в сводке.

Я вскочил и стал кружить по комнате. Множество невысказанных вопросов вертелось в голове. Потом остановился, пристально глядя на Арсения, пытаюсь прочесть хоть ка-

кие-то ответы, – но не смог. Арсений хмуро смотрел в сторону:

– Сонечка молилась все дни, что шла подготовка к «операции», и после... А я до сих пор не знаю, как она это сделала! – вдруг воскликнул он, как будто услышав меня. – Как заставила их ехать, куда ей надо. Это было похоже... на компьютерную игру высшего уровня, без поражения. Но ведь это была не игра! Вот что страшно...

– Да нет, – ответил он ещё на один из моих молчаливых вопросов, – с ней я не говорил об этом. Ну как, скажи на милость, говорить с десятилетним ребёнком об операции по уничтожению двух машин, вес каждой из которых исчисляется в тоннах! – машин, набитых вооружёнными преступниками? Не стану отрицать, они это заслужили, – к ним у меня нулевая толерантность.

Арсений отвернулся, подошёл к старинной, почти до потолка изразцовой печке и стал гладить её, видимо, проверяя, ушло тепло или нет. Потом заговорил тихо, как будто даже не со мной, а с кемто третьим:

– Настоящих разведчиков не посылают в «горячие точки», чтобы они не были вынуждены, ну, ты понимаешь, что имеется в виду. У них должна быть только «дуэль мозгов», в

противном случае может измениться психология сознания. А здесь? Такая дерзкая отвага, бесстрашие... Откуда? И такая уверенность в абсолютной победе, способность всё перевернуть в один миг. Не знаю, какие-то безумные качели...

Вошла мама, подталкивая перед собой столик на колёсиках, как всегда, умело сервированный «разными вкусностями», – не преминул отметить Арсений, добавив, что «аппетит, разумеется, разыгрался» и что она «the only one» в своём роде.

Мама внимательно всматривалась в нас, похоже, заподозрив неладное. Потом осторожно спросила:

– Арсений рассказал тебе, Ник, что его род и Сонечки пересекаются аж с восемнадцатого века, когда царь Пётр пригласил в свой новый город кораблестроителей из Голландии? Его дальний предок и был таким строителем, а Ася не очень близкой, но роднёй. Поэтому, наверное, – она подала ему на салфетке тарелку, чтобы он выбрал с общего блюда всё, что ему нравится, – ты так заинтересованно и относишься к её судьбе и так виртуозно прячешь, как листик среди других листьев, на далёком юге, в особой закрытой школе, где уже собралось много таких детей и взрослых, как она. – Теперь мама повернулась с другой тарелкой ко мне. – А какой невероятной одарённости и душевной чистоты руководитель

у них, с сердцем, как у Данко, – да плюс постоянная добровольная защита южного казачества от любых посягательств! Так рассказал или нет? Молчишь.

Я всё-таки опустил глаза, ответил Арсений:

– Вот почему я и говорю: нужна особая школа и – непременно! – мощная гуманитарная составляющая. Иначе из таких «цветов жизни» может вырасти всё, что угодно, и не только со знаком «плюс».

– Да, это правда, рисковать можно собою, а не другими, – грустно заметила мама, опять отвечая вслух на какой-то свой, мысленно заданный вопрос, но мы поняли сразу на этот раз, о чём она думала. Потом она продолжила уже о другом:

– Конечно, в обычных условиях нашим сверходарённым детям нечего делать: на уроках им неинтересно, скучно, они в состоянии сами добыть практически любую информацию в том объёме и того именно качества, которое им нужно в данный момент. Их раздражают банальные наборы правил и образцов поведения, а преобладание в суждениях так называемого «здорового смысла», тиражирующего застывшие стереотипы мышления, вызывает не просто иронию – сарказм! А лгать они не умеют и не хотят.

И тут мама в своей любимой манере включилась в собственный мысленный диалог и с удовольствием сообщила:

– А Петербург, оказывается, небольшой город, здесь все, кто занимается более-менее общим делом, знают друг друга хотя бы через одного человека, если не непосредственно. Я, например, когда прочла рецензию Марины Александровны (между прочим, на твой текст, Ника), то сразу выяснила, что мы давно знакомы, встречались на одних и тех же конференциях, преподавали одним и тем же студентам.

– Мама! – перебил я её, – ты опять куда-то исчезла. Объясни, пожалуйста, что всё это значит?

А то и значит, что эта самая М. А. Куртышева написала книгу «Дети Индиго», её даже переиздавали, если не ошибаюсь, два раза, так она была популярна, – и там как раз тоже написано, что «новые дети» свободно оперируют знаниями, которые им никто не давал, добытые непонятным образом, что они чаще задают вопрос – «зачем?», а не «почему?», что им свойственна некая «космическая воля» и «сердечно-духовная одарённость», – ну и ещё много чего интересного. Да вы сами можете с ней познакомиться в сетях! А она, между прочим, помимо всего, очаровательная женщина, работник многих кафедр и серьёзный исследователь со стажем, – ма-

ма тихо засмеялась, глядя на Арсения. – Ну, как, Арсений, слабо? Рекомендую.

Я взглянул на Арсения. Он стоял, улыбаясь широко и открыто, чуть откинув голову, а в глазах горел такой зримый огонь, что я как будто воочию увидел широкие белые рукава и кружевной ворот рубашки, узкие кожаные брюки и шпагу «морского волка», вольного плователя, похоже, уже поднявшего паруса и смело устремившегося к непокорённым ещё новым землям. Потом он слегка погасил огонь, усмехнулся и спокойно продолжил разговор:

– Кстати, «лекарством от скуки» для наших чудо-детишек могло бы стать творчество, однако до процесса раскрытия и стимулирования креативного мышления как сложного своеобразия психики, предполагающего способность генерировать новые идеи, находить нетрадиционные решения задач плюс множество отдельных «мелких» (в кавычках, разумеется) умений (например, скорость и быстрота реакции, гибкость и оригинальность мысли, внутренняя свобода и даже юмор), – до этого момента в обычных школах, обременённых бюрократическими барьерами и нескончаемыми реформами, как правило, руки не доходят.

– Плохо, когда не сбывается то, что хочешь, – продолжая свою внутреннюю речь, заметила мама, и Арсений, видимо,

счёл необходимым шутливо ей ответить:

– Куда хуже, когда сбывается то, чего не хочешь. Но я хотел бы вернуться к «здравому смыслу». Ведь это он, надо отдать должное, справедливо утверждает, что там, где есть правила, обязательно будут исключения, и, следовательно, есть вероятность того, что коегде творческая деятельность всё-таки случается!

– Хорошо. Пусть так, – неожиданно легко согласилась мама. Потом встала и насмешливо поглядывая на нас произнесла хорошо поставленным «преподавательским» голосом:

– Хочу напомнить вам, господа, одно пронзительно-умное наблюдение писателя Набокова «Вэ Вэ»: «Биографию здравого смысла нельзя читать без отвращения». Здесь цитата заканчивается, а дальше уже пойдёт импровизация из высказываний его самого и его «ближнего круга». Он, т. е. «здравый смысл», – аморален в принципе! – ибо естественная мораль иррациональна; общедоступен и предсказуем – в худшем смысле этого слова. Он – прям, а творческое озарение округло, как Вселенная, и поэтому только оно способно её, эту Вселенную, воссоздать. «Здравый смысл», как и «обыденное сознание», – враг творческого поиска, а последний, т. е. поиск, идёт в обход сложившимся, якобы разумным представлениям, в свою очередь, объявляющим творчество – ере-

сью, а творца, с его культом незнания и вкусом к нему, – еретиком, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– «Самоуверенно невежество, а знание сомневается», – я даже вспомнил интонацию С. А., когда она это говорила. Мама покраснелась от волнения и похорошела ещё больше. Арсений, разумеется, тоже это заметил, встал и галантно поклонился:

– Екатерина Дмитриевна, вы прелесть!

– Мама, – сказал я, поглядывая на них с интересом, – тебе не кажется, что Арсений за тобой ухаживает?

– Не просто ухаживаю, – с готовностью подхватил Арсений, – но вот уже почти два десятилетия подряд постоянно делаю предложение «руки и сердца».

Мама очень мило пожала плечиками, при этом вовсе не стараясь выглядеть удивлённой:

– Неужели? Не заметила.

Ну, вот так всегда! – воскликнул Арсений. – Ничего серьёзного. Не далее, как сегодня, на концерте... – Он повернулся ко мне: – Ты понял, что мы сегодня – вместе, заметь! –

выходили в свет?

– Да... Вы такие нарядные.

Я с удовольствием наблюдал за их игрой.

– ...опять я сказал твоей маме всё, что положено в таких случаях. – Когда громко запел мужской хор, – весело парировала мама.

– Так прямо во время пения? Оригинально... – Я ещё не понял, сколько во всём этом розыгрыша и сколько правды.

По губам Арсения скользнула лёгкая улыбка:

– Нет, я дождался паузы.

Мама делала вид, что всё это мало её касается. Тем не менее, села перед зеркалом («чуть-чуть почистить пёрышки», – как сама обозначила), а я думал о том, что Арсений так хорош, с такой ласковой приязнью провожает её взглядом, что это невозможно не заметить, не может не нравиться, и мама, конечно же, это знает не хуже меня и только усиливает впечатление «вечной женственности», уходя, как бы ускользая от внимания.

– Не слушай его, Ник. – Она разговаривала со мной через зеркало. – Арсений – убеждённый холостяк. Если бы однажды я согласилась на его предложение, уверяю тебя, он бы не просто удивился, а растерялся, если не больше, – и не знал бы, что со всем этим делать дальше. Его желания существуют только на расстоянии, предпочтительно дальнем, лучше всего через океан, можно космический.

Арсений весело рассмеялся:

– Катя! А ты попробуй!

Продолжая игру, мама развернулась от зеркала, опустила глаза, красиво расправила платье и приняла трогательно беззащитную позу:

– Знаешь, мне это напоминает одну историю с иезуитами. Когда Галилей изобрёл телескоп, открыл новую звезду или звёзды, не помню точно, он предложил учёным-монахам, ни во что такое не верящим, просто попробовать самим взять и посмотреть в трубу.

«И смотреть не будем!» – ответили они, тем дело и закончилось.

– Катя, ты не иезуит, ты – однолюб.

– А вот это уже становится интересно, – насторожился я.

– Расслабься, я говорю о твоём отце. А ты не знал? – спросил Арсений, увидев мою растерянную физиономию.

– Отец?! А он что... Тоже?

– По-моему, да, – ответил Арсений и убеждённо добавил: – Но это не мешает мне служить Прекрасной Даме, посвящать ей свои невидимые миру подвиги и завидовать «белой завистью» твоему отцу. А ещё – «надеяться и любить». Вот так-то, мой мальчик!

Арсений был абсолютно корректен, но впечатление было такое, что он смотрит на меня, а меня здесь нет. Да, это производило впечатление...

Ещё не переварив услышанное, я не удержался и спросил:

– Тогда почему он нас бросил и уехал в свой Израиль?

– Какой «свой»? Не говори глупости, – вдруг обиделась мама, сразу забыв свою игру.

– Так ты не уехала из-за...

– Да, она не уехала из-за любви к родине. – Арсений был прям и непреклонен, хотя в глазах и появились весёлые огоньки.

Мама вскочила, всплеснула руками:

– Да вы что? Оба! Кто так говорит? Это всё равно, что на полном серьёзе произнести: «Мы в этом году путешествовали по необъятным просторам нашей Родины!» И вообще, я не хочу обсуждать эту тему.

– Твоя мама – стилист, – Арсений была сама любезность. – Возможно, так говорить не стоит, но ведь думать и поступать так можно и должно. Или ты предпочитаешь, чтобы я выразился более поэтически:

—

...Я тогда была с моим народом,

Там, где мой народ, к несчастью, был...

– Предпочитаю! – сказала мама. – Не так уж много людей, чьи слова действительно имеют значение.

Она села и повернулась ко мне:

– Запомни! Никто никого не бросал. Нам предлагали, убеждали довольно долго, – уехать тоже, но я... не смогла...

– Надо же кому-то и огонь в очаге хранить, – тихо промолвил Арсений, но мама как будто ничего не заметила и продолжала, обращаясь ко мне:

– А тебе до сих предоставляется такой выбор, ты свободен! Ведь не можешь же отрицать, что видишься с отцом и здесь, и там, – столько, сколько хочешь. Кстати, летом он обещал приехать, вот и поговорите. А сейчас...

– А сейчас, дорогая Екатерина Дмитриевна, нельзя ли вернуться немного назад и ещё раз поразмыслить об «аморальности» здравого смысла, о невозможности обмена мыслями «на равных» с людьми разного уровня развития или что-нибудь в этом духе.

Арсений явно хотел переменить тему, и мама его поддержала:

– Но это будет уже не только Набоков, который просто всегда стремился противостоять пошлости, даже преобразовать её в нечто, скажем, более пристойное.

– Его защищать не надо, он сам с усам, – усмехнулся Арсений. – Ты бы лучше заступилась, Катенька, за современных авторов, а то ведь продюсеры сегодня, просматривая новый материал, неважно, песню, клип или многосерийный сценарий, открыто спрашивают: «А где пошлость? Она должна быть в соотношении, min,

3 к 1! Иначе реорле не хаваает...» Мама нахмурилась:

– Но это совсем о другом, и не об искусстве даже... Да и грубо,

Арсений...

– Согласен. Зайдём с другой стороны: банальности тоже нужны, они тоже иногда способны вызывать искренние чувства.

И он прочёл несколько строк из какой-то толстой книги, которую держал в руках уже давно. Мельком я даже увидел название: «Болдино. Осень 1830»: «Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание». Арсений посмотрел на меня:

– Я вижу, молодой человек тоже заинтересовался.

И хотя я вовсе не проявлял никакой заинтересованности, думая о перипетиях отцов и детей, а мама ещё пыталась отнекиваться: «Давайте, я вам лучше подберу список литературы», – Арсений всётаки настоял на своём, уловив моё беспокойство и желая, видимо, снять напряжённость последних минут.

– Ладно, – уступила мама. – Только кратко. Насколько я помню, суммарное впечатление такое: есть как бы «объективная мораль», она устанавливается жизнью и заповедями, данными нам через пророков и тех, кому открывается истина. Свыше. Эта мораль становится основанием для возникновения в человеке того, что мы называем «совестью», для лучших из нас – «недремлющей совестью». «Объективная мораль» не изменяется, она может только расширяться, пополняться, обогащаться со временем, как Ветхий и Новый Завет. Что же касается «субъективной морали», то она изобретается человеком и поэтому – разная, для разных людей и эпох. Она всегда находится в зависимости от субъективного понимания добра и зла, господствующего в данное время в данном месте, и, таким образом, заведомо противоречива и относительна как некая «условность», вплоть до «смешения добра и зла». Но это, разумеется, очень упрощённо.

Тут я опять почему-то вспомнил о наших нестандартных детях:

– Однако, согласитесь, – существа, с ходу отрицающие общепринятую, хотя и субъективную мораль и здравый смысл, тоже, наверное, не подарок?

– Не передёргивай, – сказала мама, и Арсений включился, хотя было непонятно, на чьей стороне:

– «Белые вор;ны» и в;роны всегда вызывали насторожённость, как говорят некоторые специалисты, – «немотивированную агрессию». На самом деле она очень даже мотивирована.

Такая реакция на «непохожесть», «чужака», сейчас мы иногда говорим – «маргинала», – ещё с племенных времён была необходима для выживания.

– Собственно, я имел в виду несколько иное, – вступил я снова. – И у «белых ворон», наверное, есть бездна неудобных качеств: от сарказма, как вы сами заметили, – до обидной жалости, а может быть и холодного пренебрежения к тем, кто находится, по их мнению, возможно, справедливому, на более низком уровне обыденного или даже дообыденного сознания. А там правит грубая сила – мускулов, оружия, де-

нег, просто самонадеянности, – и у кого это есть, тот всегда прав... Ведь они же прекрасно знают себе цену, эти наши сверхлюди! – не удержался и громко воскликнул я, – не могут не знать! И также без труда могут оценить другого, тем более, если ещё и умеют «читать мысли». А другим такая оценка с высоты чужого превосходства, ох, как не нравится!

Мама встала, чтобы убрать остатки нашего ужина, но сначала решила ответить мне:

– Не стоит так волноваться, Ник. Ты говоришь совершенно правильно, и среди всех, кого мы для удобства называем сегодня «особой расой» или ещё как-то, неважно, – есть самые разные персонажи.

– А нельзя ли привести пример?

– Да на здоровье! Способность видеть внутренние органы автоматически никак не может привести к возрастанию морали и силы духа. Или, – страшно сказать, – мама говорила это, улыбаясь, – есть ведь даже «гении и злодеи» в одном лице! Или ещё: нравственно-совместимые, т. е. не отличимые от большинства обывателей поступки, мотивированные одним желанием, чтобы понимали только их, «полюбили их чёрненькими», но вовсе не стремлением «понимать и любить ближнего своего». Эгоизма и мании величия в этой

«группе крови» – предостаточно.

Тут Арсений сделал важную, на мой взгляд, поправку:

– Но правда и то, что не терпящих чужого превосходства и удачливости, стремящихся уничтожить соперников по любым показателям, самыми разными способами, что присуще массе людей, – среди наших особей всё-таки почти не наблюдается. А уж безжалостность и цинизм, вечный бой на поражение, войны без конца и правил – и вовсе не относятся к нашим героям, по крайней мере, мне такие факты не известны.

– Я хочу добавить, – сказала мама, с благодарностью взглянув на Арсения, – именно среди наших особо одарённых, в человеческом, а не просто физиологическом смысле, – статистически чаще встречаются «люди облагороженного образа», по выражению одного замечательного русского мечтателя, который угадал их заранее и описал в своей книге; «аристократы духа», как называла их Сонечка, или «beautiful people», как пишешь ты, Ник, – да, да, появляющиеся иногда и раньше, но не как «восходящая раса». Вот они-то милосердны, они не стремятся никого унижить, тем более уничтожить, они всегда отдают, а не берут, потому что у них всего больше... Можно, я не буду объяснять, что значит «всего» и «больше»? – прервала себя мама, и мы согла-

сились, что «не надо».

– Но они не могут не понимать, – сказал я, – и всю безнадёжность во многих случаях самого... «предприятия» по развитию духовно-физического образа тех, кто этого не хочет. Таков закон. И тогда остаётся лишь сказать с сожалением: «Это ваш выбор, господа!»

Арсений внимательно посмотрел на меня, потом на маму и добавил:

– В первой части «Самопревосхождения» Ника, кажется, неплохо это доказал, а теперь...

– ...а теперь вижу сам, – перебил я его, – требуется сделать ещё столько уточнений!

– Да? – улыбнулась мама, – и что же?

– Например, уже известны опыты насильственного перепрограммирования человека с помощью новейшей техники, этакая – то ли дрессура с подобием средневековых пыток, но на современном уровне, в том числе и психологического плана; то ли изменение сознания технологиями high-tech в массовых масштабах, когда меняется глубинная структура и подавляются высшие центры – памяти, воли, способности

к саморегулированию и самопревосхождению, а результат, в целом, непредсказуем и проблематичен.

Когда я это произнёс и увидел насторожённый взгляд мамы, то понял, что сказал лишнее. Мне вовсе не хотелось с ней спорить, тем более её огорчать, и хотя меня весьма занимали вопросы взаимоотношений героев и лжегероев; индивидуумов, «кукловодов» и толпы; властителей дум и «ты, им преданный народ...», – было совершенно очевидно, что сейчас развивать эти мысли не стоит, тем более, тогда бы пришлось обнародовать и тот факт, что мы с Асей давно и регулярно «выходим на связь», благо сети нового поколения исключают цифровое неравенство любой удалённой территории, – и получилось бы, что то, о чём мама постоянно просила «умалчивать» Арсения, мне известно гораздо больше, чем представлялось моим любезным опекунам, а возможно, даже больше, чем знали они сами. Поэтому сейчас я постарался задать как можно более невинный, на мой взгляд, вопрос:

– А школа, куда вы раньше возили Асю, она ещё существует?

Может быть, я тоже смог бы чем-то помочь?

Реакция меня удивила. Опять мама с Арсением стали

переглядываться, потом она быстро собрала посуду, чтобы увезти столик на кухню, и Арсений пошёл ей помогать, бросив мне на ходу: «Извини, Ник!»

Я воспользовался паузой, раскрыл Асин планшет и прочитал: «Кое-кто снова, и я знаю, кто именно, “гонит волну” вокруг идеи “сверхчеловека”, “сверхинтеллекта” и т. д. Конечно, это не только отдельные люди, но и организации, а битва за “первородства” идёт уже не на внешне-грубовато-примитивно-телесном фоне, а на “невидимом поле брани” – за души, изменение сознания и модификации генома.

И если бы они ещё хотели только помочь человеку (я уже не говорю о развитии, возвышении его!) – можно было бы понять и оценить эти усилия, пусть даже ошибочные, но ведь они хотят разрушить мозг и саму способность думать, уничтожить программу самовоссоздания человека, чистое небо над головой и нравственный закон внутри него, ибо мыслить и властвовать должны лишь “избранные”. И ведь есть результаты этих абсолютно бесчеловечных исследований по созданию таких вот “нужных мутантов”, – они ходят среди нас! Представляешь? Но! “Когда правила меняются по ходу, – это и есть наша жизнь”, – сказала “Алиса в стране чудес”, – и мы их тоже меняем, не только они! А у кого получится лучше, ещё посмотрим».

«Непричёсанные мысли» Анны-Марии всегда находились со мной, и вот что интересно: не в первый раз я заметил, – их содержание постоянно менялось в зависимости от моего запроса, как если бы мир вокруг меня (и нас всех, конечно) был подобен живой книге, а её текст, отражая изменчивость мира, находил отпечатки своих смыслов в словах.

Собственно, я был уже неплохо осведомлён в некоторых вопросах, имеющих отношение к моим собственным поискам. Так, я довольно внимательно изучал работы, посвящённые геному человека и квантовой генетике.

Многие открытия оказались просто поразительны! Например, учёные утверждают (после многолетних исследований), что молекула ДНК состоит большей частью – до 95-99% – из закодированных текстов, и тексты эти постоянно движутся, меняются, потому что наши хромосомы тоже дышат и колышутся, порождая огромное количество смыслов, – и только 1-5% из них заняты теми «пресловутыми» генами, которые синтезируют белки. Разумеется, основная часть информации, содержащаяся в хромосомах, остаётся – пока ещё! – не известной никому! Какое, однако, зовущее пространство возможностей и неведомых проектов открывается: «О, сколько нам открытий чудных...» Вот чем надо заниматься человеку! Ася постоянно разбрасывает вполне понимаемые, но без подробностей, намёки о различных замыс-

лах со знаком (+), над которыми она и её единомышленники уже работают. Наверное, и мне пора включаться...

«Это, так сказать, путь науки, – думал я. – Если же зайти ещё с одной стороны, можно увидеть, что истинные художники даже раньше учёных, очень давно, «духовной жаждою томимы», поняли, что надо смиренно ждать, когда “божественный глагол до слуха чуткого коснётся”, чтобы “исполнить Высшую волю”. Для настоящего поэта это – “всеведение пророка”, как дар “провозглашать любви и правды чистые ученья” “и, обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей!” Что же касается соприкасающегося со вторым третьим пути – религии – то поэзия и ни с чем не сравнимая тайна смыслов и метафор, заключённая в любых, даже нескольких строках священных текстов, записанных или произнесённых однажды, их громадный потенциал, недостижимая красота и совершенство, – столетиями возносятся над миром, невзирая на наше несовершенство, бесконечно порождая жажду познания истины, – и так “во все дни до скончания века”».

«В начале было Слово, И Слово было у Бога, И Слово было Бог...»

Мысли звучали во мне, и было уже не различить, читаю ли я эти слова или они сами возникают в моей душе, а кто их автор, попрежнему было неизвестно... Я снова заглянул в

записи Анны-Марии и прочёл следующее сообщение:

«Объединить три пути познания. Они будут дополнять и обогащать друг друга. Разве это не прекрасный позитивный проект? А что касается тех, кто нам мешает, то они опоздали! Мы сделали то, что хотели, и теперь никто уже не сможет не только “присвоить” себе наших людей, их таланты и возможности, но даже просто узнать их в толпе, да и на близком расстоянии тоже, если они сами этого не захотят, разумеется.

Поясняю: “наши люди” – это те, кто знает (кого вы сегодня в разговоре так по-разному называли). Со своей стороны добавлю: это те, у кого с Космосом единая природа, в ком проявлена Высшая Сущность, их – представь себе! – с каждым годом становится всё больше. А теперь вспомни физику: цепная реакция начинается после накопления критической массы. Так что забудь о погонях и похищениях, всё это в прошлом. Ныне: для всех, кто нам открыт и близок, – мы есть. Для тех, кто негоден, тем более враждебен, мы просто не существуем».

И тут я услышал приближающиеся шаги и закрыл планшет. Вошли мама с Арсением, продолжая начатый разговор и теперь уже включая в него меня.

– У моей истории есть несколько сценариев и, следова-

тельно, в будущем возможен не один финал. Я могу кратко описать начало одного из них, где события происходят в наши дни.

Я уже примерно догадывался, о чём пойдёт речь, и о том, что исследовательские подходы Аси идут на опережение.

Так оно и вышло.

– Сейчас мы наблюдаем, – сказал он, – за одним институтом, который, по умолчанию, занимается проектом искусственного сверхинтеллекта, т. е. созданием сверходарённого существа – робота на основе всех имеющихся знаний об одарённых людях, включая детей.

– Мания сверхчеловека не даёт покоя... – недовольно пробормотала мама, опустив глаза, но я успел уловить в них опять появившуюся тревогу.

– Могу тебя успокоить, дорогая, – счёл необходимым сразу пояснить Арсений, – там занимаются и роботами-помощниками в различных хозяйствах, и роботами – послушными земледельцами, и смелыми металлическими парнями-защитниками без изъянов, не «рыцарями», конечно, но «без страха и упрёка», – но это, так сказать, побочные эффекты.

– Успокоил, называется!

Я видел, мама ещё больше расстроилась, подошёл к ней и обнял за плечи. Наверное, я знал всю гамму оттенков и тонов её голоса и мог «вычислить» её настроение по одному-единственному слову.

Сейчас она не была озабочена, как в начале вечера, – она боялась.

– Мама! Это ещё только лабораторные опыты. Может быть, ничего и не получится, так часто бывает. Останутся одни игрушки: удобно ведь начальнику поговорить с помощью подъехавшего робота с подчинённым, а врачу – с пациентом, сидя у себя в кабинете.

– Хочу добавить лишь то, – сказал Арсений, – что человек, занимаясь искусственным интеллектом, в сущности не знает, что это такое.

– То есть? – Мама даже привстала, но я мягко усадил её снова в кресло и обернул колени пледом.

– Да, да. Просто мы, как всегда, сначала договариваемся о чёмто, потом исходим из этого начального тезиса, постулата – неважно – как основы, а потом, естественно, обманы-

ваемся. У робота так называемое «творческое решение» – это перебор вариантов, действительно, такого их множества, которое неподвластно человеку. Поэтому он и обыгрывает, скажем, чемпионов мира по шахматам, а теперь в старо-новую игру «го».

Наконец-то мама улыбнулась, явно довольная последним примером:

– То, что машина обыгрывает некоторых самодовольных б/у чемпионов, я только рада.

– Согласен, – кивнул Арсений, – и в этом случае, скорее, человек становится машиной, а не машина – человеком. На самом деле человеческий мозг только частично работает по цифровому принципу, его нейросети устроены гораздо сложнее. Истинно креативные решения выдаются совсем другим способом, тем, что называют озарением, вдохновением, предполагающим постоянную, да ещё и постоянно меняющуюся, «дышащую» обратную связь между миром и человеком. Человек высматривает себя в окружающем мире. слышит нарастающее многоголосие и пытается найти отклик. А с рефлексией у искусственного интеллекта пока ещё проблемы!

– И слава Богу! – сказала мама.

– Человек не перебирает варианты, – увлѣкшись, продолжал Арсений, – а догадывается, как раз потому, что у него есть интуиция, стиль, сознательный и бессознательный опыт, эстетический вкус, оценочные суждения, способность решать задачи с высокой степенью неопределѣнности, а главное, потому, что у него внутри есть... И не спрашивай меня, почему и откуда! – повернулся он ко мне, – есть идея или модель целостной картины мира... Мама опять же с удовольствием добавила:

– ...«как у существа воплощённого», – говаривала Сонечка.

Арсений продолжал:

– Однако постичь, воссоздать эту целостность, ради чего, собственно, мозг и старается, человек как раз не в силах. Пока, по крайней мере. Вот здесь и появляется новая идея – Творца, хотя, конечно, множество исследователей в такой гипотезе не нуждаются.

Мама стала его поддразнивать:

– «Новая», говоришь? Как же! Да ей столько же лет, сколько человечеству. Ты бы определился, что ли, Арсений: то –

«природа-мастерская, и человек в ней работник», то – невозможно без Создателя.

– Может быть, я и не похож на традиционно-религиозного человека, но я и не атеист. И вообще, почему нужно заикливаться на одной гипотезе? Почему нельзя объединить все пути? Целостный подход это вроде бы вполне допускает. А ты почему смеёшься? – обратился он ко мне.

– Потому что сегодня ко мне со всех сторон идёт тема перспективного объединения науки, искусства и религии. С чего бы это? – усмехнулся я, – часа три назад мы с Николой её активно обсуждали. – С тем, что нашёл твою рукопись и выложил её в Интернет?

– Ну и что? Я ведь не чувствую себя автором в обычном смысле. Наверное, даже хотел бы, чтобы сами персонажи стали соавторами. А он, знаете ли, совсем не плох, этот парень, и так стремительно ворвался в текст, что кажется, способен развернуть его каким-нибудь неожиданным образом. Я, кстати, буду только рад.

– Ты уже знаешь, каким именно образом? – спросил заинтересованно Арсений.

– Догадываюсь. Видишь ли, он постоянно общается с чи-

тателями и встречает там, как он сам утверждает, совершенно потрясающих людей.

– Ну да, – скептически заметила мама, – не всякий такое чтиво осилит.

– С некоторыми из них, – продолжал я, – он завёл более близкое знакомство. А в одну прелестную даму успел даже влюбиться – опять же, как он сам рассказывает, первый раз в жизни. Зовут её Лариса Викторовна, Лара, она стройна, зеленоглаза, пластична, ведёт занятия, если я не ошибаюсь, по «свободным спонтанным танцам» и чем-то мне напоминает женщин Клода Моне, прогуливающих в саду мимо цветников.

– Откуда ты всё это взял? – недоверчиво спросила мама.

– Её многочисленные фото танцующих женщин и мужчин в изобилии представлены в специальной группе «ВКонтакте», а теперь, разумеется, и у него в телефоне.

– Подожди, подожди. Я тебя правильно поняла: твой текст способствовал... зарождению любви?

– А что? – подхватил Арсений, – звучит классно.

– Боюсь, слишком... хорошо...

– Катя, ты очень строга, пусть люди любят друг друга!

– Ладно, об этом потом. Сейчас мне надо успеть ещё кое о чём спросить тебя, Арсений.

– Спрашивай, моя радость.

– Тот институт, о котором ты говорил, он... у них или у нас?

– И у них, и у нас. Да не печалься ты так, душенька, – бодро закончил он, – всё под контролем.

Но мама, казалось, вовсе не готова была успокаиваться:

– Значит, опять всё повторяется: всё те же искушения, как тысячи лет назад, – властью, насилием, материальными благами и чудом, которое так хочется использовать в своих целях. А ведь всё уже было: и «распни» после «осанны», и предательское отречение – после поклонения, и желание грешников бросить камень – вместо «не судите»... Всё, всё в этой драме было и есть! И что невыносимо горько – всё продолжается по тому же самому сценарию. Никто не хочет учиться... Образование как образ человека, культура как образ

жизни, – видите ли, – не модны!

Арсений стоял у книжного шкафа и листал ту же самую толстую книгу, а потом просто прочитал стихи, и прочитал прекрасно:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века

По воле Бога самого

САМОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ЗАЛОГ ВЕЛИЧИЯ ЕГО.

Мама сказала:

– А у нас подрастает Илия, наш «маленький принц», и Ванечка, и это уже следующее – третье? – она посмотрела на меня, я кивнул. – Да, конечно, третье поколение. Что же делать?

Мама опустила голову и закрыла лицо руками. Две длинные пряди слегка выющихся волос выбились из причёски и наклонились вместе с нею. Арсений в это время внимательно рассматривал небольшую картину Софьи Алексеевны, которую я взял на память: скромный пейзаж вдали, простой букет полевых цветов, которые так любит мама, поставлен на подоконник широко открытого окна нашего загородного дома, где в прошлом году во мне происходило то, что я назвал «переменной участи». За окном видна ярко-зелёная лужайка, на которой играют, если присмотреться, двое маленьких детей. Как мне сказала Ася, когда я выбирал картину, одним из них был Ванечка, ему тогда было где-то не больше четырёх лет, а другой – её сводный брат Илия, которого она усыновила сразу после катастрофы и гибели родителей и которому сейчас, наверное, лет 11-12...

– А как Илия называет Асю? – спросил Арсений.

Не глядя на него и не поднимая головы, мама ответила устало: – Мамой, конечно...

– Опять двое детей, – задумчиво произнёс Арсений, – трудно, наверное, с ними?

Мама пожала плечами:

– Но и без них было бы как-то... неестественно.

– А если бы это были обычные дети?

– Обычных детей нет, – убеждённо сказала мама, глядя поочерёдно на нас и привычно выпрямляя спину. – Они все рождаются одарёнными, и только потом у многих всё это куда-то исчезает, как красота милых девушек. Но не у каждого! И что бы кто ни говорил, толком никто не знает, почему. Ведь у некоторых – вопреки всему! – эти дары и таланты возрастают, да ещё каким-то непостижимым образом, – и тогда все их начинают называть «сверходарёнными», «звёздными», «beautiful» и «новой расой», абсолютно не понимая, как это получилось и что с этим делать.

И тут у Арсения появилась его коронная улыбка с большим количеством милейших морщин вокруг глаз и то зажигающихся, то исчезающих в них огоньков:

– Екатерина Дмитриевна! Ты решила всех уравнивать, потому что боишься, что тебя заподозрят в снобизме, или просто для примирения сторон и закрытия темы?

– Сами догадайтесь, не маленькие. Нельзя же, право, всё в одну фразу уложить, – отмахнулась мама.

– Хорошо! Сам и отвечу: не заподозрим. Точка. Тема и так закрывается по независимым от нас причинам, двоеточие. – Он взглянул на свои удивительные, со светящимися римскими цифрами, часы, которые я любил и не уставал разглядывать: – Ибо через несколько минут мне пора уходить.

А потом самым своим мягким и вкрадчивым голосом, почти как вербовщик из фильмов про шпионов, тихо добавил:

– Есть сведения, что Ася вместе со своими со-ратниками уже кое-что придумала.

Он произнёс именно так: «со» и отдельно – «ратниками».

– И что же это? – тоже тихо и напряжённо спросила мама, близко наклоняясь к нему и не отрывая взгляда.

– Не знаю, – Арсений лукаво улыбался. – Она сама летом приедет и всё вам расскажет.

Мама откинулась назад и недоверчиво спросила:

– Действительно не знаешь или прикидываешься?

Арсений только развёл руками:

– Больше мне добавить нечего, а посему позвольте откланяться, леди и джентльмены, я завтра рано утром должен... кое-куда съездить. Спасибо за всё!

Он сказал это так, будто собрался на лёгкую двухчасовую прогулку по Летнему саду, максимум с заходом в «Чайный домик». На самом деле, мы уже хорошо его изучили, он мог отправиться на год, и на два, и больше, – в места весьма отдалённые и вовсе не безопасные.

– Куда опять, Арсений? – печально спросила мама.

– Ты же знаешь, главное – не место, где находишься, а состояние духа, в котором пребываешь.

Он осторожно слегка приобнял её и она поцеловала его в наклонённую голову.

– Береги себя. И ты тоже береги маму, слышишь?

Арсений сказал это мне со всей той особенной силой, которой невозможно противостоять. Но ведь я и не сопротивлялся, я сам оберегать её был рад.

Мы вышли его проводить. Появились и Ева с Дианой.

– Где же вы были всё это время, девочки? – спросил, одеваясь, Арсений.

– Ева, я думаю, спала после обеда, а Диана скромно ожидала своего часа.

Мама повернулась ко мне уже с курткой и поводком в руках, и тут все снова оживились.

– Я так понимаю, летом будет большой сбор? – сказал на прощание Арсений.

– А ты там будешь?

– Сделаю всё, что смогу.

– Это замечательно. – Мама уже держала на руках Еву, прижимаясь к ней щекой. Мы с Дианой первыми оказались у двери. Уже спускаясь по лестнице, я услышал тихий нежный голос: «С Богом!» – а может быть, это мне просто померещилось.

Арсений нас догнал, и мы вместе вышли из дома. Он даже зажмурился от удовольствия: город сразу, не помедлив ни секунды, открыл своё прекрасное лицо. Белым пушистым покрывалом, не успев растаять, повсюду на земле ле-

жал снег, а в воздухе медленно кружили влажные снежинки, подсвеченные многоцветными, бегущими, мерцающими огнями.

Пока Диана делала свою первую пробежку, мы успели обменяться несколькими репликами:

– Твоей маме всегда хватало любви на всех.

– Это хорошо?

– Очень! Вот я, например, не всех люблю.

– As well as i do, – вздохнул я.

– Don't worry! – Арсений ободряюще похлопал меня по плечу. – «Есть многое на свете, друг Горацио», чему должны мы научиться сами. И так всё время по кругу. Точнее, по спирали. «In my beginning is my end».

Он обозначил прощальный жест, потом сделал несколько шагов и вдруг исчез, очень быстро, как будто растворился в прозрачной лёгкой занавеси из снега.

«Очень в его духе», – подумал я, позвал Диану, и мы, тепло касаясь друг друга, пошли по Фонтанке к Театру юного

зрителя, где часто гуляли такие же, как мы, пары. Снежный зимний вечер ничуть не мешал мне представлять июльский жаркий день, когда соберутся все те, кого я хотел бы видеть вместе: отец и мама; Ася, Илия и Ванечка, Арсений и Никола.

Возможно, даже Лара, и ещё много-много зверей, – говорят, Ивана они просто обожают – все! – и дикие, и домашние, а он им играет на дудочке...

«Господи! Сколько любви...» – на этот раз отчётливо услышал я глубокий благодарный голос мамы...

Часть третья

От Анны-Марии и Ники

Бывает, погасшая для себя Звезда Горит во Вселенной ещё тысячи лет.

Так и для нас, на Земле: человека нет,

А слово его остаётся, оно живёт, горит,

Летит к людям из поколения в поколение,

Как тот свет угасшей Звезды...

Из М. М. Пришвина

Нам не дано предугадать,

Как слово наше отзовётся, – И нам сочувствие даётся,

Как нам даётся благодать...

Ф. И. Тютчев

Господи! Дай мне душевный покой,

Чтобы принимать то, что я не могу изменить; Мужество
– изменить то, что могу,

И мудрость – всегда отличать Одно от другого.

Арабская мудрость, на которую другие народы претенду-
ют тоже

Летним погожим днём в одном из пригородных посёлков

Санкт-Петербурга можно было наблюдать (если бы нашлись такие желающие) удивительную картину: по грунтовой дороге, проходящей вдоль леса и затем опоясывающей дачный квартал, шёл маленький мальчик, на вид не более шести лет, с самодельной акариной (народным музыкальным инструментом, выполненным из глины), наигрывая очень приятную на слух простую мелодию. Вокруг него крутилось множество зверей разной масти, как ни странно, нисколько не нарушая, очевидно, только им известного порядка. Рядом с мальчиком, справа, гордо вышагивала красавица – колли. Слева твёрдую позицию занял матёрый гусак, явно не желающий никому её уступать. За ним с негромким деликатным гоготом топали утки. Впереди шли коты и кошки, как всегда, независимые, «гуляющие сами по себе».

Время от времени вперёд выбегали из леса белочки, задорно поднимали кверху свои пушистые хвостики и быстро убегали обратно. Один раз из леса выглянула даже лисица, но на дорогу не вышла, а пошла лесом, не теряя из вида необыкновенного марша. То, что творилось сзади, трудно было сразу распознать. Сливаясь по окрасу с землёй, двигалась группа мышек и сусликов. Её число, похоже, менялось по ходу, оживляясь иногда ловко запрыгивающим в середину зайцем. Процессию окружали собаки разной породы и беспородные, судя по всему, добровольно взявшие на се-

бя обязанности пастырей и строго их исполняющие. Среди них выделялось несколько вожаков: две овчарки, достоинства которых всем известны, и бордер-колли, отличная рабочая собака с чёрно-белым, слегка косматым телом, способная быть прекрасным сторожем и держать дисциплину не только по команде, но и по собственной инициативе. Когда «рядовые» собаки решали немного поразвлечься и начинали с тьяканьем гоняться за кем-то или друг за другом, она устремляла на них гипнотизирующий взгляд, и этого, как правило, было достаточно, чтобы они успокоились, – но могла и прыгнуть, устрашающе стелясь вытянутой стрелой над землёй.

Когда среди деревьев появился лось с ветвистыми широкими рогами, мальчик остановил процессию, повернулся к нему и – после небольшой паузы, когда они, глядя друг другу в глаза, обменивались информацией – специально для сохатого сыграл такую звонкую музыкальную тему, от которой тот пришёл в восторг и, задрав свою красивую голову, сначала издал громкий приветственный рёв, а затем, видимо, вполне удовлетворённый, скрылся в листве.

Мальчик, тоже очень довольный, помахал лосю рукой и сменив ритм, пританцовывая и одновременно дирижируя, повёл своё воинство дальше. Наверху летали весёлыми роями пчёлы, то собираясь большим кругом, то вытягиваясь

в длину. Птицы, криками и щебетаньем «аранжируя» мелодию, извлекаемую мальчиком из инструмента, настойчиво обозначали своё радостное присутствие.

Ася давно наблюдала за Ванечкой, – а это был он, – неслышно двигаясь вдоль дороги. «Ну, что ж, – думала она, – он уже неплохо читает Священную Книгу Природы, изучает её “языки” и, естественно, получает в ответ некие “послания”. Природа постоянно творит, и творит то, что человек не в силах. Он при всей своей самонадеянности оказался не способен создать ни единой травинки, ни одной песчинки! Не нами навеяны барханы, не мы сотворили моря и горы. – Ася закинула голову назад, беззвучно смеясь и широко раскинув руки. – И эти безграничные небеса! Именно Природе чудесным образом удалось обозначить признаки Рая на Земле, позволив явить себя цветам, птицам и таким вот детям, которые абсолютно без страха и сомнений, тем более без применения бессмысленной в данном случае силы, только лишь на доверии и любви, вступают с нею в общение, несомненно, желанное с обеих сторон, полное счастливой гармонии... И кто знает, возможно, в будущем это станет уже новой человеческой профессией, что-то вроде: «Разговаривающие с природой» или «Те, кому она раскрывает свои секреты». – Она улыбнулась. – Сегодня многие знают, что активно развивающаяся вот уже более 200 лет техносфера – антагонична природе, и будущее науки всё больше связывает себя

с природоподобными технологиями, сплетающими воедино естественно-научные и социо-гуманитарные знания. Интересно будет посмотреть, что из всего этого получится...»

Ася задумалась и добавила про себя: «А вот кто сотворил саму Природу, кто этот великий, неведомый Автор, – это уже совсем другая история».

Она вышла на дорогу, радуясь тишине и теплу ясного солнечного дня, любуясь скромной красотой сине-бело-зелёной гаммы цветущих в изобилии по краям ромашек и колокольчиков, между которыми, среди густой травы, иногда проглядывали маленькие, нежные «анютины глазки», очевидно, занесённые сюда случайно с ухоженных садовых участков. Потом стали приходить мысли- воспоминания, такие же тихие и ясные, как этот день.

«Возможно, именно природа способна освободить человека от несовершенств им же созданного мира. Недаром так свободно вздыхаешь вместе с Гомером и освобождаешься от печали, когда среди описаний кровавых битв находишь несколько строк о солёном ветре с моря или сиянии голубого с серебром неба над Элладой; когда с долгожданным облегчением узнаешь, что и у Фауста были “Светлые воскресенья”, растворяющие его обострённые чувства и муки и разворачивающие его навстречу всепобеждающей “Миро-

вой весне”»...

«А томление и счастье среди боли и печали у наших несказанно любимых поэтов, – молча воскликнула она, – сумевших так проникновенно, так точно выразить себя и нас, высвободить свои и наши щемяще-искренние чувства в картинах неброской, но такой близкой и родной природы!»

Отчётливо зазвучали стихи. «Да вот хотя бы и они, – молча обрадовалась она. – Между ними – почти столетие, как и между нами и последним из стихотворений. Но как же всё это до сих пор живо и прекрасно, как и 100, и 200 лет назад, и как по-прежнему невыразимо жаль, что их авторы ушли так рано и трагично, не позволив нам узнать теперь уже навсегда неведомую мудрость их поздней зрелости».

1833 г. Александр Сергеевич Пушкин (погиб в 1837 г.):

«Унылая пора! Очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса —

Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и в золото одетые леса,

В их в сенях ветра шум и свежее дыхание,

И мглой волнистою покрыты небеса, И редкий солнца
луч, и первые морозы, И отдалённые седой зимы угрозы.

И с каждой осенью я расцветаю вновь...»

1837 г. Михаил Юрьевич Лермонтов (погиб в 1841 г.):

«...Когда студёный ключ играет по оврагу

И, погружая мысль в какой-то смутный сон,

Лепечет мне таинственную сагу

Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога

И счастье я могу постигнуть на земле, И в небесах я вижу
Бога...»

1923 г. Сергей Александрович Есенин (погиб в 1925 г.):

«...Я теперь скупее стал в желаньях, Жизнь моя! иль ты приснилась мне?

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне...»

1934 г. Марина Ивановна Цветаева (погибла в 1941 г.):

«Тоска по Родине! Давно Разоблачённая морока!

Мне совершенно всё равно,—

Где совершенно одинокой

Быть...

...Всяк дом мне чужд,

Всяк храм мне пуст,

И всё – равно, и всё – едино.

Но если по дороге – куст

Встаёт, особенно рябина...»

«Что же они такого необыкновенного сотворили», – взволнованно шептала Ася, чувствуя, как бьётся сердце и сами собой появляются строки сверхпопулярного романа “Мастер и Маргарита”, – сейчас бы сказали, – бестселлера 20 века: «...разве что-нибудь особенное есть в этих словах: “Буря мглою...”»? Не понимаю! Повезло, повезло!» – вдруг ядовито заключил один из проходных персонажей романа, завистливый автор «дурных стихов», – «стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро, и обеспечил бессмертие...»

«Ах, как написано! – разговаривала с невидимым собеседником Ася. – Всего несколько слов, а лучше и не придумаешь, как выразить ураган эмоций, – о гении и злодействе, о пошлой бездарности и вечной зависти к “божественному глаголу”, всегда ускользающему от таких вот “безголовых”»...

«Человек возрождается, – уже спокойно продолжала размышления Ася, – и духовно, и телесно, – через тёплое со-

прикосновение с природой, его образ очищается от печали и боли, и это разрешающе-преобразующее действие происходит потому, что есть Её вечное, – нет, не равнодушное! – а спокойно-величавое существование, приносящее надежду и обещание, и даже возможность познания Мира, а может быть, и его спасения – в свете пророчимых катастроф...»

В это время вдалеке, на дороге появился подросток-велосипедист. Он быстро подъехал к Асе на хорошей скорости, ловко спешился и прижался к ней всем своим по-жеребьячи хрупким, тонким телом. Ася обняла его и поцеловала:

– Илия! – нежно сказала она, глядя в громадные, чистые, светло-голубые глаза. – Тебя послала Катя? Хорошо, мы идём. А вот и Ванечка.

Ваня мчался к ним, непонятно как, в одно мгновение, распустив свою свиту, беззвучно растворившуюся в пространстве, как будто её и не было вовсе или она была, но только в его воображении. Остались лишь Диана и два овчара, её верные «телохранители».

Ваня с разбега, ловко, не причинив никаких неудобств, уткнулся Илье в живот и крепко обнял его двумя руками. Потом подпрыгнул и уселся верхом на багажник:

– Едем!

Илья тоже вскочил в седло, пригнулся, набирая скорость, Ванечка слился с ним, наклонив голову, и уже через несколько метров они выглядели как один причудливый всадник на коне, рядом с которым, с не меньшей скоростью, ровно неслись три сильных породистых пса.

Ася своими тропами пришла к дому одновременно с мальчиками и увидела всех «своих», красочно расположившимися в саду, залитом щедрым, хотя и недолгим, июльским северным солнцем. Катя накрывала праздничный стол на большой веранде; Ника оживлённо что-то рассказывал отцу; Арсений готовил на мангале по своему особому рецепту шашлык из дикого лосося с невероятным количеством приправ; мальчики бегали по саду, проверяя спрятанные в траве «сюрпризы», как оказалось потом – собственноручно сделанные фонарики, которые в течение дня заряжались от солнца, а вечером неожиданно, ко всеобщему удовольствию, загорались в разное время по всей лужайке. Диана подошла приласкаться к Нике, отпустив своих «телохранителей». Ева сидела на перилах и нежилась на припёке, зажмурив глаза, но как только появился Ванечка, резво спрыгнула на землю, подбежала к нему и быстро закружилась вокруг, при этом так громко и восторженно заурчала, что все невольно рассмеялись.

– Я её кормлю, лелею, причёсываю, – всё ещё смеясь, сказала Катя, – а она, коварная, такую прыть выказывает только перед Ваней. С чего бы это?

– Она умница, провидица, – тихо приговаривала Ася, приближаясь, но не вмешиваясь в продолжающийся танец Ванечки с Евой. – У кошек вообще удивительные отношения с многомерным пространством. Вы, наверное, обратили внимание на публикуемые сейчас исследования, раскрывающие – частично! – тайну преодоления этими славными животными, неправдоподобно быстро и очень точно, сотни километров, чтобы вернуться в свой дом?

Ася взглянула по очереди на присутствующих, но услышал её и откликнулся только Арсений:

– Они проходят сквозь пространство, – пробормотал он, пробуя своё блюдо, и Ася кивнула:

– Вот почему Ева первая заметила у своего кумира способность мгновенно переходить в мир идеальных форм и особых энергий, необычайно привлекательных для любого живого существа. – Ася стояла около Ванечки, высоко подняв руки и медленно вращаясь вокруг своей оси. – В потоке таких излучений, – негромко поясняла она вновь обратив-

шему к ней взоры «семейству “Смирнофф”», как называл Ивана-Большого, отца Ники, Катю и самого Нику последние несколько дней Арсений, – приятно и даже полезно купаться, правда, Ева? Или просто быть рядом и получать от этого «неземное», можно сказать, «райское наслаждение»...

Ева ответила короткой песней, благодарно коснулась Ванечки всем своим пушистым тельцем и пошла в сторону, свободно устроившись на траве и приняв одну из своих самых обворожительных поз.

– Поэтому, наверное, все звери и вертятся вокруг него, – произнёс Ника, с удивлением обнаруживая у себя не только сыновью, но и проснувшуюся отцовскую гордость.

«Так уже было, давным-давно, – думала про себя Ася, – мы помним древние миниатюры, иллюстрации к священным книгам, выбитые в камне горельефы: там тигр пасётся с ягнёнком, львы и лани мирно возлежат рядом с человеком, а он спокойно кладёт руки им на головы... Так неужели Ванечкин опыт означает, что сейчас эта гармония соприкосновения и любви ко всему живому начинает возвращаться?

Хотя бы к некоторым из нас, хотя бы вот к таким детям? Видимо, да...»

– Он ещё и на дудочке для них играет, – добавила свою похвалу Катя, обнимая уже убежавшего Ванечку.

– А тут уж все просто балдеют, – откликнулся со своего поварского места Арсений, одобрительно вдыхая ароматы трав, идущие от жаровни.

– Прошу заметить, – голосом безупречно воспитанного человека произнесла Ася, – звери с большим тактом пользуются благотворной энергией: порадуются и отходят в сторону.

– Вот бы и люди так! – снова бодро вступил Арсений. – Но человек ни за что не остановится, он как та мышшь с вживлённым электродом на особом участке мозга: если и не умрёт на кнопке панели, включающей даже не «райское», а вполне-таки животное наслаждение, – то уж, конечно, напользуется вдоволь, а потом обязательно растерзает, расчленит на части, выложит пыточные снимки в Сети и ещё постарается выставить их на продажу.

– Побойся Бога! – взмолилась Катя.

– Не поможет, – невозмутимо ответил Арсений. – Сейчас пришло время Иуд, Иродов и Малюты.

– Но хотя бы остановись, – попросила Катя, трогательно сложив руки на груди. Она была все эти дни в особо приподнятом настроении и очень хотела его передать другим. – Use your head, забудь на время о троллях из нескончаемых фильмов ужасов, которые мы тоже вынуждены смотреть! Ведь можно переключить программу, есть же другие сценарии, и не обязательно в жанре триллера или мрачных фэнтези. Они называются «В прекрасном и радостном мире».

– И «яростном», – поправил её Арсений. – «В прекрасном и яростном мире» – именно так это звучит у Андрея Платонова.

На этот раз Катя ничего не ответила, только вздохнула и грустно опустила голову. Иван-Большой, которого так звали, очевидно, за высокий рост и фигуру тяжелоатлета, сразу пошёл к ней, успев послать предостерегающий знак своему другу и тихо сказать:

– Не смей обижать Катю.

– Да я и мухи не обижу, – так же тихо ответил Арсений.

– Жизнь мух меня совершенно не интересует, – бросил напоследок Иван, уже поднимаясь на веранду, когда Ася негромко заметила, ни к кому конкретно не обращаясь:

– А напрасно, так интересно было бы поговорить с насекомыми...

Быстро всё схватывающий Арсений собрал вокруг глаз свои замечательные морщинки, весело кивнул Асе и крикнул Кате с Иваном, блокируя ситуацию:

– Подождите! Мне нужно красивое блюдо для рыбы!

– А вот это совсем другое дело, – тут же откликнулась Катя, и её тёмные глаза опять озарились радостью. Они с Иваном стояли рядом, как дети, держась за руки. Подошёл Арсений, и все трое скрылись в доме. Илья с Ванечкой тоже куда-то убежали, и в саду, окружённом густым перелеском, остались только Ника и Ася.

Ася умела молчать, не создавая напряжения для того, кто находился рядом, и сейчас Ника был особенно рад их молчанию, ибо тишина, ощущаемая особенно остро после неожиданного выплеска эмоций, удивительно точно соответствовала его внутреннему состоянию. Он думал не о данном простом случае, а, скорее, по поводу его, о том, как сильно и искренне люди проживают отрицательные чувства, как охотно выражают протест и несогласие, как часто, не задумываясь, отвечают собеседнику: «нет», «ты не прав!», но не: «возмож-

но», или «да, я готов взглянуть на эту проблему с другой стороны», или хотя бы просто: «таково лишь моё мнение, не более»... И ведь их никто не учит этой спонтанной агрессии, она как-то сама собой зарождается и проявляется. Почему? Если бы мы умели столь же сильно, как раздражение и гнев неприятия, проживать положительные эмоции – любовь, нежность, сострадание, радость... – это бы, наверное, означало совсем иное качество жизни.

Ника не связывал свои размышления с близкими ему людьми, они-то как раз умели сопереживать и быть внимательными друг к другу, – но лишь отталкивался от привычных впечатлений, наблюдая почти что со стороны за тем, как складываются у него в голове, казалось, сами собой мысли, и ему было интересно следить, куда они его всё-таки приведут...

– Эти дети – чудо, – промолвила Ася, входя в тень густо раскинувшего свои ветви дерева и присаживаясь на край скамьи. – Они полны восхищения и любопытства к миру, так искренне верят в сказки, в то, что весь мир – живой, и что они сами – были, есть и будут всегда..., поэтому, наверное, с ними на самом деле и случаются чудеса!.. – Она помолчала.

– «Из ничего, из ниоткуда, – нет объяснения у чуда». – Потом, после небольшой паузы, добавила:

– Чудо – это ещё и большое искушение.

Ася подняла голову, некоторое время, теплея, смотрела вверх, туда, где беспрерывно двигались облака, плавно меняя очертания прозрачно-белого на голубом. «Вот они не спешат, как не спешили свободные люди (не рабы!) в Древнем мире, – и украшали свою жизнь такими подробностями и деталями, такой игрой оттенков, что это стало выражением “гурманства” в культуре и образованности, на долгие времена», – подумала она, а вслух спросила, похоже, даже не ожидая ответа:

– Отчего дети всегда переигрывают взрослых? Даже великие актёры выглядят на их фоне как-то... неестественно? Отчего они умеют быть счастливыми, просто бегая босиком и играя всего лишь с камешками у моря? Почему так уверены, что мир – прекрасен и добр, что он полон влекущих тайн, более того, он к ним расположен, и поэтому они могут ему доверять? Зачем мы, а не они, требуем доказательств в любви, а дети просто любят, верят, что любимы, и всегда первыми прощают нас? Отчего? Почему? Зачем? Они, а не мы, – именно так ощущают свою жизнь, и только самые мудрые из нас, и то после многих страданий и мытарств, – начинают понимать, что всё это правда! – Она помолчала. – Понимают тогда, когда обретают снова в душе абсолютное

единство, как в детстве, и мудрец превращается в дитя, но это уже, конечно, обогащённая невинность, невинность изведавшего мир... Круг замыкается...

– Зато остальные, – продолжала Ася, – а их много, очень много, ибо «непонятливые» всегда в большинстве, – зачем-то настойчиво и упорно приглашают, а порой и с силой затаскивают детей в свой выдуманный взрослый мир, как будто именно там, где мало что получается из всего благозадуманного, – им, пришедшим на белый свет с любовью и верой, – следует жить! Не лучше ли войти в детский – да, уже потерянный нами, но такой по-прежнему пленительно-чистый мир, и уже оттуда начинать отсчёт и наполнение последующих лет? Тогда, возможно, вместе с воспоминаниями о постоянно повторяющейся «мистерии самозарождения», начиная с тайных глубин нашего происхождения, и появится снова: из куколки – бабочка, умеющая летать, а после ученика и деятеля («верблюда» и «рычащего льва», по выражению знаменитого философа) – дитя-мудрец, способный рассмотреть духовным взором, сквозь плоть существования, многие истины, до тех пор молчавшие, сохранить «вечные» из них, преобразовать старые и сотворить новые, – «в невинности и забвении»,

«в бесконечной священной игре»...

«Так говорил Заратустра», – негромко пояснил, скорее самому себе, Ника и тут же понял, что сказал это напрасно. Ася давно уже не сидела на скамейке, но очень легко, «невесомо», – подумал он, – двигалась по тропинке впереди, и он видел, как она в ответ на реплику чуть подняла и сразу небрежно бросила вниз руки, как бы говоря: «Если мы оба знаем, зачем повторять?» – или даже: – «Да какая разница!»»

«Действительно, глупо», – усмехнулся Ника, почему-то несколько не огорчившись. Ася шла, покусывая травинку, и смотрела не на Нику, а на детей, которые теперь уже не только убегали, но и постоянно к ним возвращались.

– Как же много они умеют! Твой Ванечка, когда его прошлым летом привезли к нам в школу, – мгновенно! – Ася быстро повернулась к нему. – Я не шучу! С первых же секунд сбросил старую шкурку из боли и разочарования и стал раскрывать бесчисленные таланты. А всего-то и надо было попасть к таким же, какой он сам! Ибо до этого момента он думал, что один такой на Земле, и поэтому не знал – как, но не хотел жить так, как все более-менее известные ему остальные люди...

Ася замолчала, а Ника с тяжёлым чувством вспомнил Ванечку, со слезами на глазах убегающего в свою комнату, когда Алина, его жена, начинала кричать и бросать в него ве-

щи, обвиняя в невнимании, неуважении, в том, что это он сам, своим равнодушием заставил её сделать то, что она сделала, а теперь вот гордится своей, якобы, верностью и великодушием, раз не выгоняет её на улицу и пр., пр.

«Стоп!!!» – Ника резко замотал головой, пытаясь стряхнуть с себя наваждение. Ася снова была впереди, и он надеялся, что она ничего не заметила.

– Насколько мне известно, – тихо сказала она, медленно разворачиваясь к нему, – Алина угрожает сейчас всем нам, что уйдёт в монастырь, как будто монашество – это не служение и подвиг, не благо и особое, накопленное состояние души, – не всем, кстати, открывающееся, – а наказание для других, рядом живущих, пусть, дескать, мучаются, чувствуя свою вину. – Ася чуть усмехнулась и опять пошла вперёд, давая ему возможность собраться с силами:

-И что ты ей ответил на это?

Ника молчал, не зная, как выразить то смешанное, тоскливое чувство, включающее жалость и стыд, отторжение и угрызения совести, которое он постоянно испытывал, думая об Алине.

– Хочешь, я сама отвечу? – спросила Ася. Он кивнул, но

на всякий случай отвернулся, не желая, чтобы она видела его смущение.

– После того, как она сначала подала на развод, потом не пришла в суд, затем уехала к родным на Урал, там тоже что-то произошло, – скорее всего, её простые, добропорядочные родители постарались убедить её вернуться «к законному мужу», может быть, даже попросить у него прощения... – Ася быстро взглянула на Нику и, увидев, что он покраснел, опустила глаза, при этом в голосе у неё появилось мягкое сочувствие, – что она и сделала, как смогла, а ты сказал в ответ, что давно простил, готов формально оставить ей право, – если она хочет, разумеется, – считаться твоей женой и помогать материально, но жить будешь отдельно и просишь лишь об одном, чтобы Ванечка мог учиться в школе за рубежом, в Европе, как это сейчас модно. Здесь ты, правда, немного слукавил: не только в Европе, но и у нас на Родине, – но это мелочи.

Да, мы в этом году снимаем «на бархатный сезон» для учёбы и отдыха небольшое поместье в Швейцарии, однако возможны и другие варианты. В основном, точнее, круглый год, школа располагается в наших южных широтах, но это опять же неважно, а важно другое – то, что Алина согласилась. Это правда?

– Да. – Нике уже удалось справиться с собой, и он спокойно смотрел на Асю. – Думаю, здесь поработала дипломатом мама.

– И только? – Ася очень мило улыбнулась.

– Неужели... ты тоже?

– Увы, меня следует исключить. Мне вообще нельзя к Алине близко подходить! Кате помог Арсений.

– Но как же так? – искренне удивлялся Ника. – Мама рассказывала, как много сделала для неё Софья Алексеевна, да и ты тоже...

Какая дремучая неблагодарность должна быть...

Нет, это другое, – перебила его Ася, – есть и неблагодарность, конечно, но это не главное... – Она печально усмехнулась, добавив: – Если меня она просто не любит, то Сонечку ненавидит, как говорят, «всеми фибрами души».

– Но за что?! – поразился Ника, уже почти угадывая ответ и точно зная, что Ася обсуждать эту тему не станет: «не царское это дело».

И здесь он вспомнил одну из историй, которые любила пересказывать Катя и которые так ему нравились. Однажды Софья Алексеевна пригласила их с Верочкой во Дворец искусств, где давал творческий вечер Анатолий Эфрос. Собрался весь театральный «бомонд» Петербурга: известные актёры, художники, режиссёры. Рассказывал знаменитый мастер о многом и очень интересно, но маме особенно запомнился рассказ о постановке «Отелло» в его театре на Малой Бронной. Прекрасно понимая, что театр – это зрелище живое, происходящее всегда «здесь и сейчас», режиссёр долго искал «переключки» шекспировской трагедии с современностью, и когда нашёл, всё пошло «как по маслу».

Много раз перечитывая пьесу, он вдруг обнаружил, что от явлению к явлению Яго (которого у него играл добрейший Лев Дуров) всё время говорит, как он ненавидит Отелло, фактически за всё: за то, что он успешный генерал; за то, что мавр; за то, что его полюбила Дездемона... (естественно, Отелло и Дездемону играли любимые актёры Эфроса – Николай Волков и Ольга Яковлева). На самом деле Яго ненавидел и завидовал Отелло не за что-то одно, конкретное, а за то, что он – другой, «особой породы»! И здесь Яго уже ничего не мог с собой поделать... «Ненавидеть и уничтожить то, что непонятно, – извечный путь варваров, в любом обличи, – заметила тогда Сонечка. – Ведь и Каин убил своего младшего брата Авеля только из зависти». Отсюда и возник-

ла интрига, разрушившая всё: клевета, где согонится любая мелочь, даже носовой платок. «А в конце, – сказал Анатолий Васильевич, – выходит Яго – Дуров и, глядя на погибших героев, казалось, только что полных всепоглощающей любви и красоты, гордых и прекрасных, – уже без гнева и зависти разводит руками, слегка пожимая плечами и как бы говоря: “Вот так это делается, господа!”»

– Видишь, как всё просто, – улыбнулась Ася уже из-за куста малины, только что открывшего ей своё спелое изобилие. – И спасибо тебе большое!

Последние слова она адресовала, разумеется, кусту, потом подошла к Нике и протянула ему горсть сочных ягод. Проглатывая самый вкусный на свете сок, он спросил, что она имела в виду, когда говорила: «Ваня попал к таким же, как он сам»:

– Неужели они все похожи друг на друга?

– Не припомню, чтобы я такое говорила. – Глаза Аси весело заблестели. – В школе не может быть и речи о потере индивидуальности и своеобразия! Любой вид подавления личности – это не про нас, это к кому-нибудь другому. В школе – все! – очень-очень разные, как... – она задумалась, подбирая слова, – как в любовно взращённом саду, или, лучше

сказать, на лугу, где в полном благоденствии произрастает множество трав, цветов, грибов, ягод, кустов и ещё чего-то такого, чем питаются и любят жить живущие здесь же или рядом, в лесу, на земле, под землёй, – звери и насекомые, этокое «единство в многообразии», от которого до сих пор приходят в недоумение все учёные сообщества.

Они прошли песчаную дорогу и углубились по тропинке в лес, одновременно вдохнув и почувствовав тонкое благоухание его запахов, исходящее от всех здешних деревьев, кустарников, трав, и замолчали, думая, как выяснилось, об одном и том же: человек всегда может вернуться к лучшему в себе в союзе с природой – к красоте и гармонии, ради которых он, если честно признаться, только и живёт. Потом Ася спросила:

– Так на чём мы остановились? Ах да, соратники в школе становятся соизмеримы, соразмерны, согласованы или гармонизированы друг с другом, – выбирай любое определение, – не по подобию, а по качеству особых вибраций и излучений тонких энергий... – Ася быстро взглянула на Нику, – если ты понимаешь, что я имею в виду. – Он быстро кивнул в ответ. – Или по характеру сердечных и ментальных прикосновений, если тебе так удобнее. Список совпадений может быть продолжаем очень долго, ибо даже слов таких пока ещё нет. Не придуманы!

Ваня мгновенно окунулся в этот океан возможностей и сразу почувствовал с ним, с океаном, и с ними, с людьми, – «духовное сродство» и, не побоюсь этого слова, счастье.

– Таким он и пребывает до сих пор, – продолжала Ася, – на радость всем окружающим: людям, зверям, растениям, минералам, земле, воздуху, воде, – хотя сам меняется с невиданной доселе даже среди «наших» быстротой и силой! И его уже не остановить. Да и зачем?

– Просто «песня песней» какая-то, – искренне восхитился Ника и Асей, и Ванечкой, и его новыми друзьями, и вообще всем вокруг.

– Да, – Ася благодарно на него взглянула, – все с удовольствием купаются в этой энергии, а сам Ваня, подобно «вечному двигателю», похоже, вообще не знает усталости. Что будет завтра или через час – никто не знает, и я ничего не преувеличиваю!

Ася подошла, прислонилась к дереву, обняла его и тихо, мечтательно произнесла:

– Мы не в состоянии заранее предсказать, насколько волшебны могут раскрыть себя эти особые дети и даже взрослые

молодые люди. А за ними идут следующие, ещё более невероятные существа... Это такая сказка!

Она не смотрела на Нику, хотя и чувствовала, что он полон невысказанных вопросов и желаний. Наконец, он сам решился осторожно спросить:

– Значит ли это, что многоодарённые, много что умеющие ;соби по-прежнему в опасности? Или нет? Или, может быть, это уже другая опасность? Ведь те, кто изменил только методы достижения успеха, в том числе и за счёт других, не изменились сами и не изменили своих целей и интересов, – они просто перешли в легальный, во многом теперь очень комфортный и привлекательный сектор бизнеса, подобно различным конкурсам и шоу, – и им ничто не мешает снова использовать таких вот детей, пусть не как подопытных кроликов, а как редкий, дорогой товар, что, согласись, выглядит попрежнему безжалостно, хотя и вполне в духе времени.

– Не забывай, пожалуйста, – встрепенулась Ася, любовно поглаживая дерево и отходя от него, – что все самые главные опасности, как то: тщеславие, корысть, непомерная жажда славы, власти, – и далее по списку уже известных тебе «рукотворных деградаций», – кстати, как и все главные сокровища! – находятся внутри человека! И хотя внешне, к сожа-

лению, продолжается весь этот ужас: шантаж, террор, изъятие разными способами духовных ценностей... – всё-таки «в высшем смысле» не перестаёт работать и другой закон: если человек обладает развитым сознанием, он сам становится автором своей судьбы, и поэтому, если он чего-то не хочет, никто не сможет заставить его это делать, даже под гипнозом. Правда, такие состояния уже называются просветлением, святостью, или близко к тому, и встречаются не часто, а «аномальные зоны» продолжают воспроизводиться в массовом порядке.

– Вот именно, – подхватил Ника, – в основе «здорового смысла» по-прежнему стоит выгода, и кто хоть что-то начинает понимать, быстро догадывается: теоретически – шанс есть у каждого, а на практике воспользоваться им почему-то могут далеко не все!

– Если присмотреться внимательнее, то окажется, что не могут как раз те, кто сам этого в глубине души не хочет.

– То есть?

– То есть, кто-то утверждает, например, что хочет принести пользу народу, а сам стремится к власти и материальным благам. Да что говорить! – отмахнулась Ася, – примеров тысячи на всех уровнях, – сколько можно повторять! «Look to

your soul for the answer». – Загляни за ответом в свою душу, как поётся в одной известной песенке. – Она помолчала. – На самом деле, что человеку хорошо, а что плохо, – это всё ещё так условно. Границы размыты, как между войной и миром в нашей жизни, добро и зло проходят по одному и тому же «полю брани», будь то общество или отдельный человек.

Она смотрела вверх и вдаль, медленно раскрывая руки, как для объятия:

– А ведь «хорошее будущее» уже наступает, тихо и незаметно, нужно только научиться ему доверять и чаще... «наговаривать», что ли, помня, что мысль материальна, особенно если она эмоционально слита с образом и мечтой...

Ася двигалась так же легко и невесомо, как он уже заметил, но теперь почему-то появилась уверенность, что она умеет «разговаривать с природой»: она наклонялась, и трава поднималась ей навстречу; чуть касалась ветки, и листья трепетали в ответ; она протягивала руку, и бабочка доверчиво садилась ей на ладонь...

«Ну и что? – подумал Ника, по старой привычке не очень-то доверяя чему-либо, выходящему за пределы рационального объяснения, – что особенного в том, чтобы наклониться и коснуться травы или листьев? Остальное легко напри-

думывать, поддаваясь искушению воображения. Надо быть строже к себе». Ника, казалось, был совершенно удовлетворён своей критичностью и самокритичностью, но тут почему-то вспомнилось японское стихотворение, всего из нескольких строк, – о Луне, которое любила Софья Алексеевна:

Вошла в лес —

Не сдвинула и травинки, Вошла в воду – Никакой ряби.

И уже знакомая ему в последние два года радость от создания мира образов из слов, приходящих неизвестно откуда, захлестнула его с новой силой...

– Ну что? Вернёмся к началу? – услышал он весёлый голосок Аси.

– Да я уже и забыл, что было в начале.

– В начале было, конечно, Слово, но я сейчас не об этом. В самих конкурсах, о которых мы говорим, нет ничего дурного. Даже просто привлечение внимания к талантливым детям, – насколько я помню, от 3 до 15 лет, – незаурядно проявившим себя в композиторском и исполнительском искусстве; в вокале, декламации или риторике; в возрождении народного творчества; показавшим необыкновенное мастер-

ство в танцах, гимнастике, в различных, в том числе новых видах спорта, ремесла и даже развлечений, и т. д. и т. п., – уже один этот факт позволяет надеяться, что в обществе начнут вырабатываться иные критерии оценки достоинства и уважения к человеку, и, может быть, в скором времени не отпрыски богатых родителей, устраивающие ночные тусовки или гонки в нетрезвом виде на дорогих иномарках, – будут получать известность, ничтожные штрафы и название «золотой молодёжи», но истинные гении и таланты, раскрывающие перед нами невиданные и неведомые прежде человеческие способности, будут считаться «национальным достоянием». Ну, а то, что любую идею можно исказить, так это общее место.

Ника слушал то, что с перерывами говорила Ася, и думал: «Но если сознание не развито, тем более, что мы полны заблуждений на этот счёт, то человек будет подвергаться разрушениям постоянно, ибо бесконечно число вбросов специально отобранной информации, технологий “заражения”, изменения состояния сознания и т. д. – через любые виды электронных носителей – от кино, видеофильмов, TV до “переговоров” в Сети, игр, ЖЖ и прочих “радостей” Интернета. Они возбуждают заранее просчитанные эмоции, превращающиеся в определённые действия, тоже прогнозируемые. Этот “продукт” очень привлекателен для большинства “клиентов”, он приносит им максимум удовольствия, даже если

это, так называемые “ужастики” и “страшилки”, что также заранее известно тем, кто их создаёт и кто получает за эту работу, между прочим, неплохую прибыль».

– Ты, я вижу, в теме, – заметила с одобрением Ася и продолжила свою мысль. – На деле самое малое, что все эти только по видимости «безобидные игрушки» дают в результате, – это зависимости всех видов. Если же копнуть глубже, то в остатке получится уничтожение собственной воли и высших ценностей, а значит, страдание на месте наслаждения, глубочайшее разочарование и, к сожалению, нередко даже отказ от жизни...

– Да, я знаю... Эти «клубы самоубийц», провокаторы экстремальных действий...

– Да потому что, – гневно воскликнула Ася, – даже все светлые идеи и возвышенные чувства, не говоря о «тёмных», которые потребители «грёз» якобы переживают, превращаются в обманы, в то время как намеренное воспроизведение отрицательных чувств и состояний неизменно приводит к ещё большей агрессии и фрустрации! При этом сил сопротивляться навязанному безумию уже нет...

– Остаётся лишь пошлое пережёвывание «искусственной пищи», «виртуальной жвачки», как иногда говорят в наро-

де, которая и подаётся в изобилии круглые сутки средствами массовой информации во всём мире!

Ася невесело согласилась:

– У нас с тобой получились диалоги, соединённые с монологами, которые мы по ошибке считаем беседой, – и отошла в тень.

– А мне нравится – говорим, как пишем, – двигаясь в одном ритме вместе с ней, заметил Ника.

Постепенно угасающий тёплый летний день был всё ещё светел и тих. Медленно приходящая ему на смену вечерняя прохлада только начинала свой освежающий массаж, состоящий из едва заметных прикосновений воздуха, и Ася с грустью подумала, что на фоне такого дивного вечера просто нелепо и бессмысленно рассуждать о людях, потерянных на ложных дорогах, которые они, к сожалению, сами же и выбрали, – и она постаралась быстро закончить разговор:

– Есть и более страшные последствия покорного подчинения манипуляциям с сознанием... – Она замолчала в середине фразы, настолько не хотелось развивать эту мысль, но Ника тихо попросил – «Скажи...», и она нехотя ответила:

– Многие технологии направлены на то, чтобы раскрепостить разрушительные, в прямом смысле убийственные силы в человеке, причём они направлены не только на другого, но и на самого себя. На Руси это называлось «убить душу», а совершивший самое страшное преступление – назывался «душегуб».

– Всё! Больше не могу! – И Ася быстро отошла. Ника молча шёл следом.

– Хорошо, хорошо, – наконец тихо проговорил он. – Скажи, а дети школы тоже принимают участие в этих... публичных действиях?

– Why not? – с облегчением ответила Ася, которая, действительно, не хотела лишней раз озвучивать мрачные сценарии самой жизни и, как она ещё говорила, «провокационные прогнозы». – Некоторые, да, принимают и даже побеждают. Но договоры всё-таки заключают их родители, и здесь могут быть разные... мотивы. Бог им судья.

– А вы, разве вы не можете их остановить?

– Можем, конечно, но не делаем. Зачем? Человек свободен, он даже «обречён быть свободным». Ты и сам это знаешь. Вопрос в другом: хочет ли человек отдавать себе отчёт

в том, что он затевает? Тем более на годы вперед?

И тут Ника с удивлением обнаружил, как на лице Аси стала зарождаться та самая улыбка, которая поразила его ещё на портрете в мастерской Софьи Алексеевны.

– Мы делаем иначе. – Ася прямо смотрела на Нику, и он видел в её глазах победный блеск. – За 10 лет мы успели здорово усовершенствовать свои изобретения!

– Ты имеешь в виду проект (+) под кодовым названием «Невидимка»?

– Не только. Проектов бессчётное множество! Если речь идёт о новой цивилизации и новом сознании, то обойтись, как ты понимаешь, только средствами самозащиты и «засекречивания» (ими у нас владеет уже любой малыш), или дрессировкой памяти, или уничтожением берёз для отработки ударов (она не удержалась и слегка поморщилась), как показывают в нынешних шоу, – всё это, согласишься, как бы повторы прежде найденных умений, только с преувеличениями (больше, быстрее, опаснее) и в других условиях (в основном в более раннем возрасте). Что же касается «невидимых миру» духовно-душевных способностей и качеств, которые и определяют появление нового сознания... Словом, этим мы занимаемся, как всегда, ничего не отрицая. – Ася для убе-

дительности даже покачала перед собой согнутыми в локтях руками, и Ника, быстро наклонившись к ней, спросил:

– И ты можешь назвать примеры?

– Некоторые, да. Например, мы создаём природосообразную среду обитания, качественно новые отношения между наставниками и учениками, цель которых – ЭЛИТОГЕНЕЗ, в лучшем смысле этого слова. Ведь человечество в том виде, в каком оно сейчас существует, не может справиться со своими проблемами – вечными конфликтами, заблуждениями, болезненно-агрессивными разделениями на враждующие группы по любому признаку и поводу, приносящими людям боль, несчастья, мучения, вплоть до физического и, что ещё страшнее, духовного уничтожения. В человеке борется такое громадное количество противоречий, что оно просто исключает, «снимает» саму возможность гармонии, ибо даже так называемого «положительного типа человека» до сих пор попросту нет! И в то же время все ожидания по-прежнему связаны с приходом Героя, Титана, Пророка, наконец, Бога...

Ника давно уже порывался возразить, и вот возникла пауза.

– Неужели? – воскликнул он. – Вы что, всерьёз замахну-

лись, так сказать, на «сверхчеловека»? Нет, не может быть! Мы же знаем, чем всё это заканчивается!

– Нет, нет! Успокойся! Мы просто в Пути по очень демократическому направлению развития нового сознания – у всех, кто этого пожелает и готов трудиться, снимая все обманчивые представления о том, в частности, что человек уже обладает им. Человек, будучи пока ещё переходной формой, постоянно меняется, в нём как будто сосуществуют все царства природы, и в этом смысле он, конечно, – Малая Вселенная, но эту Вселенную ещё нужно сделать целостной, правильно соотносённой с Мирозданием. Бессознательно происходит только вырождение – вот поэтому у нас и востребована новая, перспективная модель познания мира как «синергетическая парадигма», способная активизировать сознание.

У Ники в глазах появился вполне естественный вопрос, и Ася пояснила:

– Это «коэволюционное, нелинейное, постнеклассическое направление исследования мира, пленяющее новизной и переоткрытием традиций в науке и культуре, а также отвечающее новому этапу ноосферного бытия человечества».

– Ну, зачем же так сразу пугать? – улыбнулся Ника.

– Хорошо, – согласилась Ася, – Скажу иначе. Разоблачители-пессимисты, на все лады отрицающие возможность позитивного развития, желающие показать свою самость, постоянно увеличивая количество дёгтя в бочках мёда, обычно не гнушаются обрывками цитат – из любых сочинений – в поддержку своей позиции. И если поэт сказал: «Всё расхищено, предано, продано...», – то они ставят здесь точку или восклицательный знак, хотя на самом деле для поэта, настоящего Поэта, важно как раз другое – как происходят последующие превращения: «И так близко подходит чудесное», «Отчего же нам стало светло». В этом смысле мы – оптимисты и наши проекты заряжены позитивной энергией. Поверь, – вздохнув, добавила Ася, – есть и более строгие основания неизбежности возрождения – после сумрачных, «тощих» лет, – но я их, с твоего позволения, пропущу.

– Да уж, пожалуйста, – машинально ответил Ника, ясно и, конечно, не случайно вспомнив, что томик стихов и прозы Анны Андреевны Ахматовой всегда лежал на бюро у Софьи Алексеевны, рядом с бюваром, где хранились муаровые листы бумаги, серебряной ручкой и карандашом в оправе из изумрудно-зелёного стекла.

– Но ты увёл меня в сторону, – Ася оглянулась вокруг и, решительно выбрав дорогу, направилась обратно к дому, – а

я хотела обратить внимание как раз на тебя самого.

– Даже так? – Ника улыбался, пощипывая свою заметно отросшую бородку.

– Помнишь, зимой, в Рождество, ты заметил, что Арсений в какой-то момент стал слишком пристально и странно смотреть на то место, где был ты. Ты ещё подумал, что он смотрит и не видит тебя, и был прав, конечно, но сделал не совсем верный вывод, будто бы он погрузился в свои воспоминания. На самом деле он действительно не видел тебя, ты как будто мерцал, то появлялся, то исчезал из поля зрения, – то есть способность становиться «невидимкой» у тебя уже начала проявляться, но была ещё не отработана. Надеюсь, сейчас ты продвинулся дальше!

– Ну, не знаю, – неуверенно ответил Ника, всё ещё обдумывая предыдущее сообщение, однако, увидев её быстрый, внимательный взгляд, постарался шутливо перестроиться:

– Надо будет попробовать.

Ася смотрела прямо и выжидательно, и тогда Ника, как бы посмеиваясь над собой, добавил:

– Хорошо, сегодня! Может быть, прямо сейчас?

– Надеюсь, что нет, – тоже улыбнувшись, сказала Ася, – Подожди хотя бы, пока мы с детьми сами не исчезнем.

Ника кивнул и спросил, желая окончательно удостовериться в разрешении беспокоящей его мысли:

—Ася! А мама знает, что для её окружения опасности миновали?

– Really, потому и выглядит такой умиротворённой и счастливой, если ты заметил.

– Все заметили, но я связывал это с возвращением отца.

Ася весело хмыкнула:

– А он никуда и не пропал! Но всё вместе, – и здесь ты снова прав, – «просто замечательно». Узнаёшь любимое словечко Кати?

– Ася! – воскликнул Ника, продолжая свой собственный внутренний монолог, почти как его мама, – мне так надо с тобой поговорить!

Она лукаво прищурила свои чудесные глаза, которые за-

блестели лучистым ярким светом:

– А разве мы не разговариваем? Всё время? Даже молча? О чём же ещё ты хочешь услышать?

– О самом главном. – Ника не был уверен, что выразился достаточно ясно, как всегда, считая само собой разумеющимся, что Ася правильно его поймёт.

– Хорошо. Давай только сначала проведём наше совместное светское мероприятие под названием «званный обед», а к вечеру приходи к нам. Мы ведь теперь живём на два дома, ты знаешь? А пока, I should like, мне бы хотелось, чтобы ты вспомнил свои собственные достижения, то есть то, чем тебе самому удалось овладеть за это время.

– Ну, это нетрудно, – небрежно заметил Ника, – список небольшой.

– Don't be in a hurry, не спеши. Я, например, могу сходу назвать не меньше дюжины особых умений и связанных с ними качеств, которые появились у тебя только за последний год.

Ника хотел тут же спросить: «Каких?», но вовремя остановился.

– Каких? – задумчиво вслух ответила Ася. – Наверное, было бы более справедливо, если бы ты сам ответил на этот вопрос. Ведь стоит только начать. – Well begun is half done.

У нас ещё говорят: «Дорогу осилит идущий». Ну, а если уж выражаться совсем круто, то можно вместе с лордом Честертоном сказать так: «into fascinating journey without end drives us a manyfaceted work», то есть «в чарующее путешествие, которому конца не видать, влечёт нас многоликий труд».

Нике тоже захотелось вставить какую-нибудь подходящую фразу, типа: «I can hardly ever understand what you say», – но в это время

Ася негромко хлопнула в ладони, и сразу, словно из-под земли, появились оба мальчика.

– Мы идём мыться и переодеваться к обеду, – сказала она. – А так как на нас обрушилась бездна подарков от Большого Ивана, то просто необходимо, хотя бы из вежливости, примерить новые костюмы. Так, дети?

– Так! Так-так-так-так! – запрыгал Ванечка, отбивая руками и ногами какой-то одному ему понятный ритм. Илья

обнял его, Ася – их обоих, и они ушли.

Ника остался один. В голове у него привычно закружились постоянные и случайные, старые и новые, важные и не очень – вопросы, требующие, он это осознавал, обязательного решения. «А иначе как идти дальше?» Возникали и пропадали обрывки мыслей и образов, помогая и мешая друг другу одновременно. «Да, необходимо время, чтобы как-то привести всё это в порядок, – думал он, – отсеять лишнее, сформулировать в приемлемой редакции главное, а уж потом произносить вслух».

В чём-то он и сейчас уже отдавал себе отчёт, например, в том, что из всех убеждений, осевших в его сознании за последнее время, непоколебимых осталось не так уж много. Часть из них при близком рассмотрении оказалась самоочевидной, то есть примыкающей к тому самому, никуда не ведущему, тупиковому «обыденному сознанию», а другая, значительно меньшая, оставалась неразгаданной вблизи (или – в тени?) «вечных истин», которые мы, – думал он, – хотя и не можем никак до конца познать и убедительно выразить, исчерпав проторённые пути, почему-то с не меньшим и никуда не исчезающим энтузиазмом ищем снова, удивлённо открывая каждый раз не где-нибудь, а в себе самом неизвестные прежде возможности, и силы, и надежды...

«А нельзя ли сказать об этом проще? – прозвучал внутри у Ники насмешливый голос Аси, и так как он молчал, она добавила: – надеюсь, теперь-то ты не будешь отрицать, что мы действительно беседуем?»

Ника даже про себя не стал уточнять, почему всё так происходит, зато сразу ощутил собственные мысли как окончательно заблудившиеся, сплетённые в тугой клубок, без надежды их скоро распутать. «А надо бы» – подумал, и тут в его памяти всплыла (или была кем-то подсказана?) фраза Фрэнсиса Бэкона, скептически брошенная вскользь когда-то (кажется, лет 400 назад) – всем застревающим на рутинном месте искателям истины: «Надежда – это хороший завтрак, но плохой ужин», – и Ника, усмехнувшись, как-то неожиданно быстро успокоился. «А у меня сейчас что? – размышлял он уже почти весело. – Lunch? Или at about five o'clock tea?»

– И кстати, by the way, – что это за особые качества и способности, которые якобы появились у меня?

...Он неспешно пошёл в сторону леса, к озеру, где – он знал это по опыту, – если сделать всё правильно, запутанный клубок мыслей и проблем может исчезнуть, незаметно раствориться, и тогда, вполне возможно, желанные цели приблизятся, а вечно ускользающие превращения – «всего во всё» – станут более доступны.

Знал он также и то, что одновременно с естественным стремлением к исполнению желаний теперь у него почти всегда появлялось и столь же ожидаемое стремление к неисполнению желаний, хотя бы частичному, – ибо только в этом случае открывалась новая глубина самопознания, усиливающая именно своей противоположностью первоначальный замысел движения души и форму его воплощения, часто, хотя и не всегда, ведущие к новому уровню самопревосхождения. Так, по крайней мере сейчас, трактовал он «уроки» Софьи Алексеевны, стараясь быть самокритичным и отводя природным силам, а не только самому себе, право великодушного выбора пути, а потому, войдя в лес, без труда настроился на медитативный лад.

Он шёл спокойно, не позволяя хаосу мыслей захватить сознание, размеренно отсчитывая шаги, внимательно глядя вокруг сквозь розовые стволы сосен, по мягкой земле, усыпанной сухими иголками, стараясь попасть в едва слышимый ритм полнокровно существующей здесь жизни, помня о том, что нужно терпеливо ждать, когда лес откликнется на твоё состояние, пока ты не услышишь равномерно повторяющиеся его голоса и звуки, его музыку, составленную из шелеста листвы, лёгкого потрескивания веток под невесомыми телами птиц, их недолгого пения и переклички зверей... и тогда, возможно, только тогда ты получишь ответы на свои вопро-

сы, или они сами придут к тебе, как единственная, ясно различимая истина...

Его охватила, обволокла нежная паутина мимолётных впечатлений, тихо разносимых лесом вестей, смысл которых может быть предугадываем, а их границы преодолимы, если ты способен смело перешагивать через уже познанное, сохраняя его, если ты искренне готов и дальше разгадывать черты своего высшего «Я», постоянно помня о воссоздании «живого энергетического контура личности» как естественного права на высокий статус, дарованный человеку самой жизнью...

Последние слова Ника совсем недавно прочёл и сразу запомнил в статье «Человек – это Вселенная» Марины Александровны Куртышевой (кстати, они с мамой ждали её сегодня в гости). И только лишь подумав об этом, он как будто сразу открыл некий невидимый шлюз для слов, предложений, цитат, имён, утверждений, опровержений, – и всё это посыпалось на его голову, как из рога изобилия. Нику во все не смутило такое «нашествие», напротив, он с интересом стал наблюдать за раскрывающейся панорамой мыслей.

...«Человек, бегущий никуда» – это уже серьёзное предупреждение нашему времени, когда происходит переход от одного типа эволюции, в котором разворачивался предпо-

чительно интеллект, – к эволюции духовности, когда дух начнёт преобладать над интеллектом...

...Однако же, как много грозных неожиданностей подстерегает нас на этом пути! В частности, «транссенция» – быстротечность, неуправляемость, спонтанность ускорения жизни, событий, обстоятельств...

...И этот вечно горящий экран TV, наружной движущейся рекламы, компьютера, планшета, телефона и пр., – и мы, исполняющие «приказы» с экрана, заражённые «пострефлексией», то есть – воображением «картинки» с последующей перестройкой, изменением сознания, чаще всего по неизвестным нам законам...

...Океан образов виртуальной цивилизации, самозабвение и самолюбование, «духовные селфи», роботизация, – обретая неожиданный размах, приводят к искажению духовного образа, к потере человеком самого себя и смысла бытия, к эпидемиям психического перевозбуждения, агрессии и аутоагрессии, информационным неврозам, последствия которых непредсказуемы и, возможно, необратимы...

...И ведь у человечества есть ответы! Почему же их не слышат? Герои и мученики, знаменитые и безвестные, победители и жертвы, грешники и святые... – великие духом все-

гда говорили о Высшей силе и единой универсальной энергии; о глубинных взаимосвязях между различным образом организованными, гармонизированными мирами, видимыми и невидимыми, – ни разу (!) не усомнившись в возможности их познания; о необходимости и особых путях развития «синтетического человекознания» и о человеке, как неотъемлемой, органичной части единой космической эволюции, а значит и о нём самом как о развивающемся строго по непреложным законам Вселенной – творении...

Ника не заметил, как перешёл к прямой внутренней речи и одновременно с воспоминанием эмоционально заряженного, не им созданного текста стал снова думать о владеющей им главной идее – сообществе прекрасных людей «облагороженного образца», уже живущих «в миру», как говорит Ася, по тем самым «непреложным космическим законам», не уничтожая и не нарушая даже чуждых им порядков, просто лишь фактом своего существования изменяя пропорции, внося равновесие в «коллективное сознание» новой картины мира, – на каких бы языках они ни говорили, кем бы и где бы они ни служили, – инженерами или научными работниками, экономистами, певцами или врачами и педагогами...

Ника отчётливо вспомнил слова Софьи Алексеевны, строго произнесённые в ответ на его жалобы по поводу несовершенства мира: «Если ты будешь стремиться изменить мир,

то вскоре обязательно поймёшь или заметишь, что это мир побеждает тебя. А если будешь изменять себя, возможно, изменится и мир вокруг тебя».

...Ника выходил из леса, чувствуя, как лёгкий ветерок обдувает кожу, завершая своим прикосновением «свидание с природой» и незаметно возвращая к спокойным раздумьям, обрамлённым всегда бывшими ему по душе словами Лао-Цзы: «Созидать и не обладать, трудиться и не искать выгоды, добиться цели и не гордиться»...

Когда Ника подошёл к дому, первое, что он услышал, был радостный голос мамы.

– А вот и Марина Александровна! – воскликнула Катя, увидев идущую по дорожке гостью: в летних брючках, красиво сидящем кепи на рыжеватых волосах, с небольшим рюкзаком за спиной и в модном ансамбле из блузы и жилета, подчёркивающим стройность её невысокой ладной фигурки. Быстрая в движениях и словах, Марина Александровна привычно и свободно чувствовала себя в любом обществе, мгновенно располагая к себе окружающих и сразу оказываясь в центре внимания. И вот уже Катя её обнимает, Ника почтительно склоняется в лёгком поклоне, Иван-Большой, как всегда, с добродушным достоинством разглядывает нового человека: «Да у вас, голубушка, озёрные глаза», – и

все оживляются, говорят одновременно и весело, а Арсений, обычно брутально сдержанный, начинает вдруг перехватывать инициативу:

– Могу ли я побеспокоить вас, сударыня?

– Да я, собственно, и приехала сюда, чтобы меня беспокоили, – ответила Марина Александровна, сразу выделив Арсения и интонацией, и звуком голоса, в котором зазвучали особые нотки, чем-то напоминающие «вечный природный зов».

Арсений, чуткий и зоркий, как большая сильная птица, тут же расправил свои могучие крылья обаяния и устремился ей навстречу.

В это время, около дома на мостике, перекинутом через небольшой овраг, идущий вдоль дороги, появилась Ася, держа за руки уже умытых, причёсанных мальчиков в новых костюмчиках, модных на европейский лад, с элементами неокOLONиального стиля. На Асе было красивое лёгкое платье нежно-голубого цвета, как будто окутывающее её всю прозрачно-белым сиянием, отражающимся, непонятно как, в крохотных алмазах, украшающих замысловатую причёску с многочисленными, высоко уложенными косичками.

– «Невозможно глаз отвесть», – тихо прошептала Марина Александровна, но Арсений услышал и, увидев её искренние восхищённые глаза, провожающие уже проплывающую мимо тройцу, был покорён окончательно.

– Я о вас слышал много хорошего, Марина Александровна, – продолжал «ворожить» Арсений, – да вот, совсем недавно в разговоре с журналистами...

– Они брали у вас интервью обо мне? – с шутливой недоверчивостью быстро спросила Марина Александровна.

Арсений собрал вокруг глаз свои чудесные морщинки:

– Нет! Они сами ответили на все интересующие меня вопросы.

– Не верьте! Все папарацци пристрастны.

Однако так просто отступить Арсений и не думал:

– Знаком судьбы может стать что угодно, в том числе и пристрастие, – и я готов поддаться искушению...

Кате потребовалось несколько секунд одобрительного наблюдения за ними, чтобы незаметно, под каким-то удобным

предлогом, увести всех в сторону. Дети сразу куда-то исчезли. Ася мельком взглянула на Арсения и Марину Александровну и тоже отошла в сторону, как обычно про себя отметив: «Ситуация – просто прелесть!»

Он будет думать, что она очень мила и по-женски беззащитна, и ему будет радостно демонстрировать силу и крепость мужской опоры. Однако, проявления силы и слабости – по гамбургскому счёту – вовсе не так очевидны. Даже звери, встречаясь на узкой тропе, сначала оценивают духовную, а уж потом физическую мощь противника. В данном случае определить, кто кого одарит больше, – очень проблематично! – Она улыбнулась. – Я бы поставила на Марину Александровну».

Стол был накрыт и по-летнему роскошен. Оставалось привнести последние штрихи.

– А вот это сделает моя следующая гостья, – таинственно сказала Катя и тут же обратилась к сыну:

– Ник, ты ведь тоже хотел кого-то пригласить?

Ника повернул голову, не успев или не захотев стереть с лица смущённо-радостное, как и у Ивана-Большого, выражение, и сразу всем стало видно, насколько похожи отец и

сын.

– Да, Николая Романова. Вон он сидит на пригорке и разговаривает с Ильёй.

– Вижу, вижу! – закричал откуда-то вынырнувший Ванечка. – Я их позову!

Быстро и незаметно – этому он научился у зверей – Ванечка подбежал к пригорку, где сидел Николай. Перед ним стоял Илия, и они, не говоря ни слова, – Ваня сразу это понял, – вели беседу. Ванечка потому и не удивился, что сам часто так разговаривал с Ильёй, разумеется, ничего не ведая о диагнозе «аутизм», домашнем обучении, социальной изоляции, неприязни социума и прочих обидных словах, которые звучали где угодно, только не в домах Кати и Анны-Марии, где он сейчас жил. Он видел, что мама Ильи и Катя абсолютно нормально его воспринимают, а сам Илья так необычен и талантлив во всём, что и эта его способность – «говорить молча» – казалась совершенно естественной. Конечно, Ванечка ещё не мог догадаться, что ему известно гораздо больше других (в частности, тех, кто поставил И;лие столь нелюбимый диагноз), а именно, что «забракованный» ими мальчик может очень даже неплохо говорить, «как все», то есть голосом и вслух, но только тогда, когда сам это решает, и с теми, с кем он хочет это делать.

Ванечке было очень интересно учиться «разговаривать без слов», он находил в этом увлекательную игру, стоящую далеко не на последнем месте среди всех других, которые ему особенно нравились и постоянно изобретались его старшим другом. Вот и сейчас он с радостью разгадывал молчаливое послание Ильи: «Не подходи и не прерывай нашу беседу», – поэтому и спрятался неподалёку в кустарнике.

– Это хорошо, что ты плачешь, – молча сказал Илья.

– Разве? – Николай дотронулся до глаз, они были мокрыми, и мальчик протянул ему платок. – А тебя зовут «Маленький принц». – В голосе Николая не было вопроса, – таким я тебя и представлял...

Николай указал Илье на оживлённую группу мужчин и женщин на лужайке:

– Смотри! Здесь находятся люди, которым нравится быть вместе – без обязанности, без расчёта или желания получить что-то взамен, – абсолютно бескорыстно, просто так... Слышишь? Они смеются. Так может смеяться только тот, кто не обременён... муками совести, скрытым, – он горько усмехнулся, – а бывает, и явным злорадством, то есть «злой радостью», – по любому поводу. Они даже считают её полезной

для здоровья!

– У тебя был такой опыт? – молча спросил Илья.

– Ну да! Разумеется! У меня только такой опыт и есть! – Николай сокрушённо махнул рукой, а Илья сделал жест, который можно было истолковать и как несогласие.

– Люди иногда бывают о себе ошибочного мнения, – то ли вслух, то ли молча сказал Илья, и в тот же миг в голове у Николая пронеслась мысль, как будто где-то уже слышанная: «Надо уметь проживать свои несчастья, пока они не исчезнут». И ещё: «Какие у нас мысли, такая, собственно, и жизнь».

Николай покрутил головой и задумчиво стал размышлять, обращаясь как к Илье, так и к невидимому собеседнику:

– Наверное, я упрощаю, и у них тоже есть проблемы, и может быть, даже более сложные, чем у нас, но я хотел сказать о другом. Почему мы не можем так жить? Нет, не то! Почему мы не в состоянии изменить себя, свой взгляд на мир, в конце концов? Если бы могли, тогда, возможно, и «случилась» бы настоящая любовь, без себялюбия и собственнического инстинкта? Пусть не у всех, но хотя бы у тех, о ком пи-

сала Анна-Мария Нике, – она называла их по-разному, иногда «критической массой». Я так понял, именно от неё и зависит, какое будет наше будущее... – Николай помолчал. – Правда, и Анна-Мария, кажется, не уточнила, какой же должна быть реально, в жизни, а не в разных там опытах, эта самая «критическая масса»...

– Я могу тебе об этом рассказать, если хочешь, – тихим мелодичным голосом сказал Илья, серьёзно глядя на него своими льдисто-голубыми глазами.

– Хочу, конечно, – ничуть не удивляясь их то молчаливой, то звучащей беседе, ответил Николай.

Они оба уютно устроились рядом, на бугорке, и Илья начал свой рассказ:

– Представь себе, на одном берегу живут обезьяны, и они едят только бананы, а на другом берегу обезьяны питаются только апельсинами. Когда тем, что едят бананы, начинают подбрасывать апельсины, они сначала не обращают на них никакого внимания в смысле еды, но вот одна обезьянка, может быть, даже случайно, раскусывает апельсин, он ей «реально», как бы ты сказал, нравится, и теперь уже она регулярно ест и бананы, и апельсины. Потом вторая, третья... начинают ей подражать. Предположим дальше, что на бере-

гу, где всё это происходит и за которым мы наблюдаем, живёт 100 обезьян. Так вот, пока, скажем, 10 обезьян, то есть 10% «населения», не начнут употреблять в пищу и бананы, и апельсины, то есть пока их сознание не перестроится в этом плане, с остальными животными каких-либо изменений – в интересующем нас отношении – заметить невозможно, а вот когда будет достигнута «критическая масса» (в данном случае, напоминая, мы приняли её за 10%), – то уже все обезьяны, то есть все 100 обезьян, – будут питаться по-новому. Более того! Когда на одном берегу произойдут эти важные изменения, обезьяны на другом берегу – тоже! Сразу! – перейдут на другой рацион.

– Блеск! – воскликнул Николай. – Получается: преобразуй 10% населения, и дело с концом? Неужели всё так просто?

– Это не просто, – тихо сказал Илья, но Николай его не услышал и продолжал:

– Хотя, постой! А кто всё это проделывал и насколько можно ему доверять? И почему опять появились эти пресловутые обезьяны?

– Давай по порядку. Эксперименты «проделывали» очень серьёзные люди, учёные многих стран, как с косной матери-

ей, – оставим пока её в покое, – так и с подопечными из живого природного мира, в том числе и с людьми. В последнем случае, естественно, особо строго соблюдался принцип «не навреди», а исследование называлось «включённым наблюдением».

– Ты так говоришь, как будто сам проводил подобные опыты, – Николай недоверчиво оглядывал невысокую, хрупкую фигурку подростка.

Илья не отвёл глаз и спокойно ответил:

– Проводил.

–

И всегда «критическая масса» была равна 10%? – Всё так же недоверчиво спросил Николай.

—

Нет, конечно. Цифровые параметры менялись. Они зависят от «конкретного материала», с которым имеешь дело, а 10% я взял для удобства. Хотя... – Илья задумался, что-то вспоминая, – этот показатель тоже нередко выскакивал. Но главный результат – по сути! – был один и тот же: влияние «критической массы» на сообщество – абсолютно.

—

Так вот откуда появился знаменитый «золотой миллиард», – сердито воскликнул Николай, – а я-то думал... Значит, когда человечество достигнет 10 млрд. численности населения, то 10%, а это как раз и есть один миллиард, специально отобранных, «выращенных», обработанных и т. д., индивидуумов будут «абсолютно» влиять на всю планету, делать, что хотят... – Николай вдруг резко оборвал себя. – Да они и сейчас уже это делают, чёрт возьми, и с гораздо меньшим составом! Не «в высшем смысле», разумеется, а совсем наоборот, «расчеловечиванием» особо внушаемых и уничтожением неугодных. – Он сокрушённо опустил голову на руки. – А вот преобразовать такую махину – в миллиард – со знаком (+), – нет, невозможно... безнадежно... – Николай закрыл глаза и замолчал.

—

Не надо так сокрушаться, – раздался через некоторое время мелодичный голос Ильи. – «Человеческий ум не в состоянии постичь происхождение зла».

—

Откуда ты можешь это знать, мальчик? – устало спросил Николай.

—

От старцев.

—

Ты хочешь сказать, что общался со старцами? – Николай отвернулся и смущённо пробормотал: – А я-то думал, ты не умеешь обманывать.

—

Это правда, – тихо сказал Илья, слегка повернув Николая к себе, чтобы видеть его глаза. – Меня возили к ним, когда я был болен.

Николай посмотрел на него в упор и строго спросил:

—

Вылечили?

Илья кивнул и продолжил свою мысль.

—

Антиутопии сочиняются специально, чтобы раздражать человека, чтобы он, наконец, задумался...

—

О чём? – Николай всё ещё строго смотрел на него.

—

Хотя бы о противостоянии. А утопии остаются. Разве ты забыл «Алые паруса»?

Николай вдруг светло улыбнулся.

—

Нет.

—

Вот и другие не забыли. И вообще, есть законы соотношения больших и малых чисел: то, что можно сделать в малой группе и получить тот результат, который мы предвидели и желали, если приписать к ней, скажем, два нуля, может оказаться не просто ниже или выше, а и прямо противоположным тому, что был получен первоначально. Например, толпа всегда ниже – и по уровню интеллекта, и по своим моральным качествам, – нежели отдельный индивид, и она легко управляема, чаще всего в отрицательном смысле. А вот «в высшем смысле», как описал Ника, ссылаясь на авторитеты, иногда достаточно, если ты помнишь, и 1000 человек, чтобы произвести переворот в сознании целых поколений. Больше того, «если один великий святой молитвенник останется на Земле, – лучшее, что есть у неё, – сохранится и сохранится жизнь».

—

Кажется, это сказал какой-то очень хороший, влюблённый в жизнь человек, – промолвил Николай.

И ты тоже – хороший человек, и тоже влюблён. – Илья показал Николаю рукой в сторону. – Смотри. Во-он туда. Видишь?

По просёлочной дороге в длинном платье из лёгкой ткани бледно-розовых и фиолетовых оттенков, затянутом на тонкой талии атласной лентой, с развевающимися книзу широкими складками, красиво оттенёнными пышной нижней юбкой, отороченной кружевами, в прелестной соломенной шляпке и с небольшой матерчатой сумочкой через плечо, в которой только опытный женский глаз разглядел бы работу белошвейки, – шла молодая женщина, окружённая с обеих сторон красивыми цветниками, высаженными заботливыми хозяевами снаружи домов, перед живой оградой.

О, нет... Не может быть! Лара... – потрясённо прошептал Николай и уже в следующее мгновение, перебросив своё молодое, гибкое тело через овраг, помчался ей навстречу. Не добежав нескольких метров, он резко остановился, чтобы полюбоваться вблизи, как она пройдёт то краткое расстояние, что их разделяло. Она сделала это непринуждённо и

легко, не удивилась, узнав его, и сказала безмятежно:

—
Добрый день. Не правда ли, прекрасная погода?

Николай, вынужденно умерив свой пыл, склонил голову в приветствии и вполне галантно подал ей руку: – Идёмте! Нас пригласили на обед.

...

Он ещё не знал, что ему предстоит «неразделённая любовь» на долгие годы, ибо, несмотря на всю свою внешне почти гламурномодельную ухоженность, Лариса Викторовна, Лара, внутренне была необычайно строга и сурова к себе и, ещё больше, к окружающим, даже в чём-то аскетична. Её глубокая скрытая религиозность была настолько чужда привычкам нашего чрезмерно «раскованного», мягко говоря, современного мира, склонного к излишнему комфорту и потаканию своим слабостям, – что, по сути, она своим нравственно-духовным внутренним обликом скорее походила на настоятельницу монастыря, безукоризненно соблюдающую обряды и не приемлющую даже намёка на греховное поведение, ни в каком виде, – нежели на нарядную светскую даму, готовую к весёлым приключениям, каковой могла показаться лишь на очень поверхностный и неглубокий взгляд.

Ася и Ника поняли и приняли сразу эти её особенности, как только познакомились с нею, а Николаю потребовались месяцы безуспешных попыток преодоления непреодолимого расстояния между ними, чтобы не просто осознать такое положение как не подлежащую изменениям данность, не говоря уже о праве личного выбора, но и увидеть в этом благосклонный знак судьбы, позволивший ему – следует добавить «к его чести» – пройти настоящую школу Любви, истинной и бескорыстной, и тем самым раскрыть свои собственные недюжинные возможности и способности саморазвития, и даже почувствовать, в некотором роде, «вкус свободы» над самим собой. Поэтому, когда он говорил впоследствии: «я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим», – он абсолютно не лукавил.

В то время, как Лариса с Николаем и мальчиками, бегущими впереди, подходили к мостику у дома, Катя всё ещё занимала гостей в саду около сервировочного столика, вынесенного с веранды и плотно уставленного напитками – от свежавыжатых соков, минеральной воды и холодного чая до различных сортов сухих вин, вермутов и более крепких напитков. На нижней полке были видны бокалы, стаканы, наборы салфеток и одноразовых приборов, часть из которых уже перекочевала в руки гостей. На верхней стояли: ведёрко со льдом, в котором охлаждалась бутылка шампанского, красивая большая ваза на высокой ножке с ягодами и фрук-

тами, а также фужеры, тарелочки, фруктовые ножи, вилки и прочее.

Хороших вин было много, но пить вызвались только трое. Иван Большой выбрал томатный сок и водку. Катя разрешила налить себе бокал красного сухого «Мерло», сказав: «Я дома!». В шёлково-кружевном платье (от Гуччи?), в лёгких туфельках (от Джимми Чу?), с едва заметным румянцем на высоких скулах, она была очень хороша и взволнована от всего вокруг: от чудесного лета; от запаха специй, исходящего от жаровни; от спрятанных в траве детских солнечных фонариков; от вида счастливых, здоровых детей и от Ники, почти не отходившего от отца; от начинающегося романа Арсения и Марины Александровны; от спокойной, уверенной в себе Аси, теперь уже совершенно органично и защищённо живущей сразу в «нескольких мирах», как бы это ни называлось: «транскультура», «ноуменальное измерение», «порталы во времени и пространстве» или ещё что-то там не очень понятное; а, главное, от того, что её единственный муж, отец её сына и дед внука, во всеуслышание утром объявил: «Мы с Катей венчаемся во Владимирском соборе в воскресенье, в час дня, сего месяца и года... Приглашения будут вручены и разосланы сегодня».

Третьей была Марина Александровна, только что подошедшая и от души смеющаяся над чем-то, что нашёптывал

ей на ухо Арсений. Открывая бутылку шампанского, он наклонился к ней и почти пропел: «Так разрешите, сударыня, в честь петербургского бала...», – и она очень просто и мило ответила ему в тон: «Я полагаю, сегодня, мне следует пить...»

Сам Арсений отказался, сказав: «Я за рулём»; Ася обычно пила только воду, а Ника вообще последнее время был, что называется «не от мира сего», как поддразнивала его Катя: «Ещё не писатель, а образ жизни и вид уже похожи», – так что, пожалуй, он вообще не заметил напитков.

Марина Александровна, продолжая начатый с Арсением разговор, теперь обратилась ко всем сразу:

—

Мы сейчас спорили о том, что помимо Апокалипсиса, понимаемого не совсем так, как у Иоанна Богослова, – у него это «Откровение», а у нас чуть ли не конец света, в любом случае, – драма и трагедия, словом, крах цивилизации...

—

Однако Земля, постоянно попадая в Апокалипсис, – заметил с улыбкой Арсений, – не знаю, к счастью ли, – до сих пор жива!

—

Так вот, – продолжала весело Марина Александровна (о чём бы они сегодня с Арсением ни говорили, они всё время улыбались), – помимо этого мрачноватого взгляда есть и другой, оптимистический, и он тоже набирает силу.

—

Иван-Большой внимательно посмотрел на обоих:

—

Нетрудно догадаться, кто из вас был «плохой следователь».

—

Виноват. Сожалею, – не стал спорить Арсений, – но последний мой знакомый – террорист был больше похож на монаха, и, соответственно, пришлось дважды разочароваться, не без потери оптимизма, разумеется. А прекрасная дама, она везде...

—

Что вы делаете? – воскликнула вдруг Марина Александровна, быстро повернувшись к Арсению. – Если будете так усердно подливать мне шампанское, я забуду все слова, стану их ронять и терять...

Арсений ничуть не смутился:

— ...

а я буду идти следом и их подбирать. Так даже интереснее.

И тут Катя в своей привычной манере, но почему-то на этот раз медленно, стала озвучивать последние реплики своего уже состоявшегося внутреннего диалога:

—

Столько боли и печали в человеческом мире, и как же хороша должна быть сама жизнь, если её так любят! Любят больше, чем её смысл, даже и вовсе не находя в ней смысла, – все почитаемые и любимые нами настоящие люди, реально существующие и сочинённые, придуманные для художественных произведений, мифов или легенд...

Катя изящно развернулась к собеседникам. Будучи от природы артистичной, – не выученной актрисой, а именно обладающей качеством артистичности, – она умела одной лишь интонацией или жестом поставить любой выразительности знак: точку, многоточие, кавычки, – что угодно! – в любое своё изречение или даже молчание. Сейчас она поставила, кажется, сразу несколько вопросительных и восклицательных знаков, на что быстро отреагировала Марина Алек-

сандровна:

—

Легенды и мифы, как и творения искусства, просто так не придумываются. – Очевидно, она считала вполне естественным участвовать в таких вот «неоконченных пьесах».

Как ни странно, на этот раз и все остальные сразу поняли, о чём хотела сказать Катя, может быть, оттого, что все слова, по мере их произнесения, постепенно, но совершенно явно, можно сказать, неотвратно, – раскрывали свои обычно скрытые тайники и секреты, обретая почти телесный облик, и нужно было лишь настроиться на их волну, войти с ними в резонанс, чтобы понять всю глубину звучащего слова.

Абсолютно попадая в тон происходящему, прозвучал уверенный голос Арсения:

—

Однако нам ещё предстоят великие битвы.

И в это мгновение перед Никой возникло видение могучего воина в доспехах и шлеме, высоко вздымающего громадного коня на фоне красного зарева, – и тут же он увидел полные восторга и ужаса глаза Ил; ии, видимо, только что подошедшего и теперь неотрывно смотрящего на то место,

где несколько секунд назад был Арсений.

Ника осторожно огляделся вокруг: вроде бы всё как обычно – Арсений в белом летнем костюме, элегантный и весёлый, представляет Анну-Марию Марине Александровне, и та что-то оживлённо говорит в ответ; Катя гостеприимно встречает новую пару – смущённого, взволнованного Николая и Лару, державшуюся, напротив, спокойно и непринуждённо; Иван-Большой с Ванечкой на ухоженной лужайке отрабатывают новые приёмы искусства самообороны... «Хорошо, что никто ничего не заметил...» – с облегчением выдохнул Ника и тут же услышал тихий, мелодичный голос И;лии, закончивший вслух его фразу:

– ...

потому что прогнозы малоутешительны. Не так ли?

Они выразительно посмотрели друг на друга, как два заговорщика, и тоже пошли к дому.

—

Прошу всех к столу! – громко произнесла Катя, и Ванечка радостно зазвенел колокольчиком, только что подаренным ему Иваном-Большим.

После обеда все разберлись, кто куда хотел. Николай и Ла-

ра пошли длинными тропинками к озеру, не боясь вернуться поздно, так как дали согласие провести ещё один день за городом.

У нас два дома, а гостевых комнат ещё больше, – сказала Катя. – Будем рады.

Иван-Большой давно облюбовал себе диван в библиотеке, наслаждаясь редкой возможностью – «сколь угодно для души» – рыться в стеллажах, раскладывая вокруг себя сразу множество книг и журналов и читать, читать их почти одновременно, выбирая любое название в любом порядке.

Ася ушла в свой дом, забрав мальчиков. Она хотела закончить к завтрашнему дню выставку работ Софьи Алексеевны в мастерской, так как должны были приехать друзья и знакомые Сонечки.

Ника попросил разрешения прийти к ним вечером, а сейчас пошёл на кухню накормить зверей и помочь Кате. Арсений остался с Мариной Александровной в гостиной, сел за пианино и начал тихо наигрывать свои любимые мелодии. Марина Александровна стояла рядом, слушала музыку и то, что при этом напевал и нашёптывал ей Арсений. Закрывая за собою дверь, Ника ещё успел услышать прелестно-грасси-

рованное подражание Александру Вертинскому:

Где вы теперь, кто вам целует пальцы, Куда ушёл ваш китайчонок Ли?

Вы, кажется, потом любили португальца, А может быть, с малайцем вы ушли?

...

Когда Катя и Ника закончили свои дела на кухне, они вдруг поняли, что ни музыки, ни слов уже не доносится из гостиной. Катя затопала каблучками по прихожей и громко позвала сына:

—

Ник! Ты, кажется, о чём-то хотел спросить Арсения?

Ника ответил что-то вроде: «Да, да, я помню...», — и только после этого она открыла дверь. Марина Александровна стояла у стены и молча, с какой-то мягкой грустью смотрела на Арсения. Он стоял рядом, очень близко, высоко нависая над нею, опираясь одной рукой о косяк, и что-то тихо и взволнованно говорил. Услышав звуки шагов и голосов, он не сдвинулся ни на йоту и остался напряжённо стоять у стены, даже когда Марина Александровна отошла и стала быстро, ни на кого не глядя, собирать свой рюкзачок и благода-

рить Катю «за прекрасно проведённый день».

—

Приезжайте чаще, мне нравится, когда вы здесь, – говорила Катя.

—

Спасибо... Не знаю... – думая о чём-то своём, чуть слышно бормотала Марина Александровна.

И тут Арсений, в один шаг оказавшийся рядом, твёрдым, не допускающим возражений голосом сказал: «Я вас отвезу!» – и быстро сбежал с крыльца, почти перепрыгнув лестницу.

Ника и Катя, не спеша, проводили Марину Александровну к мостику, где уже стояла машина с открытой передней дверцей. Арсений посадил Марину Александровну, закрыл дверь, обошёл вокруг своего громадного «внедорожника», сел на водительское место и мгновенно, «с места в карьер», набрал скорость.

—

Ты заметил, как он водит машину? – спросила Катя, когда они вернулись. – Как хороший наездник коня!

—

Отважный, отчаянный, весёлый! Что ещё нужно воину-победителю? – как всегда восхитился своим наставником Ника и обнял мать за плечи. – Я иду к мальчикам и Асе. До вечера!

Тотчас подошла Диана и стала тактично заглядывать ему в глаза. – Хорошо, хорошо, пойдём! – ответил он ей.

—

Ваши с Николаем комнаты сегодня наверху! – сказала напоследок Катя и немного постояла ещё в саду у дома, любуясь никак не желающим темнеть вечером.

Марина, сказав все положенные слова благодарности, когда машина подъехала к парадной, не очень внятно добавила, что дальше, наверное, вполне сможет добраться сама, на что Арсений решительно запротестовал, и все споры были закончены, даже не начавшись.

—

Я должен быть уверен, что с вами ничего не случится!

Ну, почему же, пусть случится, – тихо, почти про себя, засмеялась Марина.

Он не был уверен, что правильно расслышал её слова, однако надеялся, что всё-таки верно. Открывая дверь, Марина через плечо, опустив ресницы, посмотрела не на Арсения, а куда-то в сторону. Он взял её согнутые в локтях и чуть подрагивающие руки, мягко повернул к себе и стал осторожно целовать запястья, с удовольствием вспоминая, что он уже успел заметить там, за городом, какая же она маленькая по сравнению с ним, и всё равно не носит каблуков, а также никаких украшений, и, значит, нет ни колец, ни браслетов, и ему приятно будет ощущать только тепло её кожи. Потом он поднял голову, увидел её «озёрные» влажные глаза, «её глаза, как два тумана, полуулыбка, полуплач...» – и притянул к себе, как будто хотел защитить неизвестно от кого и от чего, просто... защищать.

Она сначала легко склонилась к его плечу, потом взглянула так, будто хотела поведать какую-то тайну или, напротив, её узнать, – раздумала, отвернулась и быстро ушла в глубину всё ещё тёмной квартиры. Арсений, чувствуя нарастающую взволнованность и от этого приближение забытого уже головокругления, – выше поднял голову, глубоко вздохнул, выпрямил во весь рост своё сильное, тренированное тело, серо-стальные глаза его ярко сверкнули, собрав вокруг те самые восхитительные морщинки, что всегда усиливали во сто крат и без того могучее его обаяние, – и, не раздумывая более, только веря, шагнул вслед за нею в открытую дверь...

Ника быстро шагал вместе с Дианой по заросшим тропинкам, и воспоминания уносили его в то время, когда он, почти ежедневно и с такой охотой ходил этой же самой, только зимней дорогой, – от своего дома к дому Софьи Алексеевны, и сердце его всё ещё сжималось при мысли о невозполнимой утрате, о собственной слепоте и непрозорливости, о навсегда ушедшей возможности сказать ей лично «Благодарю» – за всё, за всё – и, не в последнюю очередь, за великодушие, которое она ему выказывала в те долгие зимние дни и вечера. И тотчас другая мысль, – что в этом же доме сейчас живёт Ася, а с нею И;лия, Ванечка, Ева, – согрела его душу.

«Но ведь завтра Ася уезжает в свою очередную экспедицию, куда-то в Южную Америку, вместе с био- и космофизиками, кажется, изучать – не больше, не меньше, как связь микро- и макро-Вселенной», – он улыбнулся и ускорил шаги.

Ася встретила их на небольшой открытой, построенной полукругом террасе. Обрамляющие её стены и перила были густо увиты плющом. Диана вежливо поздоровалась с хозяйкой и привычно улеглась перед входом. Ася уже переоделась в удобный дачный наряд. Её распущенные волосы, волнистые после заплетённых косичек, были перевязаны тем самым ремешком из тонкой кожи с орнаментом, что запомнил-

ся Нике ещё в первый день их встречи в этом доме.

—

А где мальчики? – спросил он, оглядываясь вокруг и садясь в удобное старое кресло.

—

Час назад Ваня играл в какую-то компьютерную игру, а Илья общался по Скайпу с одноклассниками.

—

И ты не боишься дурного влияния гаджетов, о которых все только и говорят?

—

Нет. – Ася стояла, облокотившись на перила, с удовольствием слушая тихие, жужжащие, стрекочущие звуки вечернего сада. – Наши мальчики всё правильно понимают: Интернет для них – это продолжение культуры и, наверное, жизни, а не контркультура или искусственная жизнь.

—

Они так прямо и говорят? – улыбнулся Ника.

—

Они так делают. – Ася заглянула с террасы в окно. – Ви-

дишь, Ванечка уже наигрался и убежал к своим любимым зверятам. Илья, скорее всего, тоже успел забрать ноутбук и уединиться в собственноручно созданной «научной лаборатории».

Вижу, у вас тут всюду гуляет «ветер перемен», – заметил Ника, указывая, в том числе, и на лежащие в разных местах айфоны, планшеты, диски, какие-то запчасти, ролики и прочие предметы «молодой жизни».

—

Сквознячок нам, действительно, не повредит, – ответила Ася. – Да ты ещё не видел их лабораторию! Она вообще выглядит, как космический корабль из фильма о «звёздных войнах»: кругом аппаратура, провода, трубки, индикаторы, что-то гудит, стучит, движется на экранах, свисает с потолка... – Потом помолчала и добавила к ответу на первое его замечание:

—

Думаю, ты согласишься, если я скажу, что само возникновение «неудобных вопросов», плохо решаемых, а то и вообще неразрешимых, – на самом деле очень полезно для развития культуры (то есть, всего того, что создаётся человеком, в отличие от природы). Иначе, скажи на милость, как лучше спровоцировать свежий взгляд и новый подход? Дав-

но замечено, просто новые заплаты способны лишь порвать старые мехи.

Ася подвинула ближе к Нике поднос с десертом.

—

Прошу! Если нужно что-нибудь погорячее – можно устроить, только скажи!

Ника отказался, однако она всё-таки соорудила для него на тарелке «натюрморт» из фруктов и сыра («А вдруг захочешь?»), себе взяла вазочку с орехами и села напротив.

—

Ну, так что у нас там с новыми способностями? Похоже, их оказалось гораздо больше, чем я предполагала?

—

Издеваешься? – добродушно парировал Ника и сразу спросил: – Скажи, ты не помнишь, что сильнее всего тебя поразило, когда ты стала замечать у себя появление неких... необычных качеств и прочих особенностей?

Она задумалась:

—

Знаешь, это было давно, но я помню. Больше всего неудобств мне доставляло то, что я ясно стала различать, когда человек лжёт, а когда говорит правду.

– Понимаю. – Ника покачал головой, соглашаясь, и нахмурился. – Это мучительно – видеть, как человек говорит неправду, при этом всячески себя оправдывает и придумывает несуществующие мотивы, а неудобные отстраняет, почти верит себе и злится, но не на себя, а на того, кого он сам же и обманывает... Ася подхватила неоконченную мысль:

– ...

а ты знаешь, что он никогда в этом не сознается, ни за что не признает свою вину или ошибку, и уж, конечно, не раскается, даже перед самим собой. К сожалению, – добавила она грустно, – чтобы подорвать доверие к человеку, требуется очень мало.

—

Возможно, он или она даже не догадываются, что им же самим станет лучше, если они будут искренними...

—

Раз ты это понимаешь – то уже сможешь и простить. – Ася подняла вверх руку и немного повысила голос: – И вовсе

не для того, чтобы оказаться на их территории и потонуть в вязком болоте лжи, а, напротив, подняться выше, где уже нет этой... обыденной, бессмысленной суеты и мути.

—

Но почему, – с горечью воскликнул Ника, – если ты протягиваешь руку, готов обсудить и найти решение, устраивающее обе стороны, тот, другой, тебя не слышит или не хочет слышать?

Ася давно поняла, что они говорят сейчас не о каком-то абстрактном человеке, а об Алине, и, кажется, Ника догадался тоже.

—

Думать плохо о другом, – сказала она вслух, – судить и искать изъяны, бережно хранить в памяти все ошибки и недостатки, приписывая ему свои же неудачи, – гораздо легче, чем взять ответственность на себя. Хотя бы и за свои собственные поступки. А спокойно выслушать аргументы другой стороны и постараться при этом договориться, «сохраняя лицо» друг друга, – это уже «высший пилотаж», требующий особого мужества. Не всякий способен посмотреть правде в глаза... Однако, ежели отношения окончательно зашли в тупик, – закончила она негромко, – исчерпали себя, нужно иметь смелость их прервать. Так будет честнее для

всех – я думаю.

Они замолчали, глядя в сад и дальше, на солнце, которое уже зашло, но сквозь облака просвечивали его лучи, и всё ещё светлый вечер позволял увидеть висящую над землёй прозрачную дымку, окутывающую всё вокруг и придающую привычным предметам неясный, незнакомый облик, как бы подготавливая их к иной, ночной жизни. Высокая трава, став похожей на мягкий живой ковёр, чуть заметно шевелилась. Кроны яблонь с побелёнными внизу стволами превращались в каких-то гигантских птиц с пышным опереньем, уже не желавших летать, но готовых вести свой необычный хоровод на земле....

Через какое-то время Ника то ли спросил, то ли вслух выразил возникшую, как ему показалось, довольно забавную мысль:

—

А не получается ли так: если ты знаешь про лгуна, что он лжёт, то в итоге выходит то же самое, как если бы он говорил правду? Разве не так?

Ася усмехнулась и с удовольствием взглянула на него:

—

Для хорошего сыщика, уровня знаменитого Эркюля Пуаро, расследующего преступление, всё так и обстоит, но в случае личного конфликта, пожалуй, этого недостаточно. Хотя именно лирика, – Ася мило улыбалась одними глазами, – подбрасывает нам иногда очаровательные сюрпризы. «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад».

Ника тоже с нескрываемым удовольствием смотрел на собеседницу:

—

Хорошая фраза, как и хорошая шутка, не исчезают и не стареют, но лишь иногда меняют исполнителя. Так что, respect Александру Сергеевичу и тебе, конечно. – Потом сразу, без перехода, сказал то, что уже давно вертелось у него на языке:

—

А как у вас, в школе, часто получается справляться со всем этим?

—

Теперь – почти всегда, но мы ведь и общаемся там очень избирательно, все видят друг друга, можно сказать, «насквозь». Какие уж тут обманы?

Это понятно. А потом, «в миру», где всё по-прежнему не так гладко, как хотелось бы?

Ася кивнула:

—

Да, там действуют другие законы. Но ведь и мы тоже в таких случаях умеем включать другие механизмы, условно говоря, различные духовно-душевно-физические способности, если они имеются, разумеется.

Она уловила знакомый недоверчиво-ироничный его взгляд и в ответ весело рассмеялась:

—

Хочешь знать, какие? Изволь. Неприкосновенности, силы, бесстрашия, уверенности в своей правоте, харизмы... Ой! Не люблю этого слова. – Она опять, как когда-то, очень по-детски приложила руку к губам, – лучше сказать, «пассионарности», то есть особой, героической способности воздействовать на людей и даже на мировые процессы. Смеёшься? Звучит пафосно, но я так и хотела. Считай, что я фантазирую. – Ника шутливо замахал руками, отрекаясь от такого подозрения. – И всё-таки даже наука уже знает, что в определённых обстоятельствах могут включаться такие громадные запасы особой энергии, сверхчувствительности, силы, кото-

рые позволяют управлять и побеждать не только человеческие заблуждения, но даже космический хаос. А он, то есть хаос, позволю заметить, всегда «чреват новым рождением», ибо именно в нём, в сжатом виде, заложены абсолютно все возможности для развития.

—

И это всё? – уже открыто насмешливо, дважды переспросил Ника. – А почему бы сразу не назвать себя «сверхчеловеками»?

И дело с концом!

—

Сразу не получится, – примирительно сказала Ася, – по крайней мере, не у всех, и, конечно, есть ещё кое-что...

—

I have no doubt!

– ...

то, что позволяет, образно говоря, «пробудить спящие гены»... Опять же не сразу и не у всех...

-

Неужели? – Ника никак не мог сойти с ненужного то-

на, который имел какую-то иную причину, а не содержание их разговора. Он это отчётливо осознавал, и Ася тоже это чувствовала, поэтому говорила сейчас с ним успокаивающе-мягко, как с ребёнком:

—

Ну что ты завёлся, право? Вспомни хотя бы, какой год на дворе? И не мне тебе объяснять, что знания, как и проистекающие из них способности, раскрываются тому, кто готов их принять – всегда и без исключения!

Цитирую тебя же, по памяти: мир избыточен и гораздо более великодушен, чем мы можем себе представить, он всегда предлагает и отдаёт больше того, что мы в состоянии принять, и гораздо больше того, что мы заслуживаем! Поэтому, наверное, мы и называем его Божественным!

Но Ника уже её не слушал, а взволнованно говорил сам, быстро двигаясь вокруг Аси, как когда-то вокруг Софьи Алексеевны:

—

Я всё понял! Нужно немедленно, не откладывая, увидеть вашу школу и то место, где происходят все эти... чудеса!

—

Ты хочешь установить там стелу? Или, может быть, сразу многофигурную композицию?

Ника резко остановился, прямо глядя на неё, но Ася продолжала в том же духе:

—

Однако таких мест много, ты просто забыл, сколько раз нам приходилось избавляться от «незванных гостей» и менять «место жительства». Кроме того, не всех туда и пускают.

—

Но ведь можно как-то и... заслужить? – не замечая её сарказма, спросил Ника и вдруг неожиданно доверчиво улыбнулся. – Например, постараться превратить свои недостатки в достоинства.

Или написать книгу.

Ася кивнула:

—

Тогда это, конечно, будет «проходной билет».

Она внимательно, несколько секунд, всматривалась в

него, как будто что-то проверяя:

—

А кстати, когда ты закончишь свою книгу?

Третья часть, в целом, готова, нужно лишь её отредактировать и... Всё! Finita! – Он даже скрестил руки на груди для большей убедительности.

—

Но ведь замысел, насколько я понимаю, предполагает почти «бесконечный сериал» на тему «самопревосхождения». Оното, по сути, не может быть никогда завершено – ни исторически, ни в судьбе одного человека, ни в литературном плане.

—

Так далеко мои притязания не простираются, – Ника был очень серьёзен, – и, как автор, я здесь уже совершенно не причём. Всё сделано таким образом, чтобы любой заинтересованный читатель мог включиться в проект и продолжить его по собственному разумению. Пробы в этом отношении уже есть, и я буду только рад, если они продолжатся. А сейчас у меня другие планы.

—

Да, – сказала Ася задумчиво, – пожалуй, это хорошо. В какойто момент, действительно, нужно сознательно пойти на сбой, чтобы обрести новый взгляд. Но я бы сказала тексту сейчас не «прощай», а «до свидания».

Потом опять внимательно посмотрела на него и добавила:

—

И всё-таки тебя что-то беспокоит.

Ника неуверенно ответил:

—

Я чувствую, остаётся какая-то недосказанность....

Ася помолчала, мысленно вспоминая и читая текст его книги, и только потом произнесла:

—

То, что написал автор, – это его портрет, и если остаётся загадка – это, на мой взгляд, как раз хорошо. А вот то, как смыслы воспринимаются, «вычитываются», – это уже относится к портрету самого читателя. Так что, оставь «кесарю кесарево», и пусть читатель додумывает, придумывает, принимает, спорит... – это его личное дело и полное право. – Затем добавила с весёлой ноткой в голосе:

—

Что же касается «билета» – за тебя давно похлопотал Ванечка, а его рекомендации ценятся в школе очень высоко. Можешь считать, ты уже едешь в Швейцарию бизнес-классом. – Она шутливо раскланялась. – Милости просим на «бархатный сезон» в Европу!

Но почему обязательно «бизнес-классом»? – он пожал плечами. – Вполне можно и более демократически... Ася тихо засмеялась:

—

Потому что у нас есть спонсоры, и они уже всё выбрали и оплатили.

—

И кто же это, если не секрет?

—

Доброжелатели пожелали остаться неизвестными.

—

Если это бывшие ученики и выпускники школы, – Ника пристально посмотрел на Асю, проверяя свою догадку, – то получается нечто вроде старинного ордена.

—

Нет, не получается! Даже если что-то и совпадает – прямых аналогий, тем более заимствований из прошлого, быть не может – только новое переосмысление. Да, возможно сохранение лучшего, чаще – просто использование опыта как импульса к развитию плюс постоянная готовность к изменениям. Только так!

В это время калитка тихо стукнула, на дорожке послышались быстрые детские шаги и Ванечка с Ильёй одновременно появились на террасе, а вокруг них радостно закружилась Диана.

Увидев детей, Ника сразу почувствовал, как отпустило присутствующее до сих пор и никак не проходившее напряжение.

—

Что случилось? Где вы были? Сияете, как медные самовары!

—

Мы встретили в лесу Фею! – выпалил Ванечка, а Илья молча подтвердил. – У неё за спиной развевались крылья, – продолжал радостно рассказывать Ваня, не забывая всех об-

нимать, хлопать в ладоши и прыгать, – потом белочка спустилась к ней по дереву и стала есть с руки. Я догадался, они о чём-то разговаривали, но не слышал точно, о чём, – потом она повернулась ко мне.

—

Кто? – засмеялась Ася. – Белочка или Фея?

—

Фея! – топнул ногой Ванечка. – Она посмотрела вот так, – он показал, – и угадала, что Илью зовут «Маленький принц», а мне сказала, чтобы я загадал желание, и я загадал!

Ванечка остановился, выжидательно глядя на публику, и публика не подвела:

—

Да говори же, чадо наше ненаглядное!

—

Я загадал, – торжественно начал Ваня, выдерживая прямотаки мхатовскую паузу, но не сдержался и громко крикнул:

—

Я загадал, чтобы она пришла завтра к нам! И тогда у ме-

ня тоже будет своя собственная гостья! – Потом снова стал прыгать по своей любимой привычке, зигзагами двигаясь по террасе, убежал в комнату, вернулся, потянул за руку друга и в тот же миг они оба оказались у компьютера, включив «поиск».

—

Не верите? Идите и смотрите! – крикнул Ванечка, а Илья уже открыл сайт «Живое озеро. Институт семьи»: www.zhivoeozero.ru – и увеличил «иконку-портрет».

С экрана на зрителя смотрела женщина, сидящая спокойно, сложив руки на коленях, «чем-то неуловимо, может быть, взглядом или скрытой улыбкой, кого-то напоминающая, – подумал Ника и добавил с удивлением: “Джоконду” Леонардо? Ничего себе!» – а вслух спросил: – Это и есть ваша «Фея»?

Мальчики одновременно закивали, Ася протянула руку и Илья, вытащив из кармана жилетки книгу, отдал ей.

—

«Нина Евгеньевна Сальникова, – стала читать Ася, – практический психолог, автор многочисленных работ, посвящённых детям и взрослым, родителям и педагогам, желающим обрести понимание и единомышленников на пути пробуж-

дения сознания». Вы только послушайте, – воскликнула Ася, – какие названия: «Уроки светописи», «Благодать сотворчества», «Время семьи в пространстве природы», «Золотой ребёнок», «Диалоги о любви или как создать свой счастливый сценарий жизни». А ещё – публикации, презентации, фото- и видеоматериалы... Потрясающе!

Ника тоже заглянул в книгу, заметил, что она с автографом, и тут же стал её листать и комментировать:

—

Надо же, это в наши-то времена! Заявлять об идеальных положительных героях, причём, в жизни! Реально существующих!

И так спокойно, не повышая голоса, не боясь быть неслышанными и не понятыми, открыто заговорить о Добре и Красоте, о Любви и Мудрости, «О Благодати совместной жизни людей, животных и растений на всей планете», – это я всё цитирую, а не выдумываю! – «О братском сверхусилии достичь гармонии с миром и собой». – Да они настоящие подвижники! Bravo! И как только они осмелились? Кругом – войны, истязания, самоубийства, страшные истории о потере человеческого облика, не говоря уж о человеческом достоинстве.... – ежедневно происходящие, удвоенные всеми экранами... – а здесь, ну просто «Ода к радости»!

—

И ты говоришь, – Ася повернулась к Ванечке, – она к нам завтра придёт?

—

Да! – воскликнули оба мальчика, и Ася обняла их и поцеловала.

—

Это чудесно! А те, другие, о ком обмолвился сейчас Ника, – забудьте о них, «все они очень неприятные люди», – однажды сказала Алиса «в Стране чудес», и была, конечно, права. Хотите, мы сегодня с ней ещё раз встретимся, к ночи? Теперь мы так богаты – можем читать ещё и рассказы сказочной Феи.

Не стоит говорить, наверное, какой восторг вызвало у детей предложение Аси.

—

Поэтому сейчас, – наставительно заявила она, – вы ведёте себя очень хорошо, никуда больше не выходите, идёте в свои комнаты, а мы с Никой подождём и встретим здесь гостью, которую вы уже видели днём, Ларису Викторовну. Она сегодня будет ночевать в нашем доме, и всё должно быть в

полном порядке. Понятно?

После этого Илья быстро исчез, а Ваня задержался в дверях и не очень уверенно произнёс:

—

Я ещё не всё сказал...

—

Говори. – Ника смотрел и слушал его чрезвычайно внимательно.

—

Мы поняли, что она Фея, – продолжал Ванечка, – потому что она не испугалась, когда увидела, что я стою рядом со своим другом... и разговариваю...

—

А почему она должна была испугаться? – начал спрашивать Ника, но Ваня его перебил:

—

Потому что все обычно пугаются!

—

Но почему все пугаются, когда ты стоишь рядом со своим

другом и разговариваешь? – повысил голос Ника.

—

Потому что мой друг – ВОЛК!

Ника замер и замолчал, а Ася быстро подошла к Ванечке, присела перед ним на одно колено и мягко спросила:

—

Случилось что-то важное? Расскажи нам.

—

Конечно, случилось, – обиженно сказал Ванечка, – как вы не понимаете! Мы с Ильёй узнали по Интернету, что у нас здесь, где мы каждое лето живём, стало волков больше, чем надо, – по-моему 600, – и завтра охотники собираются на облаву... Но я не хочу, чтобы он умирал!!! Я должен был его предупредить, чтобы он ушёл и увёл свою стаю! Поэтому мы и встретились. А она нас увидела и не испугалась, и ни о чём не спрашивала, когда он уже убежал, просто сказала Ильё: «Ты настоящий “Маленький принц”, а мне... – неважно!» – Ваня смущённо опустил глаза. – «Я о вас уже читала», – сказала она потом и подарила нам свою книгу. И всё!!

Ваня выжидательно посмотрел на Нику, потом на Асю, и осторожно спросил:

—

Ну, я пойду?

Ася встала, освободив его руки, обняла за плечи и тихо сказала: – Иди, конечно...

Гостиная ощутимо наполнялась вечерней прохладой. Ася задёрнула шторы, включила настольную лампу и электрический чайник, постелила на край большого овального стола из дуба льняную салфетку, поставила чайные приборы, принесла с террасы поднос с десертом, добавив к нему сладости, подождала, пока чайник вскипит, бросила заварочные пакеты в чашки, залила кипятком, – и только после этого, закутавшись в длинную светлую шаль ручной вязки, сказала:

—

Об этом случае я тоже ничего не знала.

—

Но ты знала о том, что он в принципе,... дружит... с волком.

—

Да, теперь и ты об этом знаешь, и не будешь напрасно волноваться, как сегодня. – Ника пристально на неё смотрел,

явно настаивая на разъяснении. Ася вздохнула («Мог бы и сам догадаться»), а вслух лишь заметила:

—

Для Вани опасности от природы нет. Она его любит и охраняет.

Ася ещё не решила, стоит ли напоминать ему о довольно известных в их среде фактах, например, о том, что звери, в отличие от человека, сохраняют свои природные программы и не только не нападают на своих сородичей, но и на человека, если только он или они сами не провоцируют опасные для жизни ситуации. «Это человек сначала начинает убивать себе подобных, а потом придумывает мораль, чтобы хоть как-то смягчить “каиново проклятье”, etc.

and so on», – подумала она и решила пока ничего не говорить.

Чай быстро заварился, она протянула ему чашку и взяла свою. Он пил горячий вкусный чай с домашним вареньем и нарочито ворчливо приговаривал, что дежурными фразами, вроде: «ничего нет лучше горячего крепкого чая прохладным вечером», – они обмениваться не будут, потому что он не позволит, а будет говорить по существу, и даже может начать сам.

—

Я должен был догадаться! При том, что вокруг Вани постоянно кружились звери, кого-то он всё-таки выделял. Его любимчики, конечно, собаки, преимущественно овчарки, а от них – один шаг и до волка. Я же сам собачник! И так проморгать, что между ними есть особая связь. Свой язык и взаимопонимание! Они же родственники.

—

Кто? Ваня и волки?

—

Ты прекрасно знаешь, кто, – с досадой скорее на себя, чем на Асю, отмахнулся Ника. – Хотя теперь уже, кажется, меня ничто не удивит.

—

Значит, не удивит и то, – спокойно сказала Ася, забирая у него пустую чашку, – что волк был инициатором их отношений, ибо, скорее всего, он первым получил «сообщение» от своего племени с юга...

—

О том, что Ваня, – перебил Ника, – прошлым летом в школе подружился с волком и «приручил» его, я ведь тоже слы-

шал, и тоже пропустил мимо ушей!!!

Ася жестом остановила его изливания и продолжила:

— ...

а их связь, в отличие от нашей «Всемирной паутины», никаких специальных приспособлений не требует – просто мысль, образ или ощущение передаются адресату через расстояния, а может быть, и сквозь время.

—

А сообщение было, – не удержался от иронии Ника, – примерно таким: «Здесь живёт твой Друг. Вот его приметы. Найди его».

—

Думаю, даже более подробное, – смеясь, ответила Ася. – «Если бы мы понимали, о чём говорят животные, мы были бы боги», – сказал один мой знакомый дрессировщик о-очень больших хищников, а он знал, о чём говорит! Но вернёмся к Ванечке. Его куратор – биофизик, много чего изучал вместе с учениками в школе, в том числе и параметры особого влияния Вани на зверей, написал даже целое научное исследование. Я специально этим не занималась, полный отчёт дать тебе не смогу, но вот, скажем, три признака сразу всплывают в памяти: 1) целительное воздействие; 2) получе-

ние энергии удовольствия-радости-наслаждения; 3) особая сила. Что очень важно было для меня, так это именно приобретение не агрессивной, а созидательной силы.

—

А куда же девалась агрессия?

—

Растворилась, наверное.

—

Вот и ещё одна причина поехать к вам в школу. А сколько их ещё, этих причин? – Он помолчал и грустно добавил: – И опять мы приходим к тому же самому тупику...

—

Говори за себя! – мимоходом добавила Ася, а Ника продолжал вещать:

– ...

есть позитивная, созидательная энергия, а есть негативная, разрушительная. Какая из них больше, к сожалению, известно, а вот – «кто победит?» – вопрос всё ещё вызывает сомнения, – и на том спасибо!

Ника резко встал, поднял руки и голову вверх и восклик-

нул с оттенком демонстративности:

—

Господи! Неужели всё это великолепие закончится, в конце концов, радиоактивным пеплом?! Ведь наша молодая, «одноразовая планета» даже ещё ни одной колонии не получила во Вселенной.

—

Перестань! – Ася поморщилась. – Уже все, кому надо, и ты в том числе, знают, что не будет никакой ядерной войны!

Он пожал плечами:

—

Будет другая, ещё хуже...

—

Никто не знает, что будет дальше! Нельзя преждевременно давать людям особые знания и силу. Это может разрушить мир... Я даже не исключаю, что существует табу на этот счёт.

Ася встала и прямо глядя ему в глаза, абсолютно серьёзно, без всякой иронии, сказала:

—

А ты не хочешь просто взять и прожить свою жизнь, по возможности, достойно, а когда придёт черёд – так же достойно умереть?

Не уступая ей в твёрдости, Ника ответил:

– Я знаю эти формулы и могу их произнести с гораздо большими подробностями и пафосом, чем ты сама сейчас, допустим, из скромности, очень кратко обозначила. Нет, Ася, я о другом, и даже не о том, почему, – если есть простые и точные ответы, – всю свою жизнь бились над «вечными» вопросами самые выдающиеся умы, мучились, страдали, так ничего и не разрешив. Мы говорим им: «Спасибо, что хотя бы поставили эти вопросы, а уж решать их, очевидно, никому не под силу, если даже вы», и т. д. И сейчас я совсем не о том, почему, например, Лев Николаевич и один из его любимых героев, его alter ego, Константин Левин, – так и не смогли жить жизнью добрых, работающих, пусть неграмотных, но таких... гармонично-цельных мужиков, владеющих какой-то «своей истиной», которой и которыми наши графы совершенно искренне восхищались и всей силой своего ума и таланта стремились постичь и примерить, прежде всего, на себя. Но ведь ничего не получилось: мужики остались мужиками, а графы – графами.

– И это ты называешь поражением? – Голос Аси доносился из глубины комнаты, куда она перешла, кутаясь в свою

тёплую шаль.

– Нет, не считаю. Но почему, скажи, сквозными темами великих поэтов – «всех времён и народов», – да, наряду с другими, более светлыми и мечтательно-романтичными, – стали те, что поведали нам о тоске и печали, о разочаровании и унынии, если не сказать больше:

«Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»;

«Печально я гляжу на наше поколение! Его грядущее – иль пусто, иль темно»;

«И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...»;

«Отказываюсь – быть / В бедламе нелюдей – / Отказываюсь жить. / С волками площадей – / Отказываюсь выть... / Не надо мне ни дыр / Ушных, ни вещей глаз. / На твой безумный мир / Ответ один – отказ».

Конечно, я не считаю, что они потерпели поражение, – так можно обманывать себя бесконечно, глядя на человеческую историю, и говорить, что неудачи терпели все великие люди, – однако ведь именно они, и только они, постоянно

восстанавливали «вертикаль высоких проектов», несмотря на безжалостное сопротивление современников, а иногда и потомков.

То есть, я говорю не о том, что мир – несовершенен, человеческий мир – это очевидно и дополнительных доказательств не требует, – а о том, что он может таким несовершенным и погибнуть! И нельзя ли что-нибудь изменить в этом трагическом финале, сохранить прекрасное и достойное и передать кому-то из следующих поколений то, что дорого, – чтобы, по крайней мере, если весь этот ужас всё-таки случится, не начинать всё с нуля. Словом, как Ваня крикнул сегодня о волках: я тоже не хочу, чтобы вы умирали!

Ваша и подобные ей школы, чудо-дети и взрослые, и вообще, все дети и взрослые, составляющие «генный фонд эволюции», влияющий своей «критической массой» на всех других людей, преобразующий их и приближающий к себе! Вам ведь открыты Порталы во времени, иные измерения в пространстве, возможно, промыслы Природы и Божественные откровения... Не знаю... – сокрушённо проговорил Ника, – но ведь что-то можно сделать... – Он замолчал.

Ася тоже молчала, долго, потом встала, подошла к окну и, отогнув штору, выпрямилась, пристально глядя куда-то ввысь и вдаль. Крупные складки светлой шали, пере-

кинутой одним концом через плечо, красиво облегали высокую, стройную фигуру, зримо создавая в полумраке комнаты ощущение ожившей античной статуи. Казалось, она смотрит сквозь время, в прошлое и будущее, открывающееся прямо сейчас перед нею, и там, в глубине веков, она, наследница и прародительница своих благородных предков и потомков, встречается с ними, гордыми и смелыми, один на один, ясно видя, как они живут, сражаются и умирают...

– Ты, наверное, ещё не до конца пережил, Ника, – сказала она спокойно, – понял, но не пережил, что воплощение человека на Земле – это не просто Великий Дар, но и Великая Ответственность, требующая Мужества и Отваги. – Она сделала паузу. – Судьи были вовсе не против оставить Сократу жизнь. Они были бы вполне удовлетворены, если бы он просто перестал говорить то, что считал истиной. Или хотя бы покинул Афины. И друзья были готовы организовать побег, но он предпочёл выпить яд и умереть... – И снова пауза. – Только у человека есть способность делать то, что связано не с выживанием, но с чем-то находящимся за пределами его...

А потом Ася стала говорить каким-то другим, чуть глуховатым голосом, который, правда, постепенно становился всё сильнее:

– Когда Янушу Корчаку – доктору, организатору и вос-

питателю Дома сирот, пришёл приказ от офицеров СС отправить 6 августа 1941 года 200 его воспитанников в лагерь смерти, в Треблинку, он взял за руки мальчика и девочку и пошёл впереди, а над детским строем развевалось зелёное знамя Матиуша – всегда Первого, как он говорил, Короля детей. Старому доктору предложили остаться. «А дети?» – спросил он. – «А дети поедут». Тогда Корчак взял одного ребёнка на руки и вошёл в поезд, вслед за остальными детьми, а затем, через сутки, – и в газовую камеру, с ребёнком на руках и вместе со всеми детьми, – а потом и в бессмертие...

Януш Корчак не спас своих детей и не мог их спасти, но он их любил и не оставил перед лицом смерти, точно так же, как не оставлял их перед лицом жизни... И таких историй немало на Земле...

– Знаешь, как он говорил о детях? Это целая Вселенная! Даже в количественном отношении дети составляют очень большой процент человечества – любой нации, этноса, сограждан..., и им душно, скучно у нас, взрослых! Бедная у них была бы, суровая и убогая жизнь, если бы они сами не придумали, как извлекать знания из всего на свете, – даже из того, что запрещено, – создавать собственное многообразие жизни и ощущать радость каждого мгновения! Ребёнок способен упиваться просто наступлением утра и верить, что всё будет хорошо, потому что именно так он хочет! Ему не жаль

времени на сказку и беседу с собакой, не говоря о лошадях и дельфинах, от одного лишь прикосновения к нежным, тёплым или прохладным губам этих умных и добрых животных у него замирает сердце от счастья. Дети могут часами играть – в мяч, камушки, шишки... , подробно рассматривать картинки или прорисовывать буквы и изображения, – и всё это они делают с любовью, – поэтому они правы! – Ася опустила глаза. – Но тогда, когда Януш Корчак это говорил, ещё не было гаджетов...

Она тряхнула головой, откинув свои густые длинные волосы, и произнесла с весёлой отвагой:

– Ни в коей мере не хочу проводить никаких аналогий – скажу прямо! Мы остаёмся – на земле – при всех – обстоятельствах – вместе со всеми – до конца, – и это наш осознанный и окончательный выбор. Иное дело те, кому уготована другая судьба, в первую очередь – ДЕТИ. Для них я и мои соратники – клянусь честью! – Она подняла правую руку вверх, а левую приложила к сердцу, – сделаем всё возможное и... невозможное, чтобы помочь им исполнить своё предназначение наилучшим образом, в том числе, если это касается сохранения нашей любимой голубой планеты. Однако у них на этот счёт могут быть совсем другие соображения, ибо по отношению к нам, они находятся, – и это не худший вариант, – в состоянии «почтительной независимости»,

а свободный выбор – это, знаешь ли, то ещё бремя...

...Теперь молчал и Ника. Он не заметил, как куда-то исчезла Ася, но вдруг ясно ощутил, что всё вокруг и внутри него решительным образом стало изменяться, оставаясь, по видимости, таким же, как и прежде. Возникло особое состояние отстранённо-спокойного наблюдения и в то же время радостного ожидания перемен, частично уже происходящих, при этом их свободное проявление, – он это отчётливо осознавал, – от него почти не зависело, по крайней мере, он не мог их предугадать.

Вначале появилась непривычная, очень приятная лёгкость во всём теле, как будто изменились законы гравитации и уменьшилась сила притяжения, – а потом он почувствовал, что все вопросы, которые так мучили его и которые он постоянно задавал и себе, и всем вокруг, – куда-то исчезли! И не то, чтобы он неожиданно нашёл все нужные ответы, было бы наивно так думать, просто стало ясно, – он увидел это неким «внутренним зрением», именно не интеллектом, а чувством и воображением, которые, видимо, первыми «считывают» истинные смыслы, – что ответы всегда приходят и приходят сами. По мере твоей готовности их усвоить, а значит, и по мере развития способности себя менять, – образно говоря, из общего информационного поля, где, возможно, все они и находятся, где создаются идеи всех форм и их

воплощений, в которых скрыты огромные возможности последующего взаимодействия Материи и Духа. Можно выразить эту мысль и более «поэтически» – вспоминал он слова Аси. Если ты в состоянии себя настроить, как хороший инструмент, на гармонию и созвучие с Миром, принимаешь Жизнь такой, какая она есть, без претензий и осуждения, но с благодарностью, воспринимаешь её не как гипотезу, постоянно требующую доказательств, но как целое, существующее вовне и внутри тебя, как тайну, которая тебе доверена и предложена в дар, – с тем, чтобы непрерывно, с радостным изумлением её разгадывать, то – в лучшем случае! – Ника от избытка чувств даже рассмеялся, – ты услышишь «музыку сфер», а иногда и сумеешь воскликнуть: «Эврика!» – и тогда, может быть, испытаешь то, что люди называют «Божественной благодатью»...

Не нужно ничего противопоставлять, – легко и весело думал он: «да-нет», «либо-либо», «хорошо-плохо», «любовь-ненависть»... Существует более высокая правота соединения противоположных суждений, «схождения» противоположностей.

«О, как убийственно мы любим»... и «как мучительно тобою счастлив я»... «печаль моя светла»... Ибо Мир един, и надо лишь познавать его во всей полноте, собственным Бытием, пытаясь приблизиться к истине, – вот основная Цель

и Благо, и на этом пути – все – разные и все равны... – Здесь Ника остановился, поняв, что стал запинаться, отрицая самого себя. – При чём здесь «цель»? И цели-то никакой, очень вероятно, не существует, кроме самой жизни, как таковой...

Он совершенно невозмутимо принял факт остановки доселе ясного потока сознания, посмотрел на Асю, тихо и незаметно вернувшуюся, открыто ей улыбнулся и произнёс:

– А жизнь, оказывается, – это постоянно рождающиеся и умирающие мгновения, так что бояться смерти просто смешно.

– С возвращением... «заблудшего», – тотчас радостно откликнулась Ася, и Ника почувствовал, какое это счастье, когда тебя понимают даже без слов.

Вокруг стояли живые растения, ласково покачивая длинными стеблями, раскрывая свои волшебно-прекрасные соцветия. Знакомая китайская ваза скромно ожидала в стороне, когда на неё обратят внимание, и Ника с удовольствием погладил её тёплое гладкое тело.

Строгие лица старинных портретов за прошедшее время стали мягче и светлее, вот-вот, кажется, готовые улыбнуться одним мимолётным движением глаз или губ. Неслышно во-

шедшая в дом Ева грациозно устроилась на коврике и принялась усердно исполнять ритуал «умывания и причёсывания», совершенствуя и без того безупречный пушистый свой наряд.

Снаружи, у самого крыльца, послышалась весёлая переключка голосов Ларисы и Николая, возвращавшихся с прогулки, встречаемых благородной красавицей Дианой, и уже затопали быстрые детские ножки, стремительно сбегавшие по лестнице со второго этажа, и раздался переливчатый радостный детский говор и смех. Позвонил Арсений и абсолютно счастливым голосом сообщил, что приедет завтра – проводить Асю в аэропорт и оставить нам «на сбереженьё» Марину Александровну, так как он неожиданно, но ненадолго должен отлучиться...

«Как всё просто! – думал Ника. – Мир всегда принимает и любит тех, кто сам открыт и способен к Любви...», – и в тот же миг он ясно увидел, как должна закончиться его книга – несколькими строками из стихотворения Анны-Марии, которое он услышал давно, в этом доме, и оно ему запомнилось, несмотря на то, что не всё тогда получило отклик в его душе. Это сейчас он находил у поэтов неисчерпаемое богатство идей, иногда сконцентрированных, иногда разбросанных по тексту, но всегда затрагивающих и умею-

щих «держат в тонусе» самые разные чувства, порой прямо противоположные. «Они вдохновляют нас на то, чтобы все маленькие дети, смеясь и играя, бегали даже «над пропастью во ржи», ничего не боясь; чтобы мечта Ассоль всегда сбывалась, и она встретила своего Грэя; чтобы Маленький принц счастливо возделывал свою маленькую Планету и долго-долго мог любить капризную красавицу-Розу, единственную на свете, ибо он приручил её и потому был за неё в ответе; чтобы даже «гадкие утёнки» всегда успевали превратиться в прекрасных белых лебедей и станцевать немислимо красивый и нежный любовный танец. И пусть никогда не боится князь Мышкин, не гибнет в огне Джордано Бруно, и – никто – никогда – не сможет больше распять Иисуса Христа...»

...Когда Ника вернулся домой, он подошёл к компьютеру, набрал последние строки своих записок и мужественно поставил не многоточие, как того требовала обрушившаяся на него лавина новой информации, желающая быть озвученной, – но твёрдую точку:

Наверное, в искусстве Со-творенья Есть сокровенный замысел Творца.

Его, быть может, Муза вдохновенья

Познать способна, и тогда гонца

Послать – тебе иль мне, или кому иному – Идущему на-
встречу ей святому,

Философу, бродягу, да любому! —

С необщим выражением лица, – Как сыну блудному, на-
шедшему Отца.

*

Книга вторая .

Времена года или поощрение к любви.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Окончание лета

Не сравнивай, живущий несравним.

Осип Мандельштам

В конце августа все разъехались. Родители раньше обычного покинули загородный дом, чтобы подготовить де-

тей к началу учебного года, тем более, что на этот раз открытие «школы» совпадало с её юбилеем и предполагало стать особенно торжественным. Марина Александровна спешила закончить свои дела в городе, чтобы поскорее уехать в Крым, где её уже ожидал Арсений. Николай надеялся, что Лариса Викторовна разрешит ему быть рядом с нею на Азовском море, где она раньше жила, а сейчас собиралась не только отдыхать, но и пару месяцев поработать.

Анна-Мария, как известно, уже больше месяца пребывала в Южной Америке вместе с экспедицией, так что я опять был один, как когда-то, со своей подругой Дианой. Но насколько же это моё одиночество отличалось от того состояния, что было всего каких-то два года назад (если быть совсем точным, – один год и семь месяцев), когда не сплин, а «русская хандра мной овладела понемногу».

Однако, прежде чем все разъехались, была проведена совершенно немислимая (буквально: та, которой не было в мыслях) акция, а именно, публикация интернет-версии текста «Самопревосхождение» в трёх частях в издательстве

«Петрополис» – с посвящением, предисловием-рецензией, естественно, в начале книги, а также благодарностью автора и несколькими отзывами читателей в конце.

Идея исходила от Марины Александровны, её мгновенно подхватил Николай, как выяснилось, так и не избавившийся от комплекса вины по поводу оставшегося на сайте «Проза.ру» своего имени, хотя я его многократно заверял, что мне даже нравится такая путаница. Более того, я искренне надеюсь, что он со временем сам начнёт писать отдельные главки, отражающие его собственный, особый путь «на безграничных просторах самопревосхождения», – но он только отмахивался:

– Соответствовать надо, а так...

Пока Николай пел о том, как хорошо будет издать книжку, потом устроить презентацию, встречи с читателями, интервью и т. п., я молчал, мама тихо посмеивалась и бормотала про себя: «...и конную полицию», – прекрасно зная, что я ни при каких обстоятельствах не буду участвовать в подобных мероприятиях, – Марина Александровна мгновенно уловила нарастающие рассогласования и предложила тот самый единственный аргумент, который сработал безупречно и убедительно.

– А графика оформления самой книги? А выбор формата, шрифтов, расположения текста на бумаге? Разве это не будет создавать особого впечатления, и я не побоюсь этих слов, не доставит эстетического удовольствия?

– Сдавайся, Ник, – сказала мама, а Марина Александровна добавила:

– И вообще пусть лучше никто ничего не знает об авторе, пусть люди сами придумывают, что хотят, как в тесте Роршаха, глядя на чернильные кляксы и что-то там такое очень личное об этом соображая. Вы не согласны? – обратилась она к маме, заметив весёлые искорки в её глазах.

– Согласна, конечно. Мне даже вспомнилась одна фраза в книге отзывов на выставке абстрактного искусства: «Никакого удовольствия, кроме эстетического, не получили». Зацените фразу!

– Мама! – воскликнул я. – Откуда?

– Я тоже была когда-то молоденькой смешливой студенткой, – лукаво улыбнулась мама.

– Вопрос считается решённым, если он решён верно, – быстро подвела итог Марина Александровна, чтобы никто

не передумал, и стала по своему обыкновению куда-то стремительно собираться.

То направление, по которому я сейчас двигался в своих размышлениях, было довольно далеко от уже написанного текста, с неожиданной скоростью собранного и названного книгой. Во мне как будто был запущен внутренний механизм трансформации, каждое мгновение было новым, прежняя логика иллюзий причин и следствий уступала место другим законам, в соответствии с которыми «вчера» оказывалось не в состоянии объяснить события сегодняшнего дня, а «сегодня» не несло привычных последствий для «завтра». В том, что будущее не является просто «продолженным настоящим», таилась для меня какая-то особая притягательная сила. «Всё уникально и одновременно едино и непрерывно, – думал я. – Возможно, со временем обновлённому сознанию станет доступной и гармония вечно меняющегося Мира, а угрожающие условия договора, выставленные самим Фаустом Мефистофелю:

«Едва я миг отдельный возвеличу, вскричав: “Мгновение, повремени!” – Всё кончено, и я твоя добыча...» – не будет больше мучить «похоронным звоном» Поэта и его героя.

Я снова и снова погружался в переживание своего личного опыта, как участник и очевидец одновременно, что сулило

надежду на «устроение» собственной жизни на совершенно иных основаниях. В моём лексиконе закрепилось понятие «синергия», отражающее органичную связь Высших начал с открыто предстоящей им свободной человеческой личностью. Такая свобода, по утверждению тщательно отобранных мною авторов, может и должна привести человека к истинному состоянию самоосуществления в истине, когда истина начнёт приобретать характер «полной и непосредственной внутренней очевидности».

Так или почти так я понимал сейчас и свидетельство великого очевидца: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоанн, VIII, 32), а смущение ума от абсурдности, несправедливости, жестокости мира, от рассеянного, непрерывно прорастающего среди людей зла, которое продолжало уязвлять мою душу, – на время уходило, покидало меня.

Буду ли я писать об этом, мне было неизвестно. Известно было другое: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», но и преодоление искушений возможно, прежде всего, в себе, в единении с теми, кто не боится нести «в затемнённые земли» доброту и мудрость, не сужает смыслы важнейших человеческих понятий (таких, как свобода, любовь, красота...) до современных, узкоутилитарных значений, кто способен заново их каждый раз проживать, «осве-

чая» сознание. Однако, есть одно непеременимое условие данного, единственно мирного, противостояния тёмным силам – это добровольность выбора. Недаром блистательный Анатолий Франс, предпочитающий острые парадоксы длинным периодам, в своё время (которое может быть легко продолжено и на другие времена) написал такие строки: «Ежели людей хотят сделать умными, добрыми, умеренными и великодушными помимо их воли, неизбежно приходят к необходимости перебить их всех до единого».

Многоумные, талантливые и знаменитые наши современники не перестают убеждать нас в том, что путь добродетели труден и горек, безнадежен и смертельно опасен. Что на смену «одному Чёрному властелину всегда с неизбежностью приходит другой», ещё более чёрный, привлекая для усиления своей позиции высказывания бесспорных авторитетов, даже если последние и имели в виду нечто совсем иное («нет правды на земле»). Они, не смущаясь, описывают варианты цивилизационных иерархий («но правды нет и выше»), при которых всегда находится кто-то очень сильный и властный, кто заинтересован в вечном круговороте побед и поражений, прозрений и слепоты, равновыгодных потребителям энергии живых существ в «Империях» различного происхождения и художественной выразительности.

Эти тексты рождаются постоянно, намеренно перемещи-

вая Утопии и Антиутопии, делая их почти родственными. И хотя те и другие возбуждают одинаково сильные чувства, разница между «жизнью прекрасной» и «жизнью ужасной» угадывается уже с трудом, ибо «жизнь прекрасная», чаще всего, оказывается просто сверхкомфортной и благоустроенной, обеспечивающей – с помощью замысловатой супертехники – невиданно быстрый доступ в нереальные и виртуальные миры, а «ужасная», как правило, повторяет одни и те же вечные сюжеты с их нескончаемыми битвами за «вертикали власти», где нет победителей и побеждённых, зато есть череда новых заблуждений, в лучшем случае некие отрывочные прозрения, с каждым последующим шагом становящиеся всё более безнадёжными и неразрешимыми. «Исчезнет и никогда не вернётся магия Третьей эпохи. Никогда не жить эльфам среди исполинских ясеней Благословенного края»... А если вы сами «всё ещё есть и осознаёте себя», значит, с вами уже случилось «самое худшее из возможного в вероятностном Космосе», ...ибо сознание – это «безвыходная самоподдерживающаяся тюрьма, из которой нельзя выглянуть даже мысленно... Это своего рода подвал универсума, тупик абсолютной окончательности»... (Допускаю, что разносторонне одарённый автор этих строк иронизирует сразу по всем фронтам, в том числе, и по поводу собственных высказываний).

Однако, к счастью для тех, кто не перестает надеяться и

мечтать, остаются ещё на Земле люди, которые верят в «чистоту сознания» и его безошибочный отклик. И потому продолжают жить очаровательные, бессмертные эльфы, которых нельзя уничтожить, и, значит, они не могут исчезнуть. И дети рождаются снова и снова, и опять – вот чудо! – они, вопреки всему, верят в волшебство Мира, где герои поступают как велят им мудрость и великодушие (у нас говорят ещё – «по совести»), где не может умереть Любовь и Дружба, вышитые предыдущими поколениями на знамёнах.

– И часто так бывает? – могла бы спросить Алиса, на минутку забежавшая в «страну детства».

– Всегда! – от всей души ответил бы ей и всем детям Чеширский Кот.

Почему-то я не сомневался, какой из Миров добровольно изберут дети и взрослые в новой «школе», куда вскоре должен буду поехать, и что пребывание в её особой стихии поможет разрешить часть интересующих меня вопросов. Например, о неиспользованных ресурсах во взаимоотношениях наставников и учеников, о чём мы не раз беседовали с Асей летом в белые ночи.

Оказывается, теоретически давно доказано, что ученик начинает обучение в тот именно момент, когда перестаёт

быть учеником и становится другом или коллегой учителя. Тогда и только тогда – они вместе! – получают возможность созидать, говоря высоким стилем, «личную Вселенную ученика», соприкасая её со своей собственной, преобразуя свою и его психику, тем самым, создавая новую картину мира и – что особенно важно – ничего не нарушая в предыдущем опыте.

Согласен, непросто, не для всех очевидно (хотя существуют уникальные практические достижения и в этой сфере), но так интересно не выучивать нечто уже известное, не запоминать что-то окончательно сформировавшееся, но стремиться понять, как это «нечто» или «что-то» возникает, как следует его наилучшим образом исследовать, чтобы получить качественно новое знание и перейти на следующую ступень собственного развития. Современные молодые люди не хотят, чтобы их готовили лишь к узкоконкретным, социально-устоявшимся моделям поведения, они хотят просто жить и сами искать, ошибаться и делать открытия, строить то, что им нравится, и так, как они это видят, а если получится, то и использовать нейронные сети как самообучающиеся системы, активируя особые гены по передаче и получению информации, в том числе, и на квантовом уровне.

Многие учёные сегодня считают доказанным тот факт, что общая сложность планеты постепенно понижается.

Некогда, скажем в эпоху Древних пирамид, люди умели делать многое из того, что, к сожалению, ныне утрачено. Часть Великого знания ушла в закрытые сферы, каналы связи перестали действовать и человек, к ещё большему сожалению, заметно деградировал. Однако в наши дни, утверждают те же исследователи, наблюдается и явное стремление к новому Возрождению, разумеется, среди страждущего меньшинства, у тех, кто хоть однажды испытал мгновение внутреннего открытия-откровения. В подобных случаях все они говорят о некоем «щелчке», «вспышке сознания», ибо усвоение человеком знаний и умений, переводящее его на новую, более высокую ступень, происходит скачкообразно, когда якобы неожиданно найденное решение становится абсолютно ясным, единственно правильным, а человек испытывает такую творческую радость, что не заметить, перепутать её с чем-либо иным невозможно, – будь то новые идеи или переживания; изменение линии жизни или поворот сюжета в искусстве; неожиданная стихотворная строка или музыкальная фраза; искомая математическая формула или вновь выстроенная система элементов. К слову сказать, биографии замечательных людей свидетельствуют: «щелчок» может произойти мгновенно, с первой попытки, но может и не произойти, и тогда надо начинать всё сначала.

Помнится, во время одной из наших долгих летних прогулок Ася заметила, как всегда, не просто по поводу, а как

бы выше и больше сказанного:

– Надо создавать миры, в которые можно войти и хочется там остаться. А те, кто умеет это делать, – она уверенно и привычно встряхнула головой, – действительно, постоянно рождаются, снова и снова. Особенно в наше переходное время. – Она подняла руки вверх и медленно их раскрыла:

– Как хорошо! Такая щедрая избыточность божественной природы! Как же мы далеки от неё в своих искусственных садах и парках, в жилищах с искусственным освещением и химической пищей. А живительная вода, текущая вдоль обогащённых горных пород, сквозь песок или кремний, где она? Осталась та, что приходит к нам из грубых, жёстких труб и становится – с неизбежностью – «мёртвой»... А мы сами? – Ася грустно посмотрела на меня. – Теперь мы постоянно пребываем в виртуальном общении, обмениваясь значками – «лайками» вместо живых улыбок и прикосновений... Даже природно-естественное таинство зарождения жизни переводим в искусственную процедуру, чуть ли не гордимся этим, разумеется, не ведая, что творим...

– Мне неудобно говорить тебе, Ася, очевидные вещи, – осторожно заметил я, – но неужели ты всерьёз полагаешь, что кто-то в наши дни откажется от комфортабельно устроенных больших городов, их изошрённой киберсферы? Даже

мучительно – счастливая ежедневная погоня за деньгами и их же тратами (за которые, кстати, люди отчаянно боролись столько веков!) – им по-прежнему очень мила. Так что не стоит обольщаться, никто не откажется, не сделает выбор в пользу феодальной пасторали деревенского домика в окружении полей, лесов и озёр, – «напрасные слова»...

– Ты становишься поэтом, – улыбнулась Ася, внимательно наблюдая за уткой и селезнем, пришедшими с озера полакомиться в овражке.

У меня были с собой сухарики, и я хотел их бросить уткам.

– Подожди, – тихо сказала Ася. – Не мешай, им так хорошо вдвоём.

– «Где больше всего витаминов? – шутит народ. – В аптеке». – Я продолжал слегка подтрунивать над экологическими сентенциями Аси, а она уже повернулась ко мне, весело блестя глазами: – Вообще-то уже есть те, кто так именно и живёт. Их, правда, немного, ибо позволить себе здоровый образ жизни в лучшем смысле этих слов могут лишь очень обеспеченные люди.

– Например?

– Например, миллионеры.

– Ну, да, конечно, – фыркнул я и спросил с интересом, – а кто ещё?

– Мы, – ответила она просто, – правда, на совсем других основаниях.

Ася прошла вперёд и села на пенёк высохшего дуба, аккуратно кем-то спиленного и превращённого в удобное кресло. За её спиной шумела густая летняя поросль. Светлое, лёгкое Асино платье чуть шевелилось от ветра на фоне зелени. Ася смотрела не на меня, а в глубину леса, за которым уже угадывалась прохладная синева глубокой воды.

– В природе всё происходит иначе, чем у нас, – продолжала она. – Там вообще нет мусора – всё сразу идёт в производство. А мы? Мы жить не можем без грязи, без этих уродливых свалок... Мы даже Космос ухитрились засорить!.. А ведь человеку давно следовало бы брать уроки у природы, чтобы стать, наконец, её разумным органом и вместе с Нею (а не против или вопреки!) создавать единство Духа и Материи.

– Тогда, может быть, «тем, которые умеют», – я постарал-

ся вернуть её к прежней мысли, – нужно помогать не зарывать таланты в землю?

– Нужны Великие идеи, – Ася была взволнована и теперь уже быстро шла по лесу, чуть касаясь веток и как бы поглаживая их на ходу. – Откуда бы ни приходили, они всегда могут быть усвоены.

И вдруг она стремительно повернулась ко мне, посмотрев прямо в глаза:

– А лучший способ сделать человека несчастным – это отнять у него большие идеи и постараться удовлетворить мелкие – лучше все и сразу – суетные, примитивные желания, и тогда, – она тихо засмеялась, – как было уже не раз и не два, «люди станут предаваться изнеженному образу жизни и впадут в ничтожество».

Я с удовольствием её поддержал:

– «Скажи, Сократ, – спросила однажды Гетера, – вот ты такой умный, почему же у тебя так мало учеников, а у меня – смотри! – каждый день новые очереди?» – Я видел, Ася с интересом наблюдала, как я справлюсь с известной легендой, и постарался её не разочаровать. – «Ничего удивительного, – отвечивал Сократ, – ты зовёшь их вниз, а я вверх».

На это Ася неуверенно произнесла:

– Может быть, действительно, стоит ввести такой эпизод в твоё повествование? Люди любят анекдоты из жизни великих.

– Тогда, наверное, и беседа Диогена с Александром Македонским может оказаться кстати? Помнишь, Александр говорил: «Я тебе завидую, Диоген. Ты лежишь на берегу моря, никаких забот, только покой и сплошное удовольствие». А Диоген отвечает: «Зачем же дело стало, Александр? Ложись рядом, места хватит всем». «Нет, – отвечает гордый правитель, – меня ждут мои храбрые воины и важные дела. Я должен завоевать мир. Потом, может быть, после...» Ася весело рассмеялась.

– Ну, ты расфантазировался! По-моему, Александр сказал что-то совсем простое: «Что я могу для тебя сделать, Диоген?», а тот ответил: «Да ничего, пожалуй, разве что отойди немного в сторону, а то ты заслоняешь мне солнце». Александр обиделся, ушёл в дальний военный поход и завоевал полмира.

– Потом он стал «невоздержан», убил кое-кого из своих друзей, «боясь упрёков в неблагодарности», и умер в раннем

возрасте в IV веке до Р.Х., попросив пронести его на погребальных носилках, прикрытым только плащом, чтобы опущенная ладонь его была открыта, символизируя известную с тех пор истину, что мы ни с чем приходим в этот мир и такими же уходим.

Ася уже от души хохотала вместе со мной.

– Это какой-то «Сатирикон» получается!

– Первого или двадцатого века?

– Да любого, – и добавила, покачав головой, – совсем другой жанр.

– А как сейчас обстоят дела с суетными желаниями? Не знаешь?

– Никто не может знать всё, да и не нужно, наверное. Я, например, только недавно узнала, что гильотину – во Франции! – отменили только в 1981 году!

Я был тоже поражён:

– А до этого... Секли?

– Не знаю. – Ася нахмурилась. – Нет, давай лучше... О чём мы говорили?

– О суетном и мелком. – Я охотно переключился. – Сейчас массовая доступность и вседозволенность Интернета предоставили неограниченные возможности для всех, кто хочет известности, славы, а то и богатства, без особых на то усилий и... любой ценой. Нужно лишь выложить в Instagram «типичные», как сейчас говорят, фотографии, видео, истории («Я и ...») – и всё! Успех, общение в Сети, поощрения, «поглаживания» обеспечены!

– Ну, и что? – спокойно и как-то отстранённо заметила Ася. – А кого бы ты хотел там встретить? Мудреца, пассионарного героя, лауреата Нобелевской премии по физике, или, может быть, нашего «единственного и неповторимого» писателя? Так было и так будет всегда, если оставить всё как есть, без изменения главного... – Она сделала паузу, подыскивая нужные слова, – скажем так, главного перехода – не от материи к жизни, а от жизни – к Божественной жизни. – Ася помолчала, потом добавила:

– Но при данном типе обыденного сознания и общем энергетическом контуре преобладающее большинство обывателей будет по-прежнему с наслаждением предпочитать бесконечный, никогда не насыщаемый shopping, развлече-

ния и самолюбование, подглядывания и обсуждение частной жизни других людей. И неважно, как теперь будут называться прежние «замочные скважины» – сетевое пространство, блоги, интернет-мемы, «промысловая магия» или супердогой с двузначным номером гаджет на рынке услуг.

– Это ещё очень мягко сказано! – воскликнул я. – Ты даже представить себе не можешь, что люди выкладывают в сеть на всеобщее обозрение, ничуть не стесняясь.

– Почему же? – Ася была серьёзна и иронична одновременно. – Я вполне представляю, что такое шабаш.

– А что ты скажешь о том, что секс, страх, тщеславие, цинизм, насилие... – по-прежнему занимают первые строчки среди предпочтений по популярности во всех опросах, а всякие там «умные разговоры» о духовности, морали или развитии сознания – никому не нужны, смешны и неинтересны!

– Так уж и никому? – усмехнулась Ася. – Есть же пресловутая «тысяча», о которой ты сам писал.

– Так это лишь мнение художника слова, возможно, метафора... – неуверенно произнёс я.

– В большой науке те же соотношения великих преобра-

зователей, реформаторов и послушных им масс! – Ася опять помолчала, потом добавила, как бы даже не очень настаивая на сказанном:

– Однако, такое подчинённое большинство определяет лишь скорость своего же падения или разочарования, раскаяния или рассыпания на первоатомы, – кому как повезёт, – ибо цена, которую человек платит за собственные иллюзии и безволие, – очень высока.

Теперь уже Ася медленно шла сквозь буйно разросшийся кустарник, глубоко вдыхая запахи тёплого дня и с неподдельной, всегда удивляющей меня любознательностью оглядывая всё вокруг. Тонкие ткани её летнего платья тихо вздымались и опадали в такт шагам. Постепенно редеющие кусты открыли тропинку, которая привела нас к одному из многочисленных ручейков, впадающих в озеро. На ветке неподалёку от растущего молодого деревца сидела маленькая птичка с синей грудкой, чуть раскачиваясь. Блики лучей высоко стоящего солнца отражались в прозрачной воде, а её журчание растворяло грустные мысли, пытавшиеся осесть в моей душе. Потом появилось другое ощущение. «Всё это уже было и есть, всегда будут плюсы и минусы бытия, как они представляются нашему “конечному уму”, который просто не в силах осознать целое, только детали, да и то не все... Но даже случайное предчувствие знания способно приблизить к

истине настолько, что можно услышать её тихую подсказку: если вновь и вновь, непрерывно, шаг за шагом идти к правде, прочь от того, что ею не является (т. е. от самообманов и лжи), то желанная встреча вполне возможна, и она даже не будет случайной... Ибо мир истины не нужно создавать, он уже есть! И нужно совсем немного – лишь внутреннее «переключение» сознания и открытость чувств, чтобы все изменилось, оставаясь тем же...»

Я смотрел, не отрываясь, на птичку, она всё ещё сидела на ветке, но теперь уже быстро-быстро погружала свой клюв то под одно, то под другое крыло, и наконец вся целиком встрепнулась, взглянула на меня одним глазком, – мне даже показалось, победно, – и улетела. «Так вот что означает выражение “почистить пёрышки” у женщин», – весело подумал я и тотчас понял, что, погружённый в свои наблюдения, ухитрился пропустить что-то очень важное из Асиных размышлений. Она тем временем продолжала:

– ...и хотя люди презирают то, что выше их понимания, для мира, где «совершенство» спокойно сосуществует с «несовершенством», и даже в одном и том же месте, всё это имеет мало значения. Новое знание как раз и говорит о том, что в любое из этих состояний человек желающий может свободно переходить каждое мгновение. Разве не чудесно? Ведь «истина мира» в том и заключается, что «всё воз-

можно», не отрицая при этом и того, что «всё справедливо».

Ася была уравновешенна и спокойна, я же, радуясь переключке наших мыслей, в то же время опять начал волноваться, не в силах до конца проникнуться этой её последней идеей:

– Боже мой, Ася, в каком мире ты живёшь?

– В том же самом, что и все. Просто когда-то и навсегда меня пленило прекрасное, а кто-то другой предпочёл суету и развлечения, или сделки, практикующиеся очень давно, ещё со времён Адама и Евы, или кодирование на свой лад известных ситуаций: «всё ужасно, злобно, безнадёжно и безнравственно», – а это неизбежно приводит к появлению агрессии, насилия, самоубийств, катастроф, войн... Ну, и так далее...

Она говорила убеждённо, как человек «знающий», а я верил и не верил, снова оказываясь лишь на «границе истины». Она же продолжала развивать свою мысль, прибегнув к излюбленному – и мной, и ею – приёму: вроде бы говорить о том же, но совсем иначе.

– Эти миры – истины и иллюзии, свободы и рабства – они как матрёшки, один в другом, но не соприкасаются друг с другом. Если ты находишься в одном из них, то подвержен

всяческим нападкам, если в другом – то особое «трепетание материи» вполне может ... как бы это получше сказать, – поможет упразднить всё ложное, ненужное, неправильное, и ты почувствуешь такую лёгкость бытия, что закружится голова от счастья.

Она легко прервала себя:

– А здесь уже начинается совершенно уникальный личный духовный опыт. Но ты, – Ася весело смотрела на меня, – по-моему, слишком много читаешь в последнее время. Или на то есть особые причины?

И тут вдруг неожиданно она взяла меня за руки и быстро-быстро раскрутила, а я увидел, как сквозь почти неведомую гибкость её тела стали просвечивать ветви растений, как будто раскачиваемые ветром. В звуках тихого голоса, когда она произносила слова о каких-то «хранителях», которые всегда «в беспокойстве и поиске», чувствовалось та же осязаемая реальность, что была вокруг нас, а из глубины её потемневших глаз на меня посмотрело само будущее.

–

До моего отъезда в «школу» оставалось чуть больше недели, а пока, выправив макет и посмотрев в последний раз структуру книги в целом, я решил, что, пожалуй, могу считать её в определённом смысле законченной, как бы даль-

ше ни развивались события. Особую радость доставляла мне мысль, что я наконец смог выразить – в соответствии с традициями оформления книги и по велению сердца – свою благодарность всем читателям, в первую очередь тем, кто нашёл время и возможность написать отзыв или рецензию. Да, они оказались во многом идеализированы, эти спонтанные отклики, но ведь и текст не предполагал читателя, застревающего на вечно неразрешаемых противоречиях «плохого с худшим», напротив, он сам как будто отбирал людей, способных оставить все эти деградации и сформулировать запрос на весёлую и светлую Утопию, где бы сказка стала былью, сопротивление пространства преодолено и населено прекрасными людьми, которые живут в единстве и гармонии с Миром, а «кровь всеобщая течёт по жилам всей Вселенной».

Чрезвычайно значимой для меня, – наверное, как и для любого человека, занимающегося «одиноким трудом», – была обратная связь с теми, кто познакомился с содержанием записок, тем более, что никаких связей первоначально не выстраивалось и текст рос сам по себе, как растение.

Уже через несколько дней после того, как я отослал готовый макет, позвонила глава издательства и сообщила, что книга «Самопревосхождение» – если я не возражаю (!) – выйдет в свет в ноябре сего года (что, кстати, сказать, благополучно сбылось).

Это изящная, абсолютно петербургская дама, открытая и сдержанная одновременно, была настолько профессиональна и образованна, что по нескольким фразам могла понять, оценить, соотнести с известными ей параметрами, – уровень культуры и возможности – способности человека, с которым она общалась, а также ещё что-то важное для издательства и для себя лично, что не берусь пока определить, но это «что-то» точно было.

Мне удалось наблюдать ещё одно чудесное явление во время нашей единственной личной встречи, когда мы подписывали совместный договор. Она успевала в одно и то же время говорить со мной, Мариной Александровной, Николаем, своими сотрудниками, множеством разных людей по телефону, а также просматривать сообщения на экране, попивая ароматный отвар из большой кружки и сохраняя при этом изысканность и безупречную воспитанность, так что никто из участников не только не был ущемлён, напротив, ощущал себя полноценным собеседником и был совершенно доволен.

В конце встречи, пожимая мне руку, она сказала:

—

Вы ведь тоже полагаете, что «человек должен двигаться к

своему литературному воплощению».

Это было утверждение, не вопрос, возможно, безобидная проверка на знание тех, кого я вольно или невольно иногда озвучиваю, – так что выбор именно этого издательства я бы не назвал случайностью. Что же касается замечания Иосифа Александровича Бродского, то совершенно случайно я его знал.

Август в этом году выдался дождливым и холодным. Я вышел на веранду размяться после нескольких часов работы за компьютером. Небо было свинцово – серым, сильные струи дождя закрывали кусты разросшейся у дома сирени, однако на тёмном фоне её зелени чёткие линии струй казались неожиданно светлыми. Диана спокойно стояла рядом. Возможно, равномерный шум льющихся потоков воды успокаивал её тоже.

—

Как же нам с тобой погулять?

Она посмотрела на меня и сделала несколько шагов в сторону крыльца.

—

Ну, если тебе не страшно, – у меня в последнее время по-

явилась привычка разговаривать с нею вслух, – я тоже могу надеть резиновые сапоги, плащ...

Я ещё не закончил фразу, а Диана уже несла поводок.

Когда мы возвращались домой, дождь стих, небо просветлело и можно было спокойно наблюдать за полётом птиц, низко кружащих над землёй, а затем резко взмывающих вверх. Тут и там выходили на прогулку со своими питомцами хозяева, и это напомнило мне одно событие, которое произошло в середине лета, вскоре после приезда Ванечки на дачу.

Как всегда, я работал на дому, перемежая занятия с прогулками. И в этот раз, собираясь пойти с Дианой на озеро, я позвал Ваню, он радостно окликнул Еву, та тотчас запрыгнула ему на плечо и уткнулась куда-то в загривок, обернув свой роскошный хвост вокруг его шеи. Перед поворотом на тропинку, ведущую в лес, я заметил в нескольких метрах от нас двух довольно неприятных женщин, громко, на повышенных тонах разговаривающих. Обняв Ванечку, я отодвинул его в сторону, чтобы женщины быстрее прошли мимо, и они прошли, но теперь остановился Ваня и развернулся назад.

Я услышал грубый голос одной из женщин:

—

Ну, что ты встала, как пень! – и она добавила что-то не совсем приличное.

Я тоже обернулся. Натянув поводок, упёршись передними лапками в землю, стояла маленькая рыжая собачка и невыразимо грустно смотрела на Ваню очень большими для этой головки карими глазами. «Вот видишь, как мне приходится жить», – как будто говорила она, а он отвечал:

«Потерпи немного, я что-нибудь придумаю...»

—

У вас ведь есть племянник? – Вдруг спросил Ваня, в упор глядя на тётку. – Как его зовут?

—

Кого?

—

Племянника!

—

Павлик, – вытаращив глаза, ничего не понимая, тем не менее ответила она.

—

Вот и отдайте ему Каштанку, – строго сказал Ваня, трянув длинными, заметно отросшими, выгоревшими на солнце русыми волосами.

—

Откуда ты знаешь, как её зовут? – закричала, опешив ещё больше, женщина, с опаской глядя на Еву, которая теперь выглядывала у Вани через плечо и строго, не мигая, смотрела на неё.

—

Отдайте, – вкрадчиво настаивал Ваня, – она вам только мешает.

—

Да я с радостью от неё избавлюсь, надоела до смерти, прости, Господи! – запричитала женщина, почти плача.

—

Вот и хорошо. До свидания, Каштанка! Беги! Мы скоро встретимся!

Он осторожно снял с плеча Еву и тоже побежал, но в обратную сторону, к озеру, Диана устремилась за ним, а мы с Евой пошли шагом и вскоре все воссоединились на берегу.

—

Папа! – бросился ко мне Ваня. – Напиши, какие умные и добрые у нас звери! Не нужно их обижать. С ними так интересно играть и разговаривать. Ты же сам видел.

—

И слышал, – машинально откликнулся я, думая совсем о другом. – Книгу я уже написал, а сейчас... Много другой работы.

Но Ваня не успокаивался и продолжал теревить мою футболку, ремень, джинсы:

—

Напиши другую!

«Как просто, – усмехнулся я про себя, – “Напиши другую”. Хотя, собственно, почему бы и нет? Вот отчитаюсь перед шефом, сдам заказ, съезжу к мальчикам в “школу” ...И пусть снова жизнь перетекает в слова, а рождённые ими сочетания уходят обратно – из текста в жизнь, если они того достойны, разумеется...» Вслух же сказал совсем другое:

—

Ваня, прости, пожалуйста, я не понял, где это «у нас»?

—

На Земле, – не задумываясь ответствовал Ванечка, явно кому-то подражая. И сразу стал пританцовывать, озорно напевая слова известной песенки:

Даром преподаватели Время со мною тратили!

Даром со мною мучился

Самый известный маг. Да – да – да!

Потом он нежно взъерошил шерсть у Дианы, и они вместе побежали к воде. Ева в позе сфинкса величественно возлежала на тёплом песке, глядя вдаль, при этом не забывала внимательно следить глазами за чайками на берегу. Я же думал о только что случившемся. «Наверное, Ваня каким-то неведомым образом – импульсом энергии, взглядом или движением, но и, конечно, словом, – сумел погрузить нас всех в такие глубины существования (возможно, это и называется многомерной реальностью), что мы на какое-то время совпали с миром моего удивительного мальчика и стали немножко другими... Ведь даже эту грубую злую женщину ему удалось – заразить? обворожить? – настолько, что она встала на его сторону. И неважно, как долго продолжится это мгновение, лишь бы Каштанка успела перейти к Павлику».

На следующий день я рассказал эту историю Асе, и она тут же откликнулась в своей так нравящейся мне манере:

—

Похоже, дети с проснувшимися генами, «дети мечты», как их теперь называют, имеют «код доступа» к знаниям великих древних цивилизаций.

—

Но ведь наука и её служители, – не удержался и перебил я её, – они всё ещё не пропускают эти явления в свои цеха!

—

Однако же, постоянно разрушая метазнание, человек, в том числе, человек науки, вновь и вновь его создаёт.

—

Ну, да, – охотно согласился я, – если два утверждения исключают друг друга, это вовсе не означает, что одно из них ложно.

Ася любила «сочетать несочетаемое» и оценив моё на этот раз «попадание», с удовольствием продолжала:

—

Что может сказать известная нам наука о том, почему «дети мечты» практически не болеют? Ничего, или почти ничего. А мы говорим! Например, о том, что особым образом изменённое состояние сознания способно изменить и физические свойства «тварного существа», что тело «знает» (если ум, интеллект не оказывают ему мощного сопротивления), как следует вести себя в том или ином случае, особенно, если есть угроза или опасность. Мы уже несколько лет работаем над этой проблемой и немало продвинулись в том, как «включать» и преобразовывать внутри себя и вокруг именно те вибрации (пока будем по-прежнему так называть это многослойное таинственное явление), на которые отзываются нужные и необходимые в данный момент силы, при каких условиях всё вокруг становится податливым и лёгким, гармония внутреннего и внешнего – возможна, а ты сам как будто открываешь заветную дверь золотым ключиком и попадаешь в мир, где существует очарование согласия и радости, и в котором – прости за повтор – так хочется жить...

—

Ася! – воскликнул я с чувством, – ты неистребимый романтик.

—

Просто я не забываю, что именно это состояние противоположно цинизму.

В минуты волнения нежные щеки Аси покрывал лёгкий румянец, её ресницы трепетали, как крылья бабочек, а пальцы рук едва заметно двигались, как будто разговаривая с кем-то невидимым. Я всегда застывал в такие моменты, неотрывно глядя на неё, и даже, кажется, иногда понимал, о чём она думает и что чувствует. Это было на самом деле пленительное согласие, в котором хотелось остаться... Но в это время мимо промчался Ваня, с невинной весёлостью громко крикнув на бегу:

—

Он уже едет!

—

Кто? Павлик? – воскликнул я.

—

Заметь, это ты сказал, – негромко произнесла Ася, уже погружённая в какие-то новые мысли. – О чём я думаю? – Она повернулась ко мне. – Представь себе, о «чёрных квадратах» Малевича.

Ася как будто удивлялась сама себе:

—

Он изображает то, что изобразить невозможно, – непознаваемую «вещь саму в себе», Или «вещь как таковую», за пределами которой мы всё-таки надеемся увидеть свет. А вдруг он забрезжит? – Она было радостно вскинула глаза, но потом отвернулась и добавила тихо:

—

Хотя, может быть, и напрасно...

Мне тут же захотелось ей возразить, встав на прямо противоположную точку зрения, – вот такие у нас с ней были игры:

—

Реальность небытия и инобытия не может быть доказана строго рационально, но уже известно, что она существует, хотя бы в данных нам ощущениях. Чаще всего мы определяем самые важные понятия, которые невозможно представить – любовь, истина, Бог – через то, чем они не являются: «...Любовь не завидует, не превозносится, не гордится; не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла...» Однако же, они являются всем и придают смысл всему остальному...

—

Ладно, – миролюбиво согласилась Ася, – поговорим об

этом позже, когда ты приедешь в «школу», – там как раз много таких, которые думают об этом, – и она опять мило улыбнулась:

—

Лучше поведай мне, странник, кем ты там себя представляешь?

—

Учеником, скорее всего. Или наблюдателем?

Ася лукаво сощурила ресницы:

—

А не хотел бы ты стать всем сразу: учеником и учителем, наблюдателем и другом. Что скажешь?

Я попробовал предположить:

—

Похоже на «играющего тренера»?

—

More or less...

Продолжая работать на свою фирму и одновременно раз-

мышляя о том, что бы такого интересного предложить взрослым и детям «школы», набрасывая разные проекты, я не заметил, как наступили последние дни лета, пока не позвонила моя девушка, «которой удавалось – по выражению мамы – скрашивать моё мужское одиночество». Мама была права, – у меня теперь часто появлялось желание уходить в созерцательное уединение (хотя она и имела в виду, конечно, совсем другое).

Мы познакомились летом прошлого года. Тогда я только начинал делать свои первые заметки для книги, посвящённой памяти Софьи Алексеевны, рыская пешком и на велосипеде вокруг парка «Сосновка» и станции метро «Удельная», отдыхая от долгого сидения за компьютером и, в том числе, надеясь найти поблизости приличную библиотеку, опять же в память С. А., ибо она успела привить мне любовь к книгам.

Я жил один в своей квартире на Гаврской улице, которую подарили мои родители на рождение Ванечки. Алина уехала на Урал, Ваня вместе с Ильёй – на юг, в Большую Ялту, мама отбыла по делам в Москву. И вот однажды, зайдя за перрон проходящей недалеко от моего дома железной дороги, я вдруг увидел старинное здание и прочёл выложенные на его фронтоне большие буквы: БИБЛИОТЕКА. Рядом находился печально знаменитый в Питере «Дом скорби», и я решил, что это, скорее всего, ведомственное учреждение и, следо-

вательно, посторонним вход воспрещён. Тем не менее поднялся по ступенькам, постучал, вошёл вовнутрь и сразу оказался – совершенно неожиданно! – в открытом светлом пространстве крупных геометрических форм, к созданию которых явно приложил руку художник-минималист.

Большой холл, белые стены залитые солнцем, льющим из громадных окон, высокие потолки со встроенными светильниками и асимметрично подвешенной хрустальной люстрой. В глубине – строгая, без всяких излишеств, стойка для работника, за которой были видны стройные ряды тоже белых, узких, почти до потолка торцов стеллажей с книгами, множеством книг. У стен стояли столики с мониторами для выхода в электронный ресурс библиотеки, а между ними – низкие диваны для отдыха с выдвигаемыми удобными подставками, очевидно, для записей, чтения журналов, а также, возможно, чашки кофе, приятный запах которого ощутимо чувствовался в помещении.

И ещё: на безупречно белых стенах висели две картины в больших тяжёлых рамах. Одну из них я сразу узнал – это была прекрасная копия – «Букет цветов в вазе» Винсента Ван Гога. Насколько я помню, оригинал хранится в музее Метрополитен в Нью-Йорке, и мы об этом говорили с Сонечкой, когда она показывала альбом репродукций в связи с каким-то своим рассказом-воспоминанием. Мне очень по-

нравилась эта композиция из множества близко стоящих в вазе цветов нежных оттенков, с одним большим, выделяющимся на их фоне красным цветком, расположенном посередине и внизу, что было весьма оригинально. Другая картина – «Натюрморт с яблоками и апельсинами» – висела от меня довольно далеко, и я только мог предположить по характеру прописи, что она вполне могла бы принадлежать кисти Поля Сезанна (оригинал, разумеется). В любом случае намеренное сочетание классического искусства с постмодернистским дизайном говорило о хорошем вкусе.

Пока я осматривался, стоя у входа, из глубины зала к стойке из толстого дымчатого стекла, в котором отражались, играя, солнечные лучи, вышла молодая женщина, среднего роста, в нарядной белой блузке с широкими манжетами и деловом костюме, подчёркивающим её женственную полноту. Высокие каблуки делали её стройнее и выше. Она смотрела на меня глазами цвета голубинового крыла, чёрные вьющиеся волосы спадали свободными прядями ниже плеч. Когда она немного повернула голову, я успел заметить породистый, с небольшой горбинкой нос и твёрдый подбородок. Я стоял, молча любясь ею, пока она, наконец, не спросила: – Вам что-то угодно?

– Я хотел бы вас... спросить..

Она смотрела на меня своими древними, всё понимающими глазами цвета голубинового крыла.

—

Спрашивайте. – Небольшая пауза, взгляд из-под тёмных ресниц в сторону, потом снова на меня. – Но для этого нужно, чтобы вы были... – её полные губы слегка прогнулись в улыбке, – немного более уверены в себе.

—

Если вы будете меня поощрять, – я подошёл к ней ближе, – обещаю, я быстро научусь. – И, взглянув на табличку, добавил: – Изольда... У вас красивое имя.

—

А теперь нужно узнать ваше имя, – уже открыто улыбнулась она, – чтобы я выписала вам электронную карту читателя.

—

Так сразу? Разве это возможно?

—

Возможно, если вы живёте в нашем районе.

—

Я живу в вашем районе.

—

Я знаю.

Я даже не удивился, так как давно понял, что женщины знают и подмечают всё вокруг гораздо точнее и больше нас. И если мы до сих по-прежнему считаем, что сами выбираем их, то это просто означает, что они разрешают нам так думать.

Получив читательский билет, книги и бездну обаяния, я стоял и всё ещё не мог придумать, как её отблагодарить, а она уже говорила с подкупающей искренностью и прямоотой:

—

Просто «спасибо» будет вполне достаточно.

—

Я бы хотел вас... проводить, – наконец, произнёс я.

—

Куда? – живо откликнулась Изольда.

—

Куда вы собираетесь, туда и провожу, – уже гораздо уве-

реннее сказал я.

—

Ну, хорошо, хорошо... Только...

Она что-то ещё говорила, совсем неважное, а я смотрел в её древние библейские глаза и чувствовал, как сгорает пространство между нами, исчезают предметы, и остаётся только горячий песок выжженной пустыни под ногами и жаркое небо первозданного мира над головой...

Позже она говорила уже в своём доме, тихо посмеивалась:

—

А я ведь почти поверила, что тебе ещё нужно учиться.

—

И была совершенно права, darling!

Вспоминая, как всё у нас началось, я взглянул на календарь и сказал Диане:

—

Сегодня среда. В пятницу приезжает Изольда, и мы должны хорошо подготовиться. Ты согласна со мной?

Диана положила лапы и голову мне на колени.

—

Завтра пойдём на рынок и купим всем что-нибудь вкусное, – продолжал я разговаривать вслух, привычно поглаживая мягкую шерсть вокруг её шеи. – А сейчас мне почему-то хочется проведать дом Софьи Алексеевны и Аси. Надеюсь, ты не возражаешь?

Диана, прекрасно зная дорогу, легко бежала впереди, и вскоре сад приветливо встретил нас тихим шелестом, как старый добрый знакомый, несмотря на то, что вокруг было холодно, сыро и пасмурно. Высокая липа, в тени которой когда-то сидела Ася и Сонечка рисовала её портрет, похоже, с каждым днём использовала всё больше оттенков ярко-жёлтого цвета, чтобы украсить свой всё ещё пышный, но уже предосенний наряд.

В доме С. А. по-прежнему висели тяжёлые гардины с замысловатыми ламбрекенами, на полу лежал большой ковёр с длинным ворсом, глубокое кресло из морёного дуба с художественной резьбой было придвинуто к письменному столу со множеством ящиков, полочек и балясин, но уже поблёскивали тут и там экраны ноутбуков, большая плоская панель TV взлетела под потолок, заняв пространство между старинным книжным шкафом и высоким трюмо; музыкаль-

ный синтезатор отодвинул рояль в дальний угол, а устаревшие модели мобильных телефонов были аккуратно сложены в плетёную корзинку и за ненадобностью выставлены в прихожую. Эпоха потребления явно давала о себе знать.

Мне захотелось ещё раз взглянуть на чудесный пейзаж, оставленный одним из гостей на выставке работ Софьи Алексеевны, которую месяц назад устроила Ася накануне своего отъезда в экспедицию. Именно тогда, в стиле небывалого флэшмоба мгновенно собралось множество людей чуть ли не со всего света и также быстро разъехалось буквально через пару часов, так и не успев привлечь досужего внимания обывателей. Однако на то время, что гости были здесь, казалось, трава стала зеленее, а небо более голубым, птицы запели свои лучшие песни, а ароматы на глазах распускавшихся цветов хотелось не просто вдыхать, но «пить как нектар», – заметил Захария, тот самый «Большой Друг» Сонечки, о котором мне часто рассказывали и Ася, и Арсений.

Захария мне сразу понравился, да и не мне одному. Только представьте: подъезжает к террасе солидный Land Rover, из него выходит человек, красивый той благородной статью, что нередко отличает зрелые годы восточных мужчин, в безупречно сидящем на нём светло-бежевом костюме, в туфлях из очень тонкой матовой кожи, подобранной точно в тон костюма, открывает багажник и... предлагает внести в дом

несколько ящичков шампанского «золотой серии». Собравшиеся даже заплодировали. Мужчины постарались сделать так, чтобы вылетающие пробки звучали как салют; женщины, чуть ли не с реверансами на старинный манер, разносили подносы с высокими бокалами, наполненными до краёв; дети прыгали, смеялись, по-моему, даже повизгивали от удовольствия вместе со зверями, крутившимися здесь же, – им тоже достались гостинцы, – словом, благородное собрание отмечало День рождения Сонечки так, как она бы этого хотела: с «шипением пенистых бокалов» и улыбками, освещавшими «друзей прекрасные черты».

Кто-то вошёл в дом и заиграл ноктюрн Ф. Шопена, гости произносили искренние слова о «красоте души» и «светлой памяти» С. А., потом соорганизовались в небольшие группы и разбрелись по дому и саду. Я же направился прямо к Захарию, стоявшему рядом с Асей, по дороге улавливая отдельные фразы беседующих:

...

«Техника магнитной электростимуляции мозга существует достаточно давно и уже опробована в армии»...

...

«А появление мутантов от соединения звериных существ с человеком даёт»...

...

«Например, пуленепробиваемую кожу и подчинение определённого рода приказам, что непредсказуемо и опасно»...

...

«Но ведь и электро-мобильный смог в смысле искажения окружающей среды и самого человека – это уже общепризнанный факт»...

...

«Тогда что вы скажете о “дизайнерских младенцах” или “ГМОдетях” как модификации зародышей? Это всё ещё модно?»...

...

«Вот поэтому и был выработан догмат об энергийной, а не сущностной причастности тварного бытия Богу»...

...

«Если чудо получает научное объяснение, это уже не чудо»...

Мне хотелось подойти к каждой «группе по интересам», и всётаки я шёл, нигде не останавливаясь, к Захарию. Он го-

ворил негромко, размеренно, глубоким низким голосом:

—

«Пока Толстой жив, идёт по борозде за плугом за своей белой лошадкой, ещё радостно утро, свежо, не страшно, упыри дремлют, и слава Богу». Так писал Александр Блок к 80-летию Льва Николаевича.

Ася ласково улыбалась ему одними глазами:

—

Вот и у нас сегодня тоже 80-летие. Сонечка была бы довольна, если бы была...

—

Она здесь, девочка, – ответил Захария, нежно пожимая ей руку.

—

Но где же Ева? – спросила подошедшая вместе со мной, но с другой стороны, мама. – Она ведь ни за что не пропустила бы такого события.

Мы оглянулись вокруг, и мама первая увидела на всеми нами любимой липе удобно и прочно устроившуюся изобретательницу, которая очень правильно, по размеру, подобра-

ла ветку и кокетливо (иначе не скажешь!) свесив переднюю лапку, не забыла распушить свой великолепный хвост.

Мама старательно улыбалась, украдкой вытирая слёзы, и Ася быстро проговорила, взглянув на меня и Захария:

—

Думаю, вам есть о чём поговорить, а мы, — она обняла маму, — пойдём, с вашего позволения.

Я смотрел на открытое, прекрасно вылепленное, со строгими чертами лицо Захария, его высокий лоб, выразительные глаза, неожиданно мягкие, полные губы и мысленно отмечал, не дерзнув произнести это вслух, значительность всего его облика. При этом, внимательно слушая его, думал и о том, что история, которую я рассказываю в книге, не может закончиться, она продолжается, начинаясь снова, и в этом саду, где собралось так много знакомых друг с другом и моими героями лиц, и уже от них, а не только от меня зависит, каким образом будет развиваться повествование дальше: как хроника побед и поражений меняющегося сознания или просто как игра и забава живого ума и сердца, — при том, что оба варианта равно справедливы с позиции самопревосхождения, они не отрицают один другого и даже допускают возможность появления совсем иных поворотов развития и оформления основных идей.

Когда-то, ещё до встречи с С. А., я лишь неясно начинал осознавать, что всё происходящее в моей жизни идёт как-то... неправильно, ожидал неизвестно чего, но обязательно «настоящего»... А случилось чудо – я встретил и заново узнал тех людей, которые иначе смотрят на мир, иначе живут, чем все другие, известные мне «особи», и я пленился ими навсегда. В начале пути мои сомнения в самом существовании таких людей, – хотя я видел, жил, разговаривал с ними, – были настолько велики, что я постоянно задавал нелепейшие вопросы:

—

Ну, а если у вас ничего не получится? Ваши единомышленники возьмут и поддадутся привычным соблазнам – им несть числа! – перейдут «по ту сторону добра»? Ваша «новая школа» разрушится и перестанет существовать? Вы сами не раз говорили, что её надо постоянно защищать от желающих уничтожить не только постройки, но и людей, и зверей, в ней пребывающих, – просто по принципу неприятия непохожего и непонятого своеобразия «чужаков»? – И всё в таком духе.

Они отвечали спокойно, терпеливо:

—

Мы не исключаем такого разворота событий.

Тогда я начинал снова, повышая голос:

—

Так что же делать?!

Они только улыбались:

—

Ничего особенного – оставить в покое всё, что не можешь изменить.

Или:

—

Делать то, что можешь, и будь, что будет.

—

Спасти себя, и вокруг спасутся тысячи...

И ещё многое, о чём я уже написал с достаточным количеством комментариев, так что и сам постепенно кое-что понял и успокоился. А у них никогда не было страха. Теперь эти же вопросы задаёт мне Николай Романов, ему – читателю, с которыми он общается, и всё идёт по кругу...

Те же, кого спрашивал я, часто ссылались на Захарию как на абсолютный непререкаемый авторитет, но я, естественно, воспринимал его абстрактно, лишённым реальных черт и контуров, тем более с таким-то именем! И вот теперь он выступил из тени на свет, превратившись в мужчину из плоти и крови, которого мне очень хотелось узнать ближе.

Я спросил, долго ли он намерен здесь пробыть.

—

Вплоть до нашего с вами отъезда в Швейцарию. У нас даже билеты в одно купе, если вы не имеете ничего против.

Вот так! Гора пошла к Магомеду.

—

Смотрите! – Захария говорил с едва заметным акцентом, который только усиливал впечатление от его речи. Он указывал на группу из трёх человек возле яблоневых деревьев. – Вот эти самые, очень умные, серьёзные молодые люди имеют смелость поднимать, – и он тоже поднял вверх руку, – втоптаные ныне в грязь «презренные» высшие ценности! Они смеют открыто говорить об упрощении, оглушении мышления, исключившего из себя истинные, т. е. космические параметры. Молодые люди – не без основания! – посчитали, что в конце 20-го века произошла остановка в развитии пер-

спективных проектов, ибо понятный набор смыслов и образов, связанных только с Землёй, оказался практически исчерпан...

К нам подходили разные персоны, кто-то включался в разговор, кто-то, послушав и покивав головой, переходил в следующие подгруппы, однако моё внимание было целиком приковано к Захарю.

—

Новые образы и символы, – говорил он, – ждут нас за гранью привычного опыта. В первую очередь это относится к глобальным вызовам бесконечности и наполненности Космоса, вызовам, которые просто не могут быть проигнорированы.

О, как же во мне откликнулись эти слова! Я и сам уже понимал, что космическое сознание делает мир не только манящим и более многозначным, но и более понятным, как это ни странно. Сам масштаб мышления способен снять у человека тревогу замкнутого пространства (даже если оно и называется «Дом по имени Земля»). Жизнь, ограниченная рамками любой одной замкнутой системы, вызывает «недогруженность мозгов», как говорят «высоколобые», и снижение человеческих ресурсов в целом, что в свою очередь приводит к уменьшению потенциалов развития, а также с

неизбежностью оборачивается катастрофическими потерями: креатива, фантазии, воли и... способности к рождению Великих идей.

Теперь Захария прямо обращался к тому самому «очень умному молодому человеку», на которого он указывал и который уже стоял рядом.

—

Фактически на наших глазах разыгрывается драма тех, у кого в душе, вместо свободы и познания, – этих структурообразующих принципов развития, – возникает попятное движение к хаосу и страсть к разрушению, т. е. особое желание узреть, садистски пережить чужую боль и даже гибель, что неизбежно ведёт к своей собственной гибели.

Молодой человек, действительно очень серьёзный, в очках, с густой шевелюрой, чувствительными тонкими руками исследователя или пианиста, тихо вступил в разговор:

—

Кто-то явно хочет, чтобы это было похоже на проклятье или преступный заговор. Ведь конспирологию очень легко принять – тем самым человек снимает с себя всякую ответственность. Так удобнее жить, не правда ли? – когда во всём виноваты заговорщики, тайные общества, масоны и прочая.

—

Или наоборот, – охотно подхватил Захария, – пусть герой или святой мученик всё сделают за нас, а мы уж тут как-нибудь будем их благодарить и прославлять.

Молодой человек закрыл глаза и даже сморщился от удовольствия, а когда открыл их снова, то они уже сверкали вместе с линзами очков, как лампочки:

—

Искажения и упрощения великих идей Четвероевангелия... – Он посмотрел на нас, проверяя, хотим ли мы слышать то, что он намерен сказать, и добавил почти извиняющимся голосом:

—

Великих идей на свете не так уж и много, господа, а там они точно есть! – Потом продолжил гораздо более уверенно. – Их недопонимание происходит до сих пор, да так, что они, эти идеи, оказываются не просто адаптированы к уровню обыденного сознания, но идут уже против самого главного смысла их создателя. Приди Христос ещё раз, его бы с лёгкостью могли назвать еретиком собственного учения, и эта мысль отнюдь не нова. Возможно, Ему по-прежнему пришлось бы скрываться от гонений книжников и фарисеев,

теперь уже где-нибудь на севере или в Беловодье. – Молодой человек запустил руки в свою шевелюру, потрянул головой и добавил убеждённо. – Думать, что Новый Завет – это несложная книга, понятная всем простым и смиренным людям, – величайшее заблуждение!

Захария, с большим интересом за ним наблюдая, спросил:

—

А что вы скажете, Пётр, на то, что христианское учение – очень суровая религия, бесконечно далёкая от того сентиментального образа, что постоянно воспроизводится человечеством?

—

Я скажу больше, – весело ответил Пётр, – врата его узки и узок путь, и лишь немногим суждено пройти его: «уже и секира при корне деревьев лежит, всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь». (Матф. III, 10)

—

Неужели дело «всеобщего спасения» так безнадежно? – Захария, мягко улыбаясь, подталкивал Петра к разговору, явно желая услышать развитие его мыслей. И оно последовало.

—

И да, и нет. В Его учении совершенно ясно сказано, что нельзя освободить, спасти человека принудительно, без его собственного участия. Поэтому, наверное, ни одна фраза не повторяется в Новом Завете столько раз, сколько изречение: «имеющий уши, да услышит», означающее, что далеко не каждый на это способен. А, впрочем, – Пётр как-то очень тепло улыбнулся, – справедливо... и другое, трижды сказанное и обращённое к широкому кругу: «паси овец моих». Это о заботливых пастырях и кротких, послушных овцах, которым так нужно доброе слово.

В это время Петра позвали его друзья, он слегка поклонился, привычным движением поправил очки, сказал: «прошу меня извинить», – и быстро отошёл в сторону. Мы с Захарией молча смотрели ему вслед и не заметили, как подошла мама.

—

Кто этот интересный молодой человек? – спросила она.

—

Насколько я знаю, – ответил Захария, нежно беря маму за руку и внимательно глядя в её уже посветлевшие глаза, – физик-ядерщик.

—

Но он так похож на лирика. Хотя... Одно другому не мешает. Вы только посмотрите! – воскликнула она. – Ваня всё-таки привёл свою Фею!

Действительно, к нам плавно приближалась дама, вокруг которой прыгал, что-то кричал, хлопал в ладоши Ванечка. Рядом, упруго и весело, шёл, оживлённо разговаривая с другим подростком, наш обычно молчаливый и задумчивый Илья. Я тихо сказал: – Павлик...

—

Откуда ты знаешь этого мальчика? – тотчас спросила мама.

—

Я знаю его собачку.

—

Но здесь нет никакой собачки!

—

Она очень маленькая, у него на руке, – ответила за меня неслышно подошедшая Ася.

На даме было льняное свободное платье, не стесняющее движений. Матерчатую шляпу с широкими полями, перевязанную узорчатой лентой, она слегка придерживала рукой. Нина Евгеньевна – «Фея» двигалась и смотрела вокруг – на детей, на нас – доброжелательно и спокойно, но за этой собранностью угадывалась интенсивная внутренняя работа, а также не только врождённая, но и привитая, отточенная впоследствии простота, очевидно, так необходимая ей и в жизни, и в работе. Вскоре я смог услышать и то, как она говорит: тихо, но отчётливо, всегда внимательно слушая собеседника и каким-то, только ей известным способом, чрезвычайно располагая его к доверительному общению *in private*. «Хорошее качество для практикующего психолога», – тогда подумал я.

Мама очень по-светски встретила Нину Евгеньевну и стала представлять ей Захарию, Асю, меня, но не успела закончить представления, как вынырнули, словно из-под земли, только что куда-то пропавшие мальчики, осторожно подхватили Нину Евгеньевну за руки и уже вместе с нею опять исчезли.

Захария задумчиво отметил:

—

Похоже, у нас появился новый специалист по работе с

детьми.

В это время позвонил мой шеф и попросил сделать одну срочную работу, так что мне пришлось пойти к себе, и я уже не видел, как гости разъехались. По дороге меня догнала Ася, сказав, что немного проводит. – Надеюсь, теперь ты понял, с кем придётся иметь дело в Швейцарии?

—

Разве все эти люди – наставники и тренеры?

—

Не все, но другие, которые там будут, на них похожи. – И, опережая мой вопрос, она добавила:

—

Мы уже обсуждали это с тобой. Имеется в виду только сходство по внутренним духовно-душевному качествам, по энергетике и т. д., а не по анкетным данным.

Я это хорошо помнил, поэтому задал следующий вопрос:

—

А как вы их находите? Ведь никакой особой организации, как я понимаю, у вас нет.

Ася остановилась.

—

Дальше я не пойду, подождём немного. – Она привычно обняла ближнее дерево и прижалась к нему щекой. – Находим или они сами находятся – каждый раз по-разному.

—

Например?

—

Например, как все влюблённые: Ваня увидел Фею в лесу и влюбился в неё; Арсений пообедал с Мариной Александровной, спел ей несколько прелестных романсов и теперь не отходит от неё ни на шаг; Николай Романов прочитал твою рукопись и тоже влюбился, не глядя.

—

Постой, постой! Ты на что намекаешь? Николай влюблён в Лару!

—

Я имела в виду не то, что ты подумал. Это совершенно другая любовь, самая что ни на есть истинная!

—

И это единственный критерий? – недоверчиво спросил я.

—

А что, разве плохо?– Ася весело смотрела на меня. – Главный, но не единственный! Есть ещё родство душ и взглядов, общие ценности, творческие совпадения по интересам... или – дружба, порядочность, достоинство, «отвращение к насилию», или просто – желание быть вместе – разве мало?

Так как я молчал, она добавила:

—

Просто человек узнаёт, что есть на свете такие же, близкие ему люди, «beautiful people», которые его поймут и не высмеют, например, за высокие идеалы и глубокие чувства, и он даже сможет, без стыда и боязни, постараться воплотить их в жизнь.

Ася стояла рядом с деревом, и мне не показалось – я ясно видел – как оно наклонило к ней свои тонкие ветви.

—

Вот на этой высокой ноте позволь откланяться. Мне пора!

—

Подожди, Ася! Неужели у вас нет конфликтов, неудач, па-

дений, в конце концов!

—

У нас есть всё! И ты когда-нибудь об этом напишешь – Но я ничего не обещаю!

—

И не должен. Тексты живут сами по себе.

Она ушла, а я подошёл к дереву, где только что стояла Ася. Это была молодая рябина. Я положил обе руки на её тонкий ствол, поднял голову вверх и отчётливо увидел, как её лёгкая подвижная крона с начинающими краснеть гроздьями ягод стала склоняться всё ближе и ближе ко мне, пока не коснулась нежно моего лица. Природа говорила со мной, и моя вина – *mea culpa*, – что я недостаточно понимал её... «Смыслы создаём мы сами, – думал я с благодарностью, – а если и берём их из вторых или третьих рук, то для того лишь, чтобы выслушать, почувствовать и пропустить всё через себя».

Я уже знал, впереди было не только много работы, но главное, – и это ясно предчувствовалось, – наступало «время раздумий», а наша длинная, пасмурная, северная осень для такого дела весьма подходила. Так что к своим запискам я смог вернуться лишь в декабре.

*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Зима

Слово звучит лишь в отзывчивой душе. П. Я. Чаадаев

Зимой в Петербурге темно и таинственно – от стремительно убывающего вначале и медленно нарастающего потом дня, – но и светло: от белого снега, мягко укутывающего землю, от лёгкого морозца, разрисовывающего ажурными стрелами деревья и кустарники, особенно, когда их тонкие ветви полностью покрыты инеем. Однако, в многолюдном шумном городе снег быстро тает и свет исходит, в основном, от разноцветно сияющих витрин и прочего убранства, а жители уже с середины декабря начинают с воодушевлением готовиться к встрече приближающейся череды любимых зимних праздников.

Я возвращался из командировки домой в день своего рождения, 19 декабря, предвкушая встречу с родителями, и, как обычно, шёл пешком по Невскому проспекту – от Москов-

ского вокзала до Фонтанки – по пустынному ранним утром и оттого ещё более прекрасному моему городу, любуясь величавой строгостью его архитектуры, уверенно удерживающей вот уже несколько столетий всё окружающее пространство.

Диана ждала меня у самой двери и так переволновалась, что сначала не могла даже сдвинуться с места и почти не дышала. Я нежно её гладил:

– Ну, что ты, что ты, девочка, всё хорошо... – и она постепенно расслабилась.

Наконец, я смог раздеться, а мама появиться в прихожей со своей чуть насмешливой улыбкой и с Евой на руках:

– Нам тоже будет дозволено приложиться к телу?

Я обнял их обеих.

– Отец дома?

– Да. Приятно, не правда ли, задавать такой вопрос? – Мама кивнула сама себе. – И отвечать на него тоже.

Потом наклонила мою голову и шепнула на ухо:

– Тебе сейчас 34 года и 4 часа, – легко развернулась и убежала, бросив на ходу, – скорее мой руки, мы ждём тебя!

Я вошёл в просторную, знакомую до последней мелочи, нашу кухню-столовую, где все, кто здесь жил и приходил в гости, любили, по старинной русской привычке, чаще всего собираться вместе, увидел недавно вновь появившееся за столом, частично прикрытое газетой, бритое лицо отца на фоне неизменно уютной домашней обстановки и умилился почти до слёз, «мужских и скупых». Мама сидела напротив отца, подперев ладонями подбородок, попеременно глядя то на меня, то на мужа, похоже, с тем же выражением лица, что было и у меня, иногда вспыхивая вся изнутри, чуть прикусив губы и влажно блестя глазами.

Отец отложил газету и спокойно произнёс, посмотрев мне в глаза:

– Поздравляю. – И сразу: – Какие у тебя планы на сегодня?

Я пожал плечами:

– Никаких. Скорее всего, буду дома.

– Тогда до вечера.

Он встал, взглянул на часы:

– Пора! Мама сама покажет тебе наши подарки. – И тут только слегка обозначил улыбку, похлопал меня по плечу, поцеловал маму и ушёл.

Мы немного помолчали.

– Новая работа, старые хлопоты, – сдержанно заметила мама и добавила уже другим тоном:

– Давай, ешь, всё остынет.

– А ты?

– А я уже...

Мама задумчиво смотрела в свою чашку с чаем, пока я управлялся с кашей, яичницей с ветчиной и сыром, когда же добрался до кофе с мармеладом, она очень мило улыбнулась и протянула небольшой банковский конверт:

– Мы открыли счёт на твоё имя.

– Но...

– Без комментариев! Отец получил часть гонорара за последнюю серию пособий для иностранцев, изучающих русский язык, и русских, изучающих иностранные языки, так что...

Я всё-таки хотел возразить, но мама решительно перебила:

– Даже то, что я знаю о твоих тратах, далеко превосходит доходы!

– Но если «превосходит», значит, я не смогу их тратить, не так ли? – добродушно усмехнулся я.

– Но ты можешь влезть в долги!

Мама панически боялась, ещё с 90-х годов прошлого века, любых займов и кредитов (видимо, были на то причины) и поэтому взмахнула руками почти с мольбой:

– Спроси лучше о чем-нибудь другом!

– Хорошо, – охотно согласился я, вспомнив по ассоциации то, о чём давно хотел узнать. – Скажи, когда точно отец уехал в Израиль?

Мама удивлённо на меня посмотрела, но ответила сразу, не задумываясь:

– Через одиннадцать лет после твоего рождения, то есть в 1994 году.

– А почему он уехал? И... к кому?

Внешне мама выглядела совершенно спокойной, но её выдавали руки, нервно теребящие скатерть.

– Он уехал работать. Здесь тогда... филологические услуги не были востребованы. – Она глубоко вздохнула. – В стране такое творилось, лучше не вспоминать... – И добавила после паузы. – А «к кому»? Да ни к кому! Ему просто «сделали» документы, он создал совместное предприятие, постоянно ездил из Тель-Авива в Москву и обратно, помогал нам... и всё! Остальное ты знаешь.

– Значит ли это, что ты к нему тоже постоянно ездила в Москву? – Да, – просто ответила мама.

Я продолжал расспрашивать, хотя видел, что ей неприятен этот разговор. – А почему нельзя было сделать наоборот? Жить здесь и ездить в Тель-Авив и обратно?

Мама отвернулась:

– Значит, было нельзя...

– Тогда почему сейчас стало можно?

Она развернулась и снова насмешливо посмотрела на меня:

– А сейчас он понял, что хочет жить в России, как и большинство людей, родившихся в какой-либо стране и, в силу обстоятельств, оказавшихся вдали от родных пенатов. Тебя устраивает такой ответ?

– Ну, – недоверчиво протянул я, – сколь угодно есть и других примеров.

– Я же говорю – «большинство». А может быть, и меньшинство. Да какая разница! – Мама явно начинала сердиться. – Неважно! Англичане, прожившие почти всю жизнь в Африке или в Индии, не стали менее патриотичны, как известно, а испанцы, завоевавшие Южную Америку, не превратились в индейцев. С русскими же за границей вообще особая статья!

Мама замолчала, напряжённо сжав губы и опустив глаза. Потом стала старательно разглаживать несуществующие складки на скатерти. Я подошёл к ней и обнял за плечи:

– Успокойся! Теперь ведь всё хорошо.

– Отойди! – Она освободилась из моих рук. – Успокаивай свою Диану, смотри, она совсем извелась от любви и разлуки. Кстати, походи, погуляй с ней, что ли...

Мама уже начала привычно подтрунивать над собой и над нами, поэтому я с лёгким сердцем позвал Диану и пошёл одеваться, однако не удержался и спросил по дороге:

– А как же насчёт кросскультуры, о которой ты так вдохновенно вещала своим студентам, что Николай Романов, например, до сих пор не может забыть?

– В самом деле? – усмехнулась мама, и я задержал шаг:

– Хочешь, процитирую на память?

– Попробуй, – не слишком заинтересованно ответила мама.

– Изволь. «Ныне кросскультура теснейшим образом свя-

зывается с искусством выживания человечества, ибо в мире разлетающихся культур именно эта новая перспектива развития, возникающая за пределами сложившихся культур, способна взорвать, освободить от символических зависимостей и предрассудков как сообщества, так и отдельных людей, предоставив им истинно планетарное, иначе говоря, космическое ощущение свободы».

– Приемлемо, – удовлетворённо хмыкнула мама, – только ты забыл добавить самое важное: то, что первичное «культурное тело» обязательно сохраняется, ни в коей мере не отменяется, ни при каких условиях! Понятно? – Она выдохнула с облегчением. – Да идите уже, сколько можно дразнить Диану поводком? – и мама сама открыла нам дверь.

Мы с Дианой шли вдоль Фонтанки, а я всё не мог остановиться и продолжал сам с собою начатый разговор. Сейчас уже я привык, хотя прежде всегда отмечал, что такие внутренние диалоги были похожи на погоню за мыслью, ловко ускользающей неизвестно куда, потому и требующей охотничьего терпения, чтобы дожидаться – и то не всегда! – её появления вновь. А думал я о «взрывном стиле» нового времени, нередко так и именуемом – эксплозив (т. е. взрыв, у нас есть даже более удачное уличное слово – «запредел»), который отражает неотвратимый приход «инаковости» во всё: от взрывоопасного расцвета инфо- и техносферы, в том чис-

ле, и как «живого существа» (уже и термин появился – «витализм») – до невыносимой ранее оголенности, уязвимости, незащищённости самого человека, с его привнесёнными из прошлых эпох тревогами, разочарованиями, тоской и агрессией, а также вновь обрётёнными и доведёнными до сверхкритической точки – ужасами, страхами, склонностями к невыносимым, казалось бы, формам насилия в современном мире, увы, слишком часто называемом апокалиптическим.

Всё это вместе взятое так просто, само собой, тем более по старым лекалам – не преодолевается, даже с помощью неисчерпаемого потенциала свежей силы, каковой несомненно обладает культура в совокупности с кросскультурой. «Что ж, – вздохнул я вслед за мамой, – и эту проблему тоже надо решать, даже если так мы ещё никогда не жили, подобную цивилизацию не осваивали, а следовательно действовать в изменившихся обстоятельствах нужно, скорее всего, «не по правилам», более точно – по другим правилам, ещё точнее – с включением мощной гуманитарной составляющей. Кто же это сказал: «Следующий век будет либо веком гуманитарным, либо никаким»? Впрочем, не суть важно, главное – сказал.

«Если за один только день, – продолжал размышлять я, – ныне случается столько технологических и цивилизационных прорывов, на которые ранее уходили тысячелетия, – не

удивительно, что стираются, лучше сказать трансформируются почти все старые представления о мире и о себе, следовательно, на их месте должно возникнуть – не может не возникнуть! – обновлённое сознание и пространство свободы, оставляя нам по-прежнему право выбора своего Пути: самосозидания или самоуничтожения; самостановления или самовыврождения; самостояния или самоподчинения...»

В это время мы с Дианой подошли к театру Георгия Александровича Товстоногова. Я ненадолго остановился у афиши, Диана, горделиво подняв голову, застыла рядом. Спектакль «История лошади», для которого Софья Алексеевна в своё время специально заказывала у мастерицы плетёные из толстой пряжи костюмы, был всё ещё в репертуаре, наряду с новыми постановками. Мимо проходили известные всему миру актёры, очевидно, спешащие на утреннюю репетицию. Они любили свой театр, считали, что даже «его объёмы являются истинно театральными». Я поклонился, и «достояние нашего города», Алиса Бруновна, бросив короткий взгляд в сторону Дианы, тоже слегка наклонила голову мне в ответ.

Ещё в поезде, возвращаясь из командировки домой, я начал рассматривать свои записки, касающиеся событий, произошедших после августа, когда я закончил первую книгу («Самопревосхождение»), отдал её в издательство («Петрополис») и уехал вместе с Захарией в «школу» – к Асе и маль-

чиками, к новым знакомым и не менее волнующим воображение незнакомцам. Сейчас, разложив разноцветные листки и блокноты на рабочем столе перед тем, как начать набирать текст, я не удивился, скорее, позабавился, глядя на вкось и вкривь записанные слова, которые, тесня друг друга, пробивались к уже оформленным фразам, заставляя их расширяться, или, напротив, съёживаться, а то и вовсе исчезать под напором новых пришельцев. Волю моей фантазии давали не просто словосочетания и их переключки, но даже знаки препинания – все эти скобки, кавычки, двоеточия, тире... – они о многом говорили. А вопросительные и восклицательные знаки, или всевозможные стрелочки, виньетки причудливой конфигурации для вставных эпитетов и целых предложений? Они, порой, так переплетались между собой, что почти невозможно было что-либо разобрать, зато безумно интересно было их распутывать, или заново сочинять, или даже угадывать неожиданно возникающий текст.

В том, как удавалось всему этому неорганизованному изобилию, в конце концов проложить свой путь и придать внятный смысл свободному потоку мыслей, заключалась для меня тайна, однако само по себе погружение в неё, независимо от результата, становилось увлекательным приключением. Да и на какой единый и окончательный ответ можно было вообще рассчитывать, если неизвестно откуда и как появляются сами мысли и слова, их выражающие? Ещё минуту

назад ты их не знал и не ведал, – и вот, пожалуйста, они есть, а некоторое время спустя (скажем, через ту же минуту, день или месяц) ты уже не можешь их вспомнить и повторить, так что если бы они не были записаны хотя бы таким вот варварским способом – со стрелками, скобками, зачеркиваниями и вставками – то вполне возможно, что и вовсе бы пропали, или изменились до неузнаваемости, или превратились в нечто совсем иное, подчас куда более интересное, нежели первоначальный замысел. Разумеется, речь идёт о мыслях, а не об информации (тем более, бытовой).

Нет, я вовсе не печалюсь по этому поводу и не хочу сказать, что это всегда плохо, – некоторым словам, действительно, было бы лучше исчезнуть навсегда и не засорять пространство. Message о другом, о том, что, возможно, человек и не создаёт сам слова и мысли самостоятельно, один, но лишь улавливает их каким-то непонятным способом из некоего Всемирного хранилища (а потом посылает обратно?), причём именно те из них, на которые способен в это мгновение настроиться...

Ежели это хотя бы в какой-то степени верно, то отсюда следуют, между прочим, далеко идущие последствия. Например, такие: достаточно распространено и даже как-то доказано в нашей культуре мнение, что с определённого возраста (приблизительно, если память мне не изменяет, с 33-35

лет, – возможно, раньше) человек сам отвечает за своё лицо. В таком случае ещё более справедливо полагать, что он, по крайней мере, с этого же возраста должен отвечать и за свои мысли, не говоря уж о поступках (в юридическом смысле отвечать за поступки приходится гораздо раньше, – мы же говорим о духовнонравственной стороне дела). Впрочем, и лицо, и мысли, и дела, действительно, связаны между собой, и это не мои домыслы или случайные догадки, а свидетельства наблюдательных классиков литературы, а также результаты немалого числа научных исследований. Не последнюю роль здесь играет и личный опыт. Фактически всё, что мы имеем в себе и вокруг, – это и есть то, чему мы смогли научиться, а, значит и то, что мы лишь в состоянии воспринять. «Ты скажешь, эта жизнь – одно мгновенье... Не забывай: она – твоё творенье».

Уверен, мне ещё не раз придётся размышлять о чем-либо подобном, ибо такова жизнь в её бесконечных проявлениях и отражениях. Сейчас же для меня гораздо удивительнее было другое. Зачем я делаю всё это? Ищу те самые главные слова и предложения, стараюсь расставить их в некоем вразумительном порядке? Тщательно отбираю даже знаки препинания, когда точно знаю, что читать текст, тем более «думать над ним», будет, даст Бог, тысяча человек? Зачем, наперекор массовому вкусу, намеренно возрождаю длинные периоды и прихотливые словосочетания? Чтобы наиболее точно выра-

зить нарождающуюся мысль? Или чтобы «не распалась связь времён»? Или потому, что если есть «около тысячи человек, действительно, может быть, не больше, то ведь этого очень довольно, чтобы не умирать идее»? Не исключено и то, что эта «забава ума и сердца» сама по себе цель и награда, и других поощрений не требует...

Пока у меня нет однозначного ответа. Вместе с тем, я точно знаю, что такое, почти сумеречное состояние сознания, несмотря ни на что, является и плодотворным, и приближающим к решению вопросов, которые никуда не отступают в ожидании ответа, и к тем людям, с «лица необщим выражением», которые эти вопросы тоже ставят и стараются, по мере сил, разрешить.

Я понимал, не понимая всей сложности и простоты этих ускользающих, не оформленных до конца мыслей, и всё же, всё же... ждал ответа. Однако его по-прежнему не было...

Резко встав из-за стола и отодвинув крутящийся стул, я быстро отошёл к эркеру. Внутри его застеклённой ниши, за прозрачными занавесками, в больших кадках росли высокие, с крупными, овальной формы листьями разной окраски, экзотические растения – диффенбахии, – «как в зимнем саду», – говорила с гордостью мама, – и стал смотреть в окна, стараясь различить, себе в наказание, оттенки серого на

сером.

Бледно-серые облака сливались с каплями влажного воздуха и остатками снежного дождя; тяжёлые, темно-серые квадратные арки каменного моста с цепями были не в состоянии оттенить, оживить почти чёрные воды Фонтанки, и лишь разноцветные зонтики над головами медленно бредущих людей, уже окутанных сумеречным светом, всё ещё не позволяли уснуть воображению, заставляя работать мысль даже на холостом ходу. И вдруг мелькнул, на мгновение выглянув из-за облаков, запоздалый луч, и я не успел удивиться, как стали появляться первые строки.

«Разве может быть достаточной в самом деле (необходимой – да, судя по массовости) нарастающая лавина развлечений, лёгких до невесомости и бездумных до полного отсутствия смысла, – всех этих шоу, игр, пародий, шутовства, искусственных состязаний и прочих радостей абсолютно доступного, затягивающего, ненасытного виртуального мира? – Руки легко летали над клавиатурой. – Неужели толпа нехитрых пересмешников любого возраста, происхождения, образования (необразованности?), заполонившая подмостки и экраны, – это всё, что нам нужно?»

Нет, нет и нет! Им я не судья и камень не брошу. Просто хочу, наверное, открыто выразить свою сопричастность, ес-

ли угодно, сочувствие (пусть и в ущерб популярности) тем, кто думает и думает иначе; часто в одиночестве; желает быть услышанным, хотя бы иногда; мечтает «перестукиваться» с такими же, как они сами; и не порожняком слов, но думами о чем-то несуетном, вечном... И что-то мне подсказывает, что они тоже есть, эти «другие», более того, они тоже зачем-то нужны человечеству.

...Им говорят, что осталось лишь зло, борющееся с ещё большим злом, что безумие и глупость людская – неодолимы, – а они отвечают: пусть так, но мы всё равно будем пробовать, раз за разом, их гасить и помнить, что добро есть, а зло должно же на ком-то закончиться...

...Им внушают – кругом беззаконие, ложь, несправедливость, а истина непостижима, но они говорят: пусть так, но мы будем всё-таки стремиться постигнуть и правду, и истину, ибо не хлебом единым жив человек...

...Им непрерывно стремятся доказать интеллектуально-выверенным расчётом, со ссылками на практический опыт, что жизнь абсурдна и бессмысленна, обманна и мучительна: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот всё – суета и томление духа», «потому что во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь...» (Кн. Экклезиаста, I, 14, 18). А они всё равно леле-

ют надежду, что помимо хаоса жизни на Земле сохраняется, каким-то неведомым для нас образом, и вечный порядок – по законам Небес, – и что интуитивное прозрение и следование этим Высшим законам – с верою в душе и чистотою помыслов – позволяет человеку достичь гармонии и с собой, и с миром уже при жизни, ибо то, что мы ценим, по той же цене и получаем...

И ведь по большей части, – подумал я, откинувшись на спинку стула и закинув руки за голову, – эти обитатели «расселин культуры» и «каменолюмен духа» – одиноки и анонимны, их можно уловить лишь по сильному энергетическому полю, нечувствительному для непосвящённых. Только кто же будет это делать, кроме них самих и таких же, как они сами? Лишь Тот, наверное, о ком смятенно и благодарно писал поэт:

«...слишком многим руки для объятия Ты раскинешь по концам креста...»

Теперь я уже отчётливо осознавал, как нечто внутри меня внятно требовало чрезвычайно осторожного соприкосновения с текстом, угадывания уровня, который в каждом конкретном случае ему «дозволяется», – то ли в силу моего собственного несовершенства, то ли нарастающего од-

новременно с этим ощущения новых возможностей. А, может быть, это уже работала та самая, проявляющаяся всё более отчётливо, идея, согласно которой не горстка рассеянных в человеческой биомассе просветлённых, но весь человеческий род, как целое, реально претерпевает в настоящее время свою скоростную эволюцию, и что поэтому невозможно «выйти из круга», достигнуть общезначимого результата кому-либо в одиночку, когда весь мир, а с ним и каждый человек в отдельности, концентрирует силы, часто не ведая, что творит, проходит посвящение и самонасыщение, чтобы стать способным осуществить – и коллективно, и индивидуально – Великий переход к следующему витку спирали развития. А сумерки, особенно густые, бывают, как известно, перед рассветом.

И я вдруг догадался – всё это в совокупности означает следующее: если я достигаю чего бы то ни было, – этого достигают (могут достигнуть!) все, и никак иначе! К сожалению, столь же вероятна и обратная перспектива.

Здесь уместно сделать ещё одно небольшое замечание в пользу позитивного сценария развития человеческого сообщества.

Материалистические, технократические последние наши века вызвали такое погружение и растворение Духа в Мате-

рии, что уже не остаётся более ничего иного, – кроме как трансформироваться вместе с Материей обратно в мир Духа. Такие «качели» в ту или иную сторону уже случались, по слухам, во Вселенной. Так почему бы и нам не сделать нечто подобное, только со знаком плюс, разумеется? После того, как Дух попробовал потеряться в Материи, и даже известно, что из этого получилось, почему бы не рискнуть сделать прямо противоположенное? Да простит меня гипотетический читатель, но, право же, мысль эта если и игрива, то только по форме, но никак не по вере и содержанию. Ты просто приводишь всё в порядок, уничтожая покров лжи поверх истины, – и оказывается, с удовольствием повторял я, что достаточно всего лишь внутреннего «переключения сознания», чтобы изменилось всё, оставаясь тем же...

Я решил сделать перерыв, и в ту же секунду на мониторе загорелась зелёная пиктограмма – это Ася вышла на связь в Сети. Я набрал пароль, появилось приглашение к видеочату. Когда в окошке возникло лицо Аси, я даже не заметил, как встал, хотя отчётливо помнил, что следует оставаться в поле видимости камеры.

– Садитесь, сударь, – с улыбкой сказала Ася, – это ваше последнее размышление о созависимости людей – просто супер! Оно очень близко к сокровенному пониманию «Великого Перехода». Цифровой мир – это лишь оболочка или

даже зависимость, однако всегда были, есть и будут «жрецы», «волхвы» или кто-то там ещё, остающиеся открытыми и свободными, оттого и владеющими – передаваемым всем, но только ими воспринимаемым – истинным Знанием. Тебе, похоже, удалось вступить на этот «узкий путь» ученичества, сотрудничая с собственным сознанием, и уловить смысловое ядро эволюционной игры в её критической точке, а именно: необходимость одухотворения материи. В таком состоянии и небольшое усилие мысли способно привести к замечательным результатам.

Я молчал, не зная, что ответить, и тогда Ася насмешливо заметила:

– Но учти, на этой же идее, с её другого края, уже возникли соблазны, связанные с новомодными технологиями «всеобщего интеллекта», «роевого разума», «единого сознания человечества» и т. д. – посредством встроенных в мозг чипов и подключения каждой индивидуальной мозговой системы в единое пространство общей компьютерной Сети Планеты. При этом считается, что мы изучаем интернет, а он изучает нас. Представляешь, как интересно? Она лукаво смотрела на меня.

– Но ведь есть и просматриваемые уже сейчас опасности этой затеи Новой Вавилонской Башни, – осторожно начал

говорить я. – Всемирный компьютер может не только воссоздать наш индивидуальный профиль, но и использовать его вовсе не по тому назначению, что мы сами задумывали, не говоря об утрате свободы воли, разрушении личности, увеличении цифровых преступлений и прочее.

– Более того, – подхватила Ася, почему-то по-прежнему улыбаясь, – он может вообще взорвать наш собственный мозг. Что мешает? Метаразум создан, ящик Пандоры открыт, никто и ничто не в состоянии остановить хорошо известный по мифологии процесс. И уже неважно, скольким новым возможностям этот Всемирный интеллектпаук мог бы помочь воплотиться: спасению человечества от болезней и голода; предупреждению катастроф и расцвету экологического единства с миром Природы; межпланетным путешествиям и встречам с инопланетянами на высшем уровне. Что толку в этих обычных перечислениях в пользу обобществлённого единого сознания, если исчезает сам человек? К счастью, уже есть и те, кто задумывается о жертвоприношениях, приносимых на алтарь киберфантазиям. Да ладно, – миролюбиво отмахнулась Ася, почти реально протянув мне руку через экран, – страхом делу не поможешь. Вспомни, были и есть сверхорганизованные сообщества муравьёв, пчёл, термитов, наконец. Говорят, когда-то они тоже были разумными, самоэволюционирующими цивилизациями и добились невиданных успехов. И что с ними стало? К счастью, насе-

комых напрямую трудно связать с каким-либо этапом формирования человека, однако следует признать, что в построении коллективного организма и отдельных его частей они обнаруживают и более богатое прошлое, и более совершенные, по сравнению с человеком, формы. Справедливости ради хочу добавить: они иногда вызывают не только наше удивление или... даже восхищение поразительной полнотой и отточенностью своей организации, но и замешательство, ужас, безотчётное отвращение перед абсолютной невозможностью для отдельного индивида освободиться от круговорота жизни муравейника или улья, тем более выйти из-под контроля отталкивающе-свирепой тирании термитника.

Ася отвернулась и замолчала, потом глухо добавила:

– Если тебе любопытно, посмотри подробные описания жизни насекомых. Их много, а мне говорить об их, так называемых, цивилизациях, принёсших в жертву всё – от зрения и пола до крыльев и разума каждой особи, – неприятно.

Ася упрямо встряхнула головой, а на лице её вдруг неожиданно появилась очаровательная гримаска:

– А наши собственные прогнозы гораздо лучше и утешительнее! Мы знаем, есть другие Пути – последовательного осуществления духовно-душевно-органических воплоще-

ний любого масштаба, направленных на поиск закономерностей более высокого порядка, включающих и природу, и космос, и био-, и нанотехнологии. Каждое из направлений вносит ту или иную инновацию в общую Копилку Всеобщего Разума, ни в коей мере ничего не уничтожая в существующей Вселенной.

И она весело рассмеялась.

– Если же верить не только древним, но и современным мудрецам, – Ася даже покачала пальчиком, – то человечество и вовсе никогда не заблуждалось, а всё, что свершалось, с необходимостью входило во всеобъемлющее мировое строительство, которое, вполне возможно, и приведёт, в конце концов, к тому, что будет достроена разрушенная некогда Вавилонская Башня как воплощение мифа об идеальной жизни на земле.

И мы, представь себе, давно и дружно шагаем по этим дорогам. Вот так!

Ася сильно раскрутила себя несколько раз, превратившись на какое-то время в одно сплошное движение, потом остановилась, нисколько не нарушив дыхания, и сказала, насмешливо блеснув глазами:

– А давай поговорим о чем-нибудь простом и понятном? Например, о твоих стенаниях по поводу несовершенств мира, всеобщего оглупления и падения нравов.

Я лишь улыбнулся в ответ:

– Ты что-то путаешь, так я не говорил.

– Не говорил, – легко согласилась Ася, – говорили твои собеседники, вернее, собеседницы, а ты их слушал и молчал, потому что жалел.

Несколько секунд я молча, удивлённо на неё смотрел – так быстро она сменила тему.

– А хорошо это или плохо, – проговорила она задумчиво, не стирая с лица улыбки, – оставлять людей в неведении?

– Я так понимаю, теперь мой ход, – сказал я, уже включаясь в параллельно текущее новое расследование. Ася кивнула, а я продолжил:

– Мы не можем изменить сознание других людей, не желающих его менять, – значит, надо научиться жить вместе, стараясь, по возможности, не растворяться в их... «поле».

– Вот, вот! – воскликнула Ася. – Твоя мама именно по этому поводу и сокрушается.

– По какому поводу? – не понял я.

– По тому самому, что ты вынужден постоянно находиться в поле влияния и общаться с теми, кого не можешь изменить.

– Однако... – заметил я, – звучит довольно угрожающе. Но ведь не противиться факту отличия других людей во-все не означает поражения! Важно лишь оставаться на своей территории...

– ...желательно со своими боеприпасами, – усмехнулась Ася. – Что же касается нашей главной темы, то в завершение вот что я тебе скажу: дело не в том, что есть и останутся люди, готовые на многое, если не на всё, что угодно, чтобы стать расчеловеченными (за определённую мзду, разумеется), а в том, чтобы не пропали другие, те, кто занимается прямо противоположным делом. Мир без них станет хуже. Ещё хуже...

Связь давно прервалась, а я всё сидел перед экраном, по которому беззвучно плавали разноцветные рыбки, представляя жёлтые пески и пирамиды Египта, где была сейчас

Ася со своими археологами, – загорелая, с шёлковой повязкой на голове, в больших тёмных очках, и думал о том, что несколько минут назад получил царский подарок – приглашение присоединиться к их экспедиции, – пока не постучала мама и не сообщила, что мне непрерывно звонят по городскому телефону, раз я выключил мобильный, и что пришёл гость и он «требуется в залу именинника».

Действительно, из гостиной, где у нас обычно проходили званные вечера, раздавались мелодичные звуки гитары и приятной тенор тихо пел:

Опять зима,

Что нам сулит на этот раз она?

Декабрь, капель...

Грустит потерянный влюблённый Лель...

К моему удивлению, пел и аккомпанировал Николай Романов. Как только мы вошли, моя музыкальная мама сразу, очень чисто взяла втору:

Опять снега

Растаяли легко, как облака.

Поверь, Поэт,

Снегурочки давно уже с тобою нет.

– Разве не ваше поколение выбирает рэп? – заметил я, но Николай только отмахнулся:

– Голос улиц? Но не в этом же доме.

Он с откровенным любопытством оглядывался вокруг. Потолок в гостиной был высок, стены отделаны темно-зелёными обоями с золотым орнаментом под гобелен и плотно увешаны картинами, рисунками и фотографиями. Старинный дубовый буфет, украшенный резьбой, был выполнен в одном стиле со стульями, высоко поднявшими свои прямые спинки над длинным столом, сейчас покрытым крахмальной камчатской скатертью и уставленным приборами. Сначала Николай задержал взгляд на большой овальной люстре из бронзы и хрусталя, низко висящей над столом, потом подошёл ближе к абстрактному портрету кисти Бориса Мессереш-

ра и, наконец, остановился около качественно выполненной фотографии с рисунка Модильяни, одним росчерком запечатлевшего своеобразную красоту юной Ахматовой, которая звала его просто – «Моди». Видно было, что Николай чувствовал себя довольно непривычно, даже неловко в лёгкой игровой атмосфере домашнего праздника и, думаю, от смущения часто говорил невпопад.

– Как ты узнал, что у меня сегодня день рождения? – спросил я.

Николай усмехнулся:

– А ты кого ждал? Делегацию от благодарных женщин? Не слишком же ты наблюдателен. А надо бы! У меня, между прочим, тоже 19 декабря день рождения и день именин, и я тоже приглашён на праздничный ужин.

Он сделал небольшой поклон в сторону мамы, которая уже отвлеклась и теперь внимательно рассматривала, правильно ли накрыт стол. Видимо, вполне удовлетворённая, она сообщила:

– Мы ждём Ивана и садимся!

Мама ушла, а я взглянул на слишком вычурный костюм

Николая сегодня, декоративная шнуровка которого явно намекала на гусарские мотивы, и добродушно заметил:

– Тролли не атакуют?

– Троллей я баню, – небрежно бросил Николай и протянул мне небольшую плоскую коробку в подарочной упаковке:

– У тебя до неприличия устаревший айфон, а устные поздравления просили передать мои подружки, а твои читательницы: «Неужели на самом деле существуют такие мужчины?» – спрашивают они. И ещё: «Хотелось бы поближе познакомиться с автором и совершить с ним романтическое путешествие». – Он громко рассмеялся, с интересом наблюдая за моей реакцией, а я подумал, как хорошо, что в комнате никого нет, кроме нас, а то бы мама не выдержала и насмешливо сказала что-нибудь, вроде: «Поверить не могу, что мы это обсуждаем». Вслух же ответил:

– Боюсь, не смогу соответствовать, – и спокойно добавил: – ты просто забыл, наверное, что я женат.

– Но разве... – начал было Николай, но, наткнувшись на мой взгляд, быстро перестроился:

– Ах, да, «в горе и радости, пока смерть не разлучит» и так

далее...

И я понял, что должен кое-что прояснить:

– Послушай. У нас с Алиной есть проблемы. И мы их решаем.

Последовательно. Точка. Никого больше это не касается.

Он уже отводил глаза:

– Понятно. Извини... Пожалуй, пойду на кухню.

И он ушёл, напевая известную джазовую тему: «Oh, happy day»...

Это был выход. Вместе с тем, сюрпризы продолжались, Пришёл отец вместе с Захарией, потом – Арсений с Мариной Александровной, – и уже в процессе обмена приветствиями отчётливо прозвучали намёки мужчин на некий секретный сговор. Я понимал: одновременное появление Арсения и Захарии в Питере не могло быть случайностью и уж, конечно, прямо не связывалось с нашим, пусть и сдвоенным, днём рождения, на то должны были быть особые, гораздо более веские причины. В общих чертах я о них догадывался, так как ещё во время наших бесед с Захарией, когда мы

ехали вместе в Швейцарию, услышал весьма драматическую историю об одном из выпускников «школы», впоследствии ставшим известным биохимиком. Его звали Марк Коляда, и эта история началась несколько лет назад, получила блистательное развитие осенью, в том числе и на территории арендованной усадьбы, когда я мог наблюдать её лично, но тогда она явно не закончилась, а сейчас, очевидно, должна была подойти к своему финалу.

В подтверждение мысли о том, что речь действительно шла о Марке, меня подтолкнуло и поведение Марины Александровны, которая была непривычно молчалива, внешне почти никак не реагировала на загадочные реплики Арсения и Захарии, видимо, получив строгие указания никоим образом не вмешиваться «в опасные мужские игры», охотно исполняла свою роль «слабой женщины», что не мешало ей, впрочем, иронично-снисходительно поглядывать вокруг и улыбочиво перешёптываться с мамой о чем-то своём, «девичьем». Я услышал, как мама негромко сказала:

– Вы не находите, что это похоже на заговор?

– Но не преступный же, – тихо смеясь, ответила ей Марина Александровна.

О развязке этой удивительной истории я узнал несколь-

ко позже, точнее, в новогоднюю ночь, но чтобы описать её так, как она того заслуживает, мне потребовалось набраться времени и сил, чтобы вспомнить и заново всё осознать, вернувшись на несколько месяцев назад, в купе поезда, который мирно мчал нас с Захарией вдоль восточноевропейской полосы. За окнами тихо постукивали капли короткого сентябрьского дождя, освещённого лучиками солнца, проглядывающего из-за неровных туч, а вдали на ухоженном лугу, отчётливо были видны контуры немногочисленного стада медлительных домашних животных, да высоко в небо уходил островерхий шпиль деревенского красно-кирпичного собора.

Но здесь я должен пока остановиться, ибо последняя картинка уже целиком относится к давно отлетевшей, вместе с листвой и последними полётами бабочек, осени. Сейчас же, в декабре, всё ещё продолжается дружеский ужин: мужчины, как всегда, хвалят хозяйку и символически «облизывают пальчики» после каждой перемены, женщины смеются, сверкая глазами, воспитанные звери благородно присутствуют. Заметно отличается новичок застолья – Николай, почувствовавший себя гораздо увереннее после первых же тостов. Он завладевает вниманием, рассказывая с иронией о своём трудном детстве и юности с беспокойными родителями, продолжающими без устали, десятилетиями, ездить «за туманом и за запахом тайги».

– Когда же они возвращаются в город, – охотно вещает он, видимо, не очень задумываясь, насколько это интересно окружающим, – то живут почти так же, как там, в лесу, в палатках, с консервами и бутербродами, с песнями под гитару и бородатыми друзьями, правда, уже сменившими свои длинные свитера на удобные куртки и жилеты с многочисленными карманами.

– Спасибо, что они костёр в доме не разжигают, – похвалил родителей-путешественников Арсений. – А как теперь выглядят их женщины?

– По-моему они мало изменились, такие же жизнерадостные, весёлые, – довольно равнодушно ответил Николай.

– Это хорошо. – Арсений, как мог, поддерживал разговор, а мама попросила передать Николаю большое блюдо с рыбой и картофелем, запечённым с овощами.

– Ешь, мальчик, ешь, не стесняйся. Что тебе ещё предложить?

Отец негромко заметил:

– А не хочешь ли ты, Катенька, его усыновить?

– Где-то я уже слышал эту душераздирающую историю, над которой обычно плачут немцы и англичане, – быстро откликнулся Арсений, собрав свои чудесные морщинки вокруг глаз.

– А мне нравится идея, – задорно подхватила мама и посмотрела на меня с чуть заметным вызовом. – Ника постоянно где-то пропадает – на даче, в командировках, а то и вовсе скрывается на неизвестной квартире и улице, с названием, похожим на городпобратим, знаменитый своей галереей.

– На Дрезденской, что ли? – спросил проникательный Арсений, но ему никто не ответил, только Марина Александровна улыбнулась и положила свою руку ему на плечо.

– Познакомил бы, – тихо сказала мама

— Давно уже и знакомить-то не с кем, – постарался я успокоить маму и вернулся к нейтральной теме. – А что французы?

– Причём здесь французы? – удивилась мама.

– Французы тоже плачут?

– Надеюсь, что нет, – засмеялся Арсений. – У них есть чудесный обычай выражать свои чувства: они просто целуют всех в обе щёчки. Особенно женщин и детей.

– А, – сказала мама, – тогда, конечно, они могут с успехом применить его и в этом случае.

– Но как же так... Ведь и другие... – начал было Николай, запнулся и замолчал, а Арсений мгновенно подхватил:

– Конечно! Всё то же самое – везде и у всех – и плачут, и целуются!

– И это замечательно, – воскликнула мама, но взглянув на примолкнувшего Николая, добавила:

– А ты не слушай никого и приходи к нам всегда, Николушка, просто так, когда захочешь.

– Ну, вот, уже и Николушка, – покачал головой отец.

Николай растерянно переводил взгляд с одного говорящего на другого, явно не зная, что ответить. Всё замечающий Арсений опять пришёл на помощь и постарался отвлечь от него внимание:

– Екатерина Дмитриевна, ты непоследовательна!

И тут уж, нарушив обет молчания, заговорила Марина Александровна:

– Искренний человек не может не быть противоречивым – ведь он постоянно сомневается, а если ещё и не стоит на месте, а движется, то тем более...

–

Захария, задумчиво поглаживая подбородок, решил внести свою лепту в разговор и, глядя на красиво составленные букеты в зале, заметил:

—

Говорят, цветы подобны Вселенной... Арсений сразу же весело подключился:

—

И любая клетка – тоже, но «роза», конечно, звучит поэтичнее. И вечер легко покатился дальше...

Проводив вместе с Дианой гостей и вернувшись домой, я услышал из кухни голоса родителей. Они говорили обо мне, и я невольно остановился.

—

Почему так? – взволнованно спрашивала мама. – У Арсения все женщины самодостаточны и независимы, с ними даже после окончания романа сохраняются прекрасные отношения, а у нашего всегда, ещё с юности – куча активных поклонниц, и каждая норовит им управлять на свой манер, не мытьём, так катаньем... А эти долгие прощания? Они выматывают силы и выглядят просто ужасно...

—

Да потому, душа моя, – хмыкнул отец, – что Арсений любит завоёвывать женщин, оттого и выбирает сильных противников, иначе ему неинтересно. А Нику атакуют и стремятся покорить сами женщины, ошибочно полагая его лёгкой добычей.

—

Ну да, – подхватила мама, – он весь такой деликатный, отзывчивый, никого не хочет обидеть, – вот и получают потом бесконечные выяснения отношений! С их стороны...

—

А почему ты не допускаешь, – перебил её отец, – что эти женщины до сих пор влюблены в него и поэтому не желают отпускать, не верят, что он от них ускользает?

—

И всеми способами, даже недозволенными, пытаются на него влиять, – недовольно проговорила мама.

—

Должен заметить, матушка Катерина, Ника только снаружи, и то лишь на очень недалёкий взгляд, кажется пушистым и податливым. На самом деле он вполне себе стойкий оловянный солдатик, который всегда гуляет и будет гулять сам по себе, а чувства собственного достоинства и свободы у него хватит на нескольких. Так что перестань расстраиваться, не о чем.

—

Но они ему льстят, – грустно заметила мама, – а это яд, хотя и медленно действующий...

—

Но и они не спешат, насколько я понимаю, – усмехнулся отец и добавил уже другим тоном: – однако, в малых дозах такой яд очень даже полезен, не так ли, голубушка?

Я сразу почувствовал, как изменились интонация и тембр голоса у отца, представил милое, доверчивое, чуть расстроенное лицо мамы, понял, что сейчас он станет её обнимать, и быстро прошёл в ванную. Диана неслышно шла рядом.

—

Вот, значит, что они о нас думают, – теперь усмехнулся и я, вытирая ей лапы. – «Настоящий мужчина всегда добивается того, что хочет от него женщина». Но как же они ошибаются! Ты-то согласна со мной, надеюсь?

Я поглаживал ей шерсть, и Диана, скосив глаза, лизнула мне руку. Когда мы вернулись с ней в мою комнату, я включил компьютер, хотя было уже поздно, – так захотелось просмотреть прямо сейчас записи о Захарии и Марке. Когда я закончил, Диана уже спала на коврикe рядом. Я потянулся и очень тихо, как мне казалось, встал. Диана тотчас открыла глаза.

—

А для тебя, девочка, ещё очень рано. Спи.

Я бросил последний взгляд на рабочий стол. Там лежала тонкая стопка нераспечатанных листов писчей бумаги и больше ничего.

Через несколько дней мама, которая всегда держала своё слово, сказала:

—

Пора пригласить Николая к нам отведать простой домаш-

ний обед. Я и пирог испеку.

В этот раз Николай держал себя очень скромно, даже застенчиво, и маме пришлось приложить немалые усилия, чтобы его разговорить. После обеда я предложил ему послушать несколько отрывков из написанного мною первого варианта небольшого текста ко второй книге. Он тут же благодарно улыбнулся своей открытой улыбкой, что обычно всех сразу подкупало. Однако, когда мы были уже одни в моей комнате, Николай смущённо сказал:

—

Прости, но я должен сначала повиниться. Потому что вёл себя как последний дурак на дне рождения!

Выкрикнув это, он замолчал и опустил глаза.

—

Так это же хорошо, – как можно более естественно ответил я. – Повалить дурака, подуматься, что может быть лучше? – И добавил: – Не всё же умные разговоры разговаривать.

—

Да? – он улыбнулся снова, очевидно, уловив во мне искреннюю расположенность и отсутствие какого-либо осуж-

дения. – Я тоже потом сообразил: «На балу надо танцевать», а разговоры вести можно и в другое время.

Он запнулся, а я с удовольствием отметил, что чувствительность и память ему не изменили. Николай, между тем, прерывисто продолжал:

—

Хотя, не то, чтобы «умные», но разговоры тоже, конечно, были, но как бы уже во мне самом, в виде... отклика, чтоли, на происходящее. – Он помолчал. – Пожалуй, уже ближе к концу вечера я понял, что каждый раз, когда что-то происходит с тобой в жизни, – неудобное, ненужное, тем более, тяжёлое, – ты можешь услышать и тихое «подбадривание». Кто-то, может быть, даже произнесёт это вслух, тот, кто окажется рядом с тобой в этот момент, хотя и совсем по другому поводу... И ты вдруг поймёшь, что на самом деле всегда есть причина, по которой ты сам выбрал то, что с тобой сейчас происходит, и то, что ты должен ещё пройти всё это, и пройти наилучшим образом, чтобы понять не просто саму причину, но и то, как можно «правильно» выйти из данной ситуации, чтобы в следующий раз решать уже нужно было бы вовсе не эту, а совсем другую, более сложную, может быть, даже более интересную задачу. Лучше, конечно, предугадать событие, или не попадать в него вовсе, если не хочешь, – но это уже «высший пилотаж»...

Николай, как и я, когда волновался, быстро ходил по комнате, к тому же он ещё и резко жестикулировал, потом стремительно развернулся ко мне:

—

Ты мне не веришь?

—

Ну, почему же? Верю.

Было забавно наблюдать за ним, как за собой когда-то, совсем недавно. Всё повторялось в новом ученике, жаль только, Сонечки уже не было рядом. Николай, между тем, ждал, и я ответил:

—

Всегда, когда я что-то ищу или хочу понять, – только обязательно искренне и сильно! – кто-то, действительно, подбрасывает идеи. Это могут быть отдельные мысли или образы – по поводу чего угодно, но непременно связанные с тем, о чём ты сам думаешь; черты характера или физического облика человека, чем-то тебе близкого и интересного в это время; даже обрывки чьей-то речи или разворот события, которые ты слышишь или наблюдаешь, неважно, в жизни или на экране, и которые, как бы далеки они от тебя ни были, тем

не менее точно попадают в данную ситуацию, – и тогда игра с жизнью, в том виде, который ты сам выбрал, – продолжается! Однако, ты прав, эти подсказки надо ещё научиться распознавать.

—

Да, да, всё так, – по-прежнему взволнованно говорил Николай, теперь уже время от времени останавливаясь и заглядывая мне в глаза, – с тех пор, как я сделал нечто совершенно неожиданное, – он тихо засмеялся: – представляешь, захотел изменить свою жизнь!? Да как!? Кардинально! И она стала меняться! На самом деле...

Он опять помолчал, совсем недолго, потом снова повернулся ко мне:

—

Сейчас я стал понимать, так мне кажется, – хочу верить, по крайней мере, что понимаю – такую простую-сложную вещь: если ты хочешь двигаться вверх («вниз» и хотеть не надо, само пойдёт), то естественно следует ожидать, что дорога поведёт тебя в гору, а, значит, потребуются усилия для подъёма... Ну, и так далее, ты знаешь, что я имею в виду...

Николай остановился у эркера и стал смотреть в его широкие окна. Был ещё день, правда, один из самых коротких

в году, и уже зажглись фонари на набережной и на мосту с квадратными арками и цепями, рассеивающие лучистыми кругами желтоватый неяркий свет.

—

Красиво... Старый Петербург..., – сказал он через некоторое время изменившимся, тихим, спокойным голосом. Потом спросил, не оборачиваясь:

—

Ты уверен, что я правильно пойму твой текст? Говорят, неоконченную работу кое-кому не показывают.

Я пожал плечами:

—

Но ведь попробовать можно. В конце концов, в любой момент мы вольны остановиться.

—

Тогда – поехали! – Он весело развернулся, махнул рукой и, ловко подпрыгнув, уселся в кресло.

...

Когда Николай ушёл, на белом чистом листе бумаги, вынутым из стопки, появилась первая запись: All you Need is

Love (The Beatles). Её подсказал и напел мне в этот день Николай.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Воспоминание об осени

«Часть заменяет целое и

выражает его, вызывает его собой» Виктор Шкловский,

«а искусство – это и есть настроение художника, передаваемое другим». В. Пелевин

Только после того, как мы проехали Польшу, Захария, который до этого был полностью погружён в себя, а я не смел его

тревожить, заговорил своим глубоким, низким голосом, неожиданно молодо и проникновенно зазвучавшим:

– В Кракове, где-то в конце 70-х – начале 80-х годов, я впервые и увидел Сонечку... – Он опять замолчал, на этот

раз ненадолго. – Туда приехала наша группа театральных работников сцены из самых разных городов, тогда ещё Советского Союза, – декораторы, осветители, художники по костюмам, инженеры, – вместе с одним молодым режиссёром и небольшой театральной труппой из Петербурга (тогда – Ленинграда). Мы знали, что Краков был самый театральный, и не просто прогрессивный, но смело авангардистский город во всей Восточной Европе, и считали громадным везением участие в творческой встрече, специально устроенной для нас коллегами. Ах, какое это было замечательное путешествие!

Захария теперь уже весело поглядывал на меня и я, естественно, ожидал продолжения.

– Мне было чуть больше двадцати лет, вокруг – множество привлекательных, талантливых, юных девушек, но! – влюбился я сразу и бесповоротно в неё, в Сонечку, хотя она была намного старше меня. Но какое это имело значение, если она была так прекрасна! – воскликнул он с чувством.

После этого возгласа последовала такая эмоционально наполненная пауза, что я только и мог тихо вздохнуть от восхищения. Между тем, Захария продолжал рассказ – то ли для меня, то ли для себя самого, а, может быть, и для невидимого собеседника:

– Мне нравилось в ней всё: тонко обрисованное лицо и лёгкая походка, густые длинные волосы, собираемые иногда в сложную причёску, но чаще отпускаемые на свободу по плечам и спине, доходящие почти до пояса. И то, как она двигалась, смотрела, тихо разговаривала или улыбалась этими удивительными синими глазами...

Захария мечтательно откинулся на спинку дивана, чтобы с откровенной гордостью, но и с сожалением, очевидно, адресованным мне, произнести:

– Жаль, что вы не видели её тогда!

– Но я видел портрет Аси и сначала даже решил, что это – Софья Алексеевна в молодости.

– Нет, нет, – живо откликнулся Захария, – я тоже пытался её рисовать и делал это постоянно. У меня в Ереване есть целая галерея портретов, но должен вам заметить как профессиональный художник, – передать её живое, вечно меняющееся свои черты очарование, как будто специально создаваемое, даже не знаю, кем, но точно не ею одною, – наверное, не только я, никто не в силах.

В этот момент взгляд и мысли Захарии устремились ку-

да-то очень далеко, но вскоре он вернулся ко мне:

– Лишь однажды Художнику удалось соединить мир Природы и Духа, красоты Небесной и Земной, и возникла «Сикстинская Мадонна»... Однако, это случается не часто, может быть один раз в пятьсот лет. – Лицо его освещалось мягкой, тёплой улыбкой. – А Сонечка, наверное, как и та далёкая возлюбленная Рафаэля, – она тоже каждым взглядом, поворотом тонких плеч и рук, каждым вздохом или полуулыбкой, – излучала такую обворожительную, обволакивающую тебя целиком, живительную энергию истинно и вечно женственной сущности, что перед нею не мог устоять ни один человек, тем более, мужчина. Я сам наблюдал эти «чудные мгновенья» на протяжении нескольких десятков лет и, разумеется, томился «грустью безнадёжной».

Захария внимательно, с лёгкой усмешкой, смотрел на меня:

– Ведь и вы, наверное, почувствовали это струящееся, постоянно творимое, как будто из себя самой, а на самом деле неизвестно откуда и с кем в соавторстве, пластическое и музыкальное произведение искусства живого, живущего, неизменно меняющего свои лики, прекрасного человеческого создания. Иначе бы вы не смогли так её описать, не правда ли?

Захария и не думал скрывать, что намеренно использует излюбленный оборот речи С. А. У меня, конечно, сразу возникли возражения, что я никогда и не обольщался, ни в коем случае не претендовал на соразмерное воссоздание её таинственного, «переливчатого» образа, но лишь стремился по мере сил описать свои собственные впечатления от наших встреч. «Однако, – подумал я, – Захария уж точно сам это понимает», – и промолчал.

– А ведь с тех пор, как я, а потом и вы увидели её, – негромко произнёс Захария, – прошло почти сорок лет, и ничто не изменилось: всё то же изящество движений и скульптурность поз, та же дивная музыка загадочных речей, ...«и то же в вас очарованье, и та ж в душе моей любовь...»

Захария сдержанно улыбнулся:

– Да... К некоторым людям время благосклонно. Оно их ещё больше облагораживает. Вы согласны?

– Sure. А что было дальше? – не удержался и спросил я. – Роман?

Он не удивился моему вопросу, похоже, и сам задавал его себе не раз.

– В обычном смысле, нет. Я был, конечно, готов на всё! Но не смог, не смел. Считал себя недостойным. Думаю, и Сонечка бы не позволила. К тому же, был муж (между прочим, выдающийся математик), он в то время уже безнадежно и тяжело болел, постоянно находился в больнице. Она за ним трогательно ухаживала, но он с каждым днём всё больше удалялся от нас и вскоре тихо, во сне, угас... А я? Я стал навеки другом, «надёжным», как она всегда добавляла.

– Другом с большой буквы, – вспомнил я выражение Аси.

Захария опять чуть заметно усмехнулся:

– Софья Алексеевна даже пыталась сблизить меня со своей дочерью, Верочкой, у неё это очень мило получалось.

– И что же? – Я с интересом взглянул на него.

– Ничего, разумеется. – Он развёл руками. – Как писали классики: «сравнение неуместно».

– Но ведь Верочка, говорят, была очень хорошенькая?

– Правду говорят. Хорошенькая. кокетливая, одарённая, естественно вписавшаяся в актёрскую среду, которая была и её средой тоже.

Он долго, задумчиво смотрел в окно, вероятно, успокаивая свою растревоженную память картинами неспешно проплывающих мимо декоративно-выстроенных пейзажей.

– Потом много чего случилось. Я, как верный друг, всегда был рядом. Верочка влюбилась в сокурсника по театральному институту, великолепного югослава, родилась Анна-Мария, но в это время на его родине начиналась война, он бросил всё и уехал, Верочка мучилась, рвалась поехать к нему, пока ещё сохранялась связь, а потом он пропал без вести. У нас тоже начался великий хаос... И богемная среда предложила ей «новое», по тем временам, «лекарство от боли», душевной и физической, – наркотик... Вот тогда у С. А. и случился первый инфаркт.

Он отвернулся, а я резко встал от неожиданности, но Захария поднял руку, предупреждая любые вопросы. Потом снова повернулся ко мне и обозначил завершение разговора, подчёркнуто вежливо добавив:

– Вы, кажется, хотели послушать историю Марка Коляды? Прошу извинить за длинный ряд воспоминаний, но меня оправдывает лишь то, что вы сами писали об особом впечатлении, которое произвела на вас Софья Алексеевна, и, тем самым, создала ситуацию «перемены участи», если я ни-

чего не путаю.

– Не путаете, всё так и было, – обречённо выдохнул я, опускаясь на своё место и уступая проход Захарии.

– Пойду посмотрю расписание, – внешне совершенно спокойно промолвил он, однако, руки всё-таки спрятал в карманы. – Похоже, скоро будет стоянка и мы сможем прогуляться по перрону, если вы не возражаете.

Он вышел из купе, аккуратно прикрыв дверь, а я всё сидел, не шевелясь, пытаюсь совладать с разбушевавшейся стихией теперь уже собственных воспоминаний и не потопить в их волнах неустойчивую ладью моего повествования, сохранить хотя бы основные черты сложившихся образов действующих лиц.

Как ни странно, довольно быстро я успокоился и даже увлёкся процессом реконструкции событий. Возможно, дело было в том, что память, к моему удивлению, стала выдавать такие детали и подробности, о которых я раньше и не догадывался, а они-то, как выяснилось, всё и определяли. Просто до поры были скрыты от меня моей же собственной глухотой, ибо известно, – «кто имеет уши слышать, да слышит».

...Сначала я вспомнил и тотчас почти воочию увидел тон-

кие руки С. А., неслышно ставящие на середину стола и зажигающие свечи. Воланы её блузки тихо трепетали. Потом появился её стройный, ещё прозрачный силуэт, с чуть склонённой головой, – он постепенно наполнялся бледно-розовыми, пастельными тонами, и я наконец услышал её нежный голос, продолжающий когда-то давно начатый разговор:

– Человек беззащитен пред теми, кого любит. Но не беспомощен, отнюдь!

Её синие глаза улыбнулись. Наверное, я о чем-то спрашивал, возражал, думая, что эти слова относятся к моим собственным откровениям, но себя сейчас, к счастью, не слышал, а услышал только её ответ:

– Голубчик! Неожиданное, непривычное, даже абсурдное, – это не для профанной публики. А ведь так интересно – превосходно! – идти против течения и против правил, ибо там именно и куётся слава, поются песни «безумству храбрых»...

Она слегка повернула ко мне голову и я на мгновение отчётливо увидел заметную седину теперь уже коротко стриженных волос, так хорошо сочетающихся с цветом её глаз.

– Соединение безумия с умом, – добавила С. А., – часто

уводит одарённого человека за пределы сугубо рационального знания, а, значит, и к пробуждению новых смыслов...

О, Господи, только сейчас я понял, о чём мы тогда говорили: вовсе не о моих запутанных отношениях с «ближним кругом», а о «психоделической культуре», как деликатно называла С. А. зависимости разного рода. Мне даже удалось развернуть нашу беседу в виде домашнего фильма с меняющимися кадрами. Некоторые из них можно было остановить и приблизить к себе, однако лишь отдельные образы и слова светились ярко, многое было утрачено, так что опять, вместе с удивлением и радостью, возникло прежнее, неизбывное чувство невозвратимости потерь.

– Творческий человек всегда имеет – в дополнение к очевидным достоинствам – иллюзии и энергии заблуждений, – звучал издалека тихий голос С. А., – так как он постоянно окунается в неизведанное, подчас просто не считая нужным просчитывать последствия и рискуя всем. Но сама эта преданность поиску, в конечном счёте, и выводит его из лабиринта открытий и сомнений, временных успехов и падений, – если он, разумеется, остаётся верен себе, своему творческому дару, не зарывает таланты в землю и не растрчивает их бездумно во тьме или ложном свечении изменённого состояния сознания...

Голос Софьи Алексеевны звучал всё глуше и всё менее отчётливо, а потом и вовсе пропал. Зато подключились другие голоса – мамы и Арсения, причём, память дала сигнал, что разговор шёл совсем недавно, хотя и о тех же далёких временах.

– При всей своей хрупкой женственности, Сонечка всегда умела «держать удар». – Арсений сидел на нашей уютной кухне, и почтение, сплетённое с печальными нотами воспоминаний, ничуть не мешало ему получать удовольствие от кулинарного мастерства мамы и искренне благодарить её за это.

– Никто не мог справиться с этой бедой, а она смогла. – Мама задумчиво смотрела не на нас с Арсением, а в глубину ушедших лет. Привычно сложив руки под подбородок, она повернулась к Арсению:

– А ты помнишь, что она тогда придумала?

– Придумала, открыла, изобрела и... победила! Помню, конечно.

– Представляешь, Ник, – улыбнулась мама, – она сначала «заразила» себя этой самой «психоделикой»...

Мама увидела, как я вздрогнул, и поспешила успокоить:

– Нет, нет, только в воображении! Но она сделала это настолько искренне и так правдиво вошла в роль, что начинающие любители острых ощущений сразу ей поверили и пошли туда, куда она их позвала.

– Ещё бы! – воскликнул Арсений. – Я тоже поверил, хотя, в отличие от них, не возрадовался, но ужаснулся. А она отважно зашла «на их поляну», чтобы понять (или уже поняв?), что их так пленило, и постаралась честно, как всё, что она делала, прочувствовать эти невероятные, «неземные», как они утверждали, ощущения.

– Какие ощущения? – тихо спросил я, ближе придвигаясь к Арсению.

– Что? Интересно? – он с усмешкой смотрел на меня, во все не требуя ответа. – Вообще-то, история наркотиков стара, как мир: на неолитических рисунках и у древних индейцев в руках галлюциногенные грибы; на Элевсинских мистериях, ежегодно проводимых в Древней Греции, экстатические состояния достигались тоже известно каким способом; индийские Веды недвусмысленно прославляют в гимнах сому, и т. д. ...вплоть до наших дней.

– Однако, если с середины XIX века и начала XX, – встроено подхватила мама, – это был знак элиты и «болезнь удовольствий»: Теофиль Готье, Шарль Бодлер, Бальзак, Дюма, немалое число представителей нашего «Серебряного века»...

– Да уж, эпоха была блудная, – собрав свои замечательные морщинки, перебил её Арсений, – как всегда, много «тюрем» и «свобод», так что было куда совершить побег.

– Но инстинкт самосохранения работал по-прежнему, как часы! – не уверен, насколько убеждённо, но явно протестуя заметила мама. – Когда люди принимают наркотики, они думают (и в этом их умело убеждают «заинтересованные лица»), что смогут многое изменить в своей жизни, справиться со своими проблемами. На самом деле ПАВ сами, и очень быстро, становятся проблемой, причём гораздо более серьёзной.

Мама задумчиво смотрела на нас:

– Может быть, это происходит в ответ на нарастающие дурные потребности общества? С его недугом потребления и досуга, скукой и безудержной жадой развлечений, немотивированной агрессией, как-то нелепо сочетающейся с ощущением бессмыслицы жизни? И всё это на фоне чудовищной

рентабельности наркобизнеса, а также, не в последнюю очередь, и с появлением синтетических аналогов... – Она помолчала. – Не знаю, но сейчас это явление фактически сломало все барьеры, породив массовое самоубийство...

Мама низко наклонила голову и замолкла, опустив руки.

– По сути, – сказал, вставая, Арсений, – наркоман-гедонист постоянно стремится к удовольствиям, не считаясь с «ценой вопроса». И западня заключается не в том, что он не знает о периоде полураспада личности и сокращении продолжительности осмысленной жизни, а в том, что природные предохранители на гедонизм не распространяются (!).

Эта «сладкая пища богов», как говорят тщеславные потребители... – ...в гордыне и забвении, – добавила тихо мама.

– ну, да, – кивнул Арсений, – они утверждают, что эта самая пища даёт им особое чувство слияния с окружающим миром и – одновременно – наблюдение за происходящим; ощущение полёта и свободы от «привычных отягощений», то есть – «грёзы и сны наяву».

– И ты можешь привести примеры? – спросил я нетерпеливо.

– Естественно, почему нет? Неживые тела оживают, всякое произнесённое слово становится видимым, цветовая гамма мира невообразимо прекрасной и т. п. Однако, здесь же фатальная ловушка деградации и захлопывается! Ибо этот неестественный, запретный, если угодно, «воровской» путь в рай – грешен и наказуем. Как? – обратился он снова ко мне, услышав тихий вопрос. – Изволь.

Арсений нервно ходил кругами по комнате, и в таком состоянии я его видел, пожалуй, впервые. Он стал резко, по пальцам, перечислять последствия:

– Химическая внутриклеточная зависимость наркомана требует постоянного поддержания, а неизбежные «ломки» с каждым разом становятся всё более мучительными;

– Наслаждение, превратившееся в патологию, само себя разрушает, доводит «потребителя грёз» до изнеможения, бывает, и до самоуничтожения;

– Первичная эйфория очень скоро превращается в видения собственных галлюцинаций, неминуемо вырождаясь в «бегство от реальности», и в конце концов делает существование человека несовместимым с его истинной сущностью настолько, что даже до наступления физической смерти жизнь исчезает, превращаясь в не-бытие...

Арсений говорил и уходил из моей памяти. Вслед за ним ушла и мама, взволнованно сказав на прощание:

—Ты даже представить не можешь, Ник, как яростно они себя защищали, издеваясь над всеми, кто был не с ними! Они использовали и переиначивали всё, что попадало под руку, — от великого до смешного и жалкого. Я помню, как они кричали вслед Сонечке, которая отдавала им всю себя без остатка: «Если невозможно найти смысл в вашей жизни, Мы! Сможем! Найти его! В смерти! А вы можете? Слабо?»...

В этот момент в купе вернулся Захария, бросил на меня быстрый, внимательный взгляд, и, напомнив о стоянке, предложил выйт и подышать свежим после дождя вечерним воздухом.

— Софья Алексеевна когда-нибудь говорила, что было самым трудным в этой... борьбе? — спросил я, когда мы уже отошли от вагона.

— Да, конечно, — тотчас ответил Захария. — Она часто размышляла об этом вслух, даже советовалась с нами, так что, если я правильно услышал её тогда, — самым трудным было определить, что является главным... — он запнулся, пытаясь найти точные слова, — сверхценным для человека, от чего он

ни при каких обстоятельствах не хотел бы отказаться в этой жизни, и что ещё не было окончательно заблокировано.

Захария замолчал, опять погрузившись в воспоминания. Я молча ждал. Наконец, он кивнул сам себе, как бы подводя итог, и произнёс: – Я помню, как она говорила, и ей невозможно было не верить: «Без самообмана познать грех и очиститься от него – вот главное», но насколько же люди далеки от правды и прежде всего по отношению к самим себе! – проговорил он с горечью. – Так что идти приходится окольными путями.

– А Верочка? Она... смогла?

– Я как раз о ней и думаю. Главным для неё был страх. Страх потерять своё актёрское обаяние и, значит, сцену, которую она обожала и без которой не мыслила дальнейшей жизни. Но это, вы понимаете, – совсем не то, о чём говорила и думала С. А. – Захария как-то очень невесело улыбнулся:

– На время Вера справилась со своей зависимостью. Правда, потом появились другие... Так что драмы не закончились, и это при том, что Сонечка виртуозно использовала не одну, а множество замечательных идей.

Я ещё только намеревался задать свои бесчисленные во-

просы, цепляющиеся друг за друга, а Захария уже отвечал, и хотя сейчас я был погружён совсем в иные думы, краем сознания всё же успевал отметить и ту лёгкость, с которой он схватывал всякую мысль, и то заинтересованное понимание, с каким он откликался на каждое слово или даже намёк.

– Да, личность обретается только через работу над сверхличностными задачами. Вы это хотели сказать?

– Скорее, спросить, – смущённо ответил я, но он, как ни в чём не бывало продолжал:

– Знание только совместно с его владельцем превращается, – может иной раз превратиться! – в нечто, способное к развитию, а там уж, на этом пути, в конце каждой ступени лестницы по самопреодолению, есть место и для следующей. Так что не надо слепо следовать за Учителями, достаточно просто идти туда, куда шли они... Однако, – он оглянулся, – нам, кажется, пора возвращаться, я слышу гудок.

Кругом на станции и в вагоне зажглись огни, сменив и дополнив собою незаметно выросшие вечерние тени. Стало очень уютно в купе и, наверное, в тех домах, чьи светящиеся окна заманчиво мигали вдали. Обычно легко успокаивающие меня образы благоустроенной, чужой и неведомой жизни сейчас не приносили покоя. Душа моя болела, но я этому

не противился. Я не хотел, чтобы боль исчезла, – её нужно было прожить.

Когда в конце лета я повторно осматривал выставку работ, организованную Асей для друзей Сонечки в её загородном доме, то обратил внимание на один рисунок, выполненный в технике карандаша с цветными мелками, совсем не в стиле С. А. На подрамнике, стоящем отдельно от остальных экспонатов, был закреплён большой лист бумаги, всё пространство которого занимали изображения самых разных существ, обозначенных тонкими, ускользающими штрихами, так что не сразу можно было различить лица и тела людей; дороги, деревья, дома; бабочек, траву и цветы, даже каких-то маленьких животных на земле. Будучи иногда лишь слегка намечены простой аскетичной линией, они, как ни странно, выглядели очень живыми. Мне даже подумалось в тот момент, что искусство, сохраняющее такую наивность и простоту, являет собою настоящий заповедник неоцифрованного чувства.

А над всем этим великолепием парила, слегка подчёркнутая цветом и, тем не менее, прозрачная фигура женщины, как бы обнимающая всех своими руками в свободно разлетающихся покровах светлого одеяния. Иногда, очень редко, художник точно использовал светящиеся краски, и тогда крылья птиц мягко поблескивали в лучах солнца. Впечатле-

ние было такое, как будто я впервые увидел всю Землю целиком и она кружилась передо мною вне времени и пространства, показывая, по моему и её желанию, любые эпохи, материки и воды. Как только я присматривался более внимательно к какой-то отдельной детали и различал, например, изображение части подводного мира, вся картина вдруг преобразалась, становилась одним большим океаном. А если мне почему-то привиделась вершина горы, то и всё остальное начинало превращаться в скрытые пещеры, расселины, ущелья и горные реки.

Это было какое-то волшебство, и оно не рассеивалось даже тогда, когда вдали загредел гром, засверкали молнии, и Диана, уткнув холодный нос в мои ладони, стала старательно напоминать о том, что пора идти домой, ибо приближается большая гроза.

Последний раз взглянув на картину, я представил большое красочное панно или гобелен на ту же тему и подумал, что вот, наверное, и С. А. так же ткала свой ковёр жизни, постепенно включая в него всё новые нити, светлые и тёмные, не нарушая каждым следующим стежком, а дополняя, обогащая прежнее изображение, постепенно усиливая и без того отчётливо слышимое ощущение внутренней целостности. И даже то, что я уже знал о боли, страдании и потерях в её жизни, не нарушало общего впечатления гармонии.

Прямого портретного сходства С. А. с женской фигурой, намеченной всего лишь несколькими штрихами, не просматривалось. И всё же мне представилось, – очевидно, по настроению, которое успел передать Захария рассказом о своей любви, – что и это произведение искусства создал он сам. Свою догадку я смог проверить очень скоро, во время очередной встречи с Асей по Skype, когда я уже приехал в «школу».

– Всё правильно, – сказала она, – это небольшой фрагмент большого полотна с рабочим названием «Жизнь человеческая», – она добродушно усмехнулась. – Вот так и не меньше! Над ним Захария трудится уже много лет, и Сонечка, действительно, присутствует там многолико. Что, по-моему, вполне естественно. Сакрализация банального вполне себе удобно сосуществует в искусстве наряду с возвышенным. Обыватель, как правило, воспринимает мир через всё телесное, абстрактное мышление даётся ему тяжело, поэтому многие художники, особенно живописцы, и переплетают более-менее искусно повседневность с «высшими слоями духовности».

Потом вдруг Ася засмеялась такими же синими как у С. А. глазами, и лицо её на экране приблизилось ко мне:

– Значит, теперь ты всё знаешь о нашей семье и о «скелетах в шкафу»? – На какое-то мгновение мне показалось, что на экране остались только её глаза. – Так как же? – Она смотрела, не мигая. – Изменилось твоё отношение к нам?

– Да. Я люблю вас всех ещё больше, – оторопело, почти бессознательно ответил я.

– Ладно, – Ася отодвинулась от экрана, боясь и не поощряя слишком пафосных фраз. – Скоро я приеду к вам в альпийскую деревню и сама взгляну в твои честные глаза. Кстати, я слышала, вы пишете там всем колхозом пьесу из жизни Марка Коляды. Это правда?

– Только со старшими учениками и тремя преподавателями – режиссёром, актёром и... – я запнулся, – литератором, – все по совместительству.

– А «литератор» – это ты? – Ася весело смеялась.

– Ну, да... – ответил я и спросил в свою очередь:

– Скажи, а ты хорошо знаешь Марка?

Ася задумалась.

– Мы с ним одноклассники. Ещё в «школе» он был тру-доголиком, вечно ставил какие-то опыты, яростно грыз все науки подряд, особенно биологию и химию, по-моему. Ну, да, – кивнула она, – он же стал потом биохимиком! – И опять, смеясь, посмотрела на меня. – Малышня его обожала. Ещё бы! Кто мог сказать, кроме него: «А сегодня мы опять что-нибудь взорвём!» – Никто.

– Неужели на самом деле...?

– Взрывали, ещё как! Учителя ничего не могли с ним по-делать. Вполне возможно, в его генетической матрице уже были заложены и воля, и независимость, и громадные способности по достижению целей, которые всегда он сам ставил и сам осуществлял. Ему невозможно было что-либо за-претить, навязать или помешать тому, что он намеревался сделать.

– Яркая личность, – восхитился я.

– Но ведь и эгоизма там было более чем достаточно.

– А как же без этого!

– Внутренней отзывчивости, как умения откликнуться на проявления другой жизни, ему, конечно, недоставало.

Ася опять задумалась и стала плести косички из своих длинных, отросших за лето, волос. Потом грустно добавила:

– Потому, наверное, он и попал в мышеловку, когда ему, молодому учёному, «подающему большие надежды», инвесторы сделали «предложение, от которого невозможно отказаться»: великолепные условия для творчества, громадные гонорары и... жёсткий договор, как потом выяснилось, даже не на несколько лет, а чуть ли не навсегда. Всё! Дверца захлопнулась! – Она вопросительно посмотрела на меня. – Ваша пьеса об этом?

– Да... – Теперь задумался я. – Но не только. Смысл постановки, как я понимаю, в том и заключается, чтобы помочь герою, то есть Марку, выпутаться из всей этой паутины. Оттого мы и перебираем разные варианты сюжетов и даже предлагаем зрителям принять в этом участие. Такое вот интерактивное действие придумал наш режиссёр. Ася заговорила чуть быстрее, чем раньше:

– О современной части этой истории хорошо осведомлён Захария. Насколько мне известно, он принимает самое непосредственное участие в освобождении Марка от этой абсолютно невыносимой для него зависимости.

– С Захарией мы постоянно консультируемся, – кивнул я, но, увидев, как она смотрит на часы, понял, – встреча наша заканчивается, – и замолчал.

Меня на самом деле сразу подрядили на сочинение диалогов, после того как инициативная группа закончила предварительное обсуждение сложных перепетий развития сюжета. Затем актёры разыграли на сцене уже оформленное действие, которое, в свою очередь, по замыслу режиссёра должно было обсуждаться вместе со зрителями, и лишь потом только можно было писать, репетировать и показывать следующий акт.

Детям пьеса и особенно участие в ней очень нравились, да и нам, кстати сказать, тоже. Ведь речь шла о сохранении свободы и достоинства человека, может быть, даже о спасении жизни и вообще о праве homo sapiens'a быть самим собою, не изменять себе и жить той жизнью, которую он сам выбирает. Для меня был важен и сам герой, такой, как Марк. Он органично вписывался в ткань текста, посвящённого процессу непрерывного самопревосхождения, – со всеми его порогами и последующим их преодолением. Поэтому я охотно участвовал в создании постановки, параллельно делая заметки для себя и для книги, а, главное, наблюдая за тем, как меняются ответы моих персонажей и меня самого на те же самые вопросы, что они, и я вместе с ними, задавали себе

прежде и теперь. Мне не нужно было вспоминать, я всегда помнил, что истина часто прячется в подробностях и деталях.

Захария познакомился с Марком довольно давно, когда тот ещё учился в «школе» вместе с Асей, а Захария давал мастер-классы по изобразительному и декоративному искусству. Но тогда это было весьма поверхностное знакомство, так как Марк не интересовался живописью, а Захария – химией. И только после того, как Марк закончил институт, магистратуру, защитил диссертацию и стал регулярно выступать на международных симпозиумах и конференциях, в том числе и на тех, которые курировал Захария как член Международной Академии Информатизации, – их отношения стали более близкими.

Однажды, лет шесть назад, Захария был приглашён на один из таких симпозиумов по проблеме: «Энергия физическая и психическая. Электронная схема жизни и резервы сознания». На научной секции, куда он записался, речь шла, в частности, о продлении полноценной, активной жизни в свете открытия неизвестных ранее творческих подходов к использованию громадных естественно-природных сил и возможностей человека. И здесь Захария, «совершенно случайно», оказался рядом со своим давним знакомым, Саймоном Греем, – одним из самых богатых старейших спонсоров но-

вейших исследований именно в этой области. Дальше – больше: «случайно» главный доклад на заявленную тему читал Марк Коляда. И доклад, и докладчик чрезвычайно заинтересовали м-ра Грея, в результате чего (конечно, тоже «случайно») Захария познакомил молодого исследователя со знаменитым меценатом, так как хорошо знал их обоих и не видел ничего дурного в том, чтобы их интересы в данный момент совпали.

Что из всего этого получилось, частично мы уже знаем, как и то, что ничего случайного в жизни не бывает. И сейчас нам всем предстояло осмыслить – как, каким образом, удачное на первый взгляд пересечение лиц и возникновение творческого, делового союза, которому, казалось, ничто не мешало стать успешным, – если не во всех, то во многих отношениях, – через несколько лет обернулось настоящей драмой. Теперь она стояла перед нами в полный рост, и мы делали всё новые и новые попытки осознать истинные её истоки, чтобы потом написать и поставить о ней пьесу, но главное, конечно, найти реально безопасную, оптимальную для всех её участников развязку коллизии.

Захария охотно предоставлял нам живую фактуру и пищу для размышлений, а наших, совместно с детьми, фантазий с лихвой хватало на придумывание неожиданных и смелых разворотов в жизни и поведении персонажей. Однако, как

известно, нельзя жить в обществе и быть свободным от общества, поэтому шаблоны компьютерных игр и популярных блокбастеров нередко проникали в сознание юных соавторов, становясь на время предпочтительными при разработке вариантов развития и разрешения конфликтов. И здесь уже режиссеру-постановщику и главному актёру, которые в «школе» были в первую очередь наставниками и лишь потом – членами творческой театральной труппы, – приходилось проявлять свою волю, решительность и безукоризненный вкус, чтобы направить молодёжную энергию в нужное русло.

Наша пьеса начиналась с того момента, когда герою (Марку) становилось ясно, что он, помимо своего желания и не очень понятным образом, вместе с превосходно оборудованной лабораторией и некоторыми другими сотрудниками, – оказался в закрытой зоне, вокруг которой круглосуточно дежурили специально обученные охранники, а из окон надёжно выстроенного здания, насколько мог охватить глаз, простилалась абсолютно безлюдная пустыня. Через несколько месяцев работы в таком максимально изолированном от мира месте Марк, без всякого притворства, заболел и, опять же не по своей воле, был препровождён в одиночную больничную палату, также очень современно и комфортно оборудованную. Ему даже был поставлен предварительный диагноз. Если перевести его на простой человеческий язык, то по-

лучится примерно следующее: «глубокая депрессия на фоне сильнейшей вегето-сосудистой дистонии (ВСД) с потерей трудоспособности по заявленной в договоре профессии».

—

Я старался делать подробные записи наших разговоров с Захарией, главным образом тех, которые впоследствии могли войти в том или ином виде в пьесу. Приведу одну из них, напрямую связанную с Саймоном Греем, когда он уже начал активно интересоваться судьбой Марка Коляды.

...

В помещении, оформленном официально, сидели двое мужчин. Один – высокий, седой, подчёркнуто строго одетый и гладко выбритый, выглядел внешне спокойным и одновременно очень усталым. Другой, довольно молодой человек с военной выправкой, но тоже в штатском костюме, был явно напряжён и растерян, хотя стремился всеми силами скрыть своё состояние. Оба говорили по-английски, но старший, судя по выговору и манере держаться, скорее всего, был британцем, а молодой, видимо, совсем недавно приехал с другого континента. Седой говорил медленно, растягивая слова:

—

Мы не можем терять, – неважно, по каким причинам, – подконтрольных нам учёных. Слишком дорого нам стоило их привлечь и... содержать.

Молодой человек отвечал быстро, нервно проглатывая окончания: – Сейчас он болен. А если вдруг... возникнут осложнения?

Вплоть до...

—

Вы имеете в виду?..

—

Это крайний случай.

Оба собеседника привычно использовали язык недоговорённости, не называя вещи своими языками. Молодой человек продолжал:

—

Но если он найдёт способ заявить о себе... своим прежним партнёрам или перейдёт в конкурирующую фирму?

Младший пытался что-то прочесть на лице старшего, однако, взгляд и мимика седого человека ничего не отражали. Он только слегка погладил свой подбородок и спокойно сказал:

—

Ещё раз повторите, пожалуйста, его рабочую характеристику.

Молодой человек быстро раскрыл папку и стал чётко говорить, лишь изредка в неё заглядывая:

—

Наш... подопечный всегда работал самостоятельно и за прошедшие годы (ещё до поступления к нам) добился огромных успехов. С нами он работает 2 года и 9 месяцев. В течение первых полутора лет всё шло так же, как и раньше, то есть очень продуктивно. Однако, с тех пор, как лаборатория была переведена... на новое место, ничего примечательного, тем более выдающегося и достойного обсуждения, по крайней мере под его фамилией, не поступало.

Обычная рутинная работа.

—

Почему? – спросил Седой более настойчиво, чем прежде.

—

Мы не знаем. Когда он по-настоящему заболел, врачи зафиксировали «нервный срыв, глубокую депрессию и непреодолимые головные боли».

—

Мне придётся повторить свой вопрос, – уже с некоторым раздражением сказал Седой. – Почему? У вас есть хотя бы какие-то предположения, гипотезы? Ведь по прибытии на место назначения его должны были тщательно проверить. Таковы правила, насколько я знаю.

—

Конечно. Результаты были более чем удовлетворительными.

Молодой человек захлопнул папку и прямо посмотрел в глаза Седому:

—

Предположения тоже есть. На нашей научной базе удовлетворяются все, – он подчеркнул голосом последнее слово, – разумные желания и потребности сотрудников. Но...

Молодой человек запнулся, и ему снова пришлось посмотреть в заранее подготовленные записи:

—

«Жизнь в замкнутом пространстве и закрытых сообществах относится к экстремальным ситуациям, – утверждают

эксперты адаптационной психологии. – Они оказывают на людей, в том числе, и на проявление их творческих способностей негативное влияние». Человек становится нервным, странным и что особенно удивительно, – заметил молодой человек, прямо глядя на собеседника, – я сам это наблюдал, – нередко начинает думать и даже... мечтать, – но не о привычной прежней жизни, а об... идеальном мире.

Тут говорящий как-то стыдливо усмехнулся и отвёл глаза.

—

Представляете? Хотят разгадать «тайны мироздания»!

Седой чуть поморщился и небрежно махнул рукой:

—

Ну, не все же!

—

Не все, – охотно и на этот раз уверенно согласился молодой человек, – но тот, о котором мы говорим, оказался именно таким. Нам досконально известно, что он стал задумываться о «Добротолубии и Боге, о Космической Вселенной и Информационном вакууме, о вечной жизни и её смыслах», – молодой человек снова всё это вычитывал из своей папки, – хотя раньше, по нашим сведениям, ничего подобного за ним

не наблюдалось.

—

Как вы об этом узнали? – быстро спросил Седой.

—

О-о! Это нетрудно. Мы отслеживаем, какие книги и рукописи сотрудник заказывает по Интернету, что пишет в своём дневнике, в письмах и посланиях, о чём беседует с другими обитателями нашего поселения. А вот «почему» он стал думать именно об этом, никто из наблюдателей, и я в том числе, точно ответить не смогут.

—

А они сами, наши «подопечные», смогут? – В голосе Седого явно звучала ирония, но его младший коллега, похоже, этого не заметил.

—

Они молчат.

Седой заговорил подчёркнуто равнодушно:

—

Учёные, особенно талантливые учёные, думают, что они знают всё, и поэтому могут быть очень опасными. Люди,

мыслящие более скромными категориями, удовлетворяющиеся менее масштабными проектами, обычно не намереваются спасти мир, – они заняты заботами о хлебе насущном. Те же, кто о себе и о своём интеллекте слишком высокого мнения, легко впадают в гордыню, а там – один шаг и до сделки с соответствующим «ведомством». Вы «Фауста» читали? – неожиданно спросил старший.

—

Нет, – ничуть не смущаясь, ответил молодой. По какой-то причине он стал держать себя не просто увереннее, но даже позволил себе недоверчиво-снисходительно улыбнуться. – Неужели вы всему этому верите?

—

Чему? Тому, что они много знают, или тому, что опасны, ибо способны «продать душу» за новые знания?

—

Но ведь они задумываются не о разрушении, а о каком-то «общем благе», всего лишь! – искренне удивился молодой человек, очевидно, не поняв того, что хотел выразить седой мужчина.

—

А какой ценой? – Старший уже не был так спокоен, как

вначале, аллюзии вели его всё дальше и дальше. – Именно среди «спасителей мира» с пугающей частотой появляются идеологи тирании, расового, этнического, религиозного и иного превосходства, возникают идеи уничтожения, расчеловечивания, в лучшем случае, видоизменения другой, не их собственной части человечества, новейшими и вовсе не невинными средствами...

Старший остановился, забыв на время о собеседнике, с недовольством наблюдая за собою. Он догадывался, что сейчас как будто повторяет и одновременно переиначивает, выворачивает наизнанку чьи-то другие, не свои собственные слова и речи, глубоко задевающие его последнее время, но ещё не освоенные, не понятые им до конца. Он даже знал имя того, кому эти речи принадлежат и с кем он недавно начал тайно встречаться в Сети, тщательно скрывая от всех эти встречи. Это был Марк Коляда.

Седой встал. Он был не просто очень высок, но худ и долговяз, однако всё ещё неплохо держал прямую спину. Решительно оборвав затянувшуюся, на его взгляд, дискуссию, он подвёл итог:

—

Я сам займусь выяснением того, сможет ли нанятый нами работник выполнять и далее на должном уровне свои обя-

занности, ради чего он, собственно, и был нанят. Его зовут...
Марк, если не ошибаюсь?

—

Да, сэр, Марк Коляда, – вытянулся молодой подчинённый. – Я могу идти?

—

Конечно.

После того как эпизод был написан, я, по своей уже устоявшейся привычке, прочёл его автору рассказа, чтобы он сам решил, насколько верно передана история, содержание беседы, и не хочет ли он внести коррективы или что-либо изменить в тексте, чтобы ненароком не навредить никому из персонажей. Я не мог не учитывать того факта, что невольно став героями пьесы или книги, люди продолжают жить, работать, общаться друг с другом, – поэтому не только они сами и их друзья, но и любители розыгрышей, интернет-постов и просто недоброжелатели могут случайно прочесть «выложенный» (как сейчас смешно говорят) текст и использовать его в своих целях.

На моё предложение Захария заметил с хитрой усмешкой:

—
Ещё неизвестно, кто кого «перелопатил» и «переиначил»!

Тогда ситуация была разрешена лишь в первом приближении. Предстояла большая скучная работа с привлечением множества лиц, официальных и неофициальных. Но вам-то это зачем? И книга, и пьеса прекрасно обойдутся без этих подробностей.

Захария внимательно смотрел на меня:

—
Насколько я понимаю, – исправьте, если ошибаюсь, – вы вполне осознанно снимаете большую часть обыденного слоя повествования и как бы приподнимаете происходящее со всеми его участниками на тот уровень, ниже которого вы сами уже не хотите опускаться. Даже позволяете себе иногда добавлять персонажам какие-то черты, которые вряд ли свойственны им в реальной жизни. Am I right?

—
И да, и нет. – Для меня была очень важна мысль, которую я хотел поведать именно Захарии. – Во-первых, я действительно могу «прибавить», как вы говорите, или усилить какую-то черту или свойство лишь в том случае, если они всё-таки есть, пусть и в другом объёме, а во-вторых, и это осо-

бенно поражает меня самого, – герои и их прототипы сами порой диктуют нечто, о чём раньше я и не догадывался. Вот вам пример.

Если бы Марк (и наш герой вместе с ним) мог оставаться только в пределах бытового контекста, как бы тот ни насыщался материальными благами и приспособлениями для комфортной, сытой жизни и труда... Но он постоянно от него уходил, а так как был человеком думающим и одарённым, то неминуемо оказывался перед лицом экзистенциальной реальности.

Похоже, Захария был доволен.:

—

Люди, которых удовлетворяло обыденное и дообыденное представление о жизни, а также те, кто хотел ими управлять и всеми способами стремился сохранить свою материализованную власть над миром, – были ему глубоко чужды. Даже тогда, когда они приглашали его, «новичка», в свою команду.

Разговаривая, мы прогуливались по усадьбе, «в тихий час», когда дети после обеда отдыхали, занимались кто чем хотел – «по интересам» или негромко играли небольшими группами. Захария уверенно вёл меня по тропинке вверх к невысоким скалам, живописно нависающим над узкой ре-

кой. В этом месте она делала крутой поворот, и её быстрое течение, изредка прерываемое небольшими валунами, создавало приятный, неторопливый шум. Висячий мост гостеприимно звал всех желающих на противоположный берег, где поднимался поросший лесом и мхами холм, а вдали виднелись знаменитые альпийские луга и фруктовые сады.

Ася как-то сказала, – прерывая наше недолгое, ненавязчивое молчание, заговорил я, – у таких людей, как Марк, вполне возможно «явил себя божественный ген», который у современного человека, по большей части, существует всё ещё в зашифрованном виде в ДНК. Это нечто вроде «непробудившейся» или «непробуждаемой» до поры Мудрости Вселенной, то, что в народе ещё называют «искрой Божией».

Вполне возможно, – задумчиво ответил Захария, – тем более, что пробуждение, если и происходит, то на фоне мощной духовно-физической катастрофы, которую в полной мере ощутил Марк, лишившись самого дорогого своего сокровища – свободы. В любом случае на поединок героя с судьбой он пошёл с открытым забралом и бесстрашием, прекрасно понимая, что такая схватка может закончиться не только победой, но и гибелью. Так, по крайней мере, описывает подобные события вся мировая литература. – Захария вдруг

тихо, неожиданно засмеялся. – Это, в конце концов, и потрясло, и доконало нашего уважаемого г-на Саймона Грея, что, разумеется, делает ему честь.

—

Что именно? – спросил я, от души желая, чтобы Захария продолжил свои размышления и комментарии по поводу волнующих меня сейчас событий.

—

Справедливости ради, должен сказать вам, Ника, это потрясло и меня. – Прищуренные карие глаза Захарии весело поблёскивали. – Я имею в виду самоотверженную готовность Марка противостоять – всему! – что не соответствовало его идеалам, составляющим нерушимый нравственный стержень личности. Онато, эта готовность, и производит, вероятно, в человеке некую особую энергию или «вещество» (как сказал один известный писатель, по-моему, о декабристах), «вещество идеализма», которое в таких экстремальных состояниях и у таких людей «обильно выделяется», а также может быть передано тому, кто готов его воспринять. Оказывается, есть ещё на свете люди! – Захария гордо выпрямился. – Пусть их не так много («но ведь довольно и тысячи», как вы изволили написать), и они видят то, чего нет, гораздо более ясно и отчётливо, чем то, что есть...

—
Вы имеете в виду...

—
Да, конечно, – честь, отвагу и решимость, полноту держания и силу духа, – как и способность отдать во имя собственного понимания этих «невидимых сокровищ» всё, даже жизнь. Отсюда и возникает, вырастает то естественное величие поступка, которое в конечном счёте приводит истинного героя к абсолютной победе, будь то драма или трагедия.

—
Но неужели всё, что вы сейчас сказали, – воскликнул я, – действительно может быть отнесено к Марку и Саймону? Да, не совсем обычным, но всё-таки живым, не литературным и вовсе не безупречным людям?

—
Почему нет? Границы наших способностей лежат далеко за пределами нашего воображения. Так что человек, порой, бывает способен на многое, в том числе...

Захария вдруг прервал себя и с тонким прищуром посмотрел на меня.

—

А знаете, что сказал Саймон? Нет? Я вам скажу: Как так получилось, что я, старец, адски боюсь смерти, цепляюсь за жизнь, непрерывно ищу тех, кто может её продлить, просто физически продолжить моё существование, даже не задумываясь ни о какой «духовной составляющей», о которой постоянно говорит ваш Марк. А он! Человек в три раза моложе меня, красивый, здоровый (депрессия – не в счёт!), умный, вполне возможно, гениальный, любящий жизнь во всех её проявлениях, – своих простых, кротких родителей, свою первую любовь, девушку, живущую где-то там, в Белоруссии, и, возможно, уже забывшую о нём, которой он тем не менее до сих пор посвящает взволнованные, полные искреннего чувства, стихи (это мы узнали из его досье), фанатично преданный науке, наслаждающийся самим процессом творчества... – И он готов умереть?! За что? За «свободу»? «Чистоту» каких-то нравственных принципов? Их что, можно потрогать, купить, подарить, если угодно? А ведь мы готовы были платить ему любые деньги, только чтобы он раскрыл эти проклятые «секреты долголетия». Ну, и так далее, – закончил, смеясь, Захария, а я лишь подхватил нить разговора:

—

Думаю, вы, как художник, теперь сами добавили суховатому, практичному господину своей собственной выразительности и эмоциональности. Вряд ли он мог так сказать.

—

Ну, уж, как получилось, не обессудьте. – Захария развёл руками. – Хотите послушать, что было дальше?

—

Конечно, а то мы напридумывали здесь с три короба, а что на самом деле...

Захария сел на плоский, нагретый за день камень.

—

После того, как Марк твёрдо произнёс: «Я не могу делать такие вещи.», – и они оба поняли, о чём идёт речь, м-р Саймон Грей сделал необходимые выводы: «Если я хочу сохранить этого исследователя хотя бы просто для своих практических (как вы, Ника, правильно заметили) целей, то я должен принять его правила игры. И я их принимаю». – Да, – уважительно произнёс я, – это поступок.

—

Он сказал и сделал даже больше: «Я горжусь тем, что понял кое-что о жизни, когда она мне это предоставила, и теперь готов сделать всё возможное, чтобы в свою очередь, предоставить г-ну Марку именно те условия работы, которые его полностью устроят».

—

Неужели... сделал? – недоверчиво спросил я, в целом представляя, как трудно бывает расторгнуть деловой контракт, если одна сторона этого не хочет.

—

Адвокаты работают вовсю, чтобы перевести «Г-на М. Коляду» – с максимальной степенью легитимности и минимальными потерями – в другую исследовательскую лабораторию, где в Совете директоров-основателей числится «Г-н С. Грей». И, поверьте на слово, всё это стоит больших временных затрат, большого искусства и очень больших денег.

У меня были ещё вопросы, но Захария неожиданно резко встал, показав рукой в сторону тропинки, по которой мы пришли:

—

Да вот он сам идёт, собственной персоной, м-р Саймон Грей вместе с мисс Анной-Марией, так что можете расспросить их обо всём сами.

И добавил тихо, про себя:

—

Получается, они прилетели намного раньше, чем я ожи-

дал.

Что бы это значило? И неужели всё уже разрешилось?

Мы оба стремительно пошли им навстречу. Я давно обратил внимание на эти, вдруг появляющиеся, быстрые, неуловимо-точные движения Захарии. Они отражали, скорее всего, какую-то очень древнюю тренированность, очевидно, долго переходящую по наследству и теперь уже появляющуюся у некоторых мальчиков вместе с рождением. Это восхищало меня так же, как бегущая, будто по волнам, лёгкая, гибкая, загорелая Ася. Вот и сейчас она была так хороша, что мы все трое, когда остановились, некоторое время просто молча смотрели на неё, любуясь.

—

Ну, всё! Хватит! – воскликнула она, обнимая Захария. – Давайте знакомиться.

Ася неплохо говорила по-английски:

—

Это – большой Друг нашей семьи, мой крёстный. Это – Ника, названный брат и один из авторов пьесы, под названием «ПООЩРЕНИЕ К ЛЮБВИ», которая прямо здесь создаётся всеми живущими по мотивам хорошо известной вам

истории, м-р Грей, и где вы являетесь одним из героев. Разумеется, ваше право – оставить там своё имя или любое другое. Через несколько дней мы сможем показать вам пьесу целиком.

—

Ася, откуда ты всё знаешь? Ты ведь только что прилетела, – сказал Захария, ласково глядя на неё.

—

А я всё время на связи, – такая вот сегодня техника! Это ты у нас живёшь в своих особых мирах, то ли очень давних, то ли будущих.

Она обратилась ко мне:

—

Я даже знаю, что третий, последний акт ещё не совсем окончен, потому что вы никак не можете выбрать финал.

—

Скорее всего, финалов будет несколько, – начал говорить я, но.....

...

В это время в небе появился вертолёт.

Его услышали и увидели все, дети и взрослые. Они высыпали из многочисленных, разбросанных вокруг, больших и малых строений: из домов и коттеджей, временных летних павильонов и спортивных площадок, из зрительного зала под открытым небом с наскоро собранной сценой и просто из кустов...

И как-то так получилось, что все взоры оказались прикованы к нему, вертолёту, как будто никто раньше никогда не видел летающих в небе машин...

А вертолёт покружился над лужайкой, очевидно, высматривая наиболее удобное место для посадки. Потом начал медленно снижаться, а когда опустил трап и по нему быстро сбежал на землю длинноногий, с очень светлыми волосами, поджарый, сильный молодой человек, – вся толпа ринулась ему навстречу с громкими криками восторга, сливающимися в общий радостный гул, среди которого можно было ещё различить: УРА!!! ЭТО МАРК!! БРАВО!!!

Да, это был Марк, и его встречали как настоящего героя, ибо все уже знали его жизнь, постоянно изучая, обсуждая и репетируя пьесу. Он сбросил рюкзак на землю, широко раскинул руки и тоже что-то радостно закричал в ответ, а прибежавшие первыми дети уже гроздьями висели на нём. Он

всех обнимал, счастливо смеялся, и его белозубая улыбка, здоровые сильные руки, казалось предназначались всем сразу и каждому в отдельности.

—

Господи! Где же болезнь, депрессия, разочарование? – лукаво и весело спрашивал Захария.

—

Это всё иллюзии, майя, – отвечала ему в тон Ася, и лишь Саймон стоял, не двигаясь, обхватив голову руками, и бормотал:

—

Oh my God! This is crazy! What has he done? *Документы ещё не до конца оформлены... А если он сбежал? Его же могут опять забрать, в эту пустыню... Если не хуже... Не представляю, как он это сделал? Silly boy...

Ася была сама невозмутимость:

—

Не извольте беспокоиться, г-н Грей, все необходимые документы у Марка на руках. Что же касается вопроса: «Как он это сделал?» – отвечаю: так ведь он был не один, его всё время «вели» (вы наверняка знаете это слово, don't you?). Да

и счастливый случай исключать не следует. И вообще – побег – это и есть настоящий «экзистенциальный прорыв». Do you understand me?

—

Но вертолёт? Лётчик? Что будет с ними? – не слушая Асю, взволнованно говорил, возможно самому себе, обычно сдержанный Саймон, никогда не показывающий своих эмоций («He doesn't wear his heart on his sleeve»).

Ася невинным детским взором оглядывала пустынное небо:

—

Какой вертолёт? Какой лётчик? Никого нет и, уверяю вас, не будет. «Тех, кого не надо, не будет совсем никогда», – повторила она абсолютно серьёзным, «сказочным» голосом, когда всё, что произносится, тут же и сбывается, и тонкий пруттик в её руках превращался в «волшебную палочку».

—

Мы с удовольствием вам покажем и расскажем всё, что вас заинтересует, г-н Директор, – очень вежливо сказала напоследок Ася.

Саймон, снова становясь сдержанно-ироничным джентль-

меном, негромко заметил:

—

Будет любопытно посмотреть, как вы это сделаете. А пока, – он протянул руку Захарии, – мы пойдём немного посоветуемся, с вашего позволения.

Саймон Грей повернулся и быстрой, упругой походкой вполне не старого ещё человека ушёл вместе с Захарией в одно из деловых зданий нашего лагеря, но не до конца высказанное порицание явственно ощущалось даже после его ухода.

—

Похоже, свои «двадцать лет минус» наш господин уже получил, общаясь с Марком, – добродушно заметила Ася.

—

Не увлекайся, сестрёнка. – тихо шепнул ей я.

—

Имею я право доиграть свой собственный вариант пьесы! – чуть повысив голос, ответила она.

«Если ставить вопрос таким образом, то да», – подумал я, но промолчал.

...

А кругом по-прежнему пела, танцевала, веселилась толпа, и люди обнимали друг друга и водили хороводы вокруг Марка. Кто-то включил на полную мощность музыкальную запись произведения композитора Эдуарда Артемьева – синтез электронной и симфонической музыки. И зазвучало медью соло трубы, и тонко взлетающие вверх голоса скрипок поддерживали его. И уже можно было услышать, как постепенно вступают в строй другие инструменты, своими трепетными и одновременно победными звуками завершая музыкальную композицию.

Всегда, когда случается такое непредсказуемое всеобщее веселье толпы, её восторг и неизъяснимо-легкое естественное раскрепощение, – наверное, в человеке должно возникать. – и возникает! – какое-то «небесное чувство вечной загадки и вечной надежды» на то, что кто-то очень добрый и всемогущий, оттуда, со своей высоты, ободряет нас, нашу способность искренне радоваться – среди вечно испытывающих нас страданий и горя, зачем-то тоже необходимых, возможно для полноты непрерывной работы души, ибо:

«Душа обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь...»

...

И тут я увидел Ванечку, который почему-то побежал в сторону. «Ну, конечно, так и есть», – подумал я, глядя, как навстречу ему мчится рыжий, с оборванным ухом, матёрый кот и начинает виться вокруг него с громким урчанием. Я подошёл ближе. Ваня поворачивал голову к солнцу как подсолнух, при этом расчёсывал густую, с вырванными клочьями шерсть котяры, что-то нежно и строго приговаривая. Потом он достал из своих бесчисленных карманов небольшой контейнер с едой, флакон с жидкостью, тампоны на палочках и стал чистить и кормить зверя.

—

Ешь, Вася, это тебе полезно. А валерьянки больше не дам, ищи сам!

Василий «неглупым взглядом» посмотрел на меня, потёрся мордой о руки и ноги Ванечки и лишь после этого приступил к трапезе. Я же привычно отметил, что шерсть кота стала гладкой и ещё более густой. Она красиво блестела на солнце, а пушистый, рыжий, с белыми полосами хвост, с чуть поднятым кончиком, свободно раскинулся по зелёной траве, слегка двигаясь в такт одному ему известному ритму.

Ваня незаметно исчез и неслышно снова появился возле меня. Он давно и успешно дополнял себя качествами, которые заимствовал у своих друзей-животных.

—

Что же будет делать твой Вася, когда ты уедешь?

—

Он будет думать обо мне, а я – о нём, – ответил Ванечка. – Но я вернусь, – крикнул он уже убегая, – обязательно верну-у-у-сь!

*

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Новогодние каникулы

Words move, music moves

Only in time,

But that which is only living Can only die...

«Слова движутся, звуки текут во времени, Но то, что только живёт, может лишь умереть...»

Т. С. Элиот

Так что – «не беспокойся напрасно об этом суетном мире, – раз бывшее прошло, а небывшее не явилось, – радуйся сейчас»...

Омар Хайям

С Марком мы встретились снова лишь в канун Нового года,

когда он, проездом в родную Белоруссию, заехал в Питер уже совершенно свободным гражданином, дабы лично поблагодарить Захарию за участие к своей судьбе. На этот раз маме удалось уговорить старинного друга нашей большой семьи остановиться у нас, а не в гостинице, чему мы все – и Ася, и дети, которые вот-вот должны были приехать на зимние каникулы, – естественно, только радовались.

Когда в дом вошёл Марк, – я бы сказал, если бы это было возможно, – что он стал ещё выше, ещё сильнее и радостнее, чем тогда, когда спрыгивал с трапа вертолёта. Маме он поцеловал руку, перед Захарией почтительно склонил голову, мне – весело и добродушно кивнул, потом привычным жестом отбросил назад прямые, светлые волосы, раскрыл свой громадный, знакомый нам по Швейцарии, рюкзак и стал доставать подарки. Маме достался изысканный набор «цветочной терапии Баха», включающий настои из 38 цветков раз-

личных растений; Захарии – кованный, ручной работы канделябр на пять свечей; мне – две стопки из чёрного серебра на небольшом, тоже серебряном подносе.

Остальные именные подношения, как и положено, – под ёлку! – скомандовал Марк, широко улыбаясь, и потащил празднично упакованные коробки и пакеты в гостиную, где уже стояла лесная красавица.

Смотреть на него было и вправду приятно, особенно когда он вот так улыбался, откидывал назад свои светлые волосы и чуть прищуривал в улыбке серые глаза, тоже очень светлые, так что сразу было видно, что брови его на полтора-два тона темнее волос, цвета кофе с молоком или, может быть, молочного шоколада, а длинные густые ресницы, пожалуй, ещё темнее.

Всё-таки мы были смущены изобилием и щедростью даров, «принесённых как в Золотую Орду», – заметила мама, или «посыпавшихся, как из рога изобилия», – добавил Захария, – поэтому, наверное, и немногословны. В ответ на витиеватую благодарственную речь Марка, обращённую к Захарии, тот лишь скромно ответил:

Я очень рад.

Мама приложила руки к груди, глубоко вздохнула, видимо, не желая сразу раскрывать все тайны необычного подарка, однако в её глазах, как всегда, засверкали насмешливые искорки:

—

Спасибо... Я потом, как-нибудь, одна...

—

Ну, хоть ты ничего не говори, – тихо произнёс Марк, повернувшись ко мне перед тем, как скрыться за дверью.

Мама пошла помогать ему прятать «дары», предварительно, по своей милой привычке, озвучив часть скрытого внутреннего монолога:

—

Ну да, порядочность – это не значит устоять перед возможностью присвоить себе чужую собственность – бумажник или, там, золотую карту, – а способность постоять за идею, не предать её за тридцать серебрянников, что уже само по себе предполагает множество разнообразных качеств, даже некое возвышенное равновесие противоположностей...

Мама ушла, но Захария успел не просто её услышать, но и ответить, а также ещё уточнить и продолжить свою и её мысль:

—

Например, позволить себе выйти из круга вероятного развития событий, увидеть невозможное, сделать его возможным, – разве не это есть истинное назначение таланта? Сделать мир таким, каким он мог бы и должен быть! Хотя бы на какие-то мгновения почувствовать пределы своих возможностей, не стыдясь самого себя. Да, это жизнь...

Я вздохнул: что можно было ответить художнику? – Он прав. Взяв приложение к подарочному набору, я стал бегло знакомиться с методом доктора Эдварда Баха. Оказывается, сам метод был открыт довольно давно, в 30-х годах прошлого века, и основан на «идеи энергии цветов». С помощью этой энергии, – сообщалось далее, – человек восстанавливает контакт с собственными душевными силами, достигает гармонии тела и души, «заключая тем самым мудрое соглашение с жизнью». Я не смог удержаться и прочитал Захарии следующий абзац, зная, что он должен ему понравиться:

—

«Господь посадил прекрасные цветы... они протягивают руку помощи человеку в тот тёмный час, когда он забывает о

своей божественной природе и позволяет страху и боли затуманить себе зрение, нарушить душевный покой».

Как я и ожидал, Захария заинтересовался, взял у меня буклет и полистав его, сказал:

—

Это есть хорошо. – Потом помолчал и добавил: – Не пора ли нам предложить свои услуги хозяйке дома?

Мы вошли в нашу уютную кухню-столовую, где уже расположились за большим круглым столом, покрытым свежее-отглаженной клетчатой скатертью, мама с Марком и с видимым удовольствием чаёвничали.

—

Присоединяйтесь! – Мама лукаво скосила глаза в сторону, на мою книгу, которая лежала рядом с Марком.

Марк быстро обернулся ко мне:

—

Я выбрал несколько фраз и понял, что главный герой у тебя – идея развития сознания в сторону «плюс», а телесно обозначенная на втором, третьем и прочих планах интрига – лишь фон, который придаёт... скажем так, некоторый

дополнительный объём рассказу. Я прав? – Конечно. Иначе мне самому было бы не интересно.

—

Так же, как и мне. Книгу возьму, если не возражаешь, а автограф просить не буду.

—

А ты догадлив, – усмехнулся я в ответ, – автографы я никому не даю.

Он засмеялся по-детски простодушно:

—

Но каково посвящение! «Людам, не перестающим мечтать, надеяться и любить...» Так можно и отпугнуть большую часть человечества.

—

Кому бы говорить о бесстрашии и рисках неоромантиков? – заметил улыбаясь одними глазами Захария, а мама тихо сказала:

—

Весь мир стал какой-то сплошной антиутопией... Но ведь невыносимо же проповедовать людям только безысходность

их существования и быть так уверенным в своём праве на зло.

Марк лишь взглянул на неё, мгновенно восстановил все пропущенные логические связи, – которые обычно могли уловить лишь очень близкие люди, хорошо знакомые с этой своеобразной манерой мамы беседовать «сама с собой», – и, чрезвычайно довольный полученным результатом, воскликнул:

—

Так ведь и я, примерно, о том же!

Захария охотно включился в эту игру-угадывание, желая подчеркнуть в то же время важную и для себя мысль:

—

Нравственное обновление, вообще-то, весьма тонкая настройка. Оно всегда единично и не может быть массово организовано, ибо происходит в невидимых миру «тайниках индивидуальной совести».

—

Кто это сказал? – тотчас откликнулся «быстроумный» Марк, сразу почувствовав скрытую цитату.

—
Попробуйте угадать.

Марк думал одну секунду:

—
Это... великий старец, напоминающий к концу жизни... ветхозаветную трагическую фигуру. Разочаровавшийся в своём собственном учении. Точнее, в его сторонниках и толкователях. Так?

Захария только развёл руками:

—
Рискуя подпитать чью-то гордыню, всё-таки скажу: с вами невозможно выиграть. Великий старец, как вы изволили заметить, действительно так и написал в своём дневнике: «Я не толстовец». Хотя, – Захария как-то очень по-доброму обвёл нас взглядом своих больших карих глаз, – именно в наши дни начал возрождаться интерес к Толстому как мыслителю, с его мучительными поисками смыслов...

Захария не стал заканчивать фразу, а Марк только усмехнулся. Наряду с простодушной весёлостью ему была свойственна и некоторая доля самоуверенной дерзости, – причём, тем и другим он явно гордился. Поэтому, наверное, ни-

чуть не смущаясь, он быстро ответил на чистом латинском языке:

—

«Homo sum, humani nihil a me alienum puto»*. («Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».)

Должен заметить, у Марка (как и у некоторых других людей) недостатки были продолжением его достоинств. Иногда они даже переплетались друг с другом. Разница заключалась лишь в характере этих свойств. Так, например, его честолюбие, азарт, сильная воля к достижению поставленных целей реализовались – всегда и без исключений! – только на фоне чрезвычайно развитых инстинктов «сохранения чувства собственного достоинства» и «чувства свободы» (порой, даже вопреки инстинкту самосохранения, стоящему у большинства людей на первом месте). И всё это прекрасно сочеталось с независимостью суждений, вплоть до равнодушия, а то и пренебрежения к расхожим, общепринятым мнениям.

Зато всё живое, вечнотекущее, повторяющее или изменяющее себя, неожиданное, порой абсурдное, что встречалось на его пути, – неизменно вызывало у него жгучую, я бы даже добавил – чувственную заинтересованность. Это могла быть известная мысль или её непривычный поворот; непредсказуемый, ничем до тех пор не объяснимый поступок; ори-

гинальная точка зрения на повседневное событие, предмет, обычай или способ поведения; даже такая мелочь, как, например, удивившая его почему-то реакция человека, подающего руку, или животного, протягивающего лапу, – неважно. Когда он наблюдал, оценивал что-либо или касался кого-то своими чуткими, сильными пальцами опытного исследователя, казалось, он проникает в самую глубину другого существа или явления, сливается с ним, передавая свою энергию, получая в ответ желаемый отклик, – и они уже вместе, как добровольные партнёры, начинают творить новую реальность.

У Марка было некое особое «жизненное излишество» (если можно так выразиться), но оно-то и пленяло, вероятно, всех тех, кто хоть что-то понимал и ценил в человеке творческом, сулящее пусть и не гарантированное, но вознаграждение, – в виде открытия себя, иных возможностей существования, иногда даже перемены судьбы, или просто знакомства с интересным человеком. Думаю, он был идеальным учёным-экспериментатором, ибо изучал, анализировал, фантазировал, строил гипотезы все 24 часа в сутки, даже во сне, от того, наверное, за него и боролись известные меценаты от науки. Ему же, как он сам говорил, ничего было не нужно, кроме возможности заниматься своими исследованиями. Правда, однако, заключалась в том, что для этого ему нужен был весь мир.

Ванечка приехал и сразу побежал в детскую. Там были аккуратно расставлены все его игрушки, и он бросился их обнимать и тискать, разговаривая одновременно со мной и с ними:

—

Илья придет позже, ему очень нужно доделать какой-то прибор... Его наставник тоже остался... Слушай, Кролик, – обратился он к белой, пушистой, мягкой игрушке, – почему у тебя висит одно ухо? Ты его поранил? Давай я тебе его полечу. У Васи в Швейцарии тоже было потрёпано ухо, и я его очень скоро вылечил. Представляешь?.. Наверное, он сейчас скучает... Он ведь настоящий.

—

А что такое «настоящий»? – спросил Кролик Ванечкиным голосом, и к нему присоединился Мишка. Ваня задумался, что-то вспоминая:

—

Это, наверное, когда тебя долго-долго любят, по-настоящему любят, а не так, чтобы поиграть или ещё... Тогда ты и сам становишься настоящим.

—

Но ведь если «любят», то могут и «разлюбить»? Вот как у взрослых бывает, – сказал грустно Кролик, и Мишка снова закивал, соглашаясь. – А это больно, когда..? Ну, ты понимаешь, о чём я.

—

Если по правде, то да, больно, – ответил Ванечка, – но ты не бойся, Кролик, и ты, Мишка, и ты, Лошадка, и ты, мой маленький Тигрёнок, – воскликнул Ваня взволнованно. – Если вы уже стали настоящими, пусть не сразу, пусть через «долго», вы уже не сможете быть другими, даже если у тебя, например, оборвано ухо, или... пуговица с жилетки...

Ваня посмотрел на Мишку и опустил голову.

—

У меня пуговица не на жилетке, а в глазу, – тихо ответил Мишка, который всегда говорил правду.

—

Ну и пусть в глазу! Мы тебе с Кроликом и глаза вылечим!

Да, Кролик?

—

Конечно, вылечим! Я даже знаю, где у Кати лежат все «ин-

струменты»: и ножницы, и нитки, и иголки, и пуговицы...

И Кролик добавил шёпотом, в котором теперь отчётливо были слышны слёзы:

—

Ведь если ты уже настоящий, ты не можешь быть никогда не настоящим? Настоящий – это навсегда! Правда, папа?

Я крепко прижал к себе Ванечку вместе с Кроликом, Мишкой, Лошадкой и Тигрёнком, сразу почувствовав, как рубашка становится мокрой от его слез.

—

Правда, истинная правда... Не сомневайся... Это – навсегда.

Ваня поднял голову, и я увидел его тёмные, быстро высохшие, очень серьёзные глаза с ещё мокрыми ресницами, пытливо всматривающиеся в меня.

—

Ты сам сочинил эту историю? – спросил я, смущённо отводя взгляд.

—

И сам, и мама читала. – Потом сразу добавил:

—

А почему мама теперь часто плачет?

Ваня сказал то, что я сам должен был сказать себе, и то, что не хотел говорить. Теперь он ждал правдивого ответа, и я постарался дать его, как сумел:

—

Иногда после этого становится легче. Вот как сейчас, с Кроликом. Ты согласен?

Он кивнул и заговорил очень быстро:

—

Но я, то есть Кролик, скоро перестал, а мама плачет долго, почти все время. – Он опять внимательно посмотрел на меня. – Сегодня ты проводишь меня к ней или Катя?

—

Сегодня – бабушка Катя. – Я почувствовал, как Ваня вздрогнул, и поспешил добавить. – Но я приду к вам через два дня, и мы все вместе поедem на «Ёлку».

Ваня вырвался от меня и радостно запрыгал:

Я хочу на «На Ёлку», зелёную иголку!

Там подарки и Мороз – Седой ус и Красный нос!

—

И как это называется? – спросил я Ванечку, радуясь его переменчивой радостью.

—

Это называется... – он, как Катя, лукаво улыбнулся, – я умею складывать стихи!

Ваня убежал. Я стал расставлять игрушки по местам, а когда заглянул в большие, стеклянные глаза Кролика, мне даже почудилось, что они блеснули с сочувствием и пониманием.

—

Что, брат Кролик? Знаю, знаю, надо идти к Алине... Никто, кроме меня, не сделает то, что я сам должен сделать.

—

«Делай, что можешь, и будь, что будет», – напомнил мне Кролик. Уши у него уже крепко стояли, видимо, Ваня успел их вылечить.

И тут я вспомнил об одном разговоре Ильи с Ванечкой, который нечаянно услышал этим летом на даче. Как-то в полночь я вышел на веранду. Громадная, круглая, белая Луна низко висела над Землёй, освещая своим таинственно-млечным светом всё вокруг. Мальчики тоже не спали в полнолуние. Они стояли на балконе второго этажа и тихо разговаривали. Илья спрашивал:

—

А ты знаешь, как охотится лягушка?

—

Знаю. Она ждёт. У неё глаза могут вращаться кругом. — Он показал. — Вот так.

—

Как локаторы? На 360 градусов?

—

Ну, да... А когда кто-то попадает в этот её круг, она... делает необходимые движения и... всё.

Я ещё тогда обратил внимание на то, что Ваня старательно избегает жёстких выражений.

—

Ты хочешь сказать, – продолжал Илья, – что это похоже на крылатые ракеты?

—

Это ты хочешь сказать, – засмеялся тихо Ванечка, – а я говорю – она лучше! Стрекоза тоже похожа на вертолёт, но ведь намного лучше, так ведь?

—

Наверное... Живая природа всегда лучше, хотя... – Илья задумался. – Вот я, например, люблю технику, и она для меня тоже живая.

—

И я, и я тоже! – воскликнул Ванечка. – Если кого-то люблю, он для меня живой и ...настоящий.

—

А знаешь, что я тебе скажу? – Илья доверчиво, как он умел, улыбнулся. – Любовь делает и тебя самого настоящим. Это похоже... – Он помолчал. – Похоже на то, как цветок отдаёт свой аромат. Он просто его излучает, ничего не требуя взамен. – Илья смущённо потупился и тихо добавил. – Я так думаю...

«Они так думают! А мы? – мысленно, с горечью восклик-

нул я. —

О-о! Далекo не все... Разве что Он?»

«Я поля влюблённым постелю, пусть поют во сне и наяву...»

—

А дальше? – спросил я самого себя – Дальше совсем, как у мальчиков:

«...Я дышу – и, значит, я люблю, я люблю – и, значит, я живу!»

Покинув детскую, я сразу почувствовал необычную тишину и покой в доме, безлюдном и празднично убранном, наполненном голубовато-серым сумраком угасающего зимнего дня, напоённом смоляным запахом ели, которая сумела (вот умница!) не растерять своей лесной свежести. В гордом одиночестве стояла она в ожидании в большой гостиной, нежно поблескивая золотистым дождём украшений в неровном свете уличных фонарей. Возможно, она и сама знала или догадывалась, что не зря же её так долго и любовно наряжали, что всего лишь через какие-то пять-шесть часов вспыхнут огни всех люстр и многократно отразятся в хрустале бокалов, фарфоре и серебре приборов, в строгом порядке распо-

ложенных на белоснежной скатерти, терпеливо ожидающих тех мгновений, когда оживлённые, красивые люди – весело, с надеждой, никогда не покидающей их в эту ночь, станут поднимать бокалы с шампанским, поздравлять друг друга с Новым годом, – и благодарить, и любоваться ею, а, может быть, даже петь:

...

В лесу родилась ёлочка...

...

И много-много радости...

«Сколько же у нас забавных вековых привычек, – подумал я. – Говорят, ничто не повторяется и дважды нельзя войти в одну и ту же реку. Это – в Бытии, а в жизни – ещё как повторяется! Давно доказано, что Земля вращается вокруг Солнца (а не наоборот), а мы всё говорим и повторяем: “Солнце всходит и заходит...”»

В последнее время, – то, что я называю «переменой участи», – мне стало всё больше нравиться уединение. Вот и в этот короткий зимний день уходящего года я бродил по неожиданно пустым комнатам, с удовольствием вдыхая тонкие запахи еловых веток и букетов живых цветов, расставленных мамой тут и там, испытывая те самые чувства, которые

ожидал и ценил. Я любил их за предверие особых состояний, – вовне и внутри себя, – когда ничто не нарушает покоя и сдержанной, устоявшейся тишины: ни еле слышное тиканье старинных напольных часов; ни лёгкое – от бесшумно влетающего в открытые окна ветра – покачивание тяжёлых штор и развевающихся, невесомых, прозрачных занавесок; ни неприметные движения молчаливо присутствующих здесь рядом животных.

Диана, по первому зову готовая стремительно и грациозно подняться на все четыре лапы, лишь слегка поводила головой вслед моим шагам. Ева, постоянно и откровенно оберегающая маму, ревниво наблюдающая за всеми её передвижениями, когда та была в доме, – сейчас молча страдала на своём диванчике среди многочисленных подушек, остро ощущая даже недолгую разлуку и считая каждую секунду, проведённую в тоске и одиночестве, «без неё». Если Ванечку она воспринимала, скорее всего, как равное, хотя и удивительное явление Природы, то маму выбирала уже как главного Человека своей жизни. Пережив однажды, после ухода Сонечки, боль и горечь утраты, Ева старалась уйти в древнее состояние отстраненности, отрешённости от окружающего мира, когда теряла из вида дорогое ей существо – я даже склонен думать – в другое измерение пространства. Или «ворожила», неотрывно глядя на небольшой акварельный портрет мамы, висящий здесь же, на свободной стене нашей кухни-столо-

вой, где они обе, мама и Ева, проводили значительную часть своего времени.

Мне же часы тишины и уединения напоминали о желательности подведения «предварительных итогов». Мама с Ваней уехали к Алине; отец и в эти предпраздничные дни работал допоздна; Ася позвонила из своей «родовой» городской квартиры, расположенной на Разъезжей улице недалеко от нас, и сообщила, что придёт только к проводам Старого года; Захария ушёл на вокзал провожать Марка, рвущегося во что бы то ни стало встретить этот Новый год в отчем доме. Остальные гости должны были собраться не раньше девятидесяти часов вечера, так что времени для раздумий, увлекающих меня всегда, а сегодня – особенно, было предостаточно.

Не знаю ничего лучше, чем бестелесный, бессловесный разговор в часы одиночества с кем-то из прошлого, кто тебе дорог. Поэтому, наверное, я и подошёл к гравюру Виктора Вильнера «Петербургская новелла», приобретённой мамой на одной из его персональных выставок. Я включил бра и стал смотреть на хорошо известное мне изображение избранных эпизодов из классических произведений Пушкина, Гоголя и Достоевского. Привычно глядя на фигуры людей, мужчин и женщин далёкого века, играющих в карты, неподвижно смотрящих из окон старинных домов, бредущих

в тоске и печали по булыжной мостовой вдоль Зимней канавки, обуреваемых страстями, не исчезнувшими и поныне, – мне, сочувствующему и сопереживающему им, становилось легче избавляться и от своих собственных иллюзий и заблуждений. Таково было удивляющее меня каждый раз счастливое побуждение искусства к метаморфозам чувств, его особая очищающая сила.

Весьма обнадеживающим было и то, что чем больше я понимал себя, тем лучше начинал понимать окружающих меня людей (и не только людей!). Именно это сочувственное отождествление себя с другими почти всегда порождало новые отношения, которые превосходили любые конфликты, переводили их на иной, гораздо более высокий уровень, туда, где они, эти прежние противоречия и раскогласования, уже не существовали, теряли свои права. При этом либо заметно увеличивалось или уменьшалось расстояние между участниками противостояний, либо даже приходилось с кем-либо расставаться. В любом случае, более глубокое понимание ситуации, искреннее прощение случайных ошибок, отказ от выяснения отношений на «бытовом уровне», приглашение к честному анализу с соблюдением правил медиации и т. д. – относились уже к «благородным металлам» в сфере общения, хотя бы и появлявшимся в результате переплавки «тмы низких истин». Радовал и сам факт отсутствия соперников у такого рода отношений в цифровой сфере.

Мне же самому в это время часто открывались скрытые доселе смыслы известных, в том числе «бродячих» изречений. Так, например, в давнем «горячем» высказывании Бл.Августина: «Господи! Если бы я увидел себя, я бы увидел Тебя!» – иногда я тоже начинал улавливать «святую надежду». При этом, мне вовсе не мешало знание того, что сам Августин полагал, – в полном соответствии со взглядами своей эпохи, – Землю плоской, а Солнце вращающимся вокруг неё. Или, например, это многократно озвученное разными людьми удивление: «Неужели на самом деле всегда случается так? Когда ты уже больше не хочешь, или не веришь, или отчаиваешься получить что-либо, – только тогда ты и можешь это получить».

С некоторых пор я стал замечать (повторения придавали этому вполне естественный вид), что сомневаюсь даже в проверенных временем теориях, тем более гипотезах или предположениях. И не потому, что во мне возникает дух противоречия, просто было любопытно заново присматриваться, иначе расставлять акценты, соприкасаясь с новой информацией. Опыт приобщения к думам «одинок» в человеческой истории позволял, порой, укреплять или менять своё отношение к людям и событиям просто «переворачиванием страниц». Подкреплялось и древнее интеллектуальное право составлять собственные суждения, сомневаться,

даже отречься от них по мере изменения состояния сознания. Так что, например, выражение: «В мои лета не должно сметь свои суждения иметь», – приобретало для меня дополнительный, иронический смысл, а известный тезис о произведениях искусства, обогащающихся теми чувствами, которые они вызывают в последующих поколениях, а, значит, и о старых мастерах, пленяющих нас более, сильнее современных творений, – хотелось не то, чтобы опровергнуть, скорее, дополнить или найти новые доказательства и причины оживления «поблекшего очарования» старины...

Сейчас же меня полностью захватывала одна совершенно неочевидная – для многих людей – идея соединения духа и жизни, где нет разделения Духа и Материи, ибо по сути они представляют собою две стороны одной медали. Во мне даже появилось почти забытое ощущение, что я опять стою на пороге изменений, предчувствую появление неожиданных событий, и уже неважно, если они станут происходить только в моём воображении. А пока все знания, которые стекались ко мне в это время, так или иначе «работали» на главную идею.

Я разделял ту именно точку зрения (источники получения нужной информации свободно перекликались между собой), что исцеление планеты, дополнительное «снабжение» её особой сверхмощной энергией преобразований, способно произойти лишь в случае, если все царства природы (люди, растения, животные, горы, моря, земли) смогут «без от-

чуждения» стать истинными союзниками и партнёрами, восполняя таким образом нарушенную гармонию и способность души оставаться в «физическом вместилище», пока таковое существует. Все современные изыскания – на грани наук, искусств и религий, – тем более богатейший опыт древних цивилизаций, закреплённый в каменных летописях, научных, художественных, священных текстах и, не в последнюю очередь, в мифологии и фольклоре, свидетельствуют именно об этом. Достаточно широко известны, доступны всем желающим и результаты новейших исследований – био- и космофизиков, микробиологов и биоэнергетиков (а также многих других!) – о «Зелёном Разуме Планеты», о «Созревающей Душе Природы», о «Коллективном разуме различных сообществ на Земле» – от бактерий и насекомых до млекопитающих и человека, о «Земле как едином живом организме», об «Особой, тайной жизни океанов и подземных Царств» и многом, многом другом...

К слову сказать, мне очень понравился один отрывок из недавнего исследования жизни животных, долгие годы наблюдаемых учёными во время охоты. Оказывается, звери передают друг другу сведения о «перемещении» жизненной силы в другие тела и одновременно «благодарят» жертву за продолжение жизни – своей и своих сородичей. И нет ужаса и страха смерти! А сколько их ещё, – возможно уже существующих, – «открытий чудных готовит просвещенья дух, и

опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг, и случай, бог-изобретатель...»

Современный человек, к сожалению, мало знаком, «не примирён» с положением и состоянием дел в общем для всех нас мире. Он не умеет «содержать в чистоте и порядке» дарованные ему силы и возможности, бессмысленно рассеивая, растрачивая их в виде агрессии, неразумного потребления и уничтожения всего живого. Он не хочет задумываться о последствиях своих деяний, не испытывает и чувства ответственности за происходящее. Тем более, ему трудно поверить, что есть такие области жизни и такие состояния Души, где все необходимые знания о мире – во взаимосвязях составляющих его частей – приходят сами собой, их даже не надо искать, нужно лишь быть готовым и достойным их воспринять, – что, к счастью, (или нет?) умели делать наши предки и «забыли» современники.

Значит ли это, что ныне эти знания можно восстановить и дополнить, – было бы желание? Вполне возможно, ибо уже меняется энергетика мыслей, формируется новое сознание. И как бы ни сопротивлялось неразумное большинство, количество не в состоянии остановить качественный прирост новых людей «облагороженного образа». И что особенно удивительно, возникает новая волна любви, а созидательные проекты и программы, по законам следующего витка

эволюции, уже осуществляются, захватывая всё и вся: растения и животных, камень и дерево, воду и землю, человека и космос.

Примеров тому множество, нужно лишь позволить себе их увидеть и услышать, ещё лучше – захотеть самим создавать такие миры, в которые хочется войти и остаться там жить. Теперь это уже было и моё сокровенное желание.

Позволю себе привести лишь два примера. Вы задумывались когда-нибудь, дорогой читатель, почему вот уже несколько десятилетий подряд в мире наблюдается повышенный интерес и особое внимание к детям? Наука не спешит высказать своё просвещённое мнение по этому вопросу. Скорее, можно найти размышления на данную тему среди тех, кто не боится выйти за пределы строгих границ и позволяет себе фантазировать и строить различные предположения. Однако, явление это вполне очевидно присутствует в жизни, и его можно наблюдать среди самых непредсказуемых слоёв населения на всех континентах. Да, поступки взрослых людей во взаимоотношениях с младшими поколениями, к сожалению, не всегда носят безупречный характер с позиций этики и морали, ещё сохраняющимися в обществе кое-какие права и авторитет. Зато современные средства массовой информации, шоу-бизнес, просто бизнес и даже, в определённой степени, искусство, не только не прохо-

дят мимо этого явления, вызывающего у массы населения здоровый и нездоровый интерес, но и открыто, расчётливо начинают его эксплуатировать.

А мы с вами, уважаемый читатель, в свою очередь, тоже попробуем задать себе несколько дополнительных вопросов. Почему люди «заводят» своих и приёмных детей, приглашают жить в свои дома (а также в музеи, офисы, детские центры, кафе и т. д.) детёнышей и взрослых особей домашних животных, а иногда и диких зверей, экзотических и не очень, так называемых «братьев и сестёр наших меньших»? Зачем начинают потом снимать обо всём этом бесконечные видео, имеющие миллионные просмотры, независимо от их художественных достоинств? Потому что они разочарованы во взрослых сообществах или их отсутствии? Или потому, что властные политические и силовые структуры постоянно нагнетают страх и агрессию, а люди в ответ бессознательно выбирают регрессивное, ретроградное поведение, возвращаются («впадают») в детство, желая там спрятаться и обрести привычную по воспоминаниям защиту? Или просто потому, что хотят добиться успеха, признания, денег, а использование для этих целей детей и детёнышей является безотказно действующим на рынке PR-ходом?

Положим, все эти и близкие им, расхожие объяснения справедливы, тем более, что именно так думает и поступает

большинство авторов и зрителей подобных зрелищ. Попробуем, однако, заглянуть чуть более глубоко во внутренние переживания и ощущения, представляющие для нас главную ценность, мерило важности события и непреходящую, желанную цель. И здесь выясняется, что человек делает в жизни всё, в том числе вышеперечисленное (а именно, добивается успеха, признания, благосостояния), только для того, чтобы пережить эмоции, испытать наслаждение, – даже если он (человек) и не осознаёт, не отдаёт себе отчёта в своих же собственных поступках и их мотивах, что, как известно, происходит довольно часто.

Удивительно, но мы совершенно неожиданно получаем потрясающий результат, который соприкасает нас с самыми возвышенными, возможно, изначально присущими всему живому, а для человека ещё и духовными чаяниями и желаниями. Оказывается, дети излучают такую ни с чем не сравнимую живительную энергию, они настолько интересны, самобытны сами по себе, их врождённое благородство и сверхродовое совершенство, проявляющиеся всё чаще и чаще в новых поколениях, настолько притягательны; а звери так открыты и доверчивы, так скромно и ненавязчиво отдают нам свою целительную силу, с такой искренностью и эмоциональной отзывчивостью идут навстречу людям, демонстрируя раз за разом бескорыстную привязанность к любому представителю рода человеческого, независимо от его досто-

инств и недостатков, – что всё это вместе и врозь взятое вызывает с обеих сторон ту самую, издревле существующую и вновь создаваемую волну Любви, которую так важно почувствовать, не растерять каждому живому существу и стремление к которой, как к главному достоянию и смыслу Бытия, похоже, было заложено уже в нашем и братьев наших меньших геноме, а потому и вызывает мгновенный, ничем не замутнённый и такой счастливый отклик.

А теперь ещё один обещанный пример. Но вначале вопрос: почему не исчезает у человечества мечта о настоящем герое, невзирая на горькие разочарования при «обозрении» большинства лидеров? Потому что время без героев – деструктивно и «плоско»? Лишено яркого, необходимого людям высокого чувства, порождаемого переживанием героических событий совместно с другими людьми? Или есть что-то ещё, что подспудно ощущает человек, тоскуя по иным временам, когда жили и сражались «за идеалы» настоящие «воины света» (а не марионетки на экранах), ставшие такими благодаря преображению себя – через сопереживание, сострадание и, конечно, Любовь? Ту самую любовь, что вечно подвигала героев к осуществлению великой мечты человечества о «золотом веке», основанном на принципах Справедливости, Добра и Красоты.

Люди всегда безошибочно определяют своим «коллектив-

ным бессознательным» – «кто есть кто» – и точно знают: потенциал истинных героев-пассионариев настолько огромен, что способен одолеть зло в любых, казалось бы, самых невероятных, опасных и безнадёжных ситуациях, оправдывая известную поговорку: «И один в поле воин». Но я думаю сейчас не только о них, не о тех героях, которые состоялись и в честь которых благодарное человечество во все времена высекало из мрамора и гранита, отливало из бронзы памятники, называло их именами города, улицы, площади. Да, несомненно, без них наш мир был бы блёклым и пустым, лишённым какого-то очень важного измерения, быть может, той самой сверкающей вертикали, что уходит в горнюю даль...

И всё-таки я думаю сейчас не о них, а о тех безымянных и никому не известных мальчишках и девочках, которые ещё не знают, что они тоже рождены героями, а пока одиноко топают по белу свету среди «нормальных утят», – если использовать популярный сказочный образ, – и вопреки всему, в том числе, изгнанию и окрикам: «Смотрите, гадкий утёнок!» – сохраняют свою силу и достоинство. Несмотря ни на что, ни на какие обстоятельства, непонимание, глумление и равнодушие, – они стремятся развить в себе, не замуровать, но исполнить, дарованную им опасную предназначённость, не растратить себя на нелёгких дорогах жизни, но вырастить и вдруг, в какой-то момент, расправить прекрасные белые крылья, чтобы взлететь ввысь, уверенно и мощно «став на

крыло», и одарить, озарить, наполнить мир своей несравненной «лебединой» красотой, а, если потребуется, то и «лебединой песней».

А пока они ходят по Земле и окликают нас «из-под небес», мы тоже в состоянии помнить, не забывать о том, что в мире есть совершенная Гармония и Красота. И хотя она редка и хрупка, но пока она есть и есть те, в ком она воплощается, – продолжается жизнь и жить не так страшно.

Дай им Бог, этим настоящим и будущим героям, не погибнуть раньше времени от предательства, тоски и печали... Господи, зачем так «безумен род людской?». Ведь только на одних Анти-Утопиях, оставляющих после себя – по выражению их же собственных создателей и соучастников – лишь «руины Бога», – достигнуть освобождения и победы Высшего Разума и Духа на Земле невозможно! Казалось бы одного этого основания достаточно, чтобы не отказываться от Мечты и Веры, но это не так...

«Зеркало мира» по-прежнему отражает любые наши мыслеобразы и метафизические цели. Но как же много путаницы и обманов! Один Разум своими методами никогда не сможет добиться устройства жизни по законам Небес – только в единстве с Душой и Духом. Ибо только они способны оживляться, откликаться в ответ на радость и полноту жиз-

ни, почувствовать Истину (не ложь!) и не ошибиться в выборе. А Счастье? Что ж, счастье, – говорят мудрые, – оно в самом движении, в Пути, в принятии обновлённой, нашими же мыслями и образами создаваемой, реальности...

– Но провокации? – спросит проницательный читатель. – Они постоянно возрождаются в виде энерго-информационных структур и прочих псевдо-живых программ и конструкций. Именно они уверенно и успешно шагают по планете, подчиняя своей воле, заражая негативной энергией людей и сообщества, якобы в интересах их самих.

– Ну и что? Им тоже можно ответить: никто не отрицает очевидное. Но и вы, вы сами, где бы и в каких условиях вы ни жили, – можете стать сильнее, побЕднее этих провокаций, если не захотите им поддаваться.

Быть несчастным, заблудшим, зависящим от обстоятельств, предаваться унынию и порокам, ни за что, в том числе, и за самого себя, не отвечать, – несложно. Если же вы позволите себе быть честным, хотя бы перед самим собой, то очень скоро почувствуете, что только «правду говорить легко и приятно», а ложь – бессмысленна, вредна, а для души так и вовсе болезненно-мучительна, иногда даже... убийственна. Ну, да воля ваша: «Каждый слышит, как он дышит»...

«А всего-то и надо, – думал я снова и снова, – перестать подыгрывать циничным, безжалостным манипуляторам, не реагировать негативно на негативное, постоянно поддерживать в себе осознанность, позитивный настрой и позитивные деяния... Однако, – продолжал размышлять я, – если вот так сжато обозначить, в общем-то, правильные выводы, без проживания событий и поступков, без раскрытия эмоций и чувств, их вызывающих, оставив в стороне сам процесс их осмысления, – то ведь в конечном счёте “в остатке” может получиться такое пресное, безвкусное, пожалуй, даже бесполезное блюдо (хотя и безвредное, как “плацебо”), что его вряд ли кто-то захочет отведать».

– Господи, неужели! – вдруг неожиданно для себя воскликнул я вслух. – Неужели так трудно не жаловаться и не стенать, не быть постоянно в тревоге и обеспокоенности из-за мелочной «жизни мышью беготни»?

– Наверное, всё-таки не так легко, как хотелось бы, если люди из века в век продолжают это делать, – раздался чей-то тихий голос. – Настоящая «поэзия понимания» обычно приходит (и то не всегда!), когда чувства, их живое волнение и даже первоначальное осознание остаются далеко позади, порождая спокойное созерцание и безмятежное наблюдение. Только тогда, возможно...

– Стоп! Хватит! – постарался я прервать невидимый диалог. – Иначе я должен буду, чтобы быть убедительным, а не голословным, – заново переписать все известные мне книги и рукописи, на разные лады повторяющие одну и ту же «вечную тему»!

– Что вы, сударь, я и так вам очень признательна, особенно... за отдельные страницы.

Я резко обернулся и увидел в дверях прихожей смеющуюся Асю с кучей ярких пакетов, букетом бледно-желтых, прозрачных роз, зажигающую верхний свет в гостиной. За её плечами стоял Захария с её же шубкой в руках. Ася была очень оживлена и вся как будто искрилась.

– Но ты хотела прийти позже... – неуверенно произнёс я.

Не глядя на меня, Ася ответила:

– Крёстный вызвал, чтобы мы вместе проводили Марка.

Потом она быстро спрятала пакеты под ёлку, выбрала самую высокую красивую вазу и направилась на кухню наполнять её водой. Но вдруг грациозно обернулась всем телом и насмешливо спросила:

– Ты что-то имеешь против?

– Нет. – От растерянности я добавил не очень кстати: – Он исключительно живописный молодой человек.

– Какая досада! – бросила Ася, стремительно исчезая из комнаты.

Я вопросительно взглянул на Захарию, но он был непроходим. И только спустя, приблизительно, двое суток ему, очевидно, «было дозволено» приоткрыть завесу тайны и сказать всем нам, волнующимся, куда пропала Ася, – что они с Марком улетели в Вену. Я посмотрел на маму, она еле сдерживала смех:

– Ты всё знала! – воскликнул я.

– Догадывалась.

Я настаивал:

– И как давно это у них началось?

Мама пожала плечами, легко встала с кресла, где она любила устраиваться с ногами, задумчиво подняла кверху гла-

за сказала:

– Наверное, тогда, когда Ася вошла в команду «спасателей» Марка из его «плена».

Мама очень мило улыбнулась и добавила:

– А, впрочем, может быть и раньше. Но! Чует моё сердце, скоро мы получим от них весточку.

И, действительно, на Рождество пришла красивая открытка с видом на греческую православную Церковь Святой Троицы в Вене, где, кроме традиционных поздравлений, было написано: «Марк Коляда и Анна-Мария Берестова имеют честь сообщить о своей помолвке».

...Когда через неделю мы разбирали ёлку, на обороте одной пустой подарочной коробки я прочёл быстрые строки, написанные наклонным мелким почерком Марка:

А.-М.

Я ходил без тебя давно и долго Близко и далеко....

Больше так не могу, – без Тебя.

Я узнаю тебя по волнам лёгкой походки

И молю Небеса, чтобы не было поздно...

Зимние каникулы приближались к концу и, завершая их, мы с Захарией повели Ванечку и Илью в Филармонию на концерт камерного оркестра «Musica Viva», представляющего в новом сезоне широко известные сочинения и незаслуженно забытые п Вуартитуры старых мастеров. На этот раз это были «Времена года» Чайковского и поздние сочинения Моцарта.

Улица Зодчего Росси, на которой мы оказались сразу после выхода из дома, привычно встретила нас ритмичными повторами зрительно расширяющихся в пространстве желто-белых строений классически-строгой архитектуры. И ещё: едва осознаваемым ожиданием появления на ступеньках знаменитой Вагановской Академии юных служительниц Терпсихоры, стройных тоненьких девочек, полётно двигающихся своей особой балетной походкой и грациозно покачивающих в такт шагам и речам гладко зачёсанными головками на длинных шеях. Удивительно, но они действительно появились, эти девочки, – и мы с Захарией понимающе улыбнулись друг другу.

– Partie de plaisir – «лёгкой походкой по лёгкой тропе», – с удовольствием отметил Захария и обратил моё внимание на Илью, резко остановившегося и заворожённым взглядом провожающего быстро исчезающую за поворотом стайку тех, чья женственная прелесть так разительно отличалась от его собственной мужающей природы и уже начинала ему раскрываться.

– Зачем ты остановился? Пойдём! – Ваня стоял рядом и нетерпеливо дёргал его за рукав. Захария смотрел на Ванечку, но обращался ко мне:

– Однажды принцесса тоже придет.

– Ну, не знаю... Я бы хотел, чтобы его детство не сокращалось, даже по такой причине.

– 30 минут счастья, преимущественно в детские годы – у Бунина и пять минут у Гёте? Вы об этом? – Захария весело смотрел на меня своими большими выразительными глазами.

– Думаю, здесь наши гении всё-таки слукавили, – усмехнулся я и добавил в ответ своим собственным размышлениям: – да и Ваня растёт такой норовистой лошадкой, которая скачет аллюром сама по себе, не оглядываясь назад и, если

честно, неведомо куда.

Мальчики подождали, пока мы подойдём ближе, потом снова побежали вперёд, крикнув на ходу:

– Мы будем в Катином саду!

Захария приветливо помахал им рукой. До начала концерта оставалось ещё больше часа и мы вдвоём, обогнув Александринский театр, стали не спеша прогуливаться вдоль его фасада, время от времени задерживаясь у афиш, вывешенных на стене.

– Давненько я здесь не бывал, – задумчиво произнёс Захария.

– А хотелось бы?

– Конечно! – Он оживился. – Но ещё больше хотелось бы здесь поработать. – Он указал на афиши. – Вы только посмотрите: «Маскарад. Воспоминание будущего»; «Литургия Zero». А на малой сцене: шоу «Сны Шекспира» – проект международного фестиваля «Петроджаз»; «Кино в театре» и фильмы Такеши Китано; кавергруппа «Сестра Петра»... Представляете, какие удивительные декорации можно создать к таким спектаклям!

– Но ведь они, наверное, уже созданы, если постановки вошли в репертуар, – машинально ответил я.

– Как вы не понимаете? – с несвойственной ему горячностью воскликнул Захария. – Всегда можно создать другие... – Он остановился и внимательно посмотрел на меня. – Да вы не слушаете, голубчик.

Я и сам чувствовал, что был напряжён и не слишком разговорчив, вероятнее всего, из-за предстоящей вечером неминуемой встречи и объяснении с Алиной. Однако, несмотря на всю свою отрешённость, успел заметить, что Захария поколебался, прежде чем решился спросить:

– Сегодня я видел Алину, когда она привозила Ваню. Она очень изменилась, не правда ли? – Он помолчал и добавил. – Я даже не сразу её узнал.

– Да, изменилась, и не один раз... – Я тоже замолчал, но так как Захария принадлежал к тем немногим людям, с которыми я мог быть хотя бы отчасти откровенен, вскоре продолжил:

– Сначала – после того, как произошло то, что произошло, – она, в основном, пребывала в состоянии агрессивной

защиты-нападения. Словом, взяла неправильный, абсолютно неприемлемый для меня тон. И мы перестали общаться. Вообще. Я даже думал, навсегда...

Захария спокойно шёл рядом и слушал меня, не перебивая, а я старался, по возможности, выбирать выражения и не злоупотреблять расхожими клише, типа: «люди не любят тех, кому они причинили зло» etc. Но и без подобного рода сентенций, конечно, не обошлось.

– После того, как прошло какое-то время, Алина поняла, – я повернулся к Захарии, – так мне, по крайней мере, хотелось бы думать, – поняла или кто-то ей подсказал, не знаю, что по-настоящему заинтересованы в её судьбе и продолжают её поддерживать лишь очень немногие люди, в основном, из ближнего окружения, – не желая зла и не думая о выгоде.

– Нетрудно догадаться, кто именно, – улыбнулся Захария, и я кивнул в ответ:

– Да, в первую очередь, её свекровь, моя мама, Екатерина Дмитриевна, а с нею и лучшие друзья дома – Арсений, Ася...

– ...то есть, как раз те, – добродушно добавил Захария, – кого она не слишком-то жаловала прежде и с настойчивостью, достойной лучшего применения, стремилась найти со-

ринки в их глазах.

– Откуда вы это знаете? – искренне удивился я, помня, что Захария редко пересекался с Алиной.

– Видите ли, Ника, с вами в таком духе говорить о Екатерине Дмитриевне и её старинных друзьях она бы не рискнула, поэтому искала других конфиденентов, возможно, чтобы таким своеобразным способом утвердить себя в новом окружении и, пусть ненадолго, заглушить голос комплекса неполноценности.

Захария вопросительно посмотрел на меня и осторожно добавил:

– Извините, если не ошибаюсь, она приехала сюда не слишком образованной провинциальной девушкой из маленького зауральского городка и сразу попала в семью со старопетербургским укладом, не так ли?

– За это её никто ни разу не упрекнул, – спокойно ответил я.

– На то и уклад, – тихо сказал Захария и я снова с удивлением вынужден был спросить:

– Но ведь вы ещё меньше подходили на роль доверенного лица?

– Естественно, – легко согласился Захария, – при мне она только несколько раз обмолвилась, но этого было вполне достаточно, чтобы всё понять. Итак, – Захария по-прежнему невозмутимо шёл рядом, – если у вас ещё не пропало желание, мы могли бы продолжить. Что же было дальше?

– Дальше тоже, в общем, всё понятно. Мама стала заниматься с Алиной как репетитор и добилась восстановления её в Институте. Ася активно развивала многочисленные таланты Ванечки, в результате чего неожиданно раскрылось его увлечение живописью. И тогда уже Ваня сам стал оживать и поддерживать интерес Алины к этому виду занятий, поначалу не ведая, что в детстве она тоже увлекалась рисованием и хотела поступать в соответствующее учебное заведение, но что-то там не сложилось.

– Даже так? – заинтересованно откликнулся Захария. – Это её акварель висит у вас в столовой?

– Да. И начался светлый период, всем на радость. Алина с Ваней увлечённо писали картины и развешивали их повсюду в квартире. Ваня окончательно занял лидирующую позицию в их отношениях, что вполне всех устраивало, а Алина, ка-

залось, стала более спокойной и «договороспособной».

Я перестал говорить и остановился. Захария остановился тоже, с любопытством глядя на меня:

– Но что же вы замолчали?

– Не знаю, стоит ли продолжать. – Запнулся я не случайно. – Дело в том, что вскоре опять начались «тёмные полосы»...

– Стоит! – уверенно произнёс Захария. – Давайте доведём дело до конца.

– Да ведь конца-то и не видно! – Я начал взволнованно ходить вокруг Захарии. – Сейчас Алина впала в другую крайность: тяжёлое мрачное раскаяние. Согласитесь, это тоже нельзя назвать предпочтительным способом выхода из затянувшегося конфликта.

Остановив своё движение, я постарался говорить как можно спокойнее. Сначала получалось неважно, потом пошло значительно лучше.

– Обычно подобные состояния у демонстративно-экзальтированных натур сопровождаются повышенной нервозно-

стью в сочетании с неразумной, гипертрофированной жалостью к себе, что не исключает, кстати сказать, реально переживаемой ими душевной боли.

– Понятно, – кивнул Захария, – требуется сочувствие.

– Но ведь оно есть! – опять не удержался и воскликнул я.

– Даже если оно действительно есть, – Захария поднял руку, приглушая мой порыв, – а я, хорошо зная ваше семейство, ничуть не сомневаюсь в наличии там эмпатии и чувства локтя, – людям подобного склада, к сожалению, всевозможные поддержки и поощрительные награды требуются в таких размерах и преувеличенных формах, которые с трудом могут предоставить им профессионалы, да и просто сочувствующие граждане, обладающие элементарным вкусом, чувством меры и привычками самодостаточного поведения. – Он незаметно вздохнул. – Причём, любого количества этого «драгоценного материала» оказывается всегда недостаточно.

– Но зачем? Зачем так растравлять себя? – Мой вопрос был задан, скорее, самому себе. – Им же самим от этого становится хуже!

Захария оглядывался вокруг, как бы ища поддержки у

строго выверенных пропорций окружающих нас благородных зданий, а может быть, и у самой императрицы, на века заключившей в бронзу свою величавую прозорливость.

– Вы спрашиваете, зачем? – Он задумчиво поднял лицо вверх, подставляя его начинавшим тихо падать большим влажным снежинкам. – Причин много. Здесь и уязвлённое самолюбие, и нежелание признать свои истинные, а не выдуманные ошибки, и раздражение от того, что они обнаружались, и гордыня... да мало ли что!

– Но вы только что говорили о комплексе неполноценности? – перебил я его.

Захария взмахнул руками, стряхивая влагу и снег.

– Всё это прекрасно сочетается. Вспомните: «уничужение паче гордости». Давайте лучше отвлечёмся на время от частного случая и попробуем обобщить сказанное. – Захария лукаво улыбался, поглядывая на меня. – Забавная получается картинка.

– «Забавная»? В чём?

– Отвечаю. В том, что существуют люди, множество людей, которые несчастны в любых ситуациях. У них просто та-

кое качество ума, которое всё превращает в несчастье. Можно ещё как-то понять, когда они говорят, что «плохое – это плохо», но ведь для большинства из них и «хорошее – это плохо», потому что они либо не видят в нём положительных сторон, либо уверены, что и оно тоже скоро и непременно превратится в ужасное.

– Приведите пример, – как всегда, увлекаясь поворотом его мысли, попросил я.

– Пожалуйста. Например, одиночество, грусть, печальное переживание известного рода событий, естественно или неожиданно происходящих... Все эти абсолютно нормальные проявления целостно текущей жизни, её «единого тканого ковра с разноцветными нитями», как говаривала Сонечка вслед за Сомерсетом Моэмом, – всё это не для них. Для них жизнь – это тяжёлое бремя и обуза.

Разумеется, от такой жизни не возвеселишься, поэтому они постоянно находятся в состоянии глубочайшего разочарования, депрессии и составления обвинительного приговора всему на свете.

– Можно только посочувствовать, – пробормотал я.

– О, да! – подхватил Захария. – Представляете, каково

это – быть всё время полностью сосредоточенным на негативном? А ведь именно негативное они непрерывно и очень тщательно рассматривают, порою, осознанно или неосознанно преувеличивая всё, что относится к внешним факторам воздействия и выбраковывая всё, что может быть связано со своей собственной ответственностью. Разумеется, они же и бесконечно скорбят: «Почему всегда со мной это происходит?» (землетрясения, измены, равнодушие, обман и т. д.). Или: «Ну, что я могу сделать?» (такой доверчивый, наивный, не ожидающий удара, а потому и не умеющий дать отпор, теряющийся перед лицом всеобщего Зла и пр.). «Таков мир...»

Захария остановился, развернулся ко мне и очень искренне, заразительно рассмеялся:

– Но мир не таков! В крайнем случае, он просто нейтрален. Мне-то он, конечно, представляется и красочным, и прекрасным, но я никому не навязываю своё видение.

Захария говорил и одновременно внимательно наблюдал за постепенно изменяющимися в густой белой дымке, становящимися всё менее ясными и всё более расплывчатыми силуэтами нарядных горожан, куда-то, видимо, спешащих и весело о чём-то переговаривающихся. Как я вскоре узнал, он в это время обдумывал очередной сюжет картины, так как буквально через несколько дней принёс мне в подарок, как

память об этом дне, небольшой черно-белый графический рисунок в белом окладе под названием: «Зимний день в Екатерининском саду в Петербурге».

– Ну, хорошо, – сказал Захария, отвлекаясь от своих художественных фантазий, – пусть буду я такой, может быть, ещё кто-то. Но ведь и любой другой может выбирать сам свою жизнь! А если вы решили почему-то предпочесть тёмную сторону, то вы и будете жить на этой тёмной стороне, в этом несчастном, мрачном, нелепом мире. Только помните: вы сами это выбрали.

И тут он вдруг, вопреки собственному безрадостному пророчеству, светло улыбнулся и стал говорить тихо и завораживающе:

– Но стоит только сделать одно единственное, небольшое, внутреннее усилие и отбросить – на одну секунду! – обиды и претензии – к кому бы то ни было, – начать всё сначала, а, главное, с самого себя, – и сразу можно будет увидеть, как всё изменится, причём в ту именно сторону, какую вы хотите! Право же, сколько людей, столько и миров.

– И вы можете объяснить всё это Алине? – недоверчиво спросил я, от души желая, чтобы Захария со мной не согласился.

– Почему бы нет? Можно хотя бы попробовать.

Но я продолжал его испытывать:

– То есть, вы верите, что можно улучшить, изменить даже то, чего нет?

– Да, – уверенно произнёс Захария. – Никогда ни для кого не бывает окончательно поздно.

Однако я продолжал упрямо настаивать:

– Но ведь никому не дано права спасти человека против его воли...

Захария понял мой экспериментальный замысел, но участвовать в испытании не отказался:

– Почему же? Можно, например, посадить новые зёрна в ту же самую почву, и они тоже могут дать всходы. Не так ли? – Лёгкая усмешка промелькнула в его глазах. – Не будете же вы отрицать, что такая вероятность тоже существует?

Я отвернулся, не в силах противоречить Захарии, ибо понимал: если начну это делать, сразу придётся раскрывать и

то, что я не могу, не хочу обсуждать вслух. Поэтому я молчал, не мог сказать всей правды даже Захарии – слишком непривлекательны и унизительны для всех участников противоборствующих сторон бывают, порой, детали поступков и сопутствующие им высказывания. Я очень надеялся, что Захария и так поймёт всё, что нужно. Он бы и сам поступил точно так же в подобной ситуации, если бы у него возникла та самая грань, переходить которую без потерь невозможно. Потом

душе будет мучительно больно и горько...

Вслух же сказал всего лишь следующее:

– «Новые посадки», как вы изволили выразиться, сделаны давным-давно: никто ни в чём не винит Алину и не судит. Теперь она сама себя, скажем так, не одобряет. Возможно, ей хочется, чтобы все это опровергали, уговаривали и успокаивали её, а, может быть, ей просто трудно понять, что отношения – в силу разных причин – стали другими и они уже не могут (тоже по разным причинам) оставаться прежними. Более того, их ещё предстоит – всем вместе, разумеется, каким-то образом, заново, на других основаниях выстраивать и видоизменять, разве что сохраняя принцип «не навреди». А это, ох, какая непростая работа. Договориться будет нелегко, я думаю...

— У меня появилась одна идея, — заговорил Захария, медленно подбирая слова и осторожно поглядывая на меня. — с моей точки зрения — неплохая. Что бы вы сказали на то, что сегодня мы с Ильёй сами отвезём Ваню после концерта к Алине? Есть и повод: посмотреть их новые художества. А вдруг там сокрыто нечто стоящее? Жаль будет пропустить, не так ли? — Теперь Захария, похоже, сам увлёкся новой перспективой. — Искусство, знаете ли, такая тонкая штука! И сказать умеет... многое своим особым языком. Ну как, согласны?

В это мгновение у меня перед глазами ясно возникла сцена недавнего нашего расставания после совместного — Ваня, Алина и я — похода в цирк. Весь день мы старались вести себя непринуждённо, как прежде, будто бы ничего особенного в нашей семье не случилось, хотя все прекрасно понимали, что это не так. Ваня слишком оживлённо болтал, задавая мне множество вопросов, я отвечал и тоже его о чём-то спрашивал, Алина, в основном, молчала. Дома Ваня уже с неподдельной радостью стал показывать свою «картинную галерею», одновременно закрывая собою роспись на стене и настойчиво требуя: — Ничего не говори! Работа не окончена.

Алина в это время привычно накрывала на стол. Потом они оба стали усиленно уговаривать меня «поужинать всем

вместе», «в этот почти последний вечер перед отъездом», – и мне трудно было отказать им в такой малости. Однако, когда после ужина я стал собираться к себе домой, на старую квартиру, возникло, – нет, не возникло, просто выплыло наружу, – то самое скрытое напряжение, что с некоторых пор существовало всегда между нами, и в этот день тоже. Оно никуда не исчезало, да и не могло исчезнуть... Словом, закончилось всё ужасно.

Сейчас я как будто снова, с тем же тяжёлым чувством, увидел, как Алина отводила взгляд, стараясь прямо, хотя и с усилием, смотреть на меня, и тихо повторяла: «Останься! Уже поздно... Прощу тебя...», а я молча одевался и, наконец, ушёл, пробормотав напоследок что-то вроде: «Не надо, не сейчас, прости...» Навсегда запомнились её прозрачные светлые глаза, постепенно наполняющиеся до краёв слезами, казавшиеся особенно большими на осунувшемся, побледневшем лице, и удивлённый, непонимающий взгляд Вани.

Помню, уже спускаясь быстро по лестнице, я убеждал себя: «Ваня скоро поймёт, да и она, надеюсь, тоже...». И вот теперь услышал бодрый голос Захарии:

– Соглашайтесь! Если вы думаете, что это мне в тягость, то глубоко ошибаетесь – мне самому интересно.

Захария поворачивался в разные стороны, ища глазами мальчиков, и наконец увидел их снаружи, у чугунной решётки сада. Илья позировал уличным портретистам, а Ваня бежал от одного художника к другому, восторженно наблюдая за творческим процессом.

– Вы сказали, что будете ждать нас в саду, – я всё-таки не удержался и сделал замечание.

-Но мы всё время следили за вами! – воскликнул Ванечка. – И если бы вы нас не заметили, мы бы сами дали вам знак.

Видимо, Захария пожелал расплатиться с молодыми художниками и поэтому обратился к Илье в своей обычной деликатной манере, на этот раз ещё и подчеркнуто-старомодной, на что молодёжь предсказуемо ответила дружным хохотом, Илья тихо заметил, что всё уже сделано, а Захария удовлетворённо покачал головой. Он был автором свода многочисленных неписанных правил поведения «новой школы в миру», одно из которых гласило, что умение свободно вписываться в любую ситуацию, а также легко и естественно из неё выходить, – является неотъемлемым качеством каждого добровольного члена содружества единомышленников, где

бы и с кем бы они ни находились.

– Пора! – сказал Захария, взглянув на часы.

Мы крепко взяли мальчиков за руки и быстро зашагали к подземному переходу через Невский проспект.

После концерта я вернулся домой и ещё долго гулял с Дианой вдоль Фонтанки и близлежащих улиц. Иногда мы с удовольствием растворялись в потоках свободных от забот толп людей, похоже, к концу праздничных каникул ставших более разборчивыми в выборе развлечений. Когда пришёл Захария, я уже лежал на диване в окружении множества книг, читая их в той последовательности, которая соответствовала в данный момент моему настроению, – намеренно задерживая своё общение с каким-либо одним автором или откладывая встречу на следующие дни.

В доме было очень тихо. Мама с отцом уехали по делам в Москву, обещая вернуться лишь к Старому Новому году. Мальчики позвонили и попросили разрешения остаться на эту ночь у Алины с тем, чтобы завтра мы их оттуда забрали и отвезли в аэропорт. Воспитанные домашние звери одним своим присутствием доказывали возможность спокойного, молчаливого сосуществования, не исключаящего симпатии и взаимопонимания сторон.

– Как у вас хорошо, – сказал довольно поздно вернувшийся Захария, раздеваясь, – особенно после шума и толкотни праздничного люда.

–

Он подошёл ко мне и коротко взглянул на книги:

—

Я не помешаю?

—

Нет, конечно, я вас ждал.

Захария удобно устраивался в кресле напротив и неспешно разговаривал:

—

Екатерина Дмитриевна, ваша матушка, не так давно весьма одобрительно заметила, обозрев выбираемые вами издания, что вы, судя по всему, «подсели на чтение», если учесть, что разброс по времени создания и появления этих сочинений исчисляется уже не сотнями, а тысячами лет.

—

Мне она только сказала, что я стал похож на отца.

—

И это тоже.

Я внимательно смотрел на Захарию и видел, что он не просто доволен, но чем-то очень взволнован, хотя и пытается это скрыть.

—

Ну, рассказывайте, не томите.

—

Вы правы. У меня для вас есть три новости, и все три – хорошие. Во-первых, не зря я так люблю грешников! – Он весело улыбнулся, и в его карих глазах, в глубине зрачков, засверкали золотые искорки. – Они, на мой взгляд, – да и не только на мой, – гораздо перспективнее праведников, а порою преподносят такие сюрпризы любо-дорого посмотреть.

Захария на несколько секунд отвлёкся, затем убеждённо произнёс:

—

Прежде чем подняться вверх, человек спускается вниз, и пока он полностью не преодолеет в себе самом свой собственный ад, путь на Небеса ему заказан. Так говорят те, кто прошёл испытания и кого мы привычно называем «просвет-

лёнными», «заново» или «дважды рождёнными».

И вы полагаете такое сравнение уместно?

Он пожал плечами:

—

«Что наверху, то и внизу». – Захария молодо, гибко обернулся ко мне. – Итак, продолжим. Во-вторых, к счастью, мы с вами во многом ошиблись в отношении Алины, оказались в чем-то неправы, а то и вовсе несправедливы. А в-третьих...

—

Так вот какого вы мнения о нас! – перебил я его, усмехась. – И это вы называете «хорошие новости»?

—

Конечно! Потому что, если всё не так плохо, как на первый, второй и третий взгляд представляется, – то это не может не радовать нормального человека. Не будете же вы застревать на прошлых заблуждениях, тем более уже погибших и похороненных?

—

Не буду. – Мне тоже стало весело. – А теперь давайте подробности.

—

Подробностей не будет. Скажу лишь главное. – Захария задумчиво и серьёзно смотрел на меня. – Удивительно, но её раскаяние относится не только к вам, а в ещё большей степени к Софье Алексеевне, Екатерине Дмитриевне, к Асе с Илюшей и даже, как ни странно, ко мне. Вернее, не только раскаяние, но и появившееся у неё стремление пересмотреть своё отношение ко всему вашему окружению, увидеть этих людей заново, пусть ещё не в полный рост, но уже и не в кривом зеркале. Я рад.

Захария замолчал, потом стал опять улыбаться и посверкивать глазами.

—

А знаете, Ванечка настолько талантливо руководит Алиной, что, клянусь, она этого даже не замечает. Меняется и думает, что она сама всё делает! В педагогическом смысле это просто замечательно!

«Супер!» – как говорит молодняк.

Захария энергично взмахнул руками:

—

Да и мы, надо сознаться, ничего такого от него не ожидали – в этом-то возрасте! Он ведь ещё только в первый класс пойдёт, да? – Я кивнул, а Захария продолжил. – Так на чём я остановился?

На пункте третьем.

—

Третий пункт подождёт.

Захария встал и торжественно выпрямившись, произнёс:

—

Я хочу сейчас сказать самое главное. Оно заключается в том, что Алина вас по-прежнему... Нет, – прервал он себя, – не так! Не по-прежнему, а заново, не знаю, как точнее сказать, словом, она вас любит...

Произнеся эту фразу, Захария смущённо отвернулся, помолчал, а потом тихо спросил:

—

А вы? Вы любите её?

Я тоже встал и ответил честно, не избегая его взгляда, напротив, прямо глядя ему в глаза:

—

В том смысле, как она это понимает, – нет, не люблю. Но... – Да, да! – воскликнул Захария. – Она знает!

Он отошёл от меня в конец комнаты.

—

Знает, что вы не бросите их с Ванечкой, не разведётесь с нею и будете заботиться столько, сколько потребуется.

Он снова замолчал, а потом добавил, и мне послышались в его голосе сочувственные нотки:

—

Ну, а потом? Когда необходимость в заботе отпадёт? Что будет с вами потом?

Я не ожидал этого вопроса, но снова ответил абсолютно искренне:

—

Ни сейчас, ни потом я не намерен заводить семью. Все мои планы связаны с тем, что я буду жить один, а это, как вы понимаете, совсем другая история и другой образ жизни.

—

Наедине с миром и с Богом? – грустно промолвил Захария.

—

Не совсем то, что вы подумали. Но если отбросить высокопарный стиль, то «да» – наедине с людьми, природой и всем миром. Подробностей тоже не будет, по крайней мере сейчас.

Захария вернулся ко мне, опять сел в кресло напротив и тихо заметил:

—

Надеюсь, вы понимаете, что делаете. И то, что многие вас не поймут.

А это и не требуется, – спокойно ответил я и повторил свой прежний вопрос: – так что там всё-таки с «пунктом три»?

—

О-о! Здесь всё очень неплохо, – охотно откликнулся Захария. – Алина поступила на отделение социальной психологии и одновременно осваивает различные спецкурсы. Последний, насколько я понял, связан с арт-терапией, так что

умение рисовать ей весьма пригодилось.

Теперь уже Захария не просто сидел, но с удовольствием поглаживал Еву, которая только что вошла в комнату, сначала потянулась к нему через кресло и лишь получив ответный сигнал, мягко вспрыгнула ему на колени.

—

А как насчёт художественных способностей? – спросил я, тоже вынужденный обратить внимание на Диану, давно и прочно расположившуюся рядом со мною, но сейчас, после появления Евы, пожелавшую получить свою порцию ласки.

—

Пока не могу сказать ничего определённого, – ответил совершенно умиротворённый Захария: Ева знала своё дело. – Думаю, достаточно того, что Алина теперь знает, что ничего не знает, а Ваня великолепно стимулирует её желание учиться. Скажу больше, – он медленно повёл своими выразительными глазами, – если известная вам категория «думающих людей» занята, в основном, поисками истины и ответов на вопрос: «Как жить?», то Алина хотя бы один из этих вопросов: «Как жить дальше?» – по мере сил, разумеется, – пытается решать. Похвально, не правда ли? – если учесть, что она никогда прежде об этом не задумывалась. Могла и дальше не задумываться, поощряемая избытком впечатлений, соблаз-

нов и огней большого города.

Захария испытующе посмотрел на меня и неожиданно добавил:

—

И вдруг судьба дарит ей такое счастье – возможность пострадать!

—

Захария, – остановил я его, – согласитесь, вы это только что сейчас придумали. Алина так не говорит.

Зря вы смеётесь! Конечно, не говорила и не говорит, но суть происходящего – поверьте мне на слово – она интуитивно ощущает именно так. Ведь ей уже известно, и не понаслышке: тот, кто в страдании ожесточается, обычно плохо кончает. Те же, кто его принимают как необходимую и естественную часть своей жизни, получают шанс более достойно и с меньшими потерями выйти из ситуации.

Захария ещё продолжал говорить, но его блуждающий, рассеянный взгляд ясно показывал мне, что собственные его мысли стали бродить совсем в другом направлении, а значит, есть вероятность не просто перемены темы, но как бы «переключения» её на другой регистр, что всегда чрезвычайно

увлекало меня в наших беседах.

—

Вы помните Петра? – спросил Захария. – Он ещё был летом на дне рождения Сонечки, организованном в память о ней.

—

Конечно, помню. Такой симпатичный молодой человек, лохматый, в очках...

—

Между прочим, – перебил меня Захария, – этот лохматый молодой человек – один из тех немногих физиков, что могут без стыда произносить слово «Бог» и одновременно утверждать, что Мир подобен сложной компьютерной игре Творца и создан с помощью уникальной матрицы... И ещё что-то в этом роде. Но сейчас я хочу поведать вам о другом. У этого симпатичного молодого человека есть не менее симпатичная теория, и заключается она, если я правильно запомнил, в следующем. Строго говоря, она имеет отношение ко всему на свете, в том числе и к нашему с вами предыдущему разговору.

Захария мог этого и не пояснять, – я и так уже слушал его с обострённым вниманием.

—

Пётр говорит о прогнозах, – продолжал Захария. – доказательно излагая факты «прораствания» их на любом материале, неважно, науки, мифа или искусства – при условии, что авторы способны учитывать важнейшие социальные вызовы и, разумеется, новейшие исследования в выбранной области. Естественно, у него есть научные работы, где всё изложено так, как принято среди специалистов. Меня же интересует всего лишь несколько идей, которые на мой гуманитарный взгляд могут быть с успехом приложимы как к жизни, так и к искусству. Надеюсь сейчас заинтересовать ими и вас.

Захария поддразнивал меня, но я и сам охотно шёл ему навстречу.

—

Вот, послушайте, – продолжал он. – Человечество всегда понимало и понимает: если умрёт идеализм, то вместе с ним исчезнет и Любовь, и Вера, и Надежда, а также Мечта и Героизм, «пленительная недоговорённость чувств» и вообще вся романтика жизни. При этом оно – человечество – по-прежнему заблуждается, несмотря на трагический, многократно повторяющий себя опыт, и никак не хочет признать, наконец, что битва Добра и Зла – вечна, вечен и круговорот падений и побед, что любые, якобы, завоевания оказываются на

поверку бесплодными, пока все «вечные сюжеты» попережнему вертятся вокруг одного и того же конфликта, а именно: противостояния реальных или мифических сил (договоров о совместной прекрасной жизни и прочее) – всё тому же всевластию.

Захария говорил и обращался не только ко мне, но как бы ко всем, кто готов его слушать:

—

В том-то и штука, уважаемые господа, что необходимость «сильной руки» и «абсолютной власти», без которых к ужасу большинства на Земле непременно воцарится анархия, а значит, и всеобщая катастрофа, – эта мысль по сути не подвергается сомнению, – в отличие, скажем, от идеи, условно говоря, демократии (или какого-либо иного, более совершенного устройства общества), о которых люди даже не имеют толком никакого, тем более единого представления., кроме того, что они противоположны тирании власти.

—

Не так ли, мой друг, – обратился Захария ко мне, – ведь и вы размышляете о необходимости преодоления Зла прежде всего в самом себе, максимум в объединении с единомышленниками, – причём настолько свободном, что оно, в силу разных причин, может рассыпаться в любой момент. И толь-

ко обретя внутри себя это Небесное Царство, люди, может быть, додумаются и до устройства своей жизни на каких-то иных, более совершенных основаниях.

Захария был так увлечён развитием своих и не только своих мыслей, что, подняв руку, остановил моё желание включиться в диалог.

—

Позвольте я закончу, – сказал он. – Я понимаю, что вынужден упрощать ваши позиции в угоду главному тезису. И всё-таки давайте пройдем немного дальше и хотя бы частично оградим нескончаемый поток сознания. Итак, – продолжил он, – каждый человек сам, актом своей воли, которую Господь сотворил опять же свободной, – созидает, выбирает, выделяет (не знаю, как лучше сказать) – текущую реальность, включающую в себя все оттенки тёмного и светлого, ибо она целостна. Он может ей следовать, а может и сомневаться в ней. В том случае, если сомнения перейдут некое пороговое значение, человек (или группа, сообщество людей) могут потерять одну вероятностную «историю развития событий» и обрести совершенно другую. И это не вопрос искажения, перетасовывания фактов, а вопрос «мировоззренческого перемещения» в разные истории, являющиеся проекцией событий на наше сознание или наоборот.

Таким образом, если я правильно всё вспомнил и изложил, «индивидуальные Вселенные существования» создаём мы сами, и они – неисчислимы. Мы же сами за них и ответственны. Кто-то осваивает Солнечную систему, а кто-то пирует среди олигархов на некоем острове. Один мучительно, денно и ночью, корпит над очередным научным экспериментом, а другой спокойно наслаждается с друзьями рыбалкой. Множество молодых людей буйствуют на стадионах во время рэп-баттлов, темпераментно возрождающих старинную, народную, площадную, смеховую культуру, переворачивающую «верх» и «низ», сметающую все запреты и табу, в том числе и те, что относятся к ненормативной лексике, – и лишь единицы в тишине, уединении и одиночестве постигают тайны мироздания. И всё это – прошу заметить! – происходит одновременно и каким-то неведомым образом влияет друг на друга. При этом не только мы, но и мир вокруг нас изменяется от нашего же присутствия. Не только мы его слушаем, но и он прислушивается к нам. И лишь человек сознательный в состоянии сам выбирать свою «историю» и свою судьбу, иначе... Иначе останется всё как всегда и как у всех.

Пока Захария молчал, углубившись в свои мысли, я успел подумать о том, как хорошо, что кто-то сформулировал те самые образы и представления, о которых ты сам ещё только начал догадываться, и, значит, можно идти дальше.

В это время Захария уже весело смотрел на меня и спрашивал:

—

Ну, как, удалось мне удивить вас?

—

Ещё бы! – ответил я и спросил в свою очередь:

—

Не хотите ли что-нибудь выпить? Наш бар заметно пополнился в Новом году и, насколько я помню, там есть и любимый вами «Scotch Whisky».

—

Идея интересная. – сказал Захария. – Но не слишком ли их много для одного вечера?

—

А что, есть норма? – улыбнулся я и пригласил Захарию пройти в гостиную.

*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

В ожидании весны

«Ты не должен любить обезумевшую стаю птиц! Ты вовсе не должен воздать любовью за ненависть и злобу... Ты должен помочь им увидеть ту же (свободную) чайку в них самих. Вот что я называю любовью».

Ричард Бах

«– А что это за звуки вот там? – спросила Алиса.

– А это чудеса, – равнодушно пояснил Чеширский Кот. – И... И что же они там делают? – поинтересовалась девочка.

– Как и положено. – Кот зевнул. – Случаются...»

Льюис Кэрролл. «Алиса в стране чудес»

Мальчики улетели и благополучно приземлились в новом аэропорту в Крыму. Захария закончил дела и тоже стал

собираться домой, в Ереван, откуда уже поступали осторожные, деликатные послания от его большой семьи с просьбами сообщить, когда же смогут, наконец, увидеть и обнять

его: «любящие родители, жена, дети, внуки, дяди, тётки и племянники». Вернулись из Москвы и мои родители, которые теперь, как я понял, работали вместе в издательстве, хотя мама и оставила за собой небольшую нагрузку в Университете, так как не хотела расставаться со своими любимыми студентами.

Отец по приезде быстро побрился, переоделся и сразу же ушёл на работу. Мама осталась дома. Когда я заглянул в кабинет, она сидела перед включённым планшетом, рядом с которым прочно заняла своё место Ева. Передние прямостоящие её лапы были аккуратно обвиты черно-бело-рыжим хвостом, глаза закрыты, голова чуть наклонена вперёд и прислонена ко лбу мамы. Тонкие пальцы мамы ещё касались экрана, но тело уже было расслаблено, глаза тоже закрыты, и они обе, чем-то очень похожие сейчас друг на друга, застыли в одинаковых позах трогательной доверчивости. Я тихо приотворил дверь, боясь и не желая нарушить молчаливый покой уединения их первой встречи после разлуки, как вдруг мне послышалось, что кто-то из них двоих стал еле слышно бормотать что-то очень ласковое, и, скорее всего, это была Ева.

В первую минуту, войдя в свою комнату, я напрочь забыл, зачем сюда пришёл, пока не вспомнил, что столь своеобразное поведение памяти кроется... в дверях. Современные западные учёные – не без юмора, конечно, – совершенно точно

определили, что при прохождении через дверной проём в сознании человека срабатывает механизм «границы событий», который отделяет один блок мыслей и воспоминаний от другого. Мозг автоматически «отправляет в архив» те мысли и чувства, которые владели нами в покинутом помещении, и каким-то образом «очищает пространство» для новых впечатлений. Такие границы событий, утверждают исследователи, чрезвычайно полезны для нас, живущих в мире, перенасыщенном быстротекущей, постоянно меняющейся информацией, требующей мгновенного переключения внимания и осмысления всё новых и новых задач.

Что ж, может быть, может быть... Во всяком случае, я и так чувствовал, что внутри своей комнаты, действительно, сразу попадаю в знакомую атмосферу наработанных мысле-образов, испытывая наибольшее расположение к тем из них, что особенно волнуют меня в данный момент. Например, сейчас меня снова увлекала идея Знания (с большой буквы), коренным образом отличающегося от всех привычных нам видов массово-доступной информации и, тем не менее, пронизывающего всю историю человеческой мысли. Об этом можно судить хотя бы по многочисленным намёкам и оговоркам выдающихся умов, начиная с самых отдалённых времён и до наших дней. Иногда оно называлось «скрытым знанием», иногда – «древним», «тайным» или даже «привнесённым» к нам пришельцами высокоразвитых цивилизаций,

а потому – «единственно верным».

При этом, откуда и от кого бы эти подсказки, символические послания ни исходили – от учёных, художников, религиозных деятелей, извлекались из глубины мифов и верований, героических легенд различных народов и стран, – смысл их был одним и тем же. А именно: всегда, в любые времена, в определённых местах существовало и существует особое знание, настолько превосходящее то, которым мы обладаем и постоянно пользуемся, что просто нет и не может быть никакой возможности, ни одного успешного выбора из известных нам форм восприятия – освоить и применить его в обычной нашей жизни, наполненной противоречивой информацией, к тому же усугублённой преднамеренными и непреднамеренными обманами и самообманами. Ибо по самой своей природе такое Знание не имеет ничего общего с обыденным сознанием и свойственными ему способами познания себя и окружающего мира, а известная бедность, ограниченность и нетренированность человеческого воображения перед лицом подобных явлений и вовсе поразительна.

Таким образом, приходится признать, что «скрытое знание», скорее всего, не совпадает ни с одним видом привычных нам знаний. А ежели всё-таки допустить его существование, то придётся допускать и то, что оно принадлежит да-

леко не всем людям, но лишь определённой, незначительной их части. Не исключено и то, что мы не знаем и не сможем узнать этих людей, даже если нечаянно с ними столкнёмся. Вряд ли они захотят вот так сразу раскрыться перед нами и передать своё «тайное знание» в руки совершенно не подготовленных к нему особей. Во-первых, это бесполезно, а, во-вторых, они сами давным-давно и не один раз нас предупреждали, насколько чреватые могут быть последствия такого преждевременного «допуска» к закрытой, табуированной информации.

И здесь мы приближаемся довольно близко к весьма распространённым среди «думающих людей» мнениям о разделении человечества как минимум на две неравные части. То человечество, к которому мы принадлежим, образует внешний круг, и вся известная нам человеческая история есть, в основном, история этого внешнего «экзотерического», как ещё его называют, круга. Внутри этого большого круга имеется малый, внутренний, о котором люди внешнего круга почти ничего не знают или знают так мало, что скорее всего лишь смутно догадываются о его существовании, или, что гораздо опаснее, пользуются упрощёнными, искусственными заменителями добываемого и охраняемого в малом круге Знания, часто удовлетворяясь преднамеренными «вбросами» в массовое сознание различной ложной информации от лжеучителей, выдаваемой за истинную.

Внутренний, или «эзотерический», круг составляет как бы особую жизнь внутри всеобщей жизни, нечто сокровенное, тайное, что пребывает в глубине Бытия, но, тем не менее, влияет и на нашу жизнь во внешнем круге. Каким-то неведомым образом Великое Знание передаётся последовательно и непрерывно, из века в век, от человека к человеку, от одного народа к другому, и не перестаёт существовать, даже если время от времени вынуждено скрываться.

Но и тогда крупинцы истины, прорывающиеся на поверхность, оказываются рассыпаны повсюду так, чтобы те, кто не слеп и не глух, смогли хотя бы о нём не забывать. При этом внутри малого круга никогда не прекращается работа, не исчезает «неприкосновенный запас», надёжно хранятся достижения всех культур и цивилизаций, накопленных человечеством за всю историю своего существования, создаются новые ценности, чтобы перейти затем в особые хранилища, – например, в Ноосферу. Оттуда – иногда! – направляются на Большую Землю и Великие Учителя, чтобы осветить этот дольний мир на мгновение и уйти обратно. Куда? В Обитель Богов, Эгрегор, Шамбалу? – Это никому точно не известно... Или, может быть, возвращаются только их Души и вдохновенные творения Разума, а люди лишь заклиная друг друга тем, что «рукописи не горят»?

Кто знает...

Здесь мы переходим уже за границы достоверных и авторитетных изысканий уровня В. И. Вернадского и попадаем в мир не только фактов, но и легенд, и фантазий вокруг не менее достойных судеб художников, метаисториков и метафилософов, таких, например, как Елена и Николай Рерих или Даниил Андреев.

Строго говоря, выражения «малый и большой круг» – весьма условны. Малый круг, в определённых отношениях, может превосходить – и намного! – большой, да и пространственно-временная география проявления Метазнания (даже в пределах одной только нашей планеты) – обширна и многогранна. Поразительно другое, а именно то, что внутри себя каждый из нас «носит» оба эти круга, и нужно лишь осознанное, добровольное усилие, чтобы их «вспомнить» и «пробудить». И тогда тот, у кого есть искреннее желание, а также реальный импульс к познанию, сможет прикоснуться к Истине, понять сначала пусть только ту самую её крупинку, что лежит на поверхности. Главное – не останавливаться ни в коем случае, а двигаться дальше так, чтобы почувствовать: если Истина и не изменяет Бытие в материальном плане, то уж точно она изменяет сам смысл бытия, и что поэтому Любовь и Истина – всегда вместе, а Истина, порой, нужна лишь затем, чтобы стала возможной Любовь... И тогда

однажды, вслед за пробуждением и пониманием, Истина и Любовь вознаградят нас и сделают свободными, ибо никакого другого пути освобождения просто не существует...

Так я размышлял, зная, что конца этому не предвидится, но ещё не зная, что большая часть этих мыслей вскоре получит неожиданное продолжение от Петра (того самого физика-ядерщика, которого я отметил уже прошлым летом на дне рождения Сонечки). Сейчас мы гуляли с ним в Петербурге, ранней весной, по набережной реки Мойки, после заседания клуба путешественников, посвящённого небезынтересной для нас теме: «Планетарное сознание и космическое видение мира на грани тысячелетий». Пригласили нас туда наши новые друзья, ученые-подвижники, родившиеся в Ханты-Мансийском крае, получившие образование, а потом и работу в Санкт-Петербурге, объехавшие полмира с пропагандой результатов многолетних исследований Северного космизма, особой цивилизации Севера и северных народов.

По-моему, им удалось заразить слушателей своими проектами и поэтически-преданным к ним отношением, убедить в том, что Север и северяне воплощают в себе «не только лёд и тьму полярной ночи, но и свет, и тепло недр, ... бесконечные просторы энергии и особой информации», а также Мудрость выживания в экстремальных условиях и силу Духа «в преодолении панических страхов людей, проникнутых

ужасами разрушения нашего хрупкого мира и бесконечными ожиданиями “конца света”». По крайней мере, мы с Петром сразу пошли записываться в их группу, отправляющуюся на этот раз на Крайний Север. Не так давно я не поехал в Египет (по понятным причинам), и вот теперь судьба предлагала мне ещё один шанс – и какой!

Однако Север и северяне, со всей их привлекательностью и мечтой о «новом тысячелетии как о тысячелетии Севера», – это то, что ещё предстояло нам пережить (если всё должным образом «сложится»), а пока я с интересом вслушивался в то, что говорил Пётр.

– В своё время, – Пётр размеренно шагал по мостовой, с близоруким прищуром глядя на яркое, холодное мартовское солнце, явно не желающее смягчать прохладу ветра, дующего с залива и свободно разгуливающего по улицам города, вдоль рек и каналов, – когдато, – продолжал Пётр, – мне очень много дало открытие эзотеризма в Христианском учении, главным образом в Новом Завете и Откровении ап. Иоанна.

Следует отметить, что в отличие от меня Пётр глубоко и давно занимался этими вопросами.

– Сколь бы образованным, – говорил далее Пётр, – в при-

вычном значении слова, ни был человек, ему не понять Евангелий без особых на то Знаний, которыми овладевают ученики в специально создаваемых для этого условиях. Не случайно разные люди обнаруживают в Четвероевангелии разные смыслы. Более того, каждый отдельный человек по мере изменения уровня своего сознания и состояния души также извлекает из него разные смыслы. В результате и Царство Небесное, и Страшный суд, и Страстная неделя – у каждого свои.

– Да, я знаю, – обернулся он, отвечая на мой молчаливый вопрос, – представители церкви не жалуют само слово «эзотеризм», хотя понятие – «эзотерическое знание» – как то, что хранится в тайне от непосвящённых и открывается лишь избранным, ибо связано с самыми важными явлениями (а именно, устройством Мира и Вселенной, «того» и «этого» света, смыслами человеческого существования и т. д.), очевидно, не вызывает ни у них, ни у нас, светских людей, какого-либо противоречия.

Пётр достал смартфон и открыл нужный текст.

– Посуди сам, как можно ещё толковать эти строки, обращённые к ученикам, кроме как открытием «скрытого знания».

Вам дано знать Тайны Царства Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не разумеют.

(Лука, VIII, 10).

Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули...

Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат;

Ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

(Матф., XIII, 15-17)

– Разумеется, – продолжал Пётр, – в Писании есть множество мест, показывающих трудность, исключительность понимания истины, а также то, что должны сделать люди, чтобы приблизиться к ней, и что им не следует делать, то есть, что может им помочь или помешать в этом деле. В частности, раскрываются особые методы и правила работы над собой, опять же в специально созданных исключительных услови-

ях, – и многое, многое другое, не менее поучительное.

– Но сейчас я не об этом, – добавил Пётр, отключая и пряча телефон, и на лице его появилась знакомая мне обаятельная улыбка. – Да ты и сам можешь всё прочитать. А если не прочтёшь, так додумаешь. Сам знаешь, как это делается.

И он засмеялся, как-то совсем по-детски закинув голову назад.

Я не мог не улыбнуться ему в ответ.

– Ну, и в чём же мораль? Сделать «тайное» – «явным»? Пётр покачал головой:

– Нет. Мы это уже проходили. К сожалению. С искажениями, упрощениями и – «на продажу». Отсюда и томление духа...

– Тогда что же ты хочешь?

– Скорее не хочу. Не хочу, чтобы «тайное» превращалось в «лже-явное». По крайней мере, для тех, кто хоть что-то понимает.

– И ты знаешь, как это можно сделать? – зачем-то спросил

я, будучи совершенно уверенным, что ничего сделать в этом отношении невозможно.

—

Пётр задумался, но ненадолго. Потом убеждённо произнёс:

—

Быть более бдительным, чтобы отличать доброе семя от плевел. Пока только так.

«Немного же», – подумал я, но промолчал. А Пётр, будто услышав, добавил то, что сразу вызвало у меня взволнованный отклик:

—

И ещё. «Надо быть вечно на пути в Дамаск».

Я даже пропустил несколько последующих его размышлений. Когда же включился снова, он уже говорил о другом:

—

Не стоит открывать непростые истины всем без разбора. Ибо есть люди, для которых они недоступны и в сущности бесполезны. Так что, к сожалению, следует признать: всегда будут те, кто недостоин свободы. «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не

попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». (Матф., VII, 6) – Да... – протянул я. – Круто.

—

А ты думал, что религия Христа только кротка, смиренна и великодушна? Нет! Она ещё и смела, и сурова, и отважна. Потомуто и имеет право утверждать поистине космические законы, до сих пор непостижимые для большинства. Слушай: «...Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет...» (Матф. XIII, 12). И ещё есть немало равных этому откровений.

—

Это жестоко, – непроизвольно вырвалось у меня. – И разве, выражаясь твоим же языком, не для всех существует надежда на Возрождение и Превосхождение себя, хотя бы на пути в тот же Дамаск, что бы мы ни вкладывали в эти слова? Иначе жизнь станет сплошным страданием и адом.

—

Страдание, и боль, и ад мы постоянно носим в себе – это тоже часть нашего мира, – спокойно ответил Пётр. – А всякое препятствие – «на пути в Дамаск», – не грех повторить такое выражение и в третий раз, не правда ли? – засмеялся он, – это ещё и рождение новых возможностей.

Пётр несколько раз выпрямил спину, снял очки, чтобы протереть стёкла, но, в отличие от большинства близоруких людей, которые в этот момент выглядят совершенно беззащитными, показался мне ещё выше и увереннее, чем прежде.

—

Бывают ситуации, – сказал он, – чаще всего, именно так и бывает, когда Добро никого и ничего не побеждает, и всё-таки хочется его нести... вместе с такими же чудаками. Жизнь абсурдна, поэтому я допускаю, – он сощурил глаза, глядя на солнце, – что хотя и трудно, и не хочется порой, но можно полюбить мир и людей такими, какие они есть. Солнце равно восходит над добрыми и злыми, и есть великое достоинство в сострадании и милости к падшим.

Пётр быстро пошёл вперёд, завершая разговор.

«И право есть у всех, и погода стоит отличная, только вот хорошо бы ещё дождя не было...» – усмехнулся я про себя и тоже ускорил шаг. К этому времени мы уже минули Конюшенную площадь и вышли к Марсову полю, где стояло на обочине вызванное чуть ранее Петром такси.

—

Я еду через Садовую и могу тебя подбросить к Апраксину

двору. А там – два шага и до твоего дома.

Пётр любил и хорошо знал наш город, и это тоже мне очень в нём нравилось.

—

Спасибо, но я, пожалуй, пройду пешком.

Открыв дверцу рядом с водителем, Пётр приложил руку к сердцу и пожелал на прощание:

—

Не забудь передать поклон прекрасной Екатерине Дмитриевне. – Не забуду.

Мама была дома, я исполнил пожелание Петра, не удержался и добавил:

—

«Скажи поклоны князю и княгине. Целую руку детскую твою за ту любовь, которую отныне ни от кого я не таю».

То, как Бунин писал эти строки, ощущая всю глубину крушения и гибели «своей России», вполне уже эмигрант, вынужденный признать распад всех прежних связей и потому открыто объявляющий о своей тайной и нежной любви, зная,

что никакого продолжения её не будет и быть не может, – это его состояние было мне близко и понятно.

Мама внимательно наблюдала за мной и «читала», несмотря на мои уловки, как «открытую книгу».

—

По-моему, ты перепутал адресата. Эти стихи явно предназначены другой даме.

Я пожал плечами.

—

Разве тебе самой не нравится это великосветское: «скажи поклоны...»?

—

Надо же, как мы продвинулись. – Насмешливая её фраза совсем не совпадала с сочувственным выражением её лица.

Мама помолчала, потом добавила осторожно:

—

Они живут недалеко от Стокгольма, в Швеции.

—

Поближе к Королевской Академии и Нобелевским премиям, как я понимаю?

Фраза прозвучала не слишком доброжелательно, но я быстро взял себя в руки:

—

Нет! Я не хочу тревожить их ничем.

—

Это не точная цитата, – сказала мама.

—

Я знаю.

Она подошла ко мне так близко, что я услышал тонкий запах её духов, обняла и сказала тихо:

—

Я очень люблю тебя, Ник.

Мне пришлось отвернуться, чтобы она не увидела моих глаз. – Я тоже.

...

Мама ушла, и я остался один. Теперь для меня уже не бы-

ло сомнения в том, что моя любовь к Асе существовала всегда, возможно, даже с детских лет. Однако ясно и окончательно я осознал, что Ася – единственная женщина, с кем у меня могут быть отношения, традиционно предполагаемые между мужчиной и женщиной, – это я понял только недавно. Правда, надо отдать должное, гораздо раньше, чем произошла их помолвка с Марком.

То, что это действительно Любовь, стало очевидно, когда жизнь, не таясь, откровенно и недвусмысленно начала обретать совершенно иное качество. Она как-будто каждый день возникала заново, изменяя и преображая всё вокруг. Удивительно, но я почти сразу почувствовал, что Любовь способна приносить радость сама по себе. Ася была безнадежно далека и недоступна. Я не знал, когда мы встретимся и встретимся ли вообще, но это ничуть не мешало мне постоянно испытывать радость от того, что вот, наконец, и ко мне пришла любовь. Такая, что не обращает внимания ни на какие преграды, не ставит никаких условий и, похоже, никуда не собирается уходить. Даже если бы наша встреча состоялась, я был уверен, что не стал бы ничего разрушать в её жизни, так как привычные представления о завоевании, обладании, соперничестве и т. д. здесь совершенно не годились.

Я уже понимал, что Любовь не имеет никаких целей, никаких причин или смыслов, кроме себя самой. Она не требу-

ет никакого разумного объяснения или доказательства, тем более хитроумно разработанной стратегии поведения. Она просто есть, и это прекрасно.

В повседневной нашей жизни всё ровно наоборот. Люди пытаются так или иначе всё себе объяснить: отыскивают либо цель, либо причину, либо мотив происходящих событий, или что-то ещё, или всё сразу и вместе. А потом удивляются, почему же это не сработало, и куда ушла мелькнувшая на мгновение, Любовь? Ведь всё было так ясно! Учиться нужно, чтобы иметь работу, работу – чтобы иметь деньги, деньги – чтобы построить дом, куда можно было бы привести жену, которая родит детей, которые станут твоим продолжением, поднесут в старости «стакан воды» и, может быть, пристойно проводят на «вечный покой»...

Всё это очень хорошо, и, наверное, правильно, но к Любви не имеет равным счётом никакого отношения. Любовь – не проект и не бизнес, она не строится на брачном договоре, соблюдающем интересы сторон и грамотный раздел имущества. Именно поэтому к ней нельзя относиться по-деловому, она подобна Бытию Мира и Космоса, которые ничего не ведают о «ловушках» ума и расчёта. Деревья растут просто так; птицы прилетают, качаются на ветках и распевают свои песни; цветы расцветают в положенный срок и дарят всем свой аромат, ничего не требуя взамен; Солнце согревает Землю

днём, а звёзды таинственно сияют на небе каждую ночь... И если кто-то кого-то начинает любить по-настоящему, то это означает только одно – что явилось чудо, и нужно быть очень трепетным и чутким, чтобы его не спугнуть, а иначе... Иначе оно исчезнет.

Теперь, когда всё это уже случилось, я с запоздалой тревогой думал о том, что если бы этого не произошло, я упустил бы самое важное, самое главное и самое прекрасное на свете. То, что можно сравнить, наверное, лишь с видением бескрайнего луга цветущих красных маков, белого коня на изумрудно-зелёной траве, а рядом с ним – стройного застенчивого юношу с сильными плечами и узкой талией, любующегося прелестной юной девушкой, трогательно переступающей босыми ногами по ковру, чтобы лучше его отстирать в быстробегущем ручье, и лукаво поглядывающей на юношу...

Зачем я вспомнил сейчас этот старый фильм «Древо желания» Тенгиза Абуладзе? Ведь там события разворачиваются так трагично: девушку выдают замуж по расчёту, а когда выясняется, что их любовь с юношей на этом вовсе не заканчивается и не умирает, – девушку, такую юную, такую прекрасную, – убивают... Всем селом, в соответствии с древним жестоким обычаем, публично, в назидание другим... забивают до смерти камнями и грязью, под недолгие

протесты местных чудаков: обаятельной деревенской полусумасшедшей, живущей в своих мечтах-воспоминаниях, самоучки-изобретателя, любящего играть с детьми, да молодой одинокой женщины, порицаемой всеми лишь за то, что жизнь бьёт из неё ключом...

Зачем? Поводов вспомнить этот потрясающе талантливый фильм могло быть множество. Но почему перед глазами встала именно эта картина с красными маками на зелёном лугу и двумя влюблёнными с ясными, чистыми глазами? Может быть, потому, что подумалось о том, как рождаются легенды? Ведь никто и никогда бы не вспомнил об этом далёком горном селении (как и о многих других) ещё сто лет, если бы там однажды не появились, неизвестно откуда – Красота и Любовь, а потом ушли, и тоже неизвестно куда... Но память о них не исчезла, она осталась навсегда. А на том месте, где всё это произошло, выросло прекрасное дерево и зашелестело юной, свежей листвой, и в положенный срок украсилось яркими красными цветами, которые нежно ласкал ветер. На этом фильм заканчивается, а мы по-прежнему продолжаем о нём думать, и наше сердце замирает от воспоминаний...

Что же касается нашей встречи с Асей, то здесь я ошибся. Она вернулась в Питер довольно скоро, в конце мая. Тогда стояли очень тёплые, ясные дни, и мама попросила меня

съездить вместе с нею на дачу, чтобы подготовить оба загородных дома к приезду детей на летние каникулы.

Мама делала уборку в доме, я – в саду. Потом она занялась приготовлением солидного ужина, так как к вечеру обещал приехать отец, а я пошёл в дом Аси и Софьи Алексеевны. Открыв все окна и двери, я привычно поднялся наверх, в мастерскую, чтобы снова увидеть картины, вазы, кувшины, фигурки малой пластики, которые всегда хотелось потрогать, изящно выполненные светильники, которые хотелось зажечь, домотканые коврики, гобелены и прочие давно знакомые мне предметы, созданные руками хозяек дома и их гостями. И как когда-то, почти три года назад, я услышал позади себя лёгкое движение, обернулся и увидел Асю.

Она была в джинсовом комбинезоне и шелковистой вязаной кофточке бледно-сиреневого цвета, обтягивающей тонкие руки и заканчивающейся фонариками у плеч.

—

Привет! – Ася улыбнулась. – Как же я рада вас всех снова видеть!

Она широко развела руки, как бы желая обнять и дом, и сад, и озеро за ним, и где-то там, вдалеке, прозрачный мелкий залив с песчаными берегами и чайками, недвижно сидя-

щими в воде на камнях.

—

Ася! Послушай, мы ведь тебя даже толком не поздравили, – сказал я, откровенно любуясь ею. – Правда, ты не позвала нас на свадьбу. Но подарки у нас есть.

—

А свадьбы и не было, – отмахнулась она. – Не было и регистрации, если ты об этом. У нас получился свободный европейский союз.

Она задумалась и замолчала, но мне, как всегда, нетрудно было держать с нею паузу.

—

Ты надолго приехала? – наконец спросил я.

—

Я здесь уже две недели. Сколько пробуду ещё, не знаю.

Мастерская была очень большой, она занимала весь второй этаж, и Ася чудесно смотрелась на фоне полностью застеклённой стены, за которой отчётливо были видны ветви высоко выросших деревьев с ещё клейкими, блестящими листочками.

—

Что ты всё улыбаешься? – Ася с любопытством поглядывала на меня, двигаясь своей лёгкой походкой по периметру освещённого солнцем помещения и постепенно приближаясь ко мне.

—

Очень хочется тебя обнять, ...сестрёнка. Можно?

—

Почему нет, ...братец?

Она подошла совсем близко и я осторожно положил руки ей на спину, сразу почувствовав и всю её хрупкую незащищённость, и всю свою пронзительную к ней нежность... Как вдруг неожиданно ощутил, уловил еле слышное дуновение от присутствия ещё одного, крохотного, живого существа, уже умеющего, однако, радоваться жизни.

—

Ты так и будешь держать меня? – насмешливо проговорила Ася.

—

Нет. – Я опустил руки.

Теперь она более пристально вглядывалась в меня.

—

Ты очень переменялся.

Я пожал плечами и отошёл.

—

Все мы меняемся. Вот и у тебя, например, скоро появится девочка и ты станешь мамой.

Она вздрогнула и как-то вся напряглась:

—

Ты уверен, ... что это будет девочка?

—

Да. Такая же прелестная, как ты.

—

Ну, раз ты всё знаешь, – заговорила она, по-прежнему внимательно меня изучая, – тогда, может быть, согласишься стать крёстным отцом?

—

Ну уж нет! – решительно сказал я.

—

Почему? – удивилась Ася.

—

Потому что тогда я не смогу никогда на тебе жениться – крёстным не положено.

Я хотел, чтобы всё выглядело обычной шуткой, хотя на самом деле прекрасно знал, что всё это правда.

—

Не говори глупости! Ты уже женат.

—

У тебя устаревшие сведения, моя дорогая, – усмехнулся я, – Алина сделала мне предложение: она пожелала оформить развод.

Я согласился.

Ася вопросительно смотрела на меня, очевидно ожидая разъяснений, но я не мог ей больше ничего сейчас сказать, разве что повторить общеизвестное:

—
Не бери в голову! Всё, что ни делается, всё к лучшему.

Ася ещё попыталась сопротивляться:

—
То есть, ты можешь быть крёстным?

—
Нет, конечно.

И тут, похоже, она всё поняла:

—
Это что, такое вот замысловатое объяснение в любви? «Нормальные герои всегда идут в обход»? – спросила она.

—
Да, так и есть, – спокойно ответил я. Отступать было некуда. – Но тебя это ни к чему не обязывает. Скорее наоборот.

—
Что значит «наоборот»? – проговорила она, упрямо встряхивая головой, и её неприятельно стянутые на затылке волосы закачались из стороны в сторону. – Ты меня совсем запутал.

Я молчал. Наша вторая пауза слегка затягивалась. Пришлось прервать её оживлённым, даже слишком, рассказом о первом, что пришло в голову. Первыми были Север и северяне. Ася слушала тихо, не задавая вопросов, и лишь когда я закончил, грустно заметила:

—

Как же много мы знаем и как мало понимаем, а «Вергилия нет за плечами...», – и опять замолчала.

И снова я не выдержал первым:

—

Ася, не грусти! Ну, хочешь, я буду крёстным? В конце концов, какая разница?

—

Теперь уже не хочу. – Она села в кресло и опустила голову. – Как же ты теперь будешь жить?

—

А ты не заметила, что я уже давно так живу, – сказал я, подошёл к ней и мягко взял за руки. – Прости, я не стою твоего сочувствия... и поверь, нет ничего дурного или сложного в том, чтобы научиться жить одному. Это вполне доступное

умение для всех, кто его искренне желает.

—

Хочешь сказать, есть такие техники, которые... – Она не стала заканчивать фразу, лишь махнула рукой.

—

Нет. Это случается не благодаря технике. Техника только подготавливает почву, а дальше – нужно быть готовым и ...просто ждать, и тогда, возможно, оно придёт, это состояние, ...«случится»... каким-то таким образом, что энергии, текущие сквозь тебя и в тебе, начнут трансформироваться, перетекать друг в друга, а ты начнёшь понимать, что можешь ими управлять. Конечно, благодаря чему-то другому, гораздо более важному, чем любые, какие угодно, пусть даже редкие техники.

Ася была взволнована и не скрывала этого:

—

Это слишком сложно для меня!

—

Сложно?! Для тебя?! Да ты почти с пелёнок работаешь не с тем, что возможно или вероятно, а с тем, что невозможно и невероятно! Кого ты хочешь обмануть?

—

Себя, наверное. Смутил ты мою душу.

—

Ася! Ты просто не хочешь услышать. Послушай ещё раз. И в одиночестве есть свой глубокий, особый смысл, даже красота. Если один полюс жизни – это весёлое, шумное общение среди множества людей, то другой – тишина, безмолвие, уединение, созерцание... Разве плохо? Жизнь многогранна, она состоит из того и другого – разного! – и хороша именно своей противоречивой, но всё же цельной полнотой... Останови меня, пожалуйста, а то я могу увлечься!

—

А как же «молчание», «уединение»? Не рано ли ты их предпочёл?

К ней вернулась привычная насмешливость, и я был этому рад.

—

Ну, хватит! Предлагаю пойти к нам ужинать, – весело сказал я, – Екатерина Дмитриевна готовит какую-то грандиозную трапезу в честь приезда отца. Там могут оказаться и солёные огурчики!

А что ещё любят будущие мамы?

Ася вздохнула.

—

Неужели теперь мне всё это придётся постоянно терпеть?

Разве не печаль?

—

Какая печаль, Ася? Посмотри вокруг!

Я подхватил её на руки и отпустил, только когда мы очутились на террасе. Солнце светило ослепительно ярко, рисуя ветвями покачивающихся деревьев узоры на свежей зелёной траве. Вовсе не такие уж скромные, выносливые одуванчики уверенно и свободно раскинули в саду свои жёлтые цветы с множеством узких, тонких лепестков, вынашивающих появление воздушных белых головок, которые маленькими парашютами станут скоро, легко и долго, парить над землёй. И как же хорошо, что ещё больше месяца будет длиться, находящийся сейчас в самом разгаре, сезон Белых Ночей.

Весь июнь мы с Петром готовились к походу на приполярный Урал – он должен был состояться в конце лета. Мы

даже посещали тренинг-семинары для новичков, где учили всему на свете: от умения ставить базовый поисковый лагерь в горах до поведения в особых климатических и психологических условиях сложной научно-практической экспедиции. Для нас это было, конечно, паломничество к «местам силы», где мы надеялись пережить, помимо получения уникальной информации, в некотором роде изменённые состояния сознания.

А пока мы осваивали сайты, книги и видеозаписи, подаренные нашими друзьями-северянами. В частности, о «Голосах льда», тонких, гудящих и урчащих, словно доносящихся издалека, или внезапных, взрывных, сопровождающихся яркими вспышками света. Или о «Сейдах» – священных объектах северных народов, представляющих собой различные сооружения из камней. Это могли быть пирамидки, скалы на подставках – «каменных ножках», частично приподнятые или поставленные в неустойчивое положение, а также чем-то особенные места – в горах, тундре, тайге: например выделяющийся выступ, приметный камень, пень, озеро или иное природное образование. Каменные сейды часто сгруппированы в большие скопления и насчитывают десятки, а то и сотни объектов.

Характерной их чертой является нарочитая неестественность, резкий контраст с окружающим пейзажем. Зачастую

они одним своим видом отрицают само понятие равновесия, хотя и стоят там уже много веков. Учёные говорят, что сейды – или «летающие камни» – отмечают собой геологически активные точки ландшафта: центры прошедших землетрясений, разломы породы, места выхода радиоактивного газа родона. А по народным поверьям, сейды – это волшебники, собранные в определённом месте для встречи с духами. К ним следует проявлять уважение и, находясь около, соблюдать строжайшие правила: рядом с сейдом опасно шутить, нельзя шуметь, тем более ругаться, женщины и дети не должны подходить к ним очень близко и т. д. За невнимание, грубость и насмешки сейд способен покарать, порой жестоко. Зато своих почитателей он готов щедро отблагодарить. Словом, мы настраивались на «встречу с чудесным», тем более, что именно на Севере романтичные и отважные представители рода человеческого многие лета мечтали найти «утраченный рай», нередко связываемый с легендарной страной Гиперборея, которой всегда покровительствовала крылатая Лунная богиня Селена и следы которой остались не только на Кольском полуострове. Множество артефактов, каменных лабиринтов, могильников и, опять же, сейдов находят в Карелии, Гренландии, на полуострове Таймыр, неподалёку от Уральских гор и даже на затонувшем ныне острове (материке?) в Северном Ледовитом океане.

Есть мнение, – сказал Пётр, снимая очки и потирая переносицу, – что в этой легендарной стране жили счастливые, весёлые, мирные люди, любимые Богами и бесконечно одарённые. Сам Аполлон отправлялся к ним каждые девятнадцать лет, чтобы пригласить в свою страну философов-мудрецов и ценителей искусства: музыкантов, архитекторов, мастеров создания поэм, гимнов... Представляешь?

Пётр привычно включил интернет-поиск и прочёл следующее.

—

Древнеримский учёный Плиний Старший в своей «Естественной Истории» пишет так о гипербореях: «За этими Рифейскими горами, по ту сторону Аквилона, счастливый народ, который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Верят, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил. Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, когда солнце не скрывается от весеннего равноденствия до осеннего, светила там восходят только лишь однажды в год при летнем солнцестоянии, а заходят при зимнем. Страна эта находится вся на солнце, с благодатным климатом, и лишена всякого вредного ветра. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ Богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздо-

ры и всякие болезни... Нельзя сомневаться в существовании этого народа...»

—

Подумать только! – обратился он ко мне, и глаза его заискрились. – Если совместить это «сокровенное знание», – а оно никогда никуда не исчезает, только скрывается от непосвящённых, как ты однажды написал, в «расселинах культуры» и «каменоломнях духа», – соединить его с современными нашими чаяниями... Может быть, и ответы, наконец, найдутся?

—

Например, на вопрос, – добавил я, – как остановить человечество, склонное время от времени к суициду, от неразумного стремления к самоуничтожению?

– Ну, да... – Пётр задумался, потом быстро продолжил, – хотя абсурдна сама постановка проблем, типа: «мир без гнева и ярости», «без войн и ядерного оружия», а в современном исполнении – без фобий и страхов, без деградаций и разных зависимостей. Опыт показывает, насколько бессмысленно и бесполезно впадать в любые крайности. Следовательно, ни в коем случае ничего не надо зачёркивать в существующем мире, но лишь привносить каждый раз новые позитивные открытия, оттачивать те или иные грани бытия и

стремиться не сокращать, а расширять индивидуальное пространство личных Вселенных...

У меня возникли предположения, но он не дал мне их высказать, желая закончить мысль:

—

Вот тебе один лишь пример. Сегодня «продвинутые» исследователи говорят о том, что «римское право» уже устарело и препятствует почти любым инновациям. Поэтому необходимо в дополнение к нему создание «динамического права», которое бы взяло под защиту инновационные процессы. Именно оно способно преобразовать систему в метасистему и использовать абсолютно новые ресурсы: парадоксы теории множеств, управление случайными совпадениями и вероятностными процессами и т. д. Сам переход науки к метанауке может привести к необычным результатам, так как в этом случае всякий прогресс в одной из дисциплин с неизбежностью приводит к столь же существенным результатам во всех остальных, ибо все они – не более, чем отражения некой единой, всеобщей сущности. Естественно, начнёт видоизменяться и вечная триада: наука – искусство – вера, ибо границы между ними станут приобретать фрактальный характер и «втягивать» в себя даже хаос, который, в свою очередь, тоже начнёт работать, и не только на эти три, но и на другие составные части нового знания.

—

Так о чём ты меня хотел спросить? – неожиданно перебил он себя и обратился ко мне.

—

Да я уже и забыл...

—

Тогда я сам тебе скажу. – Глаза Петра весело заблестели. – Всё это связано с нашей любимой эволюцией сознания, ради которой, собственно, мы и отправляемся с тобой в рискованное путешествие. Ура!

В этот день встреча с Петром происходила в нашем доме, поэтому после того, как мы поставили очередное многоточие в обсуждении, я, взглянув на часы, пригласил Петра к обеду. Он не отказался, и мы прошли в столовую.

Мама знала о нашем с Петром новом увлечении и «сокрушалась» лишь о том, что женщинам запрещено приближаться к сейдам. А то бы она сама взяла топорик и с удовольствием поставила палатку рядом с ними, загадав желание.

—

Я полагаю, – добавила она, заканчивая накрывать на стол

и лукаво поглядывая на нас, – в вежливости вы мне не откажете?

Не правда ли, Николушка?

Николай, с новыми татуировками на руках, стоял рядом с мамой. Он теперь частенько навещал нас. Всегда весёлый, раскрепощённый, переполненный интернет-новостями и одновременно снисходительно-циничным к ним отношением (он называл себя хипстером в постмодернистском прикиде), Николай с подкупающей почтительностью исполнял все хозяйственные поручения мамы, за что она учила его готовить, а потом они вместе с аппетитом уплетали созданные «произведения кулинарного искусства», которые он от всей души и нахваливал. Сегодня мы с Петром присоединились к их пиршеству. Разливая из большого блюда вкусно пахнущий суп, мама мимоходом заметил:

—

Жаль, что Ася так быстро собралась и уехала в Швецию. Ну, да ладно! Она думает вернуться осенью, чтобы окрестить Иоанну...

...

«Так, – подумал я, – значит, имя уже есть: Иоанна – «Аннушка»...

...

считая, – мама от сдерживаемого волнения даже хлопнула крышкой супницы, – и правильно считая, что такой обряд должен проходить именно в Петербурге, городе всех поколений её предков.

А как вы думаете, молодые люди? – обратилась она к нам с Николаем.

—

Это к гадалке не ходи. – с готовностью согласился он.

Мама смотрела на меня, я же невозмутимо ответил, что нахожу вполне естественным такое желание Аси, и тут же обратился к Николаю, не давая маме лишнего повода понапрасну тревожиться:

—

А как поживает дама твоего сердца?

Мама, зная все секреты Николая, послала мне предупредительный знак. Николай нахмурился и ответил резко, в том самом стиле, который он обычно не позволял себе в присутствии мамы. Сейчас он, конечно, потерял контроль:

—

Давай не будем больше топить за любовь, ладно? А я лучше пойду лесом!

Стало совершенно ясно, что его безответная любовь так и осталась без ответа, а у нас появилась ещё одна запретная тема. Деликатно вступил в разговор Пётр:

—

Извини, я тебя перебил, – обратился он ко мне, – а ты, кажется, начал рассказывать какую-то сказочку, что поведала тебе Софья Алексеевна. Так о чём она?

Я охотно поддержал его.

—

О том, как однажды Александр Македонский не пошёл завоёвывать Сибирь и ведрусов, которые тогда там проживали, – как говорят непроверенные источники, а пошёл на юг, в Индию, где его ожидали тоже не лучшие дни.

—

А разве в Сибири жили тогда не амазонки? – вступила в разговор мама.

—

Нет, они были там гораздо раньше, по свидетельству тех же источников. – Я продолжал:

—

Белокурые, кудрявые и бородатые богатыри, ловко скачущие на своих быстрых конях без седла и без узды, в домотканых рубахах, без оружия, лишь с узким кожаным ремешком, схватывающим их отливающие золотом на солнце волосы, – занимались охотой и земледелием и были очень миролюбивы. Казалось, для закалённых в боях воинов Александра они представляли собой очень лёгкую добычу, поэтому он и послал к ним лишь небольшой отряд. Римляне посмотрели на аборигенов, презрительно усмехнулись и подняли копья. И вдруг произошло нечто невиданное в доселе непобедимом войске империи.

Былинные витязи спешили, подошли ближе и стали молча смотреть на людей в доспехах, чуть улыбаясь. Римляне даже не поняли, что происходит. Они опустили на землю, отложили оружие в сторону и почувствовали что-то странное: они не хотели больше драться и убивать, они думали о том, что война – это вовсе не такое достойное занятие, как им прежде рассказывали, что гораздо лучше жить, просто жить и радоваться жизни... Хорошо бы ещё подружиться с этими сильными, золотоволосыми богатырями, которые стоят сейчас напротив и что-то такое знают про жизнь, о чём

они, римские воины, победившие столько стран и народов, вовсе и не догадываются. А, впрочем, никто уже не узнает, о чём ещё думали бывшие воины в эти мгновения, пока стояли рядом спокойные, красивые люди и, по-доброму улыбаясь, с сочувствием смотрели на них.

Возможно, незадачливые наши герои даже уснули ненадолго, а проснувшись, медленно пошли обратно, потому что всадники уже ускакали к себе домой, внешне не причинив им никакого вреда. Воинам же нужно было идти на поклон к императору и его подданным, чтобы объяснять необъяснимое...

—

Могли их, бедных, и оприходовать, – сочувственно заметил Николай, – опричники во все времена только повода ждут.

—

Говорят, – кивнул я Николаю, завершая рассказ, – их отослали обратно в дальние провинции Рима, ибо бойцовские качества они полностью растеряли, да и говорили какие-то несусветные вещи – о мире и всеобщем братстве людей. Что с ними стало дальше, неизвестно. История умалчивает.

Да... – задумчиво сказал Пётр, – вполне возможно, что

всадники были прямыми потомками гипербореев, и если они могли такое сделать, то, может быть, и мы тоже... – И вдруг, не закончив мысль, воскликнул:

—

Но как же хороши эти заставки к сказаниям! «Однажды», «Во время оно», «Когда-то в далёкое раннее утро»... ну, и, конечно, «В начале»... Что же означает всё это великолепиие? «В начале было Слово и Слово было у Бога...»? В начале каких времён? Нет никакого начала и, скорее всего, не будет никакого конца. И Бог вечен. Он есть, и был, и грядёт, ибо Он – Вседержитель и вечная Созидающая сила... И жизнь тоже вечна... Зато Священное писание, да, конечно, должно иметь где-то начало! И вот появляется эта Божественная Красота:

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...

—

«Упанишады кажутся лишь слабым звуком. Веды бледнеют от зависти. В начале было Слово», – Пётр помолчал и тихо добавил:

—

Человек может действовать в соответствии со своими че-

ловеческими представлениями лишь до какого-то предела, а потом... только совместно с Богом... А как же ещё? Только так...

Мама замерла. Николай забыл о перипетиях своей земной любви, а передо мной возник и остался образ Анны-Марии с маленькой девочкой на руках.

По возвращении из северной экспедиции, которая действительно произвела на нас грандиозное впечатление – в основном из-за того, что заставила пережить необычные эмоции и абсолютно новые состояния сознания, – мы с Петром стали ближе друг к другу и виделись гораздо чаще. Вероятно, мы тоже пришлись ко двору, так как получили приглашение принять участие в дальнейших тематических походах. Планы организаторов простирались на много лет вперёд и охватывали, как мы поняли, сначала Алтай, Сибирь и Байкал, Дальний Восток и Камчатку с тем, чтобы, завершив полный круг, снова оказаться на Крайнем Севере с предварительным заходом на Соловецкие острова и в Соловецкий монастырь. Причём таких кругов по всей планете было несколько.

—

И как ты на всё это смотришь? – спросил меня Пётр, выкладывая на кухне множество продуктов из больших паке-

тов, которые он купил по списку, продиктованному мамой по телефону.

Сама мама вот-вот должна была вернуться с работы, и теперь, в ожидании её, я распределял продукты в холодильнике, Пётр осторожно играл и гладил Диану, Ева уютно лежала посреди подушек на диванчике, вытянув перед собой лапы и положив на них голову. Она, не мигая, смотрела на акварельный портрет мамы, висящий прямо напротив на стене, как бы вызывая её из пространства. Лишь изредка она достаивала коротким взглядом и нас. Я предложил Петру немного выпить перед обедом, и мы прошли в гостиную.

—

Что тебе налить? – спросил я, подходя к бару.

—

То же, что и себе, – машинально ответил он.

—

Я буду пить просто воду.

—

Значит, и я тоже. Ну, так как? – повторил он свой вопрос.

—

Раз в год, надеюсь, я смогу потянуть, а там видно будет.

Сначала я отвечал спокойным ровным голосом, но, конечно, не удержался и воскликнул:

—

Но как же они соблазнительны, чёрт возьми, эти путешествия!

Абсолютно ни с чем не сравнимы.

—

А тебе есть с чем сравнивать? – усмехнулся Пётр.

—

Ну, кое-где я всё-таки побывал – в горах, на морях-океанах... Но ты прав, там всё было совсем другое, хотя словами выразить эти ощущения я, пожалуй, ещё не смогу.

Почему? – Пётр с интересом смотрел на меня.

—

Потому что это – «скрытое», «тайное» знание.

—

—

Для кого?

—

Для меня, конечно.

—

А помнишь, о чём они там говорили? – вдруг оживился Пётр. – Мозг неразвитый или развитый не в ту сторону, при молчании сердца, таит в себе огромную беду, ибо порождает настоящие эпидемии духовно-душевно-телесных заболеваний, как у отдельного человека, так и у целых народов. Мы уже это сегодня наблюдаем, начиная от агрессии (ложно- или вообще немотивированной), стремления к уничтожению всего живого, в том числе и самого себя, – до тотального разочарования и безумного страха перед жизнью. В результате – страдания души и тела у одних и непреходящие «шум и ярость» – у других. И ведь против подобных заболеваний бессильно всё, кроме изменения себя и своего же сознания. Ибо:

«о чём ты думаешь, у того ты и в плену».

«Вот и Сонечка так говорила», – подумал я и добавил вслух:

—

Уже известно отдельным людям, даже кое-где напеча-

но, что, познав себя, точнее, непрерывно себя познавая, никто не остаётся тем, кем он был прежде. Когда ты познаёшь себя, всё сущее познаёт тебя тоже. И процесс этот необратим! Казалось бы, почему не взять это готовое знание? Вот оно, лежит на поверхности и предоставляет человеку – безвозмездно! – такие возможности, какие ему и не снились. И здесь умение справляться с негативными переживаниями и нежелательными ситуациями, а то и предвидеть их, занимает далеко не главное место.

У меня были ответы на свои же вопросы, но мне хотелось услышать, что думает по этому поводу Пётр.

—

Наверное, потому, – стал размышлять он, – что человек может услышать только того, кому он равен, а равен он тому, кого понимает. Иными словами: человек понимает других людей лишь в той степени, в какой понимает самого себя, а также исключительно на уровне понимания своего собственного бытия. Конечно, это великолепное и редкое искусство – познание и творение самого себя (если не рассматривать его с точки зрения обыденного сознания). Но ведь кто-то же смог это сделать! Так почему не я? Почему бы и мне не принять этот весьма достойный вызов самой жизни? – Пётр обязательно улыбнулся. – Вспоминая роман Хемингуэя, можно ещё добавить: «Не спрашивай никогда, по ком звонит коло-

кол, – он звонит по тебе».

Совершенно особая привлекательность личности Петра для меня во многом определялась тем, что он как говорил, так и жил. Мама тоже это сразу отметила, приняла его безоговорочно и постоянно приглашала к нам домой.

—

Он умен, образован, чуток и деликатен, – говорила она мне, – а такое сочетание встречается не часто. Поверь моему опыту общения с несколькими поколениями молодых людей.

И с появившейся у неё в последнее время в разговорах со мной сочувственной интонацией заканчивала:

—

Хорошо бы вы подружились. А то ты всё один да один...

Я понимал, что её беспокоит и что способно, хотя бы частично, смягчить её беспокойство: откровенный разговор о моей «сокрытой от глаз» личной жизни. Но мы никогда прежде с ней об этом не говорили, и сейчас у меня не было ни малейшего желания нарушать сложившуюся традицию, тем более, что ничего, кроме неловкости, это бы нам не принесло. Так что мы по-прежнему обходились полусерьёзны-

ми, полушутливыми намёками, что меня вполне устраивало.

—

Мама! Ты повторяешься. Первое твоё пожелание давно сбылось, а второе, соответственно, потеряло силу.

Мама насмешливо поджала губы:

—

Всё умничаешь? А вот и не угадал – я имела ввиду совсем другое.

—

Для «совсем другого» придут другие времена, – примири-тельно произнёс я, обнимая её за плечи, но она лишь грустно улыбнулась в ответ:

Я подумала о том, что люди притягиваются и отталкива-ются друг от друга не случайно.

А пока пришла сначала тёплая, солнечная, разноцветная, ранняя осень – «очей очарованье». Её сменила дождливая, черно-серая, унылая пора, а ближе к концу сезона в город вернулась Ася с маленькой Иоанной. Как я понял из корот-ких реплик мамы, Ася никого, кроме самой мамы, не при-нимала и та навещала её почти каждый день. Потом приехал

Марк и поселился в гостинице. На мой молчаливый вопрос мама только отметила:

—

К сожалению, он не слишком чадолюбив, особенно в отношении грудных младенцев.

Ненадолго зашли к нам Арсений с Мариной Александровной, хором весело сообщили, что им «оказана честь быть крёстными родителями юной девицы Иоанны», назвали день и место проведения крестин, а также вежливо пригласили всё наше семейство «принять участие в таинстве». Я, тоже вежливо, отказался, сославшись на командировку, а мама дала согласие – за себя и за отца, – видимо, они этот вопрос между собой уже обсуждали.

Не только по намёкам мамы, но и по собственному разумению я понимал, что в совместной жизни Марка и Аси наступил «попынный период». Мама мимоходом сообщила, что Ася твёрдо решила не возвращаться в Швецию и намерена дальше жить в Петербурге одна с Иоанной. Наши с Асей дружественно-родственные отношения, сложившиеся давно и естественно, не предполагали частых встреч и излишней откровенности. Они продолжали оставаться таковыми и теперь, однако, пока здесь был Марк, я старался не попадаться им на глаза во избежание каких-либо недоразумений.

Но всё это, конечно, ничуть не мешало мне постепенно выстраивать из отдельных фраз и впечатлений свою собственную картину их с Асей взаимоотношений.

...

Марк – талантливый, яркий, уверенный в себе человек. И то, что главную роль в его жизни будет всегда играть наука, было понятно сразу и ни у кого не вызывало отторжения. Но то, что «эта дама, – огорчённо говорила мама, – станет настолько нетерпимой, ревнивой, авторитарной по отношению к какому бы то ни было инакомыслию, что она будет готова высмеять, поставить на незавидное место любого, у кого иные “виды на жизнь”, – этого могло бы и не быть»...

Я мог только догадываться, насколько такое жёсткое, не терпящее возражений посягательство на свободу другого человека оказалось непреодолимым. Однако окончательный разрыв, – по словам Аси в почти дословном пересказе мамы, – произошёл тогда, когда выяснилось, что Марк не просто равнодушен к детям, но и не хочет, чтобы они у него были. «По крайней мере так сразу», – сказал он, когда стало ясно, что ребёнок всё-таки будет.

—

Сейчас он несколько пересмотрел свои взгляды. – Мама

искренне старалась быть справедливой. – Я не знаю подробностей, но, похоже, «точку невозврата» они прошли.

И вдруг, как бы убеждая саму себя, воскликнула:

—

Марк во всех своих проявлениях, кроме фанатичной преданности этой ужасной науке, требующей ежедневных жертвоприношений, – очень добрый, щедрый, великодушный человек! Только представь себе, он положил маленькой Иоанне такое содержание, что она уже теперь может считаться богатой невестой. Хотя никто его ни о чём не просил, разумеется...

—

Мама, ну при чём здесь это? – проговорил я.

—

Да, конечно, извини... – Она была смущена.

В свете таких подробностей я тем более не жаждал встречаться с Марком, но встреча всё же состоялась – по его инициативе. Мы столкнулись с ним лицом к лицу в нашей гостиной, когда он пришёл к маме проститься перед отъездом. Я сразу почувствовал его кипящую агрессию и еле сдерживаемый гнев.

—

Что ты с ней сделал?! – тотчас воскликнул он и двинулся ко мне, сжав кулаки.

Я мог бы ответить ему тем же вопросом, но не стал, промолчал, и только когда он, скорее инстинктивно, чем осознанно, выбросил вперёд руку для удара, легко перехватил её и пригнул к спине. Марк был силен от природы, но не тренирован. Я подержал его в этом положении некоторое время, чтобы боль остудила ярость.

—

Ну, хватит, хорош... – произнёс Марк, как мне послышалось, вполне миролюбиво. – Сломаешь ведь! Как я буду опыты проводить?

Я отпустил его, и он сразу стал массировать плечо и руку.

—

Слушай, как это у тебя вышло? Классно, – сказал он с удивлением и покачал головой. – Покажешь приём?

—

Нет уж, уволь, – ответил я. – Все вопросы к тренеру.

—
И кто у нас тренер? – заинтересованно спросил Марк.

—
Арсений, вестимо.

Я отвернулся и направился к выходу. В это время в комнату быстро вошла мама и с тревогой взглянула на нас:

—
Что здесь происходит?

Я молча прошёл мимо неё и плотно закрыл за собой дверь, успев услышать на прощание внешне совершенно спокойный голос Марка:

—
Всё в порядке, Екатерина Дмитриевна. Мы беседовали о спорте.

Черно-серый, с дождём и стальными облаками ноябрь, наконец, закончился, ему на смену, естественно, пришёл декабрь, сумевший в первые же дни порадовать горожан, посыпав крупным белым снегом бурую землю и тёмный асфальт. Город снова обрёл свой привычный строгий классический облик.

—

Неужели ты не хочешь повидать Асю и познакомиться с Иоанной? – спросила меня мама, переставляя в календаре пластмассовый квадратик на цифру «3, воскресенье».

—

Очень хочу. Но разве не ты говорила, что Ася никого не принимает?

—

С тех пор так много всего случилось... И вообще, – она усмехнулась, – почему молчит твоя хвалёная интуиция?

—

Она не молчит, – в тон ей ответил я, – а подсказывает, что Ася сама идёт к нам. Вот, пожалуйста, слышишь звонок?

Мама легко поднялась и пошла открывать дверь, а я подумал о том, что мы с Асей уже полгода не виделись, не переписывались и не переговаривались, с того самого жаркого дня в конце мая, когда я впервые сказал ей о своей любви. И вот теперь, глядя друг на друга, мы оба понимали, как много изменилось и произошло за это время.

На первый взгляд она была почти такая же – по-прежнему

му стройна и горделива, и также как прежде быстрая ходьба и лёгкий морозец окрасили нежным румянцем её посвежевшее лицо. Новым было лишь то, что она несла на груди младенца, удобно устроенного в слинге и одетого во всё розовое. Я подошёл ближе и увидел беленькое личико, светлые волоски, выбившиеся из-под чепца, и большие голубые глаза, с интересом разглядывающие меня:

—

Совершенно такая, какой я представлял.

Ответная Асина улыбка была поощряющей, и с этого мгновения вся моя жизнь (и уж, конечно, режим дня) кардинальным образом изменились. Днём, после рабочих часов за компьютером в любую погоду я шёл к Асе, чтобы взять Иоанну на прогулку. В коляске одной из последних моделей было предусмотрено, кажется, всё, в том числе, и музыкальный проигрыватель. Мне оставалось лишь подобрать соответствующие записи на разные случаи жизни – для сна и активного отдыха, весёлого, грустного или задумчивого настроения.

Часы нашего общения с Аннушкой, как я её тогда и потом называл, стали для меня настоящим откровением. Как-то так получилось, что Ваню в этом возрасте я почти не знал, его полностью забрали под свою заботливую опеку женщины

нашего семейства. За прошедшие годы изменился я, скорее всего, изменились и сами дети. И то, что это незнакомое мне существо, не разговаривающее словами, не умеющее самостоятельно двигаться, есть, ухаживать за собой, знало что-то такое, очевидно, привнесённое из некоего другого мира, откуда оно только что пришло к нам, совершенно заворожило меня.

Довольно быстро я понял, что это удивительное создание способно имитировать громадное количество звуков, превышающее любые их наборы в уже сложившихся языках мира (потом я прочитал об этом в научном журнале). Не знаю, как я догадался, что ребёнок уже имеет какое-то представление не только о звуках, но о пространстве и времени, о цвете и гравитации, и, наверное, ещё о многом другом, о чём я, давно перешагнув во взрослый мир, никогда уже не смогу вспомнить. Я давал в руки Аннушке закреплённую по бортам палочку, и она хватала её так крепко, что вырвать её мне, взрослому мужчине, удавалось далеко не сразу. А она могла поднять себя, держась одной рукой за эту палочку. Я не смел рисковать, но думаю, она удержалась бы и в позиции «виса на руках», ежели бы такой эксперимент удалось провести (и об этом или о чёмто подобном я тоже вскоре прочитал).

А это постоянное «чудо новизны и удивления» в её глазах, которое она демонстрировала ежедневно? Или знамени-

тый «танец жизни», как его называют учёные, имея в виду способность ребёнка каждой своей клеточкой реагировать на появление человека около себя? Или это непонятное нам детское умение точно выразить своё отношение к другому – положительное, отрицательное, нейтральное, а также множество их оттенков, более того, привлечь к себе внимание, заставить, если угодно, всех вокруг делать то, что хочет это маленькое, якобы беспомощное существо?

Да, науке уже удалось доказать, что в нас «встроен» и активно «работает» ген защиты и опеки детёнышей (в отличие от многих других «спящих» генов). Но ещё больше существует других наблюдений, и не только от науки, в которых говорится о Любви, что вызывает в нас «дитя человеческое» (а по аналогии с ним и все остальные детёныши), и о влиянии, которое оказывает наша любовь (или её отсутствие) на всю оставшуюся жизнь пока ещё маленького человека. Именно Аннушка научила меня тому, что в любви и любовном общении не бывает «передозировок», поэтому не стоит бояться перехваливать своё чадо в этот период. Да и в последующие периоды тоже, когда продолжится самоопределение и становление человека – через кризисы и преодоление препятствий, через тернии к звёздам и от подражания к свободе.

Во время прогулок с Аннушкой мы вместе слушали му-

зыку, разговаривали или молчали. Если говорил я, она внимательно смотрела на меня, видно было, что старалась понять, а потом отвечала своими необыкновенными звуками, движениями маленьких рук, одетых в крохотные варежки, всем телом или чудесной беззубой улыбкой. Если она сама хотела мне что-то передать, я тоже внимательно её слушал и тоже старался понять. Как ни странно, почти всегда это у нас получалось. Так мне хотелось бы думать во всяком случае. Даже когда она спала, а я наблюдал за нею и за собой, во мне возникало продолжение наших с ней разговоров или вдруг появлялись неожиданные мысли, которые хотелось запомнить или записать.

Сейчас, по прошествии некоторого времени, я могу уже с уверенностью сказать, что именно в те зимние дни и часы нашего с нею общения я смог по-настоящему ощутить влекущее чувство к – одновременно простому и сложному – устройству этого мира и нашей естественности пребывания в нём. Я смотрел в голубые, как небо, чистые глаза Аннушки, видел, с каким неподдельным интересом она вглядывается в каждую веточку, шишку или обронённое птицей перо, в проплывающий мимо пейзаж или падающие капли дождя со снегом, и мне передавалось, каким-то неведомым способом, но совершенно точно с её помощью, это отношение к жизни как к чему-то удивительному и вечно новому. А может быть, и ещё что-то очень важное, например, способность

органично сливаться с окружающим миром, чувствовать себя его неотъемлемой частью и испытывать радость от такого «пустяка».

«Увидеть привычные вещи в новом свете, – думал я, – это и есть, наверное, пробуждение сознания. Существование самодостаточно, – продолжал я размышлять с неожиданно возникающей благодарностью, – ему надо лишь довериться. И только осознание является собственным нашим достижением. Знания, информацию можно заимствовать, получить механически, но осознание должно быть обязательно лично пережитым и усвоенным. И, значит, только тогда, когда человек действует по своей собственной воле, свободно, при этом с пониманием велений высших сил, он в состоянии преодолеть и усмирить противоборствующие начала внутри себя, найти свой «непреложный путь» и как бы «заново родиться», став, наконец, равным самому себе. «О, вещая душа моя! О, сердце, полное тревоги, о, как ты бьёшься на пороге как бы двойного бытия...» (Ф. И. Тютчев).

Ася была равна и сдержанна в отношениях со мной, я же, со своей стороны, старался не нарушать её состояния замкнутой отстраненности. Лишь однажды она чуть приподняла завесу со своих переживаний:

Постоянно жить с тем, кто не является твоим человеком, мучительно и невозможно. Если же это всё-таки произошло и ты видишь, как один думает: «Я над миром», а другой полагает: «Это мир надо мной», и они оба не в состоянии изменить себя, ибо это составляет ядро их личности, их сущность, – то гораздо честнее, наверное, на мой взгляд, признать ошибку, чем продолжать эти... неестественные отношения. Иначе непременно ввергнешь себя – и другого, конечно, тоже – в пучину обмана, а, следовательно, создаваемого самими же нами несчастья...

Обычно я передавал Аннушку Асе после прогулки и сразу уходил к себе домой. Изредка она приглашала меня к столу, «на чашку чая», совершенно в духе Софьи Алексеевны, и тогда мы говорили, в основном, о забавных историях, происходящих с Иоанной, благо такие новости появлялись каждый день. Однажды Ася поинтересовалась, когда будет закончена вторая книга и намерен ли я продолжать работу дальше.

—

Не знаю... Не уверен. – Я покачал головой.

—

То же самое ты говорил и о первой книге, – напомнила она.

—
Человек предполагает... – развёл я руками.

—
Но ты сам хоть немного удовлетворён тем, что сделал? – Она явно хотела меня поддержать.

—
Даже если у меня не всё получилось, – а так и есть, иначе и быть не может, – сказал я твёрдо, – я рад, что мне удалось хотя бы попробовать это сделать.

—
И что же именно ты хотел сделать? – Ася мило сверкнула глазами. – Можешь сказать кратко? Например, описать только зерно, а не всё будущее дерево?

—
Это невозможно! – воскликнул я и сразу добавил. – Помнишь, как-то мы уже говорили, что для подобного резюме, строго говоря, надо переписать заново все книги, рукописи и устные сказания... – Я помолчал. – Хорошо, попытаюсь кое-что повторить, но отнесись, пожалуйста, к этому снисходительно и не очень серьёзно. Как я сам.

Ася согласно закивала головой, а я продолжил:

—

Мне бы хотелось передать некий... message for human being or person*: человек сам решает, как он будет жить. Ежели он решит, что хочет и может жить осознанно, то есть в гармонии и единстве с самим собой и с миром, найти свой собственный Путь и тем самым исполнить своё истинное предназначение, – то так именно всё и «случится». Закон: «всё справедливо» – существует и его никто не в силах отменить. Но люди хотят, чтобы их «вели», в то время как нужно идти самому, уметь постоянно писать и переписывать сценарий своей собственной жизни, а значит, и слышать «высший зов», диктующий необходимые поправки. Только не надо никого винить, ради Бога! Помните, это ваш выбор, господа!

Я замолчал, не слишком довольный собой, но Ася заметила и на этот раз уже без всякой усмешки:

—

Думаю, если читать твой текст страницу за страницей, можно всё-таки кое-что уловить из того, что ты обозначил как «message». Это правда: человек сам может создать какой угодно масштаб своей жизни. Однако, – Ася загадочно улыбнулась, – кто же это сказал? «Бог спасает нас, но не без нас»...

Десятого января Иоанне исполнялось три месяца, и этот день – так всё совпало – стал для всех нас новой точкой отсчёта. Сначала, как обычно, я принёс крепко спящую Аннушку после прогулки и уже собирался уходить, но Ася неожиданно остановила меня, провела в большую залу и оставила там одного, а сама ушла укладывать девочку.

Я всегда считал, что у нас большая квартира, однако жилище Аси и Софьи Алексеевны поражало воображение. Высоченные потолки, узкие во всю стену окна с полукруглыми завершениями рам, длинные, разветвлённые коридоры, кое-где упирающиеся в лестницы, ведущие на другой (другие?) этажи, множество дверей, за которыми могло оказаться сколько угодно комнат, невероятных размеров ванная комната с мраморным полом, изобилием предметов старинного и современного оборудования, прекрасно сочетающихся друг с другом...

Во многих помещениях я просто никогда не бывал. Вот и сейчас я впервые стоял в громадной зале с массивным, строгим деревянным столом, подстать стенам, обитым деревянными панелями, и резному высокому буфету с широкой столешницей. Великолепная сервировка – «на двоих» была дополнена низкими, художественно оформленными букетами из живых цветов и бронзовыми канделябрами, каждый – с

зажжёнными тремя свечами.

В зале был полумрак. Антикварного вида люстры не горели. За окнами темнел быстрогаснувший зимний январский короткий день. Ася вернулась скоро, пригласила меня к столу и попросила открыть две бутылки шампанского: мне обычного, себе – безалкогольного.

—

Хочу поблагодарить тебя за Аннушку, – сказала она, поднимая бокал.

—

Благодарить надо, по-моему, вас. – Я с удовольствием прислушивался к хрустальному звону бокалов.

—

За что? – тихо спросила она.

—

За то, что вы есть...

В сумраке комнаты и в отблесках свечей глаза Аси таинственно мерцали. Мы молча смотрели друг на друга через стол, и вдруг я почувствовал, что могу снова говорить с нею о самом главном, что уже начинал однажды светлым майским

днём, когда мы были одни в загородном доме.

...

Закончив свою романтическую речь, я встал и просто сказал:

—

Ася! Выходи за меня замуж.

—

А я уже думала, что мне придётся самой делать тебе предложение. – Она тоже встала. – Пойдём, я покажу тебе детскую комнату.

Длинными коридорами она провела меня в небольшую, оклеенную весёленькими обоями, свежееубранную комнату. В кровати, раскинув руки, в нарядном боди, с широкой плетёной лентой на голове, украшенной шёлковым красным цветком, спала Иоанна.

—

Ася! – Опять заговорил я. – Я хочу, чтобы ты знала: ты единственная женщина на свете, с которой...

—

Молчи... – мягко прервала она меня. – Я всё знаю.

Мы стояли очень близко, рядом, касаясь друг друга. Я слышал её дыхание, моя рука лежала на её талии, но я не давал себе воли, пока она сама не обвила ладонями моё лицо, повернула его к себе и поцеловала в губы. После этого я её уже не отпускал...

...

Утром, когда мы пили кофе, я повторил своё предложение:

—

Ася! Я так и не понял: ты хочешь выйти замуж или предпочитаешь свободные отношения?

—

Ну, уж нет! – протестующе воскликнула она. – Хватит свободных отношений! Пусть всё будет, как у людей: лимузин, белое платье с фатой и букетик цветов, который надо бросать наугад в толпу гостей.

—

Как пожелаешь, милая.

Свой голос подала и Аннушка, лежащая здесь же рядом, в люльке, которую мы всюду носили за собой. Ася взяла её

на руки.

—

Представляешь, – мечтательно сказал я, – когда ты родишь ещё одну девочку...

– ...

и мальчика, – добавила Ася, играя с Аннушкой.

—

И мальчика. Конечно! Можно даже сразу двойняшек. Мы их назовём... Как мы их назовём?

—

Алексия и Платон, – не задумываясь ответила Ася.

—

Так вот, – продолжал я, – после этого у нас сразу будет – вместе с Иоанной, Ваней, Ильёй – пятеро детей!

—

А тебя не смущает такая многодетная семья? – засмеялась Ася.

—

Почему это должно меня смущать, если первым же моим

ощущением, которое я осознал после так называемой «перемены участи», было именно ощущение любви к детям и детёнышам. А потом и вообще ко всем зверям, рыбам, птицам, минералам, растениям etc. Словом, к живой и неживой природе. Хотя теперь, я думаю, что неживой природы просто нет.

—

На первый взгляд всё так и есть, всё благостно, – лукаво заметила Ася, – но не стоит забывать, что природа – это совсем другой, «нечеловеческий» мир, мир других существ, и он полон не только чудес, но и чудищ, вообще неизвестных нам и потому пугающих. Он полон страхов и запретов для человека, нарушения которых весьма опасны. Вспомни хотя бы мифы и сказки, чего там только нет!

—

А я помню в сказках почему-то совсем другое, – задумчиво сказал я. – Например, доверие души и силу духа, которые дают человеку такой запас прочности, который, в свою очередь, позволяет ему принять тайны и сложности мира. И мир откликается на это и платит добром. Вспомни и ты! Эти волшебные кони, птицы-лебеди, золотые рыбки, молодильные яблоки и кисельные берега... – они же все помогают герою, если у него, конечно, открытое сердце и светлый ум. А неразвитое, тёмное сознание ломается в любой ситуации, не

соответствующей его узким, подчас примитивным представлениям, и... как правило, выходит из игры.

—

Одно другого не исключает, – примирительно сказала Ася и положила Аннушку на живот так, чтобы она могла видеть нас обоих.

—

Я правильно понимаю, – спросил я, подходя к ним, – Иоанна вообще не плачет?

—

А зачем ей плакать, если всё в порядке? – весело откликнулась Ася и взглянула на часы. – По-моему вам пора идти гулять.

Позвонила мама, и они с Асей тотчас радостно заговорили. Я даже догадывался, о чём именно.

Гуляли мы с Аннушкой долго, пока она не уснула. Я смотрел на её безмятежное лицо и думал, с тревогой и надеждой, о том, что в мире, где гарантией безопасности является безумное наращивание смертоносного оружия, а не способностей к сотрудничеству и согласию, – в таком мире следующим поколениям потребуется великая мудрость и храб-

рость. Ведь им придётся постоянно переворачивать шкалу ценностей, ставить её в более правильное положение, то есть с головы на ноги, и опять же, снова и снова, искать «ключи новой жизни». Хотя кто может точно предсказать, что будет через двадцать, пятьдесят или сто лет на нашей маленькой древней планете?

Жизнь как «устойчивое неравновесие» тем и хороша, что являет-

ся неопределённой, непредсказуемой и... небезопасной, а единственно достойный способ отозваться на эти её состояния – не позволять душе лениться, быть бдительным, не закрывать глаза и не прятать голову, но постоянно чувствовать, даже предчувствовать таинственную неразгаданность живой противоречивой жизни. В том, что жизнь полна неожиданностей и вечно продолжает двигаться к тысяче и одной неопределённости, наверное, и состоит её завораживающая притягательность и красота. Вселенная, которая находится в каждом из нас в виде закодированной энергии и информации, внутри каждой клетки, когда-нибудь, возможно, заговорит с нами «словами космоса», и мы познаем, наконец, желанную свободу сотворения и соприкосновения разных индивидуальных вселенных, которые невозможно предвидеть и от которых невозможно отказаться.

«Но почему, – с горечью мысленно воскликнул я, – мы до сих пор не можем и не хотим разорвать путы заблуждений и освободить себя от влияний искажённо воспринимаемой нами субъективной и мнимой реальности? Сколько можно продолжать эти бессмысленные движения туда и обратно в потоке событий, не давая себе труда осмыслить их с помощью дарованного нам Разума? Вопрос, конечно, риторический, как и недоказуемы, вопреки всему существующие, “угодья Духа”»...

Прогулка наша заканчивалась, и я снова с удовольствием шагал по влажной от мокрого снега мостовой, наблюдая тёмный блеск встревоженной ветром реки. Стало совсем сумрачно, оттого и загадочно, как это часто бывает в нашем городе, и только узкий серп луны постепенно проявлялся на темно-синем, ещё беззвёздном небе. Когда мы подходили к парадной, всё было, как обычно, и всё – другое: мы с Аннушкой вместе вышли из дома и вместе возвращались теперь уже в наш общий дом, где нас ждали её и моя мама. Собственно, все мы давно, ещё с дачи, привыкли жить на два дома.

«Надеюсь, – подумал я, – они успели обсудить все подробности предстоящей свадьбы». И сразу вспомнил Асю, хотя не забывал её ни на минуту, то, как она тихо сказала мне накануне: «До чего же хорошо найти приют в душе другого человека...», – и тёплая волна нежности в который раз залила

моё сердце. Ясно привиделась Сонечка, её такие же синие, как у Аси, глаза и то, как она произносила те самые «заветные» слова:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кинжал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так-что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто...»>(*Первое послание коринфянам Св. апостола Павла – XIII: 1, 2)

*

Мнение

Отрывок из интервью Марины Александровны Куртышевой, психолога и публициста, с Олегом Генриховичем С., астрономом, доктором физико-математических наук.

М. А.: Олег Генрихович, здравствуйте! Можно, мы продолжим начатый с вами разговор?

О. Г.: Разумеется. А в каком направлении?

М. А.: Меня интересует, что вы думаете и можете сказать о недавно прочитанной вами книге Ники Смирнова «Самопревосхождение»? Гуманитарии видят её по-своему, а вы, как математик-теоретик, что вы скажете об основных смыслах этого произведения?

О. Г.: Ну, так глубоко я не думал, могу поделиться лишь некоторым мыслями «по поводу».

М. А.: Это как раз и интересно.

О. Г.: Знаете, я бы назвал это произведение прекрасной иллюстрацией к стремительно обновляющейся научной картине мира. Той самой картине, в которой Человек уже не является просто робким наблюдателем Природы, планеты Земля и доступной для нас в наблюдении части

Вселенной. На мой взгляд, Человек – и здесь я полностью согласен с автором, а он, видимо, со мной, – это и есть Вселенная, малая, но Вселенная. В наше время именно на стыке наук происходит настоящий «взрыв» в понимании связи Сознания и природно-космической ойкумены. И это ведь не только динамический процесс возникновения принципиально новых научных дисциплин, но не в меньшей мере попытки на новой научной основе подойти к исследованию сознания Человека, его возможностей развития в процессе происхо-

дядшей эволюции.

М. А.: Однако, хочу заметить, что автор данного произведения проводит читателя «за руку» совсем не по научным лабораториям, а помещает всё Действо на фоне «семейного портрета в интерьере». И от самых, казалось бы, простых, обыденных переживаний и мыслей героев повествования автор незаметно переходит, погружает нас в философию и этику «эпохи перемен», что давно стало «визитной карточкой» нашего Времени! И тогда уже сама «ткань» произведения, будучи живой и образной, работает как целительная «пилюля» для уставшего, разочарованного, опустошённого обыденного сознания...

О. Г.: Надо принять во внимание, что наше время – это синтез – на самых глубоких уровнях – науки о Технике и новейших технологиях, о Природе нашей планеты и о Человеке. Философия и высокая Наука идут друг другу навстречу. Например, современный философ и писатель Дарио Салас Соммэр (Чили) открыл новое направление в науке – «Физика морали», основу которого можно выразить в следующем тезисе: «Мораль объективна и может быть описана законами квантовой физики. Она представляет собой совокупность неизменных законов Природы, соблюдение которых способствует развитию высшего сознания, а их нарушение вызывает падение жизненной энергии и деградации челове-

ка».

Д. Салас также утверждает, что самосознание и чувство собственной индивидуальности должны стать преддверием состояний Высшего Разума Человека. Так что самое время всем нам порассуждать именно о Самопревосхождении – т. е. способности превосходить собственную самость, познавая себя, открываться Миру, в том числе, миру других людей, учиться жить среди них, сопереживая горе и радость, то есть жить ради всеобщего блага.

М. А.: Да, это действительно так. Автор «Самопревосхождения», используя разнообразные литературно-художественные средства, подводит читателя к необходимости и неизбежности развития его сознания. Ссылаясь на любимых писателей и метафилософов, он пишет о Всемирной отзывчивости и «созависимости» людей: «...ныне невозможно выйти из круга и достигнуть результата в одиночку... Ты приводишь всё в порядок, уничтожая покров лжи поверх Истины... И здесь достаточно всего лишь внутреннего “переключения сознания”, чтобы изменилось всё, оставаясь тем же»...

О. Г.: Да, полностью согласен с сим утверждением автора: «меняется энергетика мыслей, формируется новое сознание, возникает качественный прирост новых людей “облаго-

рожденного образа” и... возникает новая волна Любви»...

М. А.: Не могу не процитировать и такие слова автора: «А всего-то и надо... перестать подыгрывать циничным и безжалостным манипуляторам, не реагировать негативно на негативное, постоянно поддерживать в себе осознанность, позитивный настрой и позитивные деяния...» И тут же автор даёт каждому из нас ответ на многие вопросы: «Как это можно сделать? Быть более бдительным, чтобы отличать доброе семя от плевел... Да, бывают ситуации, когда Добро никого и ничего не побеждает... И всё-таки хочется его нести... вместе с такими же чудаками... хотя и трудно, и не хочется порой, но можно (курсив М. А.) полюбить мир и людей и такими, какие они есть»... Однако, лучше читать не отрывки, а всю книгу, страницу за страницей.

О. Г.: В современном научном сообществе многие мои коллеги до сих пор уповают на «внешние», если не сказать «технологические» методы и ухищрения для повышения уровня своего собственного самовосприятия и самооценки, такие как популярность, использование социально-значимых клише, моды на замысловатые тренинги и т. п. Но это всё, скорее сказать, «от лукавого»... Как там у автора: «Но люди хотят, чтобы их “вели”, в то время как нужно идти самому, уметь постоянно писать и переписывать сценарий своей собственной жизни, а значит, и слышать “высший зов”,

диктующий необходимые поправки...»

М. А.: Да, это просто бич современной психологии влияния! Таким образом мы просто воспитываем у человека «навязанную беспомощность», которая закрепляется в сознании с ранних лет и не позволяет человеку в течение жизни хотя бы попробовать подняться «на следующую ступеньку» в «самостоянии» и самосозидании..., по словам автора, «найти свой непреложный путь и как бы заново родиться, став наконец равным самому себе»... Позвольте в заключение нашего интервью каверзный вопрос: а поможет ли высшая математика именно сегодня вкупе с науками о Человеке найти реальные пути к росту сознания, к поиску и раскрытию творческой индивидуальности для каждого из нас?

О. Г.: Конечно же, да. Обязательно поможет. И не только высшая математика, а весь тандем научных дисциплин – физика, химия, биология и другие. Мир един, это знали уже в глубокой древности, и разделять его на отдельные независимые области сегодня просто небезопасно. А поверить алгеброй гармонию всё же можно... И мы идём к этому. Человек и Космос едины в своих основах и в своём Будущем! А если мы ещё и последуем совету автора: «Надо создавать миры, в которые хочется войти и там остаться», – то «путешествие сознания» никогда не прекратится, даже когда мы найдём этот путь.

* * *